

Учредитель: АНО Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания"

Лицензия на издательскую деятельность редакции
выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от
22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано
Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 1 — 2021 г.

Российское научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973-1990 гг.); «Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999 г.)

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в этот перечень согласно решению Президиума ВАК

Е-mail редакции: soc-gum-zhurnal@vandex.ru

Сайт в Интернете: <http://socgum-zhurnal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **eLibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18, к. 15

Телефоны редакции: 8(499) 713-61-95; 8(901) 183-61-95

© «Социально-гуманитарные знания», 2021

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich – Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

Volkov Yuriy Grigorievich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don)

Ivanov Vilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Kapitsyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

– доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Карпухин Олег Иванович

– доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Кефели Игорь Федорович

– доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Козлова Оксана Николаевна

– доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Лазарева Юлия Васильевна

– ответственный секретарь (Москва)

Макаров Анатолий Васильевич

– кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Матюхин Андрей Викторович

– доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук (факультет) Московского государственного лингвистического университета (Москва)

Михайленок Олег Михайлович

– доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Ореховская Наталья

Анатолевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Kara-Murza Sergey Georgievich

– Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Karpukhin Oleg Ivanovich

– Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Kefeli Igor Fedorovich

– Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Kozlova Oksana Nikolaevna

– Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Lazareva Yulia Vasilievna

– Executive Secretary (Moscow)

Makarov Anatoliy Vasilievich

– Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Matiukhin Andrey Victorovich

– Doctor of Political Sciences, docent, Professor of the Department of theory and history of international relations at the Institute of international relations and socio-political Sciences (faculty) Moscow state linguistic University (Moscow)

Mihajlenok Oleg Michailovich

– Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Orehovskaya Natalya Anatolievna

– Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Панферова Валентина

Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Ответственный редактор –
Алифанова Ирина Андреевна

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Executive editor – **Alifanova Irina Andreevna**

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание

2021

1

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

- Н.В. Асонов* – Белорусский кризис в условиях глобального проекта. 7
- П.Я. Циткилов* – Общественная дестабилизация в Беларуси конца лета – осени 2020 г., её внешнеполитические факторы..... 18
- В.Ю. Бельский* – Политика памяти в истории развития российской цивилизации..... 44

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

- М.М. Назаров* – Массовая коммуникация как фактор изменения границ публичного и частного..... 50
- Е.Ю. Новикова, О.Н. Стрельченко* – Этические проблемы в электронном образовании..... 66
- Т.А. Рассадина* – Социокультурные аспекты социальной конкуренции (молодежный аспект)..... 71

• Человек и общество

- Ю.Г. Быченко, Д.Н. Курдюков* – Культура здорового образа жизни военнослужащих..... 80
- М.Л. Челнокова* – Российская несистемная оппозиция как социально-политический феномен..... 89
- А.М. Багаутдинов, Р.А. Багаутдинов* – Иррациональное поведение как проявление амбивалентности духовности человека..... 99
- А.В. Попова, М.М. Симонова* – Теоретико-методологические основы анализа социально ответственной деятельности..... 104
- Л.А. Бурняшева, Л.Х. Газгиреева, Х.А.-А. Макаев* – Ценности российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности социума..... 114

• Круглый стол

- Политические отношения в сетях: система или сообщество..... 122

• Научные сообщения

- В.С. Калинин* – Социальное манипулирование в условиях пандемии..... 164
- А.В. Матюхин* – Протобольшевизм Петра Ткачева..... 174
- О.Ю. Корниенко* – Многозначность понятия «политическая идентичность»..... 185

С.А. Пиляк – Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков.....	194
О.А. Изумнов – Организационные эффекты социального капитала.	203
П.И. Бычков – Финансовая грамотность военнослужащих как элемент их социального благополучия.....	217
М.А. Муртузалиева, А.М. Меджидова – Проблема правогеиза и становления права как специфического социального явления.....	223
И.Ю. Челенкова – Институциональная недостаточность управления территориями опережающего развития (социологический аспект).....	233
О.Ю. Ролдугина – Теория ненасилия и практика социального управления.....	241
О.А. Гафиатуллина – Философия моделирования в нейроинформационных технологиях искусственного интеллекта.....	259
М.И. Ходькин – Социально-экономические факторы политики Д. Трампа в сфере кибербезопасности.....	264
• Слово – молодым ученым	
А.Д. Филиппов – Последствия пандемии для иммигрантов.....	270
Е.В. Кувшинова – Партия «ШАС» и ее место в политической системе Израиля.....	276
Л.И.Ш. Соколов – Египетско-эфиопские отношения в контексте разногласий по строительству и эксплуатации плотины «Возрождение».....	282
Г.С. Журнаджан – Духовно-политическое учение митрополита Филарета (Дроздова) в историографии второй половины XIX века....	289
Р.Р. Садуни, Я.С. Сенокоп – Социальные технологии во внешней политике Турции: столкновение с национальными интересами России.....	294
А.В. Егоров – Социальная культура семьи: сущность и структурные компоненты.....	301
Д.Д. Ключников – Особенности социальных медиа в современных политических процессах.....	308
А.А. Спасов – Политические последствия подписания Охридского соглашения для Республики Северная Македония.....	315
Н.А. Ананьев – Идеино-политическая концепция Н.И. Черняева.....	322
А.А. Владимиров – К вопросу о соотношении феноменов политкорректности и толерантности с постлиберализмом.....	326
В.А. Палченков – Состояние военного присутствия США в Южной Корее в период президентства Д. Трампа.....	333
Чжан Цзюньи – Определение ключевых противоречий в процессе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции.....	339
• На книжную полку	
Ю.С. Васильев, З.З. Бахтуридзе – Категория «Безопасность» в глобальном измерении.....	345
• Памяти Будановой Марии Александровны	354

Н.В. АСОНОВ

*доктор политических наук, профессор кафедры
политологии Московского государственного
педагогического университета**

Белорусский кризис в условиях глобального проекта

Автор статьи, исходя из главного противоречия современного мира, которое он видит в противостоянии либерального проекта глобализации и национально-исторических традиций, анализирует происходящие события в Белоруссии. Данный анализ приводит его к выводу о неизбежности поражения режима А.Г. Лукашенко, не обладающего для своей защиты достаточным потенциалом ресурсов власти, что усугубляется прозападной политикой Кремля.

Ключевые слова: Белоруссия, Россия, А.Г. Лукашенко, ресурсы власти, цивилизация, либерализм, Запад.

N. V. ASONOV

*Doctor of Political Science, Professor of the Chair of
Political Science of Moscow State Pedagogical University*

Belarusian crisis as a part of the global project

The author of the article, based on the main contradiction of the contemporary world, which he sees as a dichotomy of the opposition of the Liberal Project of Globalization and the National-Historical Traditions, analyzes the events taking place in Belarus. As a result, arguments presented in the article allow him to come to a conclusion, that the regime of Alexander Lukashenko does not have a sufficient amount of the so-called resources of political power to survive, which is aggravated by the Kremlin's pro-Western policies.

Keywords: Belarus, Russia, Alexander Lukashenko, resources of political power, civilization, liberalism, the West.

* Асонов Николай Васильевич, e-mail: nbassonov@yandex.ru

Всё, что сегодня происходит в Белоруссии, нельзя рассматривать вне контекста общемировой политики и тех задач, которые ставятся её главными участниками. Условно их можно разделить на две большие группы. Одна из них нацелена на установление новой модели организации социально-политической жизни, согласно тем требованиям, что были выработаны идеологами либерализма для всего мирового сообщества без всякого учёта культурно-исторических традиций. Другая группа задач направлена на сохранение и реставрацию того, что составляет генетический код каждой цивилизации и входящих в неё народов.

Для белорусов, как и для русских людей, представляющих почти 78% коренного населения нашей страны, таким кодом генетической памяти являются наши славянские корни и характерный для них соборный тип социального общения. Он был вписан в систему христианских ценностей и утверждён в 385 г. на Втором Вселенском Соборе в качестве одного из символов Православной веры. Соборность и производные от неё формы организации власти, включая Советскую модель управления, отрицают принцип индивидуализма и обязательной конкурентной борьбы как неперемного условия построения справедливого общества, где рыночные отношения и соответствующее им рыночное мышление должны стать мировоззренческой основой всех форм межгрупповых и личностных отношений.

Однако нас хотят убедить в том, что на современном этапе рынок должен определять характер любых контактов, даже если такие контакты существуют между братскими народами и государствами. Ведь в сознании либералов рынок является значимым признаком навязанного нам «гражданского общества» и характерной для него «гражданской религии» как позитивной альтернативы «традиционному обществу» с его «традиционной» верой, составляющей духовную основу любой классической цивилизации.

Между тем даже классики марксизма предостерегали от подобной переоценки рынка и производных от него отношений. В их понимании «свободное гражданское общество» носит насквозь коммерческий еврейский характер и еврей наперёд уже является его необходимым членом». В таких условиях «религия приносится в жертву государству», а «рабство гражданского общества» приобретает «видимость величайшей свободы», где «на место привилегии стало

право»¹. Подобная оценка делает заклятыми врагами либерального проекта глобализации как славян-марксистов, так и их православных братьев, осудивших культ «сребролюбия» как источник всех зол. Ведь для тех и других институциональным лекарством этому злу может быть только соборность. Она вместе со своей разновидностью в лице Советской власти противостоит парламентаризму, использующему принцип многопартийности для продавливания корыстных корпоративных интересов.

В этом противостоянии нет «золотой середины». Поэтому все несогласные с новыми стандартами организации социально-политической системы должны либо отказаться от своих убеждений и принять новые нормы, навязанные им теми, кто победил в «холодной войне», либо исчезнуть. Впрочем, отказ от своей традиционной веры и своей сущности тоже есть смерть, но только смерть духовная. Именно это самоубийство совершили христиане на Западе, приняв либеральный стандарт. И теперь они живут совершенно в другом мире. Как выразился американский аналитик М. Даймонт, если «вся утварь западного мира – греческого изготовления, то сам дом, в котором обитает западный человек, – это еврейский дом»².

Следовательно, происходящие события в Белоруссии, сохранившей элементы самобытности и даже вернувшейся при А.Г. Лукашенко к советской государственной символике, надо понимать как завершающее звено второго этапа «холодной войны». Если первый этап был направлен на уничтожение Советской модели организации государства, власти и общества, то второй этап должен заставить народ совершить духовное самоубийство. В этой борьбе против традиционного общества все нормы сострадания и хвалёной западной толерантности к врагу неуместны. Ведь в результате победы над противником строится новый тип общества, в котором, согласно заверениям Р. Франка и Ф. Кука, «победитель получает всё». Аналогичной точки зрения придерживается и Г. Киссинджер. Он уверен в том, что конечная цель

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 1. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство. М.: Политиздат, 1984, с. 124-125, 128.

² Даймонт М. Евреи, Бог и история. М., 1993, с.13.

такой борьбы сводится не к ослаблению наших стран, а к полному «обращению противника в свою веру»¹.

Радикальное решение такой задачи в короткие сроки может вызвать общественный взрыв и решительное отторжение либеральных новаций, способствуя консолидации общества на патриотической платформе. А она неизбежно приведёт к сближению России и Белоруссии на основе традиционных для них ценностей, составляющих духовную сущность славяно-православной цивилизации. Это даст толчок к новой консолидации православных народов и выдвигению ими своих политических лидеров и органов управления, включая создание альтернативной экономической структуры, работающей на интересы собственной цивилизации.

Поэтому западные аналитические службы придумали для нас план поэтапного обращения в свою веру. Президент Белоруссии в сентябрьском выступлении по национальному телевидению выделил семь такого рода шагов. Они начинаются с создания постоянных очагов недовольства действующей властью и заканчиваются формированием «параллельных народных правительств». Однако данные шаги следует отнести ко второму этапу борьбы, ибо первый этап, открывшийся при М.С. Горбачёве, уже предусматривал частичную либерализацию социально-политической жизни трёх братских стран.

Для России как главного противника Запада, ставшего оплотом славяно-православного мира, предусматривались максимальные ограничения. Их цель сводилась к нанесению решающего удара по православным гражданам в их стремлении вернуться к национально-историческим традициям. Это выразилось в использовании православия как идеологического оружия против Советского строя и внесения раскола между соборной и Советской системой управления. Затем развернулось подавление правых партий и общественных движений, включая их культурные центры, что особенно ярко проявилось, начиная с 2002 г. Зато в Москве стала процветать «Либеральная миссия» как дочерний филиал «Либерального интернационала». Кроме того, всем неформальным представителям славяно-православного мира, разделяющим не на словах, а на деле его ценностно-целе-

¹ Киссинджер Г. Понять Путина. Политика здравого смысла. М.: Алгоритм, 2015, с. 104.

вые ориентиры, путь в большой бизнес был закрыт. Сделано это было с таким расчётом, чтобы лишить финансовой поддержки тех, кто связал себя с «русским миром» и мог помешать утверждению либеральных стандартов, ближайшим проводником которых для нас стала Европа.

Данная политическая установка была озвучена В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию ещё в 2003 г., когда он объявил о начавшемся «широком сближении и реальной интеграции в Европу. ...это – наш с вами исторический выбор. Он сделан... он последовательно реализуется»¹. Такая интеграция обрывала все пути сближения православных славянских стран на традиционной для них основе социально-политической и духовной жизни, заставляя Кремль отдавать предпочтение Западу, а не братской Белоруссии как в случае конфликта между ними, так и в повседневной жизни.

Кстати, для этой страны победители в «холодной войне» предусмотрели иной акцент. Он был сделан на подавление местных коммунистов и их связи с коммунистами России в пользу сохранения некоторых элементов традиционного уклада жизни и форм организации власти. Этим приёмом Запад надеялся раскрыть глаза белорусов на собственные преимущества обособления от Кремля и почувствовать вкус «самостийности», препятствующей всякому серьёзному сближению с нашей страной. Означенные особенности вошли в последнюю Конституцию Белоруссии. В частности, статья 117 сохранила систему Советской власти на местном уровне управления, правда, при этом целым рядом последующих положений, вошедших в 121, 122 и 123 статьи, резко ограничила её полномочия. Зато под контроль государства были взяты бизнес и недра страны, а личные и общественные интересы рассматривались в своём неразрывном единстве, о чём мы в России могли только мечтать. По этой причине в Белоруссии сохранились мощные государственные предприятия, способные экспортировать свои товары во многие страны мира, и не сложился крупный олигархат, подчинённый, подобно нашим олигархам, международным финансово-промышленным компаниям.

¹ Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 16 мая 2003 / В.В. Путин Прямая речь: В 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. Т.1. Послания Федеральному Собранию, с. 112.

У нас же при поддержке Запада три процента россиян без всякой конкурентной борьбы и новых «прорывных технологий» захватили в свои руки почти все государственные ресурсы. В их пользу была выдвинута новая идея. Она была направлена на продажу последней национальной собственности ради получения «длинных денег» и превращения рынка в главный регулятор жизни, ибо он, по словам А.Г. Силуанова, «всё определит сам». В этих условиях дальнейшее сближение Белоруссии с Россией будет содействовать её обрушению по всем направлениям. Ведь экономический потенциал нашей страны значительно превосходит белорусский.

В последние годы на долю России выпало 39,2% белорусского экспорта и около 59% импорта. Хорошо известно, что основная доля российского экспорта в эту республику приходится на нефть и сырые нефтепродукты, полученные из битуминозных пород, что составляет 45% от общего количества всего ввозимого на территорию нашего союзника¹. Кроме того, в восточных районах Белоруссии стали создаваться совместные или чисто российские предприятия, всё больше и больше ставя её экономику в подчинённое положение. Прибыли, которые получают с этого наши либералы, частично направляются на дестабилизацию режима А.Г. Лукашенко в интересах Запада и его клиентов.

Этому в первую очередь способствует нормативная база Белоруссии. Хорошо известно, что «отсутствие гармонии между законом и приведением его в исполнение чревато параличом всей политической системы»². А в этой стране, несмотря на указанные выше плюсы, основной закон представляет собой «мину замедленного действия». Её «взрывоопасная» суть отражена в противоречивом характере самой Конституции этого государства, готового интегрироваться в Европу. Например, статья 8 чётко указывает на приоритет международного права. Данный приоритет закреплён в первой главе Основного закона, предусматривающей доминирование либеральной модели управления с характерными для неё принци-

¹ Подробнее см.: <https://investfuture.ru/news/id/10-glavnyh-torgovyh-partnerov-belorusii-pochemu-belorusskaya-ekonomika-ne-mojet-bez-rossii> © Investfuture.ru

² Фрэнк Джонсон Гуднау о функциях политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 2020, № 3, DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-56-66, с. 57.

пами разделения властей, многопартийности и парламентаризма, сочетающимися с наличием президентской власти.

Западные продюсеры «новой Беларуси» позаботились о том, чтобы у действующего Президента не было мощной политической организации, обладающей серьёзным капиталом и влиянием в медийном пространстве. Спланированное отсутствие такого рода поддержки делает А.Г. Лукашенко почти беззащитным перед лицом либеральной угрозы именно в тот момент, когда она решила перейти ко второму этапу своего проекта по окончательному уничтожению на белорусской земле остатков самобытности. Все 17 партий, официально зарегистрированных в Минске, крайне слабы и разрознены, составляя в Палате представителей Национального собрания VII созыва чуть более 10% депутатских мест. И хотя коммунисты здесь продолжают оставаться самой авторитетной партией, усилившей свои позиции на последних выборах и получившей 11 мест из 110 возможных, беспартийные депутаты, не имеющие чёткой политической платформы и действующие по конъюнктурным обстоятельствам, заняли 89 кресел. Вполне вероятно, что на вектор их поведения значительное влияние продолжают оказывать либерально-ориентированные партии, работая на подрыв легитимности Лукашенко.

Нет нужды говорить о том, что все они получают поддержку не только со стороны родственных им российских олигархов и сросшихся с ними представителей политической элиты, но и от тех, кто стоит над ними и обладает куда более мощным потенциалом. Согласно исследованиям зарубежных экспертов, клан потенциальных хозяев мира включает в себя до 6 000 человек, возглавляющих ряд авторитетных государств, международных корпораций, общественных и религиозных центров, вписавших в сферу своих интересов технологию «зависимого развития». В их руках сосредоточилось управление самым мощным потенциалом ресурсов политической власти. Только в сфере экономики он опирается на 63% мирового ВВП и на «77% глобальных военных расходов»¹. Этот потенциал помогает им скрытно от граждан (и даже от официальных властей) влиять на представителей социально-политической элиты. Создавать с её помощью

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2016, с. 676.

оппозиционные группировки и направлять их на решение поставленных задач.

Их суть сводится к окончательному переходу власти в Белоруссии в руки новых либералов путём расширения протестных настроений сразу с двух сторон. Одну из них представляют убеждённые западники-либералы, другую – местные «самостийники», что напоминает украинский вариант, приведший к власти под националистическими лозунгами прозападный олигархат, отказывающийся с 2001 г. признавать Лукашенко. В нынешних условиях их действия против него, как говорится, обречены на успех. Ведь на стороне устроителей «нового мирового порядка» находятся все страны, окружающие Белоруссию. И для России не надо делать исключение. Ведь она «более чем за четверть века стала частью той капиталистической системы, которой в своё время противостоял Советской Союз»¹. И поэтому работать кремлёвское руководство будет на интересы этой системы. Сокращение с её стороны экономических связей под любым надуманным предлогом приведёт к обвалу экономики братской республики и взрыву протестных настроений против «засидевшегося» на своём посту Президента.

Возможность такого сценария развития событий носит вполне реальный характер. Ведь, как показывает судьба РУСАЛа и других крупнейших компаний России, попавших под контроль Запада, наше правительство играет роль защитника международного капитала и будет проводить ту экономическую политику в отношении Белоруссии, которая выгодна противникам славяно-православного единства. Надежды Лукашенко на «братский Китай» при таком раскладе останутся только надеждами. Эта страна слишком далека, а её экономическое влияние носит вторичный характер и оно весьма эгоистично. Ведь на свои кредиты Пекин обязывает Минск покупать только китайские товары. И если противники белорусского Президента предоставят Поднебесной более выгодные условия, она принесёт в жертву руководителя этой страны.

Поскольку при Лукашенко Белоруссия в наибольшей степени сохранила традиционный уклад жизни, то и ответ за это будет в первую очередь держать сам Александр Гри-

¹ *Ивашко М.И.* Современные отношения России и стран Запада: исторические параллели // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 2019, № 4, DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-238-248, с. 246.

горьевич. Угроза физического уничтожения кого-либо из его семьи или перспектива закрытого суда для самого Президента, подобного тому, что был инспирирован над «диктатором» Сербии Слободаном Милошевичем, заставит его быть сговорчивым и выполнить всё, что от него потребуют. Вспомним, когда в 2008 г. Гаагский суд над Милошевичем обрёл его на преждевременную смерть, наш Президент не протянул ему руку помощи и не предоставил политического убежища, аналогичного тому, которое получил В.Ф. Янукович. Тогда 22 февраля 2014 г. по поручению В.В. Путина, он вместе с ближайшим окружением был эвакуирован военными вертолётами на территорию России. Хотя именно Милошевич, а не Янукович, смотрел на Россию как на свою последнюю надежду.

Память об этом событии заставляет главу Белоруссии трезво оценивать лидера нашего государства и считать свой политический срок практически исчерпанным. Правда, Янукович сдал Путину Крым, Лукашенко может сдать Гомельский край, входивший в РСФСР и переданный Сталиным в состав Советской Белоруссии, подобно тому, как Хрущёв передал Крым Советской Украине. Под предлогом угрозы «майданного беспредела» на Гомельщине можно провести грамотно обставленный референдум, а метод запугивания вынудит жителей войти в состав России, конечно, если разрешит Запад. А Запад на это может пойти, ибо такой акт повлечёт за собой взрыв антироссийских настроений в Белоруссии и приход к власти угодных устроителям «нового мирового порядка» людей и новых правил рыночной жизни. Зато Россия, лишившись последнего союзника, окончательно распрощается с остатками суверенитета и попадёт под плотную опеку Запада, заменив правительство умеренных прозападных либералов, играющих в православие, на откровенных экстремистов, целиком ориентированных на Запад. В любом случае из этой петли, затянутой на шее Лукашенко и его страны, выхода нет. Вопрос стоит только о сроках. Чтобы оттянуть их и создать для себя «коридор отступления» в «зону покоя», он решит в очередной раз обновить Конституцию страны, выговорив для себя и своих близких пожизненную неприкосновенность. Взамен будут расширены социально-политические свободы прозападной и националистической оппозиции, которая получит долгожданный свободный доступ не только к власти, но и к богатствам страны.

К косвенным признакам надвигающейся на Белоруссию жёсткой модели «нового мирового порядка» можно отнести смену патриаршего экзарха митрополита Павла (Пономарева) на уроженца Брестской области Вениамина (Тупеко), произошедшую 25 августа 2020 г. В скобках заметим, что эта область, подобно Львовщине на Украине, является одним из центров «западенства» и антирусские настроения здесь весьма сильны. А бывший экзарх, не имея белорусского гражданства и не обладая устойчивой политической ориентацией, давно рассматривался в качестве «руки Москвы». Данное обстоятельство давало почву для роста оппозиционных настроений, обвинявших Лукашенко в двойном подчинении России по линии светской и духовной власти. И хотя митрополит Вениамин официально стоит за религиозно-культурное единство трёх братских народов, его назначение можно трактовать как уступку оппозиционерам-западникам и шаг к обособлению от РПЦ в сторону Константинопольского патриархата, проделанный уже Украиной. Готовность Лукашенко пойти по этому или похожему сценарию была им публично озвучена несколько лет назад, когда с высокой трибуны он откровенно объявил о необходимости реформировать православную церковь своей страны. Впрочем, такое реформирование может пойти и по либеральному пути обновления всей структуры духовной власти в протестантском духе.

Ещё одна уступка в пользу противников Лукашенко была сделана на уровне светской власти. Хотя Москва признала результаты выборов, не будем сбрасывать со счетов негласный отказ В.В. Путина приехать на церемонию вступления в должность Президента, состоявшуюся в Минске 23 сентября. Согласимся, что публичная поддержка главой России своего единственного союзника помогла бы осадить оппозицию и сделать всю процедуру инаугурации более открытой. Но пресс-секретарь нашего Президента Д.С. Песков прямо заявил, что в планах В.В. Путина визит в Минск не стоит.

Тут надо вспомнить и о совместных манёврах «Славянское братство-2020», прошедших на территории Белоруссии в сентябре. Всякий вид этого рода действий является показателем военной готовности, направленной на отражение внешнего и внутреннего врага. В условиях резкого обострения политической ситуации демонстрация силовой поддержки со стороны Москвы имеет особую актуальность и требует

участия значительных сил. Ведь, согласно анализу самого Лукашенко, седьмой шаг, направленный на устранение действующего режима, предусматривает не только создание «параллельных народных правительств», но и параллельных «народных дружин». О том, как они вооружались и обучались на Украине, мы знаем. Знаем и об их роли в свержении В.Ф. Януковича. История грозит повторением. Но наш верховный главнокомандующий, услышав протест со стороны Польши и Литвы, за спиной которых стояла грозная мощь блока НАТО, согласился выделить около 300 человек, что подтверждает формальное отношение России к судьбе Лукашенко.

Изложенные соображения дают право сделать вывод о готовности Кремля признать новую прозападную власть, которая утвердится в Минске и начнёт навязывать свою веру, обожествляя дух рыночных отношений без всяких скидок на цивилизационные особенности. Ведь, согласно «Доктрине Майкла Линдена», только уничтожив их, Запад сможет «реализовать свою историческую миссию».

П.Я. ЦИТКИЛОВ

*доктор исторических наук, профессор кафедры
социальных технологий Южного федерального
университета**

Общественная дестабилизация в Беларуси конца лета – осени 2020 г., её внешнеполитические факторы

В статье дан научный анализ общественной ситуации, которая сложилась в Беларуси в августе 2020 г. в преддверии президентских выборов и после них. Показана попытка государственного переворота в братской для россиян республике, предпринимавшаяся по известному сценарию «цветных революций». А сценарии эти несут беды и страдания большинству народа. Политическая дестабилизация в государстве была вызвана комплексом факторов. В статье обстоятельно рассмотрены её основные внешнеполитические причины.

***Ключевые слова:** современная Беларусь, дестабилизация общества, «цветные революции», внешнеполитические факторы кризиса.*

P.Ya. TSITKILOV

*Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of
Social Technologies, Southern Federal University*

Social destabilization in Belarus at the end of summer– autumn 2020, its foreign policy factors

The article provides a scientific analysis of the social situation that developed in Belarus in August 2020 on the eve of the presidential elections and after them. The article shows an attempt of a coup d'etat in a fraternal republic for Russians, undertaken according to the well-known scenario of "color revolutions". And these scenarios bring troubles and

* Циткилов Пётр Яковлевич, e-mail: petrcitkilov@yandex.ru

suffering to the majority of the people. Political destabilization in the state was caused by a complex of factors. The article discusses in detail its main foreign policy reasons.

Keywords: *modern Belarus, destabilization of society, “color revolutions”, foreign policy factors of the crisis.*

По мере приближения в Беларуси президентских выборов августа 2020 г. в стране вызревали протестные настроения. Многие люди в условиях снижения экономического роста, социального стресса, связанного с пандемией коронавируса, надеялись на лучшее, связывая его с возможными политическими переменами. Этими устремлениями людей умело воспользовались оппозиционные силы, направляемые и финансово подпитываемые зарубежными «доброжелателями».

Значительная часть жителей Минска, некоторых других городов республики полагала, что внедрение в их стране западной модели демократии, индивидуалистской свободы принесёт скорый достаток, благополучие. И помехой такому «счастью», по их мнению, является А.Г. Лукашенко, против которого они и выступили. При этом мало кто из них осознавал, что в создавшихся конкретно-исторических условиях твёрдая и централизованная политика действующего президента была единственно возможным вариантом обеспечения не только созидательного развития белорусского общества, но и реальной защиты суверенитета страны.

Уважая мнение белорусов, выходящих на протесты в поисках справедливости (как они её понимают), следует признать, что их недовольство во многом было инспирировано и искусственно взвинчено людьми далёкими от интересов большинства народа, от его устремлённости к правдолюбию. Активных представителей белорусской оппозиции условно можно подразделить на следующие группы: а) крайне тщеславные и во многом беспринципные молодые люди разных профессий, не имеющие необходимых знаний, навыков управленческой деятельности и прочных духовно-нравственных оснований; б) лица, имеющие определённые знания и опыт в сфере государственного управления, но готовые ради амбиций и власти продавать интересы страны «западным доброжелателям»; в) представители бизнеса, включая тех, которые встроены в глобальную корпоративную сеть, выражая её интересы.

Анализируя события предвыборной президентской кампании в Белоруссии, нужно констатировать, что летом 2020 г. произошло объединение основных антиправительственных сил внутри страны и западных «доброжелателей» в лице «заботливых спонсоров», финансово подпитывавших не один год белорусскую оппозицию. Зная настроения в обществе, оппозиционеры понимали, что выиграть у действующего президента им не удастся. Поэтому ставка была сделана на массированную обработку сознания людей, особенно молодёжи, на осуществление срыва подсчёта голосов в день выборов, непризнание их результатов и, наконец, на силовой захват государственных учреждений с помощью радикально настроенных групп.

К событиям ночи с 9 на 10 августа 2020 г. оппозиция готовилась тщательно. Для соответствующего оформления протестных акций была массово закуплена необходимая символика и атрибутика. По словам одного из организаторов демонстраций, главными поставщиками протестных бело-красно-белых флагов стали интернет-магазины. В них флаги в большом количестве были заказаны ещё «за три месяца до дня голосования»¹. Следовательно, подготовка к массовым антиправительственным действиям велась заблаговременно.

Когда попытка срыва подсчёта голосов не удалась, тогда через telegram-каналы, прежде всего польский NEXTA, являвшийся главным рупором протестов, людей стали убеждать, что выборы нечестные и необходимо срочно проводить новые. Многие, особенно в Минске, повелись на это. Тем более, что телеграмм-каналы показали признания отдельных членов избирательных комиссий о фальсификации результатов голосования.

Можно предположить, что определённые приписки, действительно, были. Но они в разной мере имеют место в избирательных кампаниях почти всех стран мира. Стремление выслужиться пред властью, к сожалению, неистребимо. *Однако очевидно, что в Белоруссии они могли быть незначительными, не влияющими на итоговый результат.* Вероятно, в провокационных целях их могли и умышленно инспирировать скрытые противники Лукашенко во власти.

¹ Кузьмин. Фёдор. Откуда в Минске столько бело-красных флагов? Отвечают протестующие, 17 августа 2020 г. URL: <https://daily.afisha.ru/news/40433-otkuda-v-minske-stolko-belo-krasnyh-flagov-otvechayut-protestuyuschie/> - 30.08.2020.

Реалии таковы, что действующего президента поддержала преобладающая часть работников государственных предприятий, пенсионеров, а также жителей сёл и малых городов, что составляет большинство народа Беларуси. Ведь только в сёлах и городах с населением менее 50 тыс. человек проживает около 40% населения страны. В Минске же поддержка президента была существенно ниже, чем в целом по стране. И это не было неожиданностью. Данную тенденцию ещё до выборов подтверждали некоторые социологические исследования, включая весенний опрос 2020 г., проводившийся Институтом социологии НАН Беларуси.

По официальным данным Центральной избирательной комиссии Белоруссии, в столице за Лукашенко проголосовало немногим более 60% избирателей¹. А значит, большое число минчан (примерно около 40%) были против. Это преимущественно молодые и активные люди, которых, действительно, насчитывалось очень много. Поэтому им было несложно через Интернет-ресурсы внушить, что и другие избиратели страны, которых якобы абсолютное большинство, голосовали против Лукашенко. А значит, у народа «украли голоса» и, следовательно, нужны «новые выборы». Это была технологичная манипуляция общественным сознанием граждан Беларуси, которая в значительной мере удалась.

Немало белорусов сегодня убеждены в фальсификации итогов президентских выборов. Они верят, что якобы существуют неопровержимые доказательства поражения Лукашенко на прошедших выборах. Для примера можно сослаться на одно из писем жительницы Беларуси, приведённое в Интернете. Некто Наталья Матусевич утверждала, что Лукашенко – диктатор, который возомнил себя спасителем страны, нагло узурпировал власть и готов убивать и убивает, разрушать и разрушает экономику, репутацию страны. «Для него, – продолжала она, – страна – это он сам!! И мы, большинство избирателей, это доказано, НЕ ВЫБИРАЛИ ЕГО президентом. Он должен уйти!»². Вот так. Должен уйти и всё.

¹ Итоги президентских выборов в Белоруссии. Результаты голосования по регионам. Источник: ЦИК Белоруссии, 09.08.2020 г. URL: <https://ria.ru/20200809/1575393405.html> - 02.10.2020.

² Матусевич Наталья. Комментарий к выступлению на телеканале «Спасе» белорусского архимандрита Саввы (Мажуко), 26 сентября 2020 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=o_Cq3f7YjQo – 01.10.2020.

А иное мнение, иную аргументацию такие протестующие зачастую не хотят даже слышать.

В вышеприведённом тексте за эмоционально окрашенными фразами не просматривается объективности. Во-первых, повторение клише «диктатор» абсолютно не подкреплено содержательно. Да, Лукашенко сильный и авторитарный лидер, но вовсе не диктатор. Ведь никто не запрещает людям выходить на санкционированные митинги и манифестации. В белорусских СМИ, в научных и популярных журналах свободно публикуются материалы с критикой существующей модели общественной системы. Да разве позволил бы диктатор допускать разномыслие (на уровне СМИ, учебной литературы и пр.), которое присутствует в белорусском обществе?

Во-вторых, странно читать, что Лукашенко «готов убивать и убивает». Кого же он убивал? Намёки на ОМОН несостоятельны. Минские омовцы предотвратили переворот в стране, спасли государство от анархии и гражданской войны. Они пресекли преступную деятельность тех радикалов из числа манифестантов, которые нападали на силовиков, бросали в них брусчатку, арматуру, коктейли Молотова. А Вы хотели бы, чтобы омовцы дрогнули, отступили, позволили осуществиться разгулу преступности, как это наблюдалось в Украине? Судя по материалам следствия, силовики не убивали того несчастного молодого мужчину, который хотел загубить жизни бойцов МВД, а погиб сам по неосторожности. И разве стрельбой резиновыми пулями силовики кого-либо убили? Хотя зачем задумываться над этими вопросами. Ведь проще как мантру повторять, что руководитель страны якобы деспот и убийца.

В первые дни после президентских выборов немало молодых людей из числа протестующих были задержаны и некоторые из них со следами побоев возвратились домой. Действительно, такое было, имелись случаи и чрезмерного силового воздействия на манифестантов. Но ведь в те дни в ряде районов белорусской столицы шли настоящие бои силовиков с агрессивно настроенными и хорошо подготовленными для организации беспорядков людьми. Не следует игнорировать и тот факт, что лица, получившие побои в ходе и после задержания, были всё же на несанкционированных, т. е. на незаконных, противоправных акциях. И отношение к ним со стороны минских силовиков было в целом

более гуманным, чем это мы можем наблюдать в подобных ситуациях во Франции, США и в ряде других стран западной демократии.

В-третьих, Вы пишете, что Лукашенко якобы «готов разрушать и разрушает экономику». Напротив, он прилагал и прилагает огромные усилия, чтобы сохранить реальный сектор экономики страны. Именно он не позволил уничтожить крупные промышленные предприятия, как это произошло в ходе грабительской приватизации во многих постсоветских государствах, включая Россию и Украину. Не верите? Так Вы приезжайте и посмотрите, как там корпуса крупных предприятий превращены в торговые центры, станки и оборудование проданы за бесценок, а рабочие вышвырнуты на улицу.

В Украине после государственного переворота 2014 г. многие промышленные предприятия потеряли заказчиков и рынки сбыта, перестав функционировать. Страна почти полностью лишилась одной из наиболее высокотехнологичных отраслей – авиастроения. Объёмы производства чугуна, стали и проката сократились более чем в 1,5 раза¹. Серьёзный спад произошёл в судостроении и других отраслях машиностроения. Следствием этого стал рост за период 2015-2019 гг. тарифов на газ для населения в 2,5-12 раз. Плата за электричество за данный период увеличилась в 3 раза².

Непростая ситуация сегодня и в экономике России. Процессы деиндустриализации привели к тому, что зависимость от импорта станков составляет 97%³. Страна утратила прежние лидирующие позиции во многих производствах. Но Беларусь не пошла по этому пагубному пути во многом благодаря Лукашенко. Вот Вам и разрушитель экономики!

В-четвёртых, автор письма отмечает, что «мы, большинство избирателей, это доказано, не выбирали его президентом». Кем же это доказано? Может быть, сомнительными опросами, публикуемыми и тиражируемыми телеграмм-каналом NEXTA? Или тем, что лично Вы и многие

¹ Левченко Сергей. История успеха: постмайданной экономике Украины шесть лет, 29 февраля 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200229/1565323789.html> - 04.10.2020.

² Украина 2014-19 в цифрах: что изменилось и насколько? Официальные источники, декабрь 2019 г. URL: <https://news2.ru/story/585993/> - 03.10.2020.

³ Крупнов Ю. Проблема российской экономики лежит в 30-летнем периоде деиндустриализации. Эксперт VI Московский экономический форум, 3-4 апреля 2018 г. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/03/14/22500876/> - 22.06.2018.

Ваши знакомые голосовали против Лукашенко? Но это еще не весь белорусский народ. Хотелось бы Вам напомнить, что даже сторонники белорусской оппозиции, занимавшие во время президентских выборов параллельным подсчётом голосов, изначально вынуждены были признать победу Лукашенко. Так, оппозиционная платформа «Голос» сообщала, что по их подсчётам за Лукашенко проголосовали 62%¹. Подсчет протоколов они вели на 1800 участках в основном в г. Минске и на некоторых участках крупных областных центров страны.

Платформа «Голос» озвучивала свои параллельные подсчёты и по меньшему количеству избирательных участков. Так, на основе 633, как они отмечали, «несфальсифицированных» протоколов с избирательных участков за действующего президента 9 августа 2020 г. проголосовали 50,8% избирателей, а за Светлану Тихановскую – 38,3%². Даже если согласиться с этими данными, то нужно понимать, что протоколы «Голоса» не учитывали результаты волеизъявления народа в малых городах и сёлах (как уже отмечалось, там проживает 40% населения страны), где поддержка Лукашенко традиционно высока. Следовательно, с учётом всех вариантов параллельных подсчётов, осуществлявшихся оппозицией, именно Лукашенко победил на выборах.

И ещё. Хотелось бы предостеречь оппозиционно настроенную Наталью Матусевич от попыток выступать в роли обличителя и судьи действующего президента. Понимаю, что сейчас в Беларуси, особенно в молодёжной среде, это стало в какой-то мере модным, а вот сказать добрые слова в его адрес – «недемократичным». Но ведь мы не должны жить чужим умом. Не следует осуждать и развенчивать тех, о ком мало, действительно, знаешь и поверхностно оцениваешь. Известный православный старец начала XX в. Алексей (Соловьёв) верно по этому поводу заметил: «Берегитесь судить людей, кто нас поставил над ними судьями? Мы сами несём грехи

¹ Пётр Петровский: Белоруссия нуждается в политической модернизации, но не так, как того хочет оппозиция, 2 сентября 2020 г. URL: <https://news-front.info/2020/09/02/pyotr-petrovskij-belorussiya-nuzhdaetsya-v-politicheskoj-modernizaczii-no-ne-tak-kak-togo-hochet-oppozicziya/> - 13.09.2020.

² Вопрос-ответ. Сколько голосов реально получил Лукашенко? На вопрос отвечает зам. директора Института стран СНГ Владимир Жарихин // АиФ, 2020, № 39, 23-29 сентября, с. 24.

ещё более тяжкие, чем они... мы в гордости своей грешим перед душою»¹. Чаще бы всем нам вспоминать эти слова.

Возвращаясь к событиям в г. Минске 9-12 августа 2020 г., следует заметить, что в те дни оппозиция предприняла попытку силового захвата власти. Она была пресечена белорусскими силовиками. Для разгона агрессивных демонстрантов ОМОН вынужден был использовать спецсредства (слезоточивый газ, водометы, светозумовые гранаты, резиновые пули и др.). Как вспоминают многие очевидцы, омоновцы стреляли резиновыми пулями в основном над головами людей, чтобы не ранить их, а разогнать. Отдельные резиновые пули попадали и в мирных демонстрантов, не участвовавших в насилии. Некоторые из них пострадали в ходе жёсткого противостояния милиции с радикалами, а потом ещё и в изоляторе. В связи с этим министр внутренних дел Беларуси дважды принёс извинения за своих бойцов.

Следует признать, что действия силовиков в абсолютном большинстве случаев были вынужденным и обоснованным ответом на преступные действия радикальной части демонстрантов, которые нападали на правоохранителей, строили баррикады, бросали в сотрудников милиции брусчатку, взрывчатые вещества, арматуру и др. В частности, в ночь после выборов на пересечении проспектов Машерова и Победителей в сотрудников внутренних войск и в минский ОМОН полетели коктейли Молотова, брусчатка. Как вспоминает боец ОМОНа Дмитрий, получивший травму головы, агрессивные «манifestанты» ломали брусчатку надвое и бросали в силовиков, в которых также летели бутылки с зажигательной смесью, скрученные мусорные баки и др. «Если загуглить в интернете, – сообщал тогда Дмитрий, – кем нас только не называют, даже фашистами, а вы видели тех бойцов, солдат, которые получили травмы, которые сейчас лежат в госпиталях со сломанными руками? А сотрудники ГАИ, которых сбивали машинами, у которых сломаны ноги? Это нормально? Это мирная акция, по-вашему?»² «Мирные манифестанты» уст-

¹ Записки протоиерея Сергия Сидорова. Старец отец Алексей (Соловьёв) // Радость кроткого любящего духа. Монастыри и монашество в русской жизни начала XX века, 1900-1939: живые голоса эпохи. М.: Эксмо: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017, с. 289.

² Боец ОМОНа о протестах 9 августа: никогда не поверю, что это была мирная акция, 18.08.2020 г. URL:

раивали травлю сотрудников МВД, работников избирательных комиссий, органов государственной власти и членов их семей. Такова хроника реальных событий, которую недопустимо игнорировать.

Вполне естественно, что начались массовые задержания лиц, которые вели себя противоправно, агрессивно или просто демонстрировали неподчинение сотрудникам МВД. За первые дни протестов правоохранители задержали более 6,7 тыс. человек¹, большинство из которых вскоре были отпущены. Но следует помнить и то, что в первые дни протеста пострадало более 130 правоохранителей, было возбуждено более 20 уголовных дел за наезды на сотрудников ГАИ. И ныне, спустя месяцы, отдельные пострадавшие силовики остаются в больницах, а некоторые из них стали инвалидами.

Есть видеозаписи, которые свидетельствуют, что у части «мирных протестующих» было оружие. В сюжете сети Интернет, показывающем ночные беспорядки в Минске, зафиксировано, как «манифестанты», угрожая оружием, заставляют водителей покинуть грузовик, чтобы с его помощью перекрыть проспект. Судя по другому видео, в одном из белорусских городов агрессивные протестующие нападают на ОМОН². Не реагировать на такие действия правоохранители не могли. И жёсткий ответ получала прежде всего радикальная, преступная часть протестующих.

В конце августа 2020 г. белорусские военные нашли тайники с прутами и кольями, заготовленными участниками протестных акций. На крышах домов были обнаружены мешки с камнями, покрышки и горючие жидкости³. Всё это готовилось вовсе не для мирных демонстраций.

Как уже отмечалось, при разгоне агрессивных оппозиционеров от рук силовиков пострадали и некоторые невинные люди. Именно это было использовано оппозиционерами и их

<https://sputnik.by/incidents/20200818/1045498038/Boets-OMONa-o-protestakh-9-avgusta-nikogda-ne-poveryu-cto-eto-byla-mimaya-aktsiya.html> - 21.08.2020.

¹ Глава МИД Белоруссии рассказал, кто решит судьбу страны, 27 сентября 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200927/sudba-1577827450.html?in=t> – 28.09.2020.

² Почему выдохся "белорусский майдан", 20 августа 2020 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/nashezhitie/pochemu-vydohsia-belorusskii-maidan-5f3d6a137dd3345c29d6f8be> - 31.08.2020.

³ В Белоруссии военные нашли тайники протестующих с прутами и кольями, 30 августа 2020 г. URL: https://news.ru/cis/v-belorussii-voennye-nashli-tajniki-protestuyushih-s-prutami-i-kolyami/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – 31.08.2020.

западными кукловодами для усиления недовольства людей властью и нагнетания протестных настроений.

Необходимо отметить, что технологической особенностью августовских протестных событий в Беларуси стал сетевой боулинг-майdan. Смысл его заключался в формировании через телеграмм-каналы целой сети групп протестующих, дислоцированных в разных местах города, района. Управлялись они из одного центра. Координаторы сетевых групп перманентно выдавали их участникам инструкции, куда выдвигаться и что делать. В частности, в Минске координаторы протеста через telegram-канал NEXTA собирали людей в нескольких местах столицы, чтобы распылить силовиков и ослабить их возможности по защите белорусской государственности.

По своему составу белорусский протест августа – осени 2020 г. трудно назвать подлинно народным. Он в социальном отношении ограничен. Студенческая и учащаяся молодёжь по причине возраста и незрелости оказалась податлива на максималистские призывы. Но не она являлась главной движущей силой протестного движения. Ею в основном были лица, работающие в частном секторе, особенно в IT компаниях и близкой к ним сферах, включая «офисный планктон» из числа представителей различных частных фирм. В численном отношении это немалое количество людей. Непосредственно в белорусской IT-отрасли работает около 60 тыс. человек, а если вместе с супругами и детьми, то получится примерно 180-200 тыс. человек¹. Они как раз и составляли значительную часть манифестантов в г. Минске. Эта категория людей преимущественно голосовала против действующего президента.

В протестах в виде забастовок участвовали и некоторые рабочие. Но это была малая, в основном информационно дезориентированная часть тружеников реального сектора экономики. Абсолютное большинство рабочих не повелось на призывы «добрых людей» дезорганизовать производство. Из многотысячных коллективов бастовали сотни человек, что не привело к существенным сбоям в работе предприятий. Например, на МАЗе из 16 тыс. рабочих только 192 работника

¹ Сагалов Виктор. Мифы «Парка высоких технологий» и IT отрасли Беларуси. ПВТ – две стороны одной медали. Сторона первая, 15 сентября 2020 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5bc5f354be2b3500ae83c451/mify-parka-vysokih-tehnologii-i-it-otrasli-belarusi-pvt--dve-storony-odnoi-medali-storona-pervaia-5f60b1b15622142b93170d2f> - 19.09.2020.

поддержали забастовку. При том, что это были преимущественно «плавающие» сотрудники, которые не постоянно работали на данном предприятии¹. Более того, как вскоре выяснилось, призывы к забастовкам на главных машиностроительных и добывающих предприятиях Белоруссии исходили не от рабочих коллективов, а в основном были инициированы извне.

Некоторые технологии поддержания протеста в Минске апробировались в ходе прежних «цветных революций». Но в белорусских событиях были использованы и новинки. Противники лукашенковской общественной системы, его модели социального государства действовали системно и креативно. Ими учитывался и такой психологический фактор, как «инстинкт толпы». Многим людям свойственно поддерживать преобладающие в определённой среде, в информационном пространстве настроения и установки независимо от их объективности. Особенно подвержена этому неискушённая молодёжь и значительная часть женщин, которые кроме работы много времени уделяют домашним делам, не имея зачастую возможности вникать в политические тонкости и когнитивную эквилибристику. Поэтому не удивительно, что именно эти социальные группы активно вовлекались в протестные акции.

Такое психологическое явление, как «инстинкт толпы», подпитывается чувствами тщеславия, собственной исключительности, свойственными многим людям, не осознающим духовные смыслы жизни. Поэтому они искренне готовы кричать: «Саша, уходи», «Никто не даст», «Саша, ты уволен», «Пошёл вон» и т.д., вовсе не задумываясь о том, что реально будет в стране завтра, через полгода, год, если под давлением толпы, действительно, Лукашенко ушёл бы. У серьёзных аналитиков и многих россиян, переживших лихие 1990-е гг., не вызывает сомнений, что в результате такого сценария тысячи рабочих крупных предприятий Беларуси в ходе их приватизации оказались бы на улице. Белорусам также пришлось бы проститься со многими благами лукашенковской модели социального государства, включая качественное бесплатное образование и здравоохранение, важные социальные гарантии (предоставление бесплатных

¹ Пётр Петровский: Белоруссия нуждается в политической модернизации, но не так, как того хочет оппозиция, 2 сентября 2020 г. URL: <https://news-front.info/2020/09/02/pyotr-petrovskij-belorussiya-nuzhdaetsya-v-politicheskoj-modernizaczi-i-no-ne-tak-kak-togo-hochet-oppozicziya/> 13.09.2020.

квартир семьям с четырьмя детьми, бесплатное питание в школах и др.) и забыть о подлинном суверенитете страны.

Одна из очевидцев белорусских событий хорошо описала, как действует «инстинкт толпы». «Смешно смотреть, – писала она, – как взрослые женщины водят хороводы и при этом кричат, мы гуляем. Этаким стадный инстинкт. Куда все, туда и мы. Ведь круто же! А там, хоть трава не расти! Главное показать непослушание»¹. Но ведь у протестующих нет позитивной повестки, нет понимания того, что делать, чтобы жизнь была лучше и справедливее. Есть только порыв ниспровержения, прикрываемый словами о мире, демократии и свободе. Но на деле этот порыв ведёт к разрушению и серьёзному гражданскому противостоянию в обществе.

Причины массовых протестных акций в Беларуси августа – осени 2020 г. имеют как внешнюю, так и внутреннюю мотивационную стороны. И было бы ошибочным выделять лишь один какой-либо фактор, упрощая ситуацию. А это прослеживается в ряде публикаций по данной проблеме. Например, известный российский либеральный публицист Вячеслав Костиков полагает, что главной причиной августовской дестабилизации в Белоруссии является отсутствие в стране политической конкуренции, сдержек во власти и противовесов². С этим можно согласиться лишь отчасти. Действительно, в Беларуси не было создано функциональной партийной системы западного образца. Но ведь известны и издержки «демократической» многопартийной системы, главными из которых оказываются тотальные проявления плутократии, подкуп и обман избирателей, использование спойлеров и др. Поэтому А.Г. Лукашенко и не спешил бросать свою страну в омут такого «демократического блага». Другое дело, что в обществе нужны действенные механизмы представительства интересов различных социальных слоёв, профессиональных групп в управленческих и властных структурах. Но такие механизмы вполне могут существовать и вне рамок многопартийной системы. В лукашенковской же общественной системе эти механизмы, мягко говоря, не были явно выражены, что вполне обоснованно порождало протестные настроения. Однако это

¹ Манипуляция на обидях белорусов. Стадный инстинкт, 3 сентября 2020 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e9459e28953175bf7abc4e4/manipuliaciia-na-obidah-belorusov-stadnyi-instinkt-5f502e981a1ddf4776d18634> - 06.09.2020.

² Костиков Вячеслав. Белорусский мотив. Как мы обнаружили другую страну и другой народ // АиФ, 2020, № 39, 23-29 сентября, с. 8.

был лишь один из факторов дестабилизации белорусского общества. Реальную же картину генезиса этой ситуации может дать комплексное восприятие всей совокупности причин кризиса.

Важнейшую роль в общественной дестабилизации в Беларуси сыграл внешний фактор. К основным его проявлениям можно отнести следующие обстоятельства:

- 1) усиление информационно-когнитивной войны против Беларуси, ведущейся странами Запада и их спецслужбами;
- 2) ошибки российского руководства в политике по реализации геополитического проекта Союзного государства России и Беларуси;
- 3) противоречия между руководством Беларуси и представителями российского сырьевого капитала и др.

Информационно-когнитивная война Запада против Беларуси, её общественной системы преследует три основные цели. Во-первых, оторвать Беларусь от России, разрушить цивилизационное, этнокультурное единство белорусов и великорусоврусских, исторически составляющих вместе с украинцами один народ. Следствием чего стало бы конструирование по образцу современной Украины антироссийской Беларуси. Это позволило бы англосаксонским стратегам замкнуть дугу нестабильности по всему поясу западной границы Российской Федерации. Данное намерение является важнейшей геополитической задачей США и их основных союзников по ослаблению России и даже возможному её расчленению.

Второй целью информационно-когнитивной войны против белорусского общества стало намерение расшатать государственность Беларуси до такой степени, чтобы она стала лёгкой добычей для геополитического поглощения Польшей, мечтающей о возрождении Польско-Литовской унии с белорусскими землями. В современных условиях эта идея преломляется в проекте «Междуморье» (конфедеративного государства Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии и др. под польским патронатом)¹. Исторические параллели здесь

¹ *Разумовский Андрей.* Замполиты из Посполитой: как Польша поддерживает белорусскую оппозицию. Помощь протестующим граничит с вмешательством во внутренние дела Белоруссии, 6 сентября 2020 г. URL: <https://iz.ru/1056819/andrei-razumovskii/zampolity-iz-pospolitoi-kak-polsha-podderzhivaet-belorusskuiu-oppozitciu> - 07.09.2020.

проводятся с Великим княжеством Литовским, которое в XVI в. простиралось от Черного моря до Балтийского.

Третьей целью информационно-когнитивного давления на Беларусь является стремление коллективного Запада, всей мировой закулисы наказать А.Г. Лукашенко за подлинно суверенную политику, которую он проводит более четверти века, за взвешенный подход в борьбе с коронавирусной инфекцией. Как известно, президент Белоруссии отказался поддаваться истерии, навязываемой в связи с этой болезнью в большинстве государств мира. В его стране даже временно не были остановлены производства. Здесь не стали изолировать здоровых людей, ограничившись такими мерами лишь в отношении заболевших лиц. Этим Лукашенко по сути дела бросил вызов негласному мировому правительству. Более того, Беларусь единственная на постсоветском пространстве в период коронавируса осмелилась провести парад в честь 75-й годовщины Великой Победы, что не могли простить ей недруги нашего большого Отечества.

Основными средствами информационно-когнитивной войны Запада против Беларуси стали зарубежные СМИ, особенно *интернет-каналы и разветвлённая сеть НКО, находящаяся на финансовом обеспечении геополитических противников народа братской нам страны.*

С территории Польши на Беларусь постоянно вещает прозападный телеканал «Белсат». Он финансируется не только поляками, но и британцами. Не так давно у телеканала возникли материальные сложности. В этой ситуации щедрая и оперативная помощь пришла из Лондона. «Белсат» получил тогда пять миллионов фунтов стерлингов¹. Поэтому нельзя без иронии воспринимать заявления тележурналистов канала об их якобы независимой оценке событий, происходящих в Белоруссии.

Но не телевидение стало рупором августовского протестного движения, а Интернет-ресурсы, мессенджер Telegram. При этом особенно выделился канал Nexta Live, аффилированный и управляемый из Польши. Он был создан примерно 6 лет назад и приобретал постепенно всё большую известность. С начала 2019 г. он вошел в тройку самых

¹ Вмешивался ли кто-то в белорусские выборы, 14 августа 2020 г. URL: <https://ria.ru/20200814/1575759363.html?in=t> – 07.09.2020.

популярных средств массовой информации Белоруссии¹. Популярность его продолжала расти. В начале августа 2020 г. он перешагнул планку в миллион подписчиков², а в период массовых протестных акций количество его подписчиков возросло ещё больше. Некоторые авторы называют цифру в 2 млн.³ Это примерно пятая часть населения страны.

Формально telegram-канал Nexta принадлежал Роману Протасевичу – белорусскому оппозиционеру, который с 2012 г. живёт в Варшаве. Канал работает 24 часа в сутки и семь дней в неделю. Понятно, что для этого нужно иметь большой штат и очень неплохое финансирование. Главными кураторами деятельности канала являются структуры, близкие к спецслужбам США и Польши.

Telegram-канал Nexta в критические дни августа 2020 г. руководил действиями протестующих. Он давал инструкции: «Идите на ту улицу. Нет, стойте, там засада ОМОНа, проходите переулками и мелкими группами. Срочно все в городок такой-то, там нужна помощь! Жители N, выходите праздновать на улицы, всю милицию увезли в Минск!»⁴ Сотни сообщений информационного канала в сутки направляли протест от улицы к улице, от города к городу.

Названный telegram-канал вбрасывал в информационное пространство Беларуси материалы недостоверных социологических исследований в виде сомнительных «тестовых опросов» о якобы «подлинных результатах» президентских выборов, ложную информацию о появлении в Минске «российского спецназа», о «зверстве, бесчинстве омовцев режима тира-

¹ Откуда взялся Telegram-канал Nexta и почему именно он стал рупором протестов в Беларуси? Комментарии инженера Александрова Андрея URL: https://yandex.ru/q/question/otkuda_vzialsia_telegram_kanal_nexta_i_on_f56a2249/?utm_source=yandex&utm_medium=wizard&answer_id=0dae0ca1-dfad-4a77-888a-72998f30c30f#0dae0ca1-dfad-4a77-888a-72998f30c30f – 19.08.2020.

² Кто стоит за Telegram-каналом «Nexta», координирующим протесты в Минске, 13 августа 2020 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/karaulovlife/kto-stoit-za-telegramkanalom-nexta-koordiniruiuscim-protesty-v-minske-5f358fe80497782e938c0e05> - 20.08.2020.

³ Прошло 3 недели с начала протестов в Беларуси. Только факты о том, что происходит в стране, 31 августа 2020 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/obelarusi/proshlo-3-nedeli-s-nachala-protestov-v-belarusi-tolko-fakty-o-tom-chto-proishodit-v-strane-5f4ba029870dda1c6a615ac0> - 01.09.2020.

⁴ Заговор чекистов? Кто на самом деле свергает Лукашенко, 17 августа 2020 г. URL: https://yandex.ru/turbo/s/tsargrad.tv/articles/zagovor-chekistov-kto-na-samom-dele-svergaet-lukashenko_274360?promo=navbar&utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com – 20.08.2020.

на Лукашенко» и др. Зачастую фейками были не только сообщения, но и изображения. Как минимум 60% фотографий травм граждан, пострадавших от рук сотрудников силовиков, являлись постановочными¹. Но цель во многом была достигнута – произошло определённое переформатирование сознания значительной части белорусов, особенно молодёжи.

По мере стабилизации ситуации в Беларуси оппозиционные telegram-каналы начали менять тактику информационно-пропагандистского воздействия. Они стали призывать людей ездить на машинах по дорогам и сигналить, женщин – надевать белую одежду, выстраиваться вдоль дорог, дарить цветы правоохранителям и др. Оппозиционные информационные каналы с конца августа 2020 г. убеждали людей снимать свои банковские вклады, отказываться от продукции, производимой в республике, чтобы создать дополнительные проблемы властям, лишить экономику необходимых поступлений. 8 сентября 2020 г. telegram-канал NEXTA призвал жителей Беларуси задерживать оплату штрафов, коммунальных услуг, налогов и перейти на наличную оплату в магазинах, чтобы тем самым «перекрыть любые каналы денег в карман государства»². Следовательно, западные «доброжелатели» через свои информационные рупоры уже не скрывали антигосударственной направленности намерений и действий.

В августе – сентябре 2020 г. telegram-канал NEXTA стал публиковать личные данные белорусских правоохранителей, а также людей, которые открыто поддерживали государственную власть. Цель таких действий – психологическое давление и устрашение. Всё это по сути дела и есть технологии гибридной войны, успешно реализованные во время многих «цветных революций» в последние десятилетия.

Вторым важным средством влияния на общественное сознание и поведение граждан стали многочисленные НКО. Деньги на их финансирование с целью «демократизации» и «европеизации» белорусского общества шли преимущественно

¹ *Еременко Пётр*. Лукашенко призвал граждан Белоруссии простить ошибки правоохранителей. Лукашенко прокомментировал действия милиции во время протестов на митинге в Гродно, 22.08.2020 г. URL: <https://monavista.ru/article/154717/> - 28.08.2020.

² *Байназаров Эльнар*. Белорусское предупреждение: Минск готовит меры против сторонников протеста. Республика намерена пересмотреть отношения с государствами-спонсорами уличных демонстраций, 9 сентября 2020 г. URL: <https://iz.ru/1058435/elnar-bainazarov/belorussskoe-preduprezhdenie-minsk-gotovit-mery-protiv-storonnikov-protesta> - 10.09.2020.

но через Польшу. В середине августа 2020 г. премьер-министр этой страны заявил о выделении 50 млн злотых (свыше 13 млн долл.) на различные «программы», связанные с Белоруссией. Это стало дополнительной суммой к 140 млн евро, выделенным Польшей за предыдущие годы на «развитие белорусской демократии»¹.

Уже после августовской попытки государственного переворота были организованы фонды помощи «демократии в Белоруссии» в Чехии, Латвии и ряде других стран Европы. Так, Чехия создала «Фонд помощи белорусам» размером в 450 тыс. долл.². Эти деньги, судя по программным его заявлениям, пойдут на поддержку «независимых» СМИ, обучение белорусских студентов и другую помощь «борцам за свободу». Правительство Латвии через сеть НКО выделило на помощь белорусскому «гражданскому обществу» 159 тыс. евро. «Норвежский хельсинкский комитет» перечислил на цели оппозиции 1,5 млн. долл.³. Они должны быть направлены на поддержку участвующих в забастовках работников промышленных предприятий.

Вышеназванные средства – лишь часть финансовой поддержки, которая шла на обработку сознания многих белорусов, особенно молодёжи через прозападные некоммерческие структуры. Главным же политическим спонсором их денежного обеспечения является Агентство по международному развитию при Госдепе США (USAID)⁴. Именно оно – основной заказчик подготовки и проведения «цветных революций» на постсоветском пространстве, оставаясь при этом зачастую в тени. По сообщениям российской Службы внешней разведки, только в течение 2019 г. и начала 2020 г. США по линии различных НПО направили на организацию антиправительствен-

¹ *Разумовский Андрей*. Замполиты из Посполитой: как Польша поддерживает белорусскую оппозицию. Помощь протестующим граничит с вмешательством во внутренние дела Белоруссии, 6 сентября 2020 г. URL: <https://iz.ru/1056819/andrei-razumovskii/zampolity-iz-pospolitoi-kak-polsha-podderzhivaet-belorusskuiu-oppozitciiu> - 07.09.2020.

² *Никифоров Игорь*. Заграница им поможет: сколько Запад потратил на белорусские протесты. На поддержку демократии спустили миллионы долларов, 16 октября 2020 г. URL: <https://news.ru/world/zagranica-nam-pomozhet-skolko-zapad-potratil-na-belorusskie-protesty/> - 17.10.2020.

³ *Никифоров Игорь*. Указ. публикация.

⁴ *Разумовский Андрей*. Указ. публикация.

ных выступлений в Беларуси порядка 20 млн долл.¹. На эти деньги осуществлялось формирование сети «независимых блогеров» и информационных аккаунтов в социальных сетях, шла подготовка активистов к проведению уличных акций. Наиболее перспективные из них проходили обучение в США, Польше, Литве, Украине. Так, лишь одна американская организация World Learning за последнее время потратила почти миллион долларов (950 тыс.) на оплату стажировок в США белорусских гражданских активистов и специалистов². Во время столкновений «мирных демонстрантов» с белорусской милицией такие «активисты» как раз и отличались

К сожалению, многие молодые люди, включая старшеклассников, студентов, активно участвуя в протестах, не предполагают, что являются «людским материалом», используемым хорошо проплаченными оппозиционерами для решения геополитических задач далёких от интересов большинства народа Беларуси. Зачастую молодежь воспринимает протестные акции с оппозиционными флагами, ленточками, сцепками рук, выкриками «Уходи», «Ты уволен», «Мы гуляем» и т.д. как развлекательный квест, романтическое участие в «движухе», в интересной игре. Но ведь игра-то очень опасная для судеб Беларуси и нашего большого Отечества. В одном из Интернет-комментариев на белорусские протестные события было написано, что такие же «гуляки» в Украине уже догулялись до остановки многих промышленных предприятий и начала развала страны. «Но печально то, – продолжал автор комментария, – что "гуляют" тысячи, а плачут потом миллионы»³. И это во многом так.

Кроме указанных выше мер (использование Интернет-ресурсов, деятельности НКО) Запад предоставляет белорусской «пятой колонне» и обманутым ею гражданам Беларуси дополнительные услуги. К их числу можно отнести: радужный приём у себя оппозиционных лидеров с оказанием им политической, информационной и финансовой поддержки;

¹ В СВП обвинили США в поддержке антиправительственных сил в Белоруссии, 16 сентября 2020 г. URL: https://ria.ru/20200916/belorusssiya-1577316944.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – 16.09.2020.

² Никифоров Игорь. Указ. публикация.

³ Комментарии к публикации Анастасии Вереск «Как 13 сентября в Витебске прошел марш протеста. «Мы гуляем!» и «Это наш город!», 15 сентября 2020 г. URL: <https://zen.yandex.ru/media/vkuriemews/kak-13-sentjabrija-v-vitebske-proshel-marsh-protesta-my-guliaem-i-eto-nash-gorod-5f5f28d3354535081e15f391> - 16.09.2020.

предоставление медицинской помощи лицам, пострадавшим во время противостояния с белорусскими силовиками; готовность предоставить рабочие места и возможность бесплатного обучения активно протестующим белорусам и др.

Финансовое обеспечение протестов осуществляется со стороны стран Запада и через профсоюзы, проявляющие лояльность к их правительствам. Например, польский профсоюз «Солидарность» собрал для белорусских протестующих 1 млн злотых (более 220 тыс. евро)¹. Следовательно, гибридная война против Беларуси активно ведётся практически на всех уровнях от финансового до информационно-когнитивного.

Следующим важным фактором, способствовавшим дестабилизации ситуации в Беларуси, стали *ошибки российского руководства в реализации геополитического проекта Союзного государства России и Белоруссии*. Влиятельная часть российской властной элиты, отстаивающая прозападную, а не евразийскую стратегию развития, несёт прямую ответственность за кризисную ситуацию в союзном с нами государстве. Ставка на сырьевой и банковский капитал ослабляет потенциал суверенитета Российской Федерации, сдерживая реальные интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Следствием этого стало отсутствие существенного прогресса в строительстве Союзного государства Беларуси и России, договор о создании которого был подписан ещё в 1999 г.

В начале нулевых годов, когда решался вопрос о модели Союзного государства, российская власть предложила белорусскому руководству, мягко говоря, не самые удачные варианты интеграции. *Первый вариант* – вхождение Белоруссии в состав России и выстраивание новых органов власти исключительно в соответствии с Конституцией РФ. На деле это означало бы поглощение братской республики Россией. Такой, явно имперский (в худшем смысле этого слова) сценарий интеграции не только лишал Беларусь суверенитета, но и привёл бы к кризису доверия России со стороны других государств СНГ.

Отдельные российские политики, руководители крупных компаний вышеописанный путь интеграции, подрывающий её равноправную сущность, восприняли тогда восторженно. Например, председатель правления РАО «ЕЭС России»

¹ Разумовский Андрей. Указ. статья.

А.Б. Чубайс посчитал его «блестящим тактическим манёвром и правильной стратегической композицией».¹ Он полагал, что это предложение позволяет России перехватить политическую инициативу. Только он не пояснил, чем обернётся этот «перехват» для судьбы Союза Беларуси и России. Как показало время, такие действия привели к торжеству интеграционного процесса и определённой его дискредитации.

Смысл *второго варианта* российского предложения о модели Союзного государства заключался в том, чтобы ограничить интеграцию созданием межсоюзного парламентского органа по образцу Евросоюза. Однако это было бы шагом назад по сравнению с духом и положениями Договора о создании Союзного государства, действовавшего уже с 1999 г. Более того, такое российское предложение не учитывало характер братских отношений между нашими народами, общности их исторических судеб и желания жить в рамках более широкой интеграции, чем Европейский Союз.

С учётом вышеприведённых обстоятельств А.Г. Лукашенко предлагал российскому руководству оптимальный вариант союзной федерации по примеру, близкому к СССР, когда в новом государстве наднациональным органам были бы переданы широкие функции. Именно такая модель поддерживалась преобладающей частью населения Российской Федерации и Республики Беларусь. Согласно социологическому исследованию, проводившемуся в 2001 г., сторонники единого союзного государства по типу СССР (федерация) составляли большинство из общего числа опрошенных в двух странах². Однако российские власти не посчитались с этим мнением и не оказались готовыми к конструктивному решению вопроса интеграции на основе уважения равноправия и суверенитета. В частности, было проигнорировано предложение Лукашенко передать Союзному государству функции внешней политики и обороны, а в решении хозяйственных и иных внутренних воп-

¹ Чубайс А. О Путине, шахтёрах и ваучере. Интервью председателя правления РАО «ЕЭС России» главному редактору «АиФ», 2002, № 34, 21 августа, с. 3.

² Аксёнов В. Интеграционное пространство // Независимая газета, 2001, 28 марта.

росов сохранить национальные приоритеты¹. Такое лукашенковское предложение диктовалось тем обстоятельством, что в России и Беларуси сложились и функционировали различные экономические модели. Но при соблюдении принципов суверенитета и равноправия это не было бы препятствием для проведения действенной интеграции двух стран.

В нулевые и последующие годы процесс создания Союзного государства Белоруссии и России сдерживался российским исполнительным властью преимущественно по политическим мотивам. Одним из них стала *подготовка к вступлению во Всемирную торговую организацию*. Изначально российское руководство заняло уважительную позицию по отношению к странам СНГ, включая Белоруссию, – вступать в ВТО вместе, чтобы было легче отстаивать общие интересы. Однако в середине нулевых годов Россия изменила свой подход, заявив, что сама вступит в ВТО, а потом поможет туда вступить и другим странам Содружества. Как справедливо отмечал по этому поводу А.Г. Лукашенко, у России сначала была одна позиция, потом – другая. «Мы прекрасно понимаем, – продолжал он, – Россия хочет вступить в ВТО по каким-то причинам без СНГ, и это, поверьте, очень плохо воспринято было руководителями стран СНГ»².

В 2009 г. российская исполнительная власть вновь заявила о том, что в ВТО страна будет вступать одновременно и на согласованных условиях вместе с членами единого Таможенного союза – Белоруссией и Казахстаном. Однако вскоре опять «какие-то причины» сделали для российской власти второстепенными интересы Таможенного союза и Союзного государства, подвигнув её на сепаратное вхождение в ВТО в 2011 г. А причина этого кроется в том, что ВТО является не только экономической, но и политической организацией. Её руководство не желало в своём составе видеть объединение ряда стран СНГ с их консолидированной позицией. Также Всемирная торговая организация не хотела появления полноценного государственного субъекта в лице Союза Белоруссии и России. В результате российская власть в угоду требова-

¹ А. Лукашенко. Избранное. Материалы пресс-конференции Президента Республики Беларусь для российских журналистов, 23 ноября 2005 г. // Трибуна, 2005, 25 ноября.

² Лукашенко А.Г.: «Мы строим социально ориентированное государство», ноябрь 2005 г. // Литературная газета, 2005, № 49-50, 30 ноября-6 декабря, с. 10.

ниям ВТО по сути дела заморозила процесс равноправного объединения двух братских государств.

Подрывали наш с Беларусью интеграционный процесс и ежегодные предновогодние разногласия, конфликты по вопросу о ценах на нефть и газ для братской республики. Хотя ведь в рамках действующего Союзного договора от 1999 г. территория Беларуси и России становилась единым экономическим пространством с отсутствием таможенных барьеров *и наличием единых цен*. Но в реальной действительности российская власть не собиралась по ценам на энергоресурсы обеспечивать выполнение подписанного договора. Такая её позиция, направленная на защиту интересов собственного крупного сырьевого капитала, противоречила союзническим обязательствам, создавая дополнительные сложности для белорусской экономики.

Явно недружественным, подрывающим основы союза двух братских стран, стало введение Россией с 1 января 2019 г. налогового манёвра в нефтегазовой сфере, в результате которого вся тяжесть налогообложения перекладывалась на внутреннего потребителя в России и Беларуси, на предприятия, имеющие высокую добавленную стоимость. Смысл такого манёвра заключался в переносе тяжести налогообложения российского топливно-энергетического сектора с экспортных таможенных пошлин на налог на добычу полезных ископаемых. В результате снижалась конкурентоспособность и белорусской, и российской продукции, выпускаемой на предприятиях с высокой степенью добавленной стоимости и значительными энергетическими затратами. Этот «манёвр» оказал дестабилизирующее влияние на экономику Беларуси, провоцируя в этой стране политический кризис. По данным ряда экономистов, налоговый маневр в России привел к потере Беларусью в 2020 г. около 900 млн. долл.¹. Такие ошибки российской власти, а, возможно, умышленные действия в интересах крупного сырьевого капитала вели к ослаблению доверия между субъектами Союза России и Белоруссии.

¹ Возможно, нам придется объявить дефолт. Об экономической ситуации в стране и ее перспективах рассказали эксперты. Мнение учёного-экономиста, аналитика Леонида Злотникова, 10 сентября 2020 г. URL: <https://intex--press-by.turbopages.org/intex-press.by/s/2020/09/10/vozmozhno-nam-prividetsya-obyavit-defolt-ob-ekonomicheskoy-situatsii-v-strane-i-ee-perspektivah-rasskazali-eksperty/> - 22.10.2020.

Политический кризис в Беларуси августа – осени 2020 г. должен послужить отрезвляющим уроком для российской политической элиты. Ведь общественная дестабилизация в братской для нас стране по сути дела стала репетицией возможных подобных событий в Российской Федерации. Определённым уроком, как признает это А.Г. Лукашенко, данная ситуация стала и для руководства Белоруссии. Хотелось бы верить, что в ближайшее время активизируется процесс справедливого решения интеграционных проблем между двумя народами и государствами.

Третьим фактором, способствовавшим дестабилизации ситуации в Беларуси, стали обострившиеся противоречия между руководством этой республики и представителями российского сырьевого капитала. Реалии таковы, что в диалоге с ними белорусский президент отстаивал интересы не только своей страны, но и Союза Беларуси и России, а также в целом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). При этом Лукашенко опирался на положения Договора о создании Союзного государства и Договора о ЕАЭС. Он многие годы выступает за коллегиальный принцип выработки решений по важнейшим вопросам союзной и евразийской интеграции, а также за ослабление нашей зависимости от американской валюты. В частности, он не раз предлагал создать единые рынки нефти и газа с собственными биржами, формировать цены на газ и нефть в национальных валютах, отказавшись от их долларového эквивалента. Как не без основания полагают некоторые белорусские политологи, такой подход не устраивал российских сырьевых монополистов и прежде всего Газпром¹. Для газового монополиста Российской Федерации интерес прибыли, финансовой выгоды нередко оказывался выше стратегической линии на сближение братских народов и углубление равноправной интеграции наших государств. В определённой мере это проявилось и в период предвыборной кампании 2020 г. в Белоруссии.

¹ Белоруссию используют как испытательный полигон для «цветной революции» в России: политолог из Минска раскрыл подноготную «Беломайдана». Интервью с экспертом Республиканского общественного объединения «Белая Русь» Петром Петровским, 1 сентября 2020 г. URL: <https://news-front.info/2020/09/01/belorusiiyu-ispolzuyut-kak-ispitatelnyj-poligon-dlya-cvetnoj-revoljuczii-v-rossii-politolog-iz-minska-raskryl-podnogotnuyu-belomajdana/> - 04.09.2020.

Белорусские аналитики ещё за два месяца до президентских выборов высказывали свои опасения по поводу вмешательства в них Газпрома. Ведь политическая дестабилизация в Беларуси ослабляла переговорные позиции её руководства. Как не без основания полагал белорусский политолог П.С. Петровский, «возможная буча с перспективой восстановления санкций Запада резко сузит дипломатический маневр Минска и ослабит его переговорные позиции по поставкам российского газа и нефти»¹.

Не без участия Газпрома произошло выдвижение в кандидаты на пост президента Беларуси председателя правления БелГазпромбанка В.Д. Бабарико. Интересно, что этот банкир, судя по его публичным заявлениям, человек вовсе не пророссийских взглядов, а, напротив, прозападный либерал, выступающий против сохранения его страны в военных и других объединениях с Российской Федерацией. Получилось так, что в данном случае влиятельная часть российского сырьевого капитала на деле солидаризировалась с глобальными игроками Запада, которые объективно являются геополитическим противниками России и проекта Союзного государства с Белоруссией. Основная причина такого «парадоксального» явления заключается в сохраняющейся олигархической системе современной российской социальной организации.

О связях высоких правительственных чиновников России с банковскими функционерами Беларуси, близкими к Газпрому, свидетельствуют материалы дела В.Д. Бабарико, арестованного по обвинению в мошенничестве. В рамках этого расследования было арестовано 4 млн долл., принадлежавших семье зам. министра финансов Российской Федерации и пресечён канал вывода капиталов «Газпрома» через «БелГазпромбанк» и латвийский банк ABLV в офшорные зоны². Следовательно, белорусские власти пресекли преступные финансовые операции, осуществлявшиеся представителями

¹ "Батькин эксперт" Петр Петровский: "Прямое и вероломное вмешательство Газпрома в белорусские выборы", 14.06.2020 г. URL: <https://after-shock.news/?q=node/877430&full> - 13.08.2020.

² Белоруссию используют как испытательный полигон для «цветной революции» в России: политолог из Минска раскрыл подноготную «Беломайдана». Интервью с экспертом Республиканского общественного объединения «Белая Русь» Петром Петровским, 1 сентября 2020 г. URL: <https://news-front.info/2020/09/01/belorusseyu-ispolzuyut-kak-ispitatelnyj-poligon-dlya-czvetnoj-revoljuczii-v-rossii-politolog-iz-minska-raskryl-podnogotnyu-belomajdana/> - 04.09.2020.

крупного банковско-сырьевого бизнеса во взаимодействии с высоким российским чиновником.

Анализ вышеприведённого материала свидетельствует, что внешний фактор оказал важную роль в дестабилизации ситуации в Беларуси. Получилось, к сожалению, так, что российский олигархический капитал вольно или невольно стал подыгрывать на белорусском направлении геополитическим противникам нашей страны и недругам Союзного государства Белоруссии и России. В немалой степени это связано с тем, что через состав акционеров влияние на принятие решений в крупных российских сырьевых компаниях принадлежит в значительной мере тем же западным хозяевам денег. Но, несмотря на всё это, лукашенковская Беларусь никогда не отворачивалась от России. Другое дело, что при перманентных экономических спорах с представителями сырьевого бизнеса и его лобби в российских эшелонах власти белорусское руководство пыталось искать альтернативы, включая сферу нефтяного рынка. И делалось это в интересах народа Беларуси. Именно поэтому *Лукашенко был вынужден проводить многовекторную политику*. В начале сентября 2020 г. об этом он откровенно сказал российским журналистам: «Думаете, я не понимаю, что сто лет не нужен этой Европе и тем более Америке. Но мне надо было спасти страну, надо было выживать, в то время как меня не понимали там (в России)»¹.

Современная ситуация в мире, попытка государственного переворота в Беларуси, усиление давления на Россию, нарастающие угрозы в её адрес со стороны Запада и НАТО должны побудить государственников в российской политической элите пресечь аппетиты сырьевых монополистов и найти взаимоприемлемые, а главное равноправные подходы для активизации интеграционного процесса с Беларусью. В условиях дестабилизации ситуации в братской республике на Западе была развёрнута масштабная пропагандистская кампания не только против Беларуси, но и против России, её якобы агрессивной политики.

Всё более дерзко ведёт себя сегодня НАТО по отношению к нашей стране. С августа 2020 г. Североатлантический альянс увеличил интенсивность полетов у российских границ.

¹ Лукашенко заявил, что белорусы и россияне сохраняют общее Отечество, 1 сентября 2020 г. URL: https://ria.ru/20200901/lukashenko-1576571353.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – 02.09.2020.

Как отмечал по этому поводу министр обороны России С.К. Шойгу, настораживает то, что, «если раньше такие полёты осуществляла в основном разведывательная авиация, то сейчас начались регулярные полеты и заходы с тренировкой, имитацией нанесения ракетных ударов»¹. По данным издания «Репортёр», в начале сентября 2020 г. американские бомбардировщики B-52H Stratofortress, находясь в небе Украины, отработывали возможные массированные атаки на Севастополь, Ростов-на-Дону, Краснодар и Сочи.² Это по сути дела и есть подготовка к вооружённому столкновению с нашей страной, а значит и с Союзным государством России и Беларуси.

Таким образом, непростое время переживают Белоруссия и наше с ней Союзное государство. Братскую республику пытаются ослабить, сломить её суверенитет путём раскола белорусского общества. И мы не должны строить иллюзии, что это нас не касается. Белоруссию сегодня используют как пробный шар для атаки на Россию, репетируя на ней новейшие технологии общественной дестабилизации и государственного переворота с возможным их переносом на Российскую Федерацию.

Гражданам России, независимо от их политических пристрастий, сегодня очень важно проявлять уважительное отношение к Беларуси и сопричастность с нею. Нам нельзя допускать высокомерные, несправедливые и обидные выпады против руководства этой страны. Однако до сих пор это осознают далеко не все, продолжая произносить провокационные суждения о том, что мы якобы «тянем белорусскую ляжку», или, например, россияне «в ущерб себе помогают изворотливому Лукашенко» и др. Отдельным российским политикам, аналитикам и публицистам пора прекратить распространять эту ложь, вселяющую в души белорусов обиду и сомнения в искренности нашего братского к ним отношения. Ведь мы – один народ и единая культурно-цивилизационная общность.

¹ Шойгу заявил об имитации НАТО авиаударов по России, 6 сентября 2020 г. URL: https://ria.ru/20200906/udar-1576843511.html?rcmd_alg=svd&rcmd_id=157684983 – 07.09.2020.

² Россия перебросила в Белоруссию 8 бомбардировщиков, несущих 23 мегатонны ядерного оружия, 4 октября 2020 г. URL: https://avia.pro/news/rossiya-perebrosila-v-belorussiyu-8-bombardirovshchikov-nesushchih-23-megatonny-yadernogo?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com – 05.10.2020.

В.Ю. БЕЛЬСКИЙ
*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии Московского
университета МВД России имени В.Я. Кикотя**

Политика памяти в истории развития российской цивилизации

В статье раскрывается содержание понятия «политика памяти». Показывается, что под политикой памяти, как правило, подразумевают совокупность приемов и методов, с помощью которых политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий. Данный процесс связывается с патриотическим воспитанием молодежи, без которого полноценное развитие цивилизации невозможно.

***Ключевые слова:** цивилизация, Россия, политика памяти, философия, образование, патриотизм, молодежь.*

V.Yu. BELSKY
*Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of philosophy,
Moscow University of the MIA of Russia named
after V. J. Kikot*

The politics of memory in the history of the development of Russian civilization

The article reveals the content of the concept of "memory policy". It is shown that the politics of memory, as a rule, means a set of techniques and methods with the help of which political forces, using the administrative and financial resources of the state, seek to approve certain interpretations of historical events. This process is associated with the

* Бельский Виталий Юрьевич, e-mail: v.belskiy@bk.ru,

patriotic education of young people, without which the full development of civilization is impossible.

Keywords: *civilization, Russia, politics of memory, philosophy, education, patriotism, youth.*

Историю пишут люди, отражая свое видение происходящих событий. Под политикой памяти, а также под исторической политикой обычно подразумевают совокупность приемов и методов, с помощью которых политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий.

Термин «политика памяти» появился в Германии еще в 1980-е гг., в частности, в те годы канцлер Германии Гельмут Коль с его помощью стремился к формулировке позитивного понимания немецкого патриотизма с тем, чтобы он не строился исключительно на признании немецким народом собственной вины за преступления Третьего рейха. В начале XXI в. термин «политика памяти» стал широко использоваться в Польше, где идеи проведения специфической исторической политики приобрели значительную поддержку во имя утверждения «здорового патриотизма» и противостояния «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом, что привело и к активному использованию самого понятия «историческая политика».

К концу первого десятилетия XXI в. этот термин стал активно применяться исследователями для описания процессов и практических приемов в политике посткоммунистических государств Восточной Европы. Хотя тенденция к политизации истории имеет место во многих странах, однако именно в Восточной Европе использование истории в политических целях приобрело в начале XXI в. ярко выраженный характер. Это связано с рядом особенностей посткоммунистических стран этого региона, и в первую очередь с проблемами, возникающими при попытках ускоренного создания новых национальных идентичностей в процессе строительства национальных государств.

Для проведения исторической политики стали использоваться особые средства, в частности, организация институтов национальной памяти, создание специальных музеев, принятие законов, направленных на закрепление в общественном сознании той или иной трактовки исторических событий, финансирование проектов, осуществляемых по поли-

тическому заказу, использование контроля над средствами массовой информации и образованием, учреждение памятных дней и проведение акций памяти. В силу этого историческая память представляется ареной политической борьбы с внешним и внутренним противником. Этим оправдывается отступление от принципов профессиональной этики, ограничение свободы высказывания, изменение принципов финансирования, результатом чего становится разрушение пространства для диалога внутри страны и нагнетание конфликтности в отношениях с внешним миром.

Основным полем битвы в исторической политике является массовое историческое сознание с его образами исторического прошлого. На формирование «правильных» образов прошлого у подрастающих поколений россиян с последующим их воспроизведением и направлена историческая политика. Однако эффективность российской политики памяти вызывает сомнения.

Наши противники действуют методами психоисторической войны, тактику и стратегию ведения которой российская сторона еще не выработала. Этому препятствуют не только различные институциональные нестыковки, но и нерешительность в отношении выбора средств: серьезные научные исследования так и остаются в академическом безмолвии, а использование всех методов манипулирования сознанием представляется аморальным. Именно поэтому разного рода «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории» изначально обречены на неэффективность. В России есть как критики методов исторической политики, так и ее сторонники, рассматривающие политизацию истории как серьезный вызов и требующие ответную постановку задач в области исторической политики, признавая, что для России эта политика является вынужденной реакцией на проведение исторической политики восточноевропейскими странами. При этом одной из главных задач в области исторической политики считается формирование научной школы изучения истории наших бывших советских республик и бывших стран социалистического содружества. Однако только этих мероприятий недостаточно. Политика памяти для России не может ограничиваться лишь научным и просветительским противодействием восточноевропейским манипуляторам, тем более выполняющим заказ своих покровителей. Россия должна понимать политику памяти, с одной стороны, шире, а с другой – уже.

Более широкий аспект политики памяти не может сводиться только ко Второй мировой войне. Необходимо осуществить концептуальное, философское понимание России как цивилизации, развивающейся в специфических условиях. Для этого требуется: демифологизация и культурная локализация западной цивилизации, преодоление европоцентризма; демифологизация российской истории и ее культурной традиции; формирование реалистического понимания исторического пути Советского Союза как этапа и формы развития российской цивилизации; понимание исторической преемственности всех этапов развития российской цивилизации; признание идеи многополярного мира и диалога цивилизаций.

Более узкий аспект проблемы связан с необходимостью «назвать вещи своими именами» и преодолеть сложившуюся еще в Советском Союзе практику замалчивания тех преступлений, которые были совершены в отношении советских и российских граждан. Из 6 млн уничтоженных евреев 40% были гражданами Советского Союза. Только на Украине было уничтожено 1,4 млн евреев, в Литве – 220 тыс. уничтоженных евреев, в Латвии – 77 тыс., в Эстонии – около 8 тыс. Все они были советскими гражданами. И это только один пример из очень большого списка.

Политика памяти должна стать средством самосознания России. Нам не нужно будет прибегать к манипулированию, достаточно только честно заявить о том, что было. И тогда политика памяти будет опираться не на обман, а напротив, на способность суждения. Поскольку способность суждения – это не только способность к критическому мышлению, но и способность, основанная на чувстве, отчасти – на интуиции, то, очевидно, напрашивается вывод, что выработка и совершенствование такой способности предполагает двусторонние усилия – со стороны индивида, его воли и со стороны общества. «Только свободно человек мыслит, – писал И.А. Ильин в своей работе «Борьба за Россию», – потому что истинное мышление – это самостоятельное мышление, т.е. собственная, внутренняя сосредоточенность личностного созерцания, обдумывания, прозрения. Тот, кто навязывает мысль силой, парализует ее. Кто воспитывает молодежь в духе тоталитарного мышления, отбивает у нее охоту мыслить. Вмененное в обязанность мировоззрение уже не мировоззрение, предписанные убеждения – мертвый груз, звук пустой,

ханжество и фальшь; духовно они бессильны; они никого не связывают, ни к чему не обязывают»¹.

Любая государственная власть должна заниматься формированием патриотизма, работать над воспитанием в гражданах способности суждения, ибо она составляет основу государства, источник его силы, залог его несокрушимости. Современный российский патриотизм стоит перед необходимостью ответственных решений, он требует своего понимания, хотя многим интуитивно ясен. Россия – страна многонациональная, многоконфессиональная, но это – единая Родина. В основе русского патриотизма лежит не принцип нации, этноса, а принцип суперэтноса, цивилизации, симбиоза этносов с комплементарными ценностями.

Более того, современный российский патриотизм в своей основе должен содержать принцип российской цивилизации. Мировоззренческое воспитание в настоящее время должно осуществляться на основе честного понимания реальности и признания фундаментального значения цивилизационных координат человеческой деятельности. Любые проявления национализма и шовинизма не могут рассматриваться как основа патриотизма². Российский патриот творит многонациональную, российскую цивилизацию чувством, волею и сознанием, длительными, устойчивыми и содержательно-верными напряжениями души и духа. Патриотизм – это не только понятие, абстрактная категория, это духовно организованная деятельность любящей свою Родину личности, а также понимающей, что такое его Родина.

От начала своего существования до наших дней Россия как государство – результат творческих усилий далеко не одного лишь русского народа. Конечно, его государствообразующую роль невозможно ни отрицать, ни преуменьшить, но без добровольного, творческого содействия иных народов и племен русский народ ничего бы не создал. Прежде всего, не был бы создан сам русский народ, который имеет далеко не одни лишь восточнославянские корни.

Русский мир является русским и православным лишь постольку, поскольку включенные в его орбиту народы признают ведущую роль русского православного народа и русской куль-

¹ Ильин И.А. Борьба за Россию // Собр. соч. в 10 т. Т. 9-10. М., 1999, с. 407.

² Цивилизация и модернизация: история и современность: Монография / Под ред. Бельского В.Ю., Когай Е.А. М.: Изд. СГУ, 2019. 364 с.

туры в формировании такого комфортного общежития, в котором и самые малые этносы имеют шанс на развитие, обогащаясь достижениями соседей и делясь с соседями своими достижениями. Русский мир не государство нации, а государство идеи, обеспечивающей равенство прав и возможностей всем входящим в него народам.

Безусловно, патриотическое воспитание молодежи должно иметь фундаментальный характер как в научном, так и в этическом аспектах, оно не может ограничиваться лишь адаптацией к существующим, возможно, временным особенностям социально-политического развития. В рамках такой парадигмы должна быть выработана концепция устойчивого развития страны. Глобальных и разрушительных катаклизмов можно избежать лишь на основе возрожденной, а во многом и заново созданной нами российской цивилизации. Оздоровление, модернизация и достижение успешного развития России требуют воплощения в жизнь базовых ценностей российского общества и их синтеза, объединения в единую четко осознаваемую и ясно выражаемую концепцию.

Таким образом, цивилизационная стратегия исторической политики предполагает синтез ценностных и структурных оснований российской цивилизации, ее современных вызовов, как политических, так и формационных, с перспективами дальнейшего развития. Без единства традиции, культурного языка, без сознания единства «человеческого образа» невозможна даже простая встреча двух людей, немыслима никакая цивилизационная синергия.

М.М. НАЗАРОВ

*доктор политических наук, главный научный
сотрудник, Институт социально-политических
исследований ФНИСЦ РАН*

Массовая коммуникация как фактор изменения границ публичного и частного

Рассматриваются содержание, причины и социальные следствия изменения границ публичного и частного в условиях медиатизации. Медиа способствуют формированию «общества самораскрытия» и «цифровой покорности» граждан, где границы публичного и частного становятся все более относительными. Медиа-ландшафт автоматического отслеживания и сбора персональных данных является экзистенциальным вызовом для современного человека.

Ключевые слова: публичное и частное, интернет, телевидение, социальные медиа, цифровизация, гражданское общество, конфиденциальность.

M.M. NAZAROV

*Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute
for Social and Political Research FCTAS RAS*

Mass communication as a factor in changing the boundaries of public and private

The article deals with the issue of changing boundaries of public and private in the context of mediatization. Media fosters a society of self-

* Назаров Михаил Михайлович, e-mail: vy175867@yandex.ru

disclosure and citizens digital resignation blurring boundaries of the public and the private. Media landscape of automatic tracking and personal data collection bring new existential challenges for modern man.

Keywords: *public and private, internet, television, social media, digitalization, civil society, privacy.*

Среди базовых принципов демократического устройства общества выделяют наличие компетентных граждан, принимающих осознанные решения. Необходимым условием этого является публичная сфера как пространство свободных обсуждений и выработки согласия о путях развития сообщества. Предпосылкой включенности в публичную сферу выступает частная или приватная область жизни людей – неотъемлемая сторона жизненного пространства в целом. Благодаря цифровизации средства массовой коммуникации приобрели в нашей жизни новую качественную роль. Для современного общества характерно повышение роли медиа в трансформации границ публичного и частного. Содержание, причины и социальные следствия этого явления рассматриваются в данной статье.

В социально-гуманитарном знании оппозиция публичного и частного является одним из важных противопоставлений, в опоре на которые происходит осмысление социальной реальности. Начало изучению этой проблематики было заложено еще в древнегреческой философии. В последующем различение на публичное и частное оказалось важной познавательным инструментом мыслителей, принадлежащих преимущественно к либеральной традиции, например, Дж. Ст. Милля, И. Бентама и др. Среди наиболее известных авторов, исследовавших эту проблематику в прошлом веке, следует отметить Ю. Хабермаса, Х. Арендт, Р. Сеннета. Актуальной эта проблематика является и сегодня - она находится в фокусе внимания как зарубежных, так и российских специалистов.

В самом широком плане к публичному относят то, что является открытым, гласным, общественным – не частным, т.е. противоположным чему-то общему. В социологии различение публичного и частного принято связывать с областями политики, институтов общества, сферой индустриального производства, с одной стороны; и всего, что относится к

миру дома, семейных отношений – с другой¹. Сфера приватности предполагает автономию индивида, но не его изолированность. Здесь формируются и развиваются способности, вкусы, стиль жизни – уникальность индивида, создающая основу коллективных взаимодействий в публичной сфере². Наряду с этим частное представляет собой некую «нить» в ткани повседневности, которая обеспечивает индивиду иммунитет от посягательств внешней реальности³.

Публичное и частное в контексте медиа: от классических представлений к обществу самораскрытия. Надо сказать, что роль медиа в контексте проблематики публичного и частного обсуждается далеко не всегда. Важной в этой связи является работа немецкого социального философа Ю. Хабермаса «Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества», опубликованная в начале 60-х гг. прошлого века⁴. Хабермас понимает публичную сферу как некоторое пространство, обеспечивающее возможность ассоциациям граждан обсуждать и влиять на решение актуальных проблем их жизни, прежде всего социально-политического порядка. Публичная сфера рассматривается автором, скорее, как идеальная модель. Причем в плане степени соответствия реальности идеалу (демократическому участию в древнегреческом городе-государстве) Хабермас выделяет два основных этапа эволюции буржуазной публичной сферы: раннего капитализма и современности.

Развитие публичной сферы в XVII-XIX вв. Хабермас связывает с появлением и постепенным усилением роли буржуазии. Буржуазная публичная сфера представляет собой область, в которой частные индивиды собрались в качестве публики для участия в дебатах относительно правил управления сферой товарного обмена и рабочей силы, которая основана на частных принципах, но имеет публичное значение – в плане отстаивания своих интересов в отношениях

¹ Chandler D., Munday R. (2020). A Dictionary of Media and Communication (3 ed.). Oxford University Press. Online Version.

² Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010, т. III, с. 343.

³ Maffesoli M. (1993) Privacy. The Blackwell dictionary of twentieth century / Outhwhite W., Bottomore T. (eds.) Oxford, 1994, p. 512.

⁴ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь мир», 2016.

с государством. Активность в публичной сфере осуществлялась, среди прочего, посредством обмена мнениями в медиа того времени – интеллектуальных журналах, памфлетах, газетах.

Трансформация публичной сферы была связана с переходом капитализма к индустриальной фазе развития, формированию массового рынка товаров и услуг. Причем сами элементы публичной сферы – салоны, кафе, газеты – изменялись, приобретая статус капиталистических предприятий. Если раньше газеты, например, обеспечивали пространство диалога и критических дебатов граждан, то теперь на первый план вышли цели собственника медиа по максимизации дохода. Важнейшими игроками в медиа пространстве становятся, наряду с государством, мощные группы давления и лоббирования интересов. Одновременно с этим формируется общество массового потребления. Общественность все более преобразуется в атомизированную публику, социальные связи ослабляются, граждане становятся зрителями¹.

В условиях раннебуржуазной эпохи частная жизнь охватывала – «проживалась» как в профессиональной, так и в семейной сферах. Затем, по мере развития капитализма предприятия укрупняются, преобразуясь в учреждения. Профессиональная сфера становится некоторой «квазипубличной» областью, тогда как сфера частного «сжимается» до размеров семьи. Причем семья со временем все более теряет присущие ей функции воспитания. Частная автономия все в большей степени относится к области потребления. Досуг оказывается заповедником приватного². Однако и здесь благодаря росту пропагандистского влияния медиа публичная сфера создается в домашних условиях, оставляя область частного все менее защищенной, по крайней мере, в эмоциональном плане³.

Заметим, что с тех пор как Хабермас обозначил важнейшие содержательные элементы трансформации публичного и частного прошло достаточно много времени. В пос-

¹ В этой связи Хабермас говорит о рефеодализации публичной сферы, т.е. современному обществу вновь оказывается присуще отсутствие разделения публичного и частного. Именно это было характерно для феодального периода.

² Хабермас Ю. Указ. соч., с. 223, 225.

³ Там же, с. 227.

ледней трети XX в. происходило движение капитализма в сторону постиндустриальной фазы развития. Это сопрягалось с новым состоянием технологической, политико-экономической и социокультурной сфер жизни, которое в целом определяется как общество «постмодерна». Характерно, что в рамках постмодернистского теоретизирования границы публичного и частного рассматриваются как изменчивые, чему в немалой степени способствовало бурное развитие медиа.

В этот период технологии массовой коммуникации сделали новый шаг вперед, предопределяя процесс медиатизации – всеобъемлющего проникновения медиа в жизнь современного общества. Фундаментальными здесь являются новые коммуникационные возможности и, соответственно, рост влияния электронных медиа, сначала телевидения, а затем интернета. Теперь любое действие может быть записано или быть передано в прямом эфире одновременно для массовой и расфокусированной в пространстве публики. Согласно Дж. Томпсону, электронные медиа снимают необходимость «пространственно-временной локализации» индивидов для того, чтобы быть участником того или иного публичного события. Параллельно особую роль приобретает феномен коммуникационной видимости. Телевидение, радио, а затем и интернет создают для аудитории возможности удаленного «со-присутствия» – видимости участников действия. Причем масштабы и оптика детализации показа события являются несопоставимыми с возможностями традиционной межличностной и внутригрупповой коммуникации. Поскольку присутствие и видимость является объективно необходимым элементом любого публичного события – выступления, дискуссии, массового события, это приводит к распространению так называемой медийной публичности¹.

Сопряженным с этим является другое обстоятельство. Новые технологические возможности в увязке с рыночным императивом в деятельности медиа приводят к тому, что предметом общественного внимания становятся те стороны жизни, которые ранее имели частный характер. Это касается, например, различных сторон частной жизни политиков (которые традиционно были закрытыми), жизни звезд спорта, куль-

¹ *Thompson J.B. Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age. Cambridge: Blackwell, 2000, p. 37.*

туры, шоу бизнеса, передач-«расследований», светских скандалов и т.п. Современная информационная среда формирует ситуацию массового опосредованного присутствия. В этих условиях индивидам, как известным персонам, так и простым людям легко создать некоторую интимную форму самопрезентации, сделать видимым тот или иной аспект своей личной жизни. В этом контексте современное общество справедливо на наш взгляд, определяется как «общество самораскрытия»¹.

Очевидно, что феномен самораскрытия знаменует собой новые координаты публичного и частного, которые складывались в последней трети прошлого века. При этом фактор технологических инноваций в области медиа следует рассматривать во взаимосвязи с актуальными экономическими и социально-политическими трендами. Кризис традиционных отраслей промышленности, быстрое развитие наукоемкого производства и сферы обслуживания привело к уменьшению значимости «идеологической политики» и повышению значимости «политики доверия». В более широком плане это является одним из проявлений т.н. «постдемократии», когда при наличии внешних демократических форм роль граждан уходит на второй план, а политики поддерживают связь с обществом за счет широкого распространения манипулятивных техник. Немаловажную роль здесь играют медиа, проявляющие усиленное внимание к личной жизни политических оппонентов: «обвинения, жалобы и расследования подменяют собой конструктивную общественную деятельность»².

Наряду с этим, неизбежность представлений о частном – в смысле необходимости изменений устоявшихся ранее «стереотипов» – ставится под вопрос сторонниками прозрачного демократического контроля. Логика их состоит в том, что сфера частного сейчас является «не только полезным убежищем граждан со стороны других; она может служить «убежищем для негодяев». Публичная пропаганда «частных правонарушений» может быть полностью оправдана, поскольку граждане сталкиваются с лживыми политиками и потенциальными правителями, чья придуманная публичная невинность не соответствует доказательствам, собранным

¹ *Thompson J.B.* The New Visibility // *Theory, Culture&Society*, 2005, vol. 22(6), p. 31-51.

² *Крауч К.* Постдемократия. М., 2010, с. 45.

за закрытыми дверьми – ни капли раскаяния за несправедливость, которую они обрушили на других»¹.

Говоря об особенностях состояния публичной и частной сфер, сделаем важную оговорку. Не следует забывать, что публичность, гласное обсуждение вопросов социально-политической жизни нельзя рассматривать в отрыве от сложного механизма реализации власти в обществе в целом. В этой связи А.А. Зиновьев, один из наиболее пронизательных российских мыслителей, говорил о том, что идея публичности, изначально выдвигаемая как средство контроля населения за властью, если сейчас и выполняет эту функцию, то лишь отчасти. Современное устройство власти и государства столь сложно и многопланово, что важнейшая роль отводится недемократической компоненте властного управления. Вся работа этой «части власти не является публичной, а в значительной мере она вообще секретна. Это обусловлено не каким-то злым умыслом, а характером самой работы соответствующих учреждений власти. ... Учреждения недемократической власти совместно со средствами массовой информации производят отбор того, что в работе представительной власти можно и что нельзя сделать публичным. Тем самым публичность из средства демократии превращается в средство недемократической сверхгосударственности»².

Частное и публичное в координатах «цифровой публичности». Последующие изменения в интерпретации публичного и частного были обусловлены новым качественным состоянием информационной среды, которая сформировалась в последние два десятилетия. Новый информационный технологический уклад составил основу сложившегося экономического порядка, о котором Д. Харвей справедливо писал: «Согласно неолиберальной теории, ... любые проявления человеческой деятельности могут быть вовлечены в рыночные отношения. Такой подход требует принципиально новых технологий для создания, хранения, накопления, передачи, анализа и использования информации – накопление и применение больших баз данных для принятия гло-

¹ Keane J. Power and Privacy in the Age of Monitory Democracy. July 4, 2013. the conversation.com/power-and-privacy-in-the-age-of-monitory-democracy-14695 . Также см.: *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М., 2015, с. 53-56.

² *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф. 2000, с. 320-321.

бальных решений на рынках. Именно в эпоху неолиберализма начали бурно развиваться информационные технологии, а сам неолиберализм стали даже называть «информационным обществом»¹.

Применительно к медиапрактикам широких слоев населения это означало, что благодаря повсеместному покрытию широкополосным высокоскоростным мобильным интернетом массовым стало использование «новых медиа» – социальных сетей, видеохостингов, поисковых систем, мессенджеров – систем быстрого обмена сообщениями. При этом использование медиа занимает доминирующее, если не монопольное положение в режиме свободного времени людей и продолжает расти.

Не будем забывать, что информационная среда является одним из ведущих сегментов глобального бизнеса. Причем в значительной своей части бизнес-модели используют интерактивную природу коммуникации в интернете. Суть состоит в том, что все действия пользователя, находящегося в интернете, получают здесь свое отражение – остается так называемый цифровой след, фиксирующий поведение в этой технологической среде. Таким образом, активности людей в цифровой среде оказываются прозрачными, «гласными». Это, в свою очередь, является основанием т.н. «больших данных», правильный сбор и обработка которых позволяет делать необходимые выводы о потребителе, оптимизировать маркетинговые стратегии и существенно повысить эффективность продаж товаров и услуг.

Таким образом, происходит «встреча» новых коммуникационных возможностей медиа, с одной стороны, и практик общества потребления, обусловленных в значительной своей части задачами маркетинга и бизнеса – с другой. Существенным моментом является то, что здесь работают механизмы современной экономики внимания, в основе которых лежат «естественные» информационные потребности людей. Например, использование социальных сетей предполагает интенсификацию коммуникационного обмена, где пользователи зачастую, сознательно преследуют цель привлечения внимания других к своей персоне, в том числе к тому, что раньше было закрыто от посторонних глаз.

¹ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: «Поколение», 2007, с. 12.

Логика минимизации приватности становится официальным языком, своеобразной константой современного цифрового дискурса. Показательным является высказывание М. Цукерберга, руководителя глобальной технологической компании Facebook, который проводит идею «нормальности» уменьшения или даже потери приватности. За счет этого компания дает возможность пользователям применять широкий набор коммуникационных сервисов: «Люди действительно чувствуют себя комфортно, делясь информацией самого разного рода, они становятся более открытыми по отношению ко многим другим. Эта социальная норма эволюционирует во времени. Мы рассматриваем нашу роль по отношению к системе – быть постоянно инновативными, обновляя нашу систему в направлении отражения социальных норм в том виде, какими они являются на сегодняшний день»¹. Фактически перед нами пример того, как большие технологические компании, пользуясь своей властью и влиянием, формируют повестку дня в отношении частного и публичного – другими словами, организуют сдвиг в интерпретации конфиденциальности в нужном для их бизнеса направлении.

Характерно, что в аспекте индивидуального управления частными данными для многих «работают» сомнительные эмоциональные самообъяснения эмоционально-психологического порядка. Это, по мнению Дж. Дин, некоторые иллюзии, «фантазийные представления» о том, что сеть создает возможность делиться особенностями своей жизни без того, что здесь могут быть очевидные следствия, далеко не всегда позитивного порядка. «Данные собираются не обо мне – они агрегированные; это общие модели поведения в сети – не мои конкретные. ... Это похоже на острые ощущения от раскрытия секрета, не обремененного тревогой из-за того, что он раскрывается – разоблачение без разоблачения»².

Если взглянуть на механизм работы сервисов социальных сетей, равно как и на функционирование поисковых сервисов (как продуктов и услуг, так и собственно контента) в более широком социально-экономическом и культурном контексте, ситуация оказывается тревожной в плане социальных последствий подобной деятельности. Социальные сети, блоги и

¹ *Elvestad E., Phillips A. Misunderstanding News Audiences. London: Routledge, 2018, p. 59-60.*

² *Dean J. Blog Theory. Cambridge: Polity Press, 2010, p. 65-66.*

другие сервисы существенно упростили мониторинг данных – в том числе данных персонального характера. Типовой профиль пользователя Facebook (равно как и другой сети, например, «ВКонтакте») содержит ряд персональных идентификаторов – ф.и.о., дата рождения, данные о профессии, образовании, месте проживания, образовании, индивидуальных склонностях в плане политики, религии и т.п. Эти данные в совокупности с фиксируемой в сети информацией об участии пользователя в группах, контактах со знакомыми и прочие характеристики поведения в сети позволяют создать глубокий, персональный портрет пользователя. Более того, даже при отсутствии этих данных на персональной странице многое из них восстанавливается (на основании анализа фактического поведения индивида в сети), благодаря технологиям предиктивной аналитики.

Очевидно, что цифровые компании заинтересованы в обладании и управлении массивами персональных данных, которые, как отмечалось выше, составляют основу их бизнеса. При этом исследователи говорят о «парадоксе конфиденциальности»¹. С одной стороны, большая часть пользователей сети проявляет серьезную озабоченность защитой своей приватности и несанкционированным доступом к персональным данным. Это происходит на фоне регулярно становящихся достоянием гласности фактов нарушений в этой области. С другой стороны, каких-либо массовых и организованных действий пользователи не проводят.

По определению известного американского специалиста в области социологии медиа Й. Турова, формируется ситуация «цифровой покорности или сдачи» позиций со стороны пользователей². Суть ее состоит в субъективном представлении о бесполезности каких-либо действий в отношении уважения компаний к частной жизни пользователей. Другими словами, люди неудовлетворены фактом роста мониторинга персональных данных со стороны компаний, но при этом убеждены в неизбежности «цифрового надзора». Для защиты сложившегося на сегодня статус-кво используются различные корпоративные технологии. Практики саморегулирования цифро-

¹ *Kokolakis S.* Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon // *Computers & Security*, vol. 64, 2017, p. 122-134.

² *Draper N, Turow J.* The corporate cultivation of digital resignation // *New media & Society*, 2019, vol. 21(8), p. 824-1839.

вой индустрии предполагают такие стратегии и тактики, которые формируют у пользователя ощущение, что использование персональных данных – это «нормально», а контроль за этим процессом ничего не дает. Распространенными в этой связи риторическими практиками являются неверное наименование, отвлечение, использование расплывчатой терминологии. Например, документы об условиях конфиденциальности тех или иных сервисов требуют много времени для прочтения и обладают высокой лингвистической сложностью. Таким образом, цифровая покорность является результатом корпоративных действий цифровых компаний по культивированию в сознании заранее заданных представлений о соотношении частного и публичного.

Сдвиг сложившейся границы между публичным и частным в сторону открытия тех или иных конфиденциальных моментов представляет собой отражение более глубокого и весьма спорного, на наш взгляд, тренда. Так, например, Ж. Аттали, известный французский политический деятель, идеолог современного капитализма и глобализации, говорит о том, что новейшие коммуникационные технологии привносят в нашу жизнь наблюдение и гиперконтроль. В результате частная жизнь фактически исчезает: «Ничего не удастся держать в секрете Все будут знать все обо всех. У людей исчезнет чувство стыда и одновременно увеличится толерантность. ... Прозрачность информации не позволит сожалеть о чем-либо. Любопытство, вдохновляемое тайной, исчезнет, к великому сожалению «желтой прессы». И знаменитости тоже»¹.

Значимые социальные тренды, как правило, находят свое выражение в различных произведениях массовой культуры. Показательным в этом плане является популярный роман Д. Эггерса «Сфера», опубликованный в 2013 г. в США². В центре художественного повествования – герои, работающие в компании, являющейся глобальным цифровым технологическим лидером. Изначально проекты компании ориентированы на совершенствование социального бытия на основе беспрецедентных цифровых коммуникационных инноваций. Все это должно вести к новому, совершенному миру – без преступлений, секретов, зависти и зла. Обсуждаемая нами тема соотношения публичного и частного имеет в романе важную

¹ Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014, с. 178.

² Эггерс Д. Сфера. М.: Фантом Пресс, 2017.

смысловую нагрузку. Базовые принципы корпоративной этики типа «тайна есть ложь», «делишься – значит любишь», «личное есть ворованное» позволяют компании не только стать лидером бизнеса, но и отвечать на глобальные запросы государства, порой заменяя его функции. Тотальная прозрачность и деконструкция частной жизни, столь притягательные для героев на первых порах, постепенно приводят их к пониманию трагизма результатов. Так, повествование о рукотворном земном рае превращается в зловещую антиутопию.

В этом, на наш взгляд, проявляется то, о чем ранее справедливо писал известный российский исследователь А.С. Панарин в связи с переживаемым нами временем постмодерна. Проводя параллель с энергетикой, которая питается продуктами превращенной органики прошлых эпох (уголь, нефть и др.), можно сказать о том, что современная цифровая экономика, используя оценки и действия индивидов в цифровой среде медиа (клики, лайки, загрузки и т.п.) фактически питается человеческой энергетикой, источники которой принадлежат прошлому. Характерной чертой времени нынешнего является «умерщвление человеческого духа, притупление нашей чувствительности, капитулировавшей перед требованием безликих анонимных «систем» и «механизмов»¹. В этом же ряду находится вопрос о публичном и частном, трансформация границ которого есть результат «успехов» технократической рациональности с вытекающим отсюда безразличием к моральным, эстетическим и прочим представлениям нормативного порядка.

Персональные данные как отражение частного: массовые настроения и законодательные нормы. Эмпирические исследования, посвященные проблематике конфиденциальности, нарушения сферы частного за счет несанкционированного использования персональных данных, фиксируют озабоченность этим вопросом широких слоев населения. Об этом, в частности, говорят результаты репрезентативного исследования населения Москвы, проведенного в 2020 г. Институтом социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН². На вопрос о том, в какой мере респондентов

¹ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / Православная цивилизация. М., 2014, с. 145.

² Исследование проводилось сотрудниками Центра религии и социокультурных проблем. Эмпирическая база – население Москвы в возрасте от 15

беспокоит проблема безопасности информации личного характера в интернете было получено следующее распределение ответов: «беспокоит» – 65%; «не беспокоит» – 16%; заняли нейтральную позицию по этому вопросу или не дали ответа – 19% опрошенных.

Поскольку цифровые технологии – это глобальное явление, то вполне понятным становится тот факт, что обеспокоенность вопросами приватности, сбором персональных данных в сети оказывается присущей населению целого ряда стран. Это подтверждается исследованиями прошлых лет: конфиденциальность в онлайн беспокоила 58% опрошенных в Великобритании (данные 2015 г. ¹); об обеспокоенности сбором персональных данных в интернете заявили 55% жителей ЕС (данные 2016 г. ²); опрос пользователей мобильных устройств в США показал, что 60% из них озабочены вопросами конфиденциальности данных (2019 г. ³). Как видим, приведенные цифры здесь оказываются сопоставимыми с российскими данными.

Надо сказать, что задачам регулирования сферы частного в интернете – защите персональных данных было посвящены серьезные усилия со стороны гражданского общества многих стран. Это нашло отражение в ряде законодательных актов, принятых в последнее время. В Европейском Союзе основным документом, регламентирующим использование персональных данных, является Общий регламент защиты данных (GDPR – General Data Protection Regulation), принятый в 2018 г.⁴ Близким по содержательной направленности является Калифорнийский закон о защите прав потребителей от 2018 г. (The California Consumer Privacy Act of 2018), на который активно ссылаются при обсуждении регулирования использования персональных данных в США. Здесь законодательно закрепляется ряд важных гарантий для пользователей: у них

лет и старше (N=872). Применялась квотная выборка со связанными параметрами. Метод сбора информации – онлайн-опросник. Полевые работы проводились в мае-июне 2020 г.

¹ Online privacy in the United Kingdom (UK). Statista. <https://www.statista.com/study/32598/online-privacy-in-the-united-kingdom-uk/>

² Online privacy and data protection in the European Union (EU). Statista. <https://www.statista.com/study/38093/online-privacy-and-data-protection-in-the-european-union-eu-statista-dossier/>

³ Online privacy in the United States. Statista. <https://www.statista.com/study/17352/online-privacy-statista-dossier/>

⁴ General Data Protection Regulation. GDPR. <https://gdpr-info.eu/>

должны быть средства контроля за использованием их персональных данных; необходимость их согласия на предоставление и обработку данных; право быть «забытым» для тех, кто не желает продолжения обработки их личных данных; ответственность компаний за несанкционированный доступ к личным данным или их потерю и др.

Очевидно, что этот вопрос напрямую связан с деятельностью ведущих глобальных цифровых компаний. Серьезная озабоченность общественности, правительств, законодательных органов доминирующим положением этих компаний на рынке привели к ряду парламентских расследований и слушаний в США, Великобритании, Австралии¹. В фокусе расследований находится рыночная власть платформ Google, Facebook и некоторых других, их возможности извлекать и использовать большие объемы данных у потребителей для закрепления своих позиций. Цель этих и подобных активностей – создание новых или пересмотр существующих антимонопольных законов, которые будут применимы к технологическим компаниям и станут основой эффективного контроля цифровой отрасли.

В России Федеральный закон «О персональных данных» был принят в 2006 г., позднее в него были внесены поправки, расширяющие толкование понятия персональных данных. Юридические нормы во многом соотносятся здесь с зарубежными аналогами. Постоянно развивающиеся технологии, изменения цифрового ландшафта требуют соотношения законодательства с текущей ситуацией. Заметим, что проблематика частного и публичного, конфиденциальности приватной информации стала еще более актуальной, поскольку в июне 2020 г. был принят Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Считается, что закон обеспечивает необходимую юридическую базу для развития цифровой экономики, государство сможет более четко прогнозировать развитие страны, оперативно администрировать широкий круг разнообразных процессов в социальной и других областях.

¹ См.: <https://www.c-span.org/video/?474236-1/heads-facebook-amazon-apple-google-testify-antitrust-law>; <https://www.gov.uk/cma-cases/online-platforms-and-digital-advertising-market-study>

По мнению критиков, принятие закона вызывает ряд существенных возражений. Положения данного закона находятся в противоречии: с конституционными нормами, обеспечивающими права и свободы людей; с нормами закона «О персональных данных», запрещающими сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Согласно закону, предполагается, что хранение и передача персональных данных из регистра может происходить с привлечением широкого круга ведомств/организаций. Фактически к ним относятся представители «третьей стороны» (включая бизнес-организации), находящиеся зачастую вне контроля граждан. В нынешнем его виде закон несет на себе риски правового, технологического, управленческого и прочего плана, включая риски безопасности как для граждан, так и для государства и общества в целом¹. Представляется, что предстоит дальнейшее совершенствование законодательной базы в этой области посредством внесения необходимых дополнений и поправок.

В заключение отметим, что соотношение границ частного и публичного является одним из актуальных полюсов современных общественных дискуссий. Вопрос персональных данных как одно из значимых проявлений сферы частного, обеспечения их безопасности – т.е. конфиденциальности – испытывает сейчас серьезное давление цифровой индустрии и других заинтересованных групп. По нашему мнению, проблема является более глубокой. Персональные данные не являются исключительно технологическим или экономическим феноменом. Конфиденциальность и защита персональных данных относятся к базовым правам человека. Отдельные исследователи справедливо, на наш взгляд, утверждают, что погружение индивидов в среду автоматического отслеживания и сбора данных несет угрозу нарушения минимальной целостности личности². Имеется в виду, что для индивидов в этой ситуации теряется открытое пространство автономного выбора – пространство реализации их «самости». Быть

¹ См.: ЕФИР: легализация вмешательства в частную жизнь – самоликвидация демократии. <https://rossaprimavera.ru/article/3d6b8204>; Нас разбудят в другой стране: завтра налоговая получит все сведения о вас и вашей семье. <http://worldcrisis.ru/crisis/3614161>

² *Couldry N., Mejias U.* The Costs of Connection : How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism. Stanford, California : Stanford University Press, 2019, p. 182.

«самим собой» означает быть рефлексивно вовлеченным в процесс своего развития. Это предполагает наличие у субъекта минимальной отграниченности, которая лежит в основе возможности каждого из нас быть самим собой. Кроме того, социальная среда перестает формироваться на основе взаимных ожиданий людей, а становится предметом технологических манипуляций с данными. Происходит дальнейшее размывание границ частного и публичного. Это, в свою очередь, трансформирует индивидуальную свободу выбора, которая является основой решений частного характера и базовых представлений о конфиденциальности.

Е.Ю. НОВИКОВА
*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова**

О.Н. СТРЕЛЬЧЕНКО
*аспирант кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

Этические проблемы в электронном образовании

В статье рассматриваются этические проблемы электронного образования. Нравственная регуляция учебного процесса относится ко всем его этапам и формам. Подходы к исследованию моральных аспектов образования связаны с социально-философским представлением о человеке, его миссии в обществе, социальных ролях и профессиональных статусах. В условиях дистанционного образования наибольшую значимость приобретает нравственный контекст образовательных коммуникаций и дискурса.

Ключевые слова: образование, духовность, мораль, этикет, дискурс. мировоззрение, воспитание.

E.Yu. NOVIKOVA
*Dr. Sc. Philosophy, Professor
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics*

O.N. STRELCHENKO
*Postgraduate student
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics*

* Новикова Елена Юрьевна, e-mail: Novikovaelena77@yandex.ru
Стрельченко Оксана Николаевна, e-mail: Strelchenko1989@gmail.com

Ethical issues in e-education

The article deals with the ethical problems of e-education. The moral regulation of the educational process applies to all its stages and forms. Approaches to the study of the moral aspects of education are related to the socio-philosophical concept of a person, his mission in society, social roles and professional statuses. In the context of distance education, the moral context of educational communications and discourse is of the greatest importance.

Keywords: education, spirituality, morality, etiquette, discourse. world-view, education.

Этические проблемы в образовании исследовались на протяжении всей истории философской и педагогической мысли. Большое влияние на становление современной философии и этики образования оказали труды античных философов, в частности, Сократа и Платона и Аристотеля, рассматривающих этику диалогов в процессе постижения истины, систему воспитания и обучения добродетельного гражданина общества. В Средние века нравственные основы образования и обучения рассматривались в трудах Ф. Аквинского, А. Августина. Постижение истины, миропонимание, этика общения ученика и учителя, как и накопление знания, связывалось с религиозными добродетелями и верой в Бога¹. В философии Возрождения достаточно подробно исследовались нравственные аспекты университетского дискурса, в Новое время уделялось большое внимание нравственной оценке самого знания как добра и блага².

Философия педагогики и педагогическая этика разрабатывалась в трудах Я. Коменского, подчеркивающего значимость принципа единства образования и нравственного воспитания. Принципы педагогической этики исследовались в работах Ж.-Ж. Руссо, К.А. Гельвеция в аспекте единства познания и личностного развития обучающегося³. Этика образования рассматривалась М. Монтенем, И. Песталоцци на основе прин-

¹ Панищев А.Л. История западноевропейской философии от Античности до Ренессанса. М: Инфра-М, 2020, с. 61-68.

² Петрусевич А.А., Чухина Е.В. Педагогическая этика. Омск: ОмГПУ, 2018, с. 24-27.

³ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969, с. 34-38; Сулова И.Б. Аксиология образования и этическое самовоспитание обучающихся. Сочи: «Оптим», 2019, с. 18-23.

ципа творческой активности, природосообразности. Нравственный человек, обладающий знанием, становится главным субъектом преобразования мира. Обладание творчеством, свободой, которую дает знание, связывается с оценками деятельности человека в предикатах добра и зла, моральной ответственности за деяния¹.

В концепции И. Канта образование как единство обучения и воспитания способно сделать человека умелым, знающим и нравственным одновременно. В его трудах образование связывается с такими категориями, как «культура», «цивилизация»².

В теориях К. Ясперса, М. Хайдеггера этика образования связывалась с глубинными чувствами и переживаниями, смыслополаганием в индивидуально-личностном, уникальном мире экзистенции. Глубинное понимание и сопереживание как основа познания и обучения детерминируют и выбор познавательных форм, способствующих достижению истины, предпочтение художественной литературы, метафоры³.

Этика образования рассматривалась в русской философской и педагогической мысли. Большой вклад в понимание этической парадигмы внесли В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, И.И. Бецкой, Е.Р. Дашкова, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, Вл. Соловьев, В.В. Розанов, В.В. Зеньковский, Л.Н. Толстой, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, К.Д. Ушинский. Нравственные ценности образования в работах русских православных философов связываются с религиозным миропониманием. Большое значение имеет рассмотрение понятия «любви» как характеристики мироздания, означающей гармонию человека, его практики, знаний и нравственности с миром⁴.

Таким образом, в философской мысли образование рассматривалось как процесс, не тождественный обучению. В то время, как обучение исследовалось в аспекте его функциональности и практической целесообразности, в образовании всегда подчеркивался его мировоззренческий, нравственный аспект и высшие социальные цели – формирование нравст-

¹ Песталоцци // Сост. Кларин В.М. М.: Изд. Дом Ш.Амонашвили, 1998.

² Кант И. Категорический императив и всеобщая мировая ирония. М.: Родина, 2020, с. 3-5.

³ Экзистенциализм в современном мире / Отв. Ред. С.В.Черненко. М.: МГПУ, 2015.

⁴ Ивлева М.И. Становление университетской философии в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Право и практика, 2017, № 2, с. 106-111.

венной профессиональной личности и гражданина общества. Мы считаем, что методологической основой анализа этических проблем в образовании является концепция целостности духовной жизни человека, которая разрабатывается в этике и социальной философии¹. Нравственные ценности образования рассматриваются в единстве с другими аксиологическими системами, включенными в общество и индивидуальное бытие личности на основе социальной практики.

Электронное образование, обладая многими достоинствами, имеет особенности, которые актуализирует нравственные проблемы при его реализации. Оно в значительной степени трансформирует педагогическое воздействие на процесс обучения и на социализацию личности учащегося. Необходимо создавать условия, при которых информационно-образовательная среда обуславливает не только накопление знаний, но и воспитание личности.

Можно выделить основные этические проблемы, с которыми сталкивается электронное образование. Во-первых, это проблема формирования профессиональной этики, нравственной социализации личности в системе профессиональных ценностей. Необходимым условием социализации в вузе является деятельностное взаимодействие учащихся в коллективе в процессе учебной профессиональной практики. Виртуальное пространство позволяет расширить информационный компонент практики, но при этом снижается уровень материального взаимодействия и диалогичность, сама же практика также протекает в виртуальных формах.

Вторая проблема связана с репрезентацией духовных ценностей, в системе которых функционирует объект изучения. Виртуальное тестирование как форма оценки знаний в значительной степени стандартизирует и формализует аналитическую деятельность учащихся на принципах рациональности. Но в постнеклассической науке, и особенно в гуманитарных дисциплинах, ценностные основания для когнитивного анализа могут быть различными и отражать глобальные, цивилизационные, этнокультурные, морально-религиозные ценности². Сам поиск и выбор нравственных ценностей для

¹ Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. *Этика образования*. Тула: ТГПУ, 2015, с. 120; Алавердян А.Л., Гавриш В.Д., Галухин А.В. *Социальная философия в актуальном изложении*. Белгород: БГТУ, 2018.

² Абдулагатов З.М. *Дагестанец в исламском образовательном процессе*. Махачкала: Алеф, 2016 – с.10-12

суждений является важным этапом изучения гуманитарных дисциплин. На современном этапе глобализации, особенно в многонациональных странах, ценности этнической этики могут выступать на первый план. Поэтому при составлении электронных заданий, кейсов и тестов необходимо допускать многовариантность ответов на один и тот же вопрос на различных ценностных основаниях. В экономическом вузе большое значение может иметь изучение морально-культурных установок рыночных реформ – англопротестантских, мусульманских, конфуцианских и др.

Третья проблема этики связана с оценочными и регулятивными процессами в системе электронного образования. Оценка учебной деятельности основана на принципах нравственной справедливости благодаря диалогичности и обратной связи студента с преподавателями и со студенческим сообществом¹. Обратная связь в аудиторном образовании подкрепляется особенностями дискурса, аудио-визуальными, эмоциональными характеристиками учебной среды. Но электронное образование, особенно в текстовых формах, снижает эмоциональную коммуникативность учебного процесса. С позиции этикета учащиеся должны использовать на текстовых платформах формализованный научный язык и его термины, который, по сравнению с устным дискурсом, не позволяет в полной мере ретранслировать эмоционально-личностные установки учащихся, проявляющиеся в интонациях, метафорах, красочных художественных сравнениях и т.п. В Интернет-коммуникациях на форумах ретрансляция эмоций и личного отношения к предмету обсуждения связана с использованием популярной символики. Но применительно к научному дискурсу в вузе использование подобных средств представляет собой проблему учебно-научного этикета. Поэтому важной задачей электронного образования является разработка методов и форм, позволяющих соединить рациональное и эмоциональное в человеке как субъекте творчества².

¹ Сомкин А.А. Личностно ориентированный подход в системе современного гуманитарного образования: от монологизма к диалогической модели обучения // Образование и наука, 2019, т. 21, № 3, с. 9-28.

² Сухоруких А.В. Этико-философские интенции инновационной образовательной парадигмы. Воронеж: ВГПУ, 2014, с. 49.

Т.А. РАССАДИНА,
*доктор социологических наук, доцент, профессор
кафедры связей с общественностью и рекламы
Ульяновского государственного университета**

Социокультурные аспекты социальной конкуренции (молодежный сегмент)

В статье на основе эмпирических социологических исследований показаны практики современной молодежи, которые конструируют социокультурное пространство в условиях социальной конкуренции. В сознании молодых людей обнаруживаются целевые установки на успех с выраженными как просоциальными мотивами, так и с антиценностями, имеющими явные неморальные коннотации. В процессе целедостижений используются фактор отношений, коммуникационные технологии, симуляционные практики.

Ключевые слова: социальная конкуренция, социокультурная среда социальной конкуренции, конструирование социокультурного пространства.

T.A. RASSADINA
*Doctor of Social Science, Associate Professor,
Professor of Department of Public relations and
Advertising, Ulyanovsk State University.*

Sociocultural aspects of the social competition (youth segment)

Practicians of modern youth who design sociocultural space in the conditions of the social competition are shown in article on the basis of empirical sociological researches. In consciousness of young people purposes on success with expressed as pro-social motives, and with the anti-values having obvious not moral connotations are found. In the course of tseledostizheniye the factor of the relations, communication technologies, simulyatsionny practicians are used.

* Рассадина Татьяна Анатольевна, e-mail: t.rassadina@mail.ru

Key words: *social competition, sociocultural environment of the social competition, designing of sociocultural space.*

Ускорение и диверсификация всех сторон общественной жизни, глубокие изменения оснований российской социальной реальности в условиях усиления неопределенности, турбулентности потребовали эффективного развития и использования человеческого потенциала, мобилизации активности индивидов, групп, общества в целом. Стремление людей занять более благоприятное социальное положение, борьба за различные ресурсы, как материальные, так и нематериальные, ставшие символом успешности, формирование новой потребительской идеологии и культуры сломали многие структуры и модели поведения людей, выдвинули на первый план стратегию социальной конкуренции. По утверждению Ф. Фукуямы, основными движущими мотивами социальной конкуренции являются стремление к материальной прибыли (обогащению) и нематериальная «жажда признания», которые тесно переплетаются друг с другом¹.

Социальная конкуренция и конкурентоспособность сегодня рассматриваются как внутренние общественные и индивидуальные основания, способные влиять на решение экономических и социальных проблем россиян, как современная национальная идея, придающая общественным процессам и личностному развитию безусловное поступательное движение.

Проблемы конкуренции нашли в последние десятилетия достойное отражение в мировой и отечественной научной литературе, прежде всего, экономической, а также политической. Конкуренция как форма социальных связей, которая выражает «способность социального актора реализовать свои цели в условиях соперничества с другими»², как вид социальных «взаимодействий двух и более участников рынка, нацеленных на получение одного и того же ограниченного ресурса,

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007, с. 255-260.

² Немировский, В.Г., Немировская, А.В. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодежи и взрослых / Социологический журнал, 2018, т. 24, № 2, с. 135-149; Немировский В.Г., Мальцева А.В. Конкуренция как ценность работающей молодежи (на материалах социологических исследований / Вестник института социологии, 2019, т. 10, № 4, с. 187-201.

доступного при определенных усилиях с их сторон»¹, пропитывающих всю общественную ткань, изучается в меньшей степени.

Вместе с тем, социальная конкуренция – процесс, который перманентно происходит в различных сферах общественной жизни, сопровождает социальную активность за обладание материальными и нематериальными благами, ресурсами, рабочими местами, социальными статусами, признанием; формирует своеобразную конкурентную среду, готовность к риску в ней, достижительные мотивации, меняет систему ценностей людей, социальные установки, модели мышления, оценивания, поведения.

В еще меньшей степени социологи изучают процессы конструирования социокультурного пространства этой реальности, институционализации новой нормативно-ценностной реальности.

В основе конструирования социокультурного пространства социальной конкуренции лежат целенаправленные социальные действия, а также регулярные рутинные, не всегда осознаваемые практики, которые наблюдаются людьми, оцениваются.

В обыденном сознании существуют представления о добросовестной и недобросовестной конкуренции, которые отражают не столько целевые аспекты жизнедеятельности, сколько инструментальные, связанные с тем, как происходит целедостижение в условиях соперничества. Добросовестная социальная конкуренция имплицитно связывается в сознании людей с профессиональными компетенциями, ответственностью, опытом, способностями, постоянным трудом, усилиями, трудолюбием, с достижениями по заслугам. В условиях рыночной экономики, на которую вроде бы ориентированы все сегменты общественной жизни, эти факторы должны стать приоритетными основаниями конкурентной среды. Однако недобросовестная социальная конкуренция, существующая во все времена, при любой политической и экономической системах, имеет выпуклые очертания.

«И сегодня в российском обществе (экономике, науке, социальной жизни) успех, а, соответственно, доходы, социальное положение, влияние и авторитет не определяются

¹ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ ВШЭ, 2003, с. 55.

образованием, личной компетенцией, квалификацией. Иными словами, «достоинства» определяются чиновниками или иерархией (чтобы заслужить их поддержку, надо приспособиваться), а не более сложными системами квалификации и стимулирования – открытым рынком, профессиональным сообществом, обществом...Отсутствие реальной конкуренции и соперничества за общественное признание компенсируются соперничеством за признание власти (в лице начальника или чиновника), пустым (не порождающим новых смыслов) самоутверждением, коррупцией и снижением продуктивности работы в любых областях занятости. Иначе говоря, работает механизм приспособления, понижающий адаптации, а не развития и повышения качества труда, достижения высоких целей, инновационности»¹.

Отказа от таких способов конкуренции не происходит, тому способствуют современные ценностные системы, в которых в отличие от традиционных, очевиден рост прагматизма, демонстративных ценностей, гибкости, индивидуализма.

Исследования Немировского В.Г., Мальцевой А.В.² продемонстрировали сложное отношение к конкуренции даже у молодежи, социальной группы, становление которой происходит в эпоху, когда конкуренция стала признанной ценностью. На вербальном уровне у респондентов доминирует отношение к конкуренции как значимой, полезной, необходимой и эффективной, но безнравственной, дискомфортной и неприятной. На поведенческом уровне на конкуренцию более ориентированы те молодые люди, которые не рассматривают конкуренцию в контексте принципов морали, кого не интересует честность конкурентной борьбы.

Многочисленные социологические исследования, начиная с 90-х гг., демонстрировали ценность успеха у молодежи. Сегодня успех – не просто результат целедостижения, это итог конкурентной борьбы, является общественной ценностью, его достижение стало мерилом эффективности и масштаба личности.

Наши исследования (объект: студенты вузов и работающая молодежь Ульяновской области; полевой этап: май 2018

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011, с. 15.

² Немировский В.Г., Мальцева А.В. Конкуренция как ценность работающей молодежи (на материалах социологических исследований / Вестник института социологии, 2019, т. 10, № 4, с. 187-201.

г.; выборочная совокупность: 800 человек; выборка репрезентативная, многоступенчатая, квотная; вид опроса: анкетный, индивидуальный) с очевидностью демонстрируют ценностные основания современной конкурентной борьбы в восприятии и оценках молодежи. Что сегодня необходимо, по мнению опрошенных, для достижения успеха в жизни?

Выбор в количественном исследовании осуществлялся из 19 предложенных позиций. Ответы респондентов демонстрируют рейтинг факторов: 1 место – связи, отношения с нужными людьми (так считают 75% представителей студенческой молодежи, 71,3% представителей работающей молодежи), 2 место – деньги, материальные блага (64,2% и 63,5% соответственно), 3 – положение родителей, родственные связи (49,3% и 51,3%). Очевидна высокая прагматичность и рациональность в понимании современных факторов жизненного успеха. Факторами-аутсайдерами, оказывающими наименьшее влияние на реализацию жизненных планов современной молодежи, стали (в целом по выборке): отзывчивость, чуткость (2,2%), честность (6,1% ответов), чувство долга, ответственности (6,5%), добросовестное отношение к труду (9,6%). Хорошее образование как традиционно значимый фактор социальной конкуренции полагается фактором успеха среди 38,2% студенческой молодежи (9 место), среди 37% работающих респондентов (10 позиция). Исследования всегда обнаруживали во мнениях респондентов расхождения в восприятии реально действующих факторов успеха и идеальных. Анализируемое исследование не стало исключением. В идеале, считают опрошенные студенты и работающие, достижению жизненного успеха должны способствовать трудолюбие (соответственно 78% и 80%), способности, умения и навыки человека (69,9% и 75,2%), качественное образование (67,1% и 66,1%), инициативность и целеустремленность (66,2% и 64,8%), высокий профессионализм (65,5% и 67%).

Обратимся подробнее к результатам исследований, выполненных на основе качественной методологии (фокус-группа со студентами вузов; глубинное интервью с работающей молодежью (N=20)). Понимание ценности успеха в конкурентной борьбе молодыми людьми разнообразное, сочетает личные эмпирические наблюдения, использованные практики, которые принесли успех, а также значения, сформированные в результате социализации как общественно ценные.

Среди факторов успешного целедостижения особо подчеркиваются традиционно значимые факторы, являющиеся востребованной частью человеческого капитала: *«Усердие. Целеустремленность. Терпение и труд все перетрут»* (ж., 26 л., гид-переводчик); *«Самоконтроль»*; *«Самодисциплина, готовность жертвовать чем-то»* (студенты тех. профиля); *«Креативность»* (студенты гум. профиля); *«Постоянное совершенствование своих навыков, знаний»* (м., 24 г., программист); *«Профессионализм»* (ж., 26 л., IT-специалист).

В условиях высокой конкуренции, которая является характеристикой современных обществ и проявляется в утрате кооперативного характера работы, разрушении дружеских связей, открытой или скрытой борьбе между коллегами за сохранение рабочего места и лидерство в трудовом коллективе, приоритете личных интересов над общественными, происходит переориентация молодежи с традиционных детерминант успеха на современные. Современная мотивация в существенной мере пропитывает сознание и поведение молодежи: *«...только собственные амбиции»* (ж., 21 г., IT-специалист); *«Инициатива – самое главное. Исполнительность. Ну и запросы»* (м., 24 г., инженер); *«Современный мир развивает в нас избирательность. В отличие от наших родителей мы можем самостоятельно думать и выбирать жизненный путь»* (студенты тех. профиля); *«Прошлые поколения жили, поступали шаблонно. Нынешняя молодежь ищет более рациональные и выгодные пути решения проблем»*; *«Все делать так, чтобы в итоге быть в выигрыше»* (ж., 23 г., менеджер).

Отношения соревновательности, состязательности, конкуренции в значительной мере пропитывают деловую сферу, профессиональные взаимоотношения. В таких условиях следование традиционным средствам, моделям и схемам деятельности не всегда представляет собой эффективный способ достижения целей, напротив, выход за их пределы и применение инновационных практик, стратегий может оказаться более эффективным. Рефлексия респондентов обнаруживает разные варианты таких стратегий. Приведем некоторые из них.

В достижении успеха в карьере важны развитые коммуникативные умения и навыки самопрезентации, позволяющие быстрее освоиться и закрепиться на рабочем месте: *«При трудоустройстве важно показать себя с хорошей сто-*

роны» (студенты гум. профиля); «Как себя поставим, так к нам будут относиться»; «Заботиться о своем положении в коллективе» (студенты тех. профиля); «Умение пустить пыль в глаза» (ж., 26 л., руководитель в сфере культуры); «Делать вид, что работаешь. Такие схемы прокатывают» (ж., 20 л., студентка). Лояльность руководству, отношения с влиятельными людьми, отношения в коллективе, группе в совокупности с презентационными ценностями имеют не меньшее значение, чем деловые качества, поскольку на их основе идет выстраивание поведения: «Надо быть на виду у нужных людей, чтобы устроиться на хорошую работу» (студенты тех. профиля); «Есть такие люди, пусть они не очень профессиональны, но благодаря личным отношениям с директором их повышают. На самом деле человек мало что умеет и делает, просто идет на компромисс, выполняет дополнительные задания, общается с руководством. А некоторые люди хорошо делают свою работу, но не выставляют это напоказ и продолжают работать на своих должностях» (м., 24 г., программист); «Важно знать, с кем нужно дружить, на какие мероприятия ходить, чтобы тебя заметили» (ж., 20 л., студентка); «На работе идет продажа себя, своих навыков, нужности. Подготовил документ, засиделся допоздна, об этом надо рассказать всем, поднять свою значимость перед руководством» (м., 27 л., руководитель в сфере e-commerce).

Залогом успешной конкуренции видятся прагматизм, хитрость, откровенные антиценности: «Сейчас молодежь может пожертвовать чем угодно ради достижения цели» (м., 33 г., служащий); «Находиться в нужном месте в нужное время» (студенты гум. профиля); «Переступить через людей, друзей»; «Нарушать правила»; «Закрывать глаза на нормы»; «20% усилий определяют 80% успеха. Иногда тот, кто делает меньше, получает больше, просто он знает, что и как делать эффективно»; «Необязательно перерабатывать, достаточно сделать тот минимум, который выльется в необходимый результат» (студенты тех. профиля); «С помощью хитрых уловок можно подтолкнуть людей на действия, от которых ты получишь свою выгоду» (м., 24 г., инженер). Делается акцент на материальных ценностях как одном из средств достижения желаемого: «Раньше сами «вертелись», сейчас это делается с помощью денег» (студент тех.

профиля); *«Деньги делают человека нужным другим, благодаря им к нему прислушиваются»* (студенты тех. профиля).

В условиях конкурентной борьбы на первый план выходят проблемы самовывживания, самопродвижения, важными становятся избежание ошибок, преодоление трудностей, барьеров, конфликтов, состояний напряженности с наименьшими потерями. Способность индивидов к рефлексии, творчеству, получению знаний, информации и использованию их в своей деятельности в немалой степени способствует этому. Активно рефлексирующие молодые люди анализируют условия, цели и средства достижения, задают себе вопросы на этапе целеполагания: *«Прежде чем «подниматься на гору» (сделать что-либо – авт.), надо понять: что там и зачем это нужно»; «Сколько времени и сил это займет»* (студенты тех. профиля). Рефлексия дает разнообразие рациональных гибких стратегий мышления, поведения, решений: *«Умный в гору не пойдет – нужно облегчать себе путь»; «Как вариант – пройти сквозь, пробить дорогу, вырыть подкоп»; «Использовать свой потенциал и обойти ее»* (студенты тех. профиля); *«Возможно, нужно подождать»* (студенты гум. профиля); *«Не искать решения «в лоб», находить другие пути»* (м., 24 г., программист); *«Рациональный человек найдет решение проблемы. Нерационально вообще ничего не пробовать»* (ж., 26 л., руководитель в сфере культуры).

В условиях социальной нестабильности, неопределенности, непредсказуемости, аномии молодежь демонстрирует рациональную гибкость в выборе поведенческих стратегий, подборе средств достижения цели. Реальные средства целедостижения могут кардинально отклоняться от идеальных установок, отражающих традиционно ориентированные критерии, демонстрируя значимость целерациональных действий, возникающих в широком социальном контексте на стыке с ситуационными факторами. Рациональность носит гибко-контекстуальный характер, выражает пластичное, динамичное отношение молодежи к реальности, ее готовность и способность критически осмысливать исходные идейные позиции и корректировать их в зависимости от ситуации, в которую она погружена, оправдывать внешне и внутренне изменчивость своих позиций, использовать высказывания и практики, симулирующие (имитирующие) для других и себя ценностные ориентиры (или их динамику), лежащие в основании сознания и поведения, оставляя в неизменном виде направленность

действий – на достижение своих целей. Результатом симуляций являются симулякры¹.

Симуляция как модель рационального поведения позволяет быстро включаться в актуальные группы, достигать определенной статус, формировать к себе нужное отношение, успешно продвигаться к цели. Она становится “социальной компетенцией” молодого человека². Социальные институты как механизмы регуляции процесса формирования компетенций теряют свою доминирующую роль, уступая место самостоятельному выбору молодежью важного, значимого для нее. Критерием отбора являются представления об оптимальном, целесообразном, быстро приводящим к искомому результату, позволяющим оставаться в выигрыше сравнению с другими. Симуляция становится сознательной, продуманной моделью поведения. Такого рода личностная активность (внутренняя (психологическая), внешняя) является серьезным фактором трансформации и прямой смены ценностных ориентаций личности, а со временем и групп, социума.

В стратегии успеха молодых людей в условиях социальной конкуренции наблюдается высокий прагматизм, селекция и комбинация целерациональных и ценностно-рациональных элементов, в меньшей степени – эмоциональных, традиционных. В сознании молодых людей обнаруживаются целевые установки на успех с выраженными как просоциальными мотивами, так и с антиценностями, имеющими явные неморальные коннотации. Опора на себя, достижение личных целей за счет других, умение хитрить, идти «по головам», поступиться принципами ради цели, использование фактора отношений, коммуникационных технологий, симуляционных практик для целедостижения – открыто декларируются как положительная концепция успеха в условиях социальной конкуренции, как прямое указание к действию.

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2018. - 320 с.

² Зубок Ю.А., Чупров В. И., Дивненко О.В. Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 г. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016, с. 260-263.

Ю.Г. БЫЧЕНКО

*доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и социальных
наук Саратовского военного института войск
национальной гвардии Российской Федерации**

Д.Н. КУРДЮКОВ

*адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных
наук Саратовского военного института войск
национальной гвардии Российской Федерации***

Культура здорового образа жизни военнослужащих

Обосновывается, что культура здорового образа жизни, являясь компонентом профессиональной культуры, характеризуется системой ценностей, норм, принципов, представлений, определяющих здоровый/нездоровый образ жизни военнослужащего. Выявлены основные группы военнослужащих относительно уровня их культуры здорового образа жизни.

Ключевые слова: культура, образ жизни, военнослужащий, здоровье, ценности, культура труда, физические способности.

Yu.G. BYCHENKO

*Doctor of Social Sciences, Professor, Professor of the
Department of Humanities and Social Sciences, Saratov
Military Institute of the National Guard of the Russian
Federation*

D.N. KURDYUKOV

*Adjunct of the Department of Humanities and Social
Sciences of Saratov Military Institute of the National Guard
of the Russian Federation*

* Быченко Юрий Григорьевич, e-mail: bychenkoug@gmail.com

** Курдюков Дмитрий Николаевич, e-mail: dmitrij.kurdyukov@inbox.ru

The culture of a healthy lifestyle for military personnel

It is proved that the culture of a healthy lifestyle, being a component of professional culture, is characterized by a system of values, norms, principles, and ideas that determine a healthy/unhealthy lifestyle of a serviceman. The main groups of military personnel are identified in relation to the level of their culture of a healthy lifestyle.

Keywords: culture, lifestyle, soldier, health, values, work culture, physical abilities.

Введение (проблема исследования). Анализ социологических исследований показывает, что тематика культуры здорового образа жизни военнослужащих слабо разработана. На практике проявляются диспропорции в развитии физических способностей военнослужащих. Недостаточный уровень культуры здорового образа жизни военнослужащих приводит к постепенному снижению их физического потенциала, появлению у них хронических заболеваний. В России постепенно уменьшается состав населения, уровень здоровья, а также физический потенциал которого соответствуют требованиям военной службы. По статистическим данным Минобороны, в последующее десятилетие состав молодежи России, годной к прохождению военной службы, сократится на треть (на 33%)¹. Уже сегодня около 40% молодых допризывников не имеют потенциальных физических способностей для поступления на военную службу. Также около половины кадровых военнослужащих имеют хронические заболевания. По мере прохождения службы данные заболевания начинают прогрессировать, что приводит не только к снижению результативности реализации их служебно-трудовой деятельности, но и к сокращению временных сроков осуществления военно-профессиональной деятельности, продолжительности жизни военнослужащих.

Таким образом, актуальность исследования культуры здорового образа жизни военнослужащего связана не только с недостаточной разработанностью данной тематики, но и с тем, что культура военнослужащего представляет собой серьёзную

¹ См.: Ежегодный статистический сборник / Министерство обороны Российской Федерации 2013. URL: https://stat.mil.ru/files/morf/statistika_%202013.pdf. Дата обращения 5.10.2020 г.

практическую проблему деятельности акторов военной организации России. Решение данной проблемы позволит обоснованно выявить социокультурные факторы развития физического потенциала военнослужащего, сформулировать стратегические направления государственной социальной политики, направленной на формирование самосохранительного поведения военных акторов.

Материалы и методы. Исследование культуры здорового образа жизни военнослужащего требует применения диалектико-логического¹, а также структурно-функционального² методологических подходов. Важно рассмотреть проблему в рамках научной абстракции восхождения социокультурных ценностей самосохранения от абстрактных к конкретным формам и проявлениям. В то же время уместно выделение структурных компонентов системы культуры здорового образа жизни, уточнение параметров оценки развития каждого из компонентов. Здесь абстракция должна применяться как эффективная форма социокультурного познания, базирующаяся на мысленном определении существенных свойств культуры военнослужащего, уточнении условий формирования его здорового образа жизнедеятельности³. Кроме того, при рассмотрении культуры в целом, а также понимания военнослужащими факторов здорового образа жизнедеятельности применён метод социологического опроса. Анализируются данные социологического опроса «Культура здорового образа жизни в оценках российских военнослужащих». Исследование проведено Д.Н. Курдюковым среди военнослужащих, осуществляющих военную службу по контракту (декабрь 2019 г. – апрель 2020 г.). Всего опрошено 395 военнослужащих. В Чеченской Республике опрошено 139 военнослужащих (36% от общего состава). В Республике Крым опрошено 120 военнослужащих (30% от общего состава). В Пензенской области опрошено 136 военнослужащих (34% от общего состава). В состав респондентов вошли военнослужащие всех групп: офицеры, прапорщики, сержанты, солдаты.

¹ См.: Frege G. Grundgesetze der Arithmetik: begriffsschriftlich abgeleitet. Olms, 1996. 284 s.

² См.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985, 263 с.

³ См.: Назарова И.Б. О здоровье населения в современной России // Социологические исследования. 1998, № 11, с. 117-123.

При осуществлении исследования теоретически уточнён феномен культуры здорового образа жизни военнослужащего. Обосновано, что теоретический конструкт культуры здорового образа жизни военнослужащего проявляется на пересечении предметных областей социологического и социально-культурологического знания. Понятие культуры здорового образа жизни является сложной и многозначительной метафорой, формирующей мощную объяснительную силу в анализе социально-культурологических явлений путём распространения идей культурного обмена на широкие социальные сферы профессиональной жизнедеятельности акторов¹. Помимо классических форм употребления термин «культура» в социологических теориях применяется как культура профессиональной группы (в том числе и военно-профессиональной группы военнослужащих)². В рамках данного подхода культура – это коллективные базовые ценности, нормы, принципы, представления, определяющие профессиональный статус, а также образ жизни и поведения военнослужащих³. Культура профессиональной группы военнослужащих включает в себя не только индивидуальные характеристики человека, связанные с разными видами его служебно-трудовой деятельности, но и культуру самосохранения, образования, военной квалификации⁴. Наличие различных форм культуры военнослужащих как специфической профессиональной группы и определяет общий уровень формальной (закреплённой в уставе, документах, нормативах, предписаниях) и реальной (проявляющейся в практиках поведения акторов) их культуры. В данном контексте культура здорового образа жизни характеризует биологический человеческий капитал военнослужащих, их «ценностный

¹ См.: *Немоляев В.В.* Многофакторная социологическая оценка профессиональной культуры // Вестник Поволжского института управления, 2016, № 1(52), с. 86-93.

² См.: *Магомедов М.К.* О совершенствовании культуры межнационального общения военнослужащих // Социально-гуманитарные знания, 2020, № 2, с. 361-370.

³ См.: *Баландина Т.М., Ерохина Н.А., Черевешник Н.Н.* Оценка персонала в условиях перехода организации на инновационный тип развития // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2018, № 5(59), с. 197-201.

⁴ См.: *Баландина Т.М., Немоляев В.В.* Социальное конструирование профессиональной культуры работников организации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 2015, № 5(59), с. 197-201

уровень физических способностей к выполнению трудовых операций, уровень здоровья»¹.

Таким образом, культура здорового образа жизни является компонентом профессиональной культуры военнослужащих. Культура здорового образа жизни военнослужащего – это коллективные базовые ценности, нормы, принципы, представления, определяющие поведенческий мотив сохранения/несохранения здоровья, оздоровления и укрепления организма, осуществления/неосуществления профилактики вредных привычек, болезней. Отсюда можно сделать вывод о том, что трансформацию данного феномена необходимо исследовать в ракурсе изменений структурных компонентов, в него включённых: ценностей, норм, принципов, представлений, определяющих здоровый/нездоровый образ жизни военнослужащего.

Результаты и обсуждение. Исследуем практики проявления культуры здорового образа жизни в оценках военных акторов, проходящих военную службу по контракту в различных регионах России. Проанализируем некоторые данные эмпирического исследования (социологического опроса) «Культура здорового образа жизни в оценках российских военнослужащих», о котором упоминалось выше.

Результаты исследования убедительно показывают, что военнослужащие связывают здоровый образ жизни прежде всего со стилем собственной жизнедеятельности. Более половины (60,3%) опрошенных полагают, что здоровый образ жизни включает в себя не только здоровое питание, но и здоровьесберегающий режим труда и отдыха. 29,9% – акцентируют внимание на необходимости отказа от вредных привычек, удовлетворении разумных потребностей личности. 26% считают, что именно организация оптимального режима дня, разумное чередование полноценного труда и эффективного отдыха образуют первооснову здорового образа жизни. По сути военнослужащие считают, что формирование здорового образа жизни на практике определяется практиками реальной жизнедеятельности: здоровым питанием, возможностью удовлетворения разумных потребностей, наличием оптимального чередования полноценного труда и эффективного отдыха.

¹ См.: *Быченко Ю.Г.* Показатель человеческого капитала // *Человеческие ресурсы*, 2000, № 1 с. 3-12.

Важно отметить, что только около трети (31%) военнослужащих считают, что здоровье является основной жизненной ценностью. Это приводит к исключению подавляющим большинством военнослужащих здоровья из системы стратегических перспектив жизненного успеха. Только четверть (24%) военнослужащих полагают, что жизненный успех человека заключается в наличии, а также сохранении хорошего здоровья. Большая часть военнослужащих связывает собственный жизненный успех с наличием собственного дома, хорошей и крепкой семьи (60% опрошенных).

Можно выделить базовые личные цели, которых хотят достичь военнослужащие в процессе реализации военной службы.

Меркантильные интересы преследуют более трети военнослужащих. Так, высокого материального положения стремятся достичь 42% опрошенных. Занять высокую должность, добиться карьерного роста стремятся 30% опрошенных. Подавляющее большинство военнослужащих понимает ценность формирования здоровьесберегающего поведения. Они активно пропагандируют здоровый образ жизни и активно внедряют в собственной семье мероприятия, направленные на профилактику вредных привычек, а также болезней. Так, согласно данным опроса 34% военнослужащих данные мероприятия осуществляют систематически, 56% – осуществляют от случая к случаю и только 9% акторов данные мероприятия вообще не осуществляют. Несколько иная ситуация относительно личного участия военнослужащего в мероприятиях, направленных на сохранение и укрепление собственного здоровья. Отвечая на вопрос «Как часто Вы включаетесь в мероприятия по физической культуре (то есть участвуете в массовых мероприятиях, направленных на сохранение и укрепление здоровья)? 19% респондентов отвечают – ежедневно, 29% – 2 раза в неделю, 22% – 2 раза в месяц, 9% – 2 раза в полугодие. При этом 13% военнослужащих очень редко вовлекаются в данные мероприятия, а 5% – вообще не занимаются физической культурой и спортом.

У военнослужащих в целом сформирован стабильный мотив занятия спортом. 70% – имеют устойчивое желание участвовать в спортивных мероприятиях. 22% – заявляют, что данного желания они не имеют. На практике данный мотив реализуется не в полной мере. Так, только 61% воен-

нослужащих занимается, а 24% не занимаются спортом в свободное от работы время. Несложно заметить разницу в составе желающих и реально занимающихся спортом военнослужащих. Результаты опроса также показывают, что более половины военнослужащих считают, что наиболее эффективным способом поддержания здоровья является самолечение. Последнее демонстрирует противоречие между составом декларируемых, а также реально реализуемых норм самосохранительного поведения военнослужащих. Это подтверждает необходимость совершенствования оздоровительной политики военных организаций России. В настоящее время важно, с одной стороны, сохранить существующие практики диагностики и лечения болезней военнослужащих, с другой – необходимо повысить качество профилактики и пропаганды самосохранительного поведения, формирования культуры здорового образа жизни военнослужащего.

Выводы. По итогам представленного анализа можно сделать ряд выводов и обобщений.

1. Формирование культуры здорового образа жизни военнослужащих осуществляется в результате конструирования социально-экономического механизма идеологического, а также программного обеспечения активной социокультурной позиции военнослужащего, создания внутренних мотивов, ориентированных на пропаганду здорового образа жизни, активного внедрения мероприятий, направленных на профилактику вредных привычек, а также болезней. Важно конструировать моду на здоровьесберегающее поведение добиваться повышения социального престижа здоровьесбережения, занятий физической культурой и спортом, пропагандировать и стимулировать здоровый образ жизни военнослужащих.

2. Выявлено, что в целом в современных воинских частях созданы условия для развития культуры здорового образа жизни военнослужащего. Более половины респондентов отмечают, что реформирование системы культуры и досуга в воинской части способствует повышению качества социокультурного обслуживания военнослужащих. Большинство военнослужащих отмечает расхождение формально декларируемых ценностей, норм, принципов здорового образа жизни военнослужащего и реальных практик их реализации.

3. Установлено, что, с одной стороны, военнослужащие подчеркивают значимость здоровьесберегающего поведения

для военно-профессиональной деятельности, с другой стороны, данные заявления сопровождаются действиями, определяющими нарушение формально принятых самосохранительных практик в военной организации. У военнослужащих не искоренены практики курения, употребления алкогольных напитков, игнорирования формальных самосохранительных норм поведения, а также установленных процедур профилактики болезней и заболеваний. В результате социологического опроса подтверждено, что подавляющее большинство военнослужащих в воинских частях понимает и осознает значимость профилактики заболеваний и сохранения физических способностей. Рассматривают здоровье как базовое условие эффективного осуществления служебно-трудовой деятельности. Однако они не намерены менять сложившиеся вредные привычки, безответственное отношение к собственному здоровью. Часть военнослужащих чрезмерно эксплуатирует на работе и в быту собственный физический потенциал, что приводит к сокращению имеющихся возможностей собственного здоровья. Продолжительная, ненормированная, тяжелая служебно-трудовая деятельность, опасения по поводу непродления контракта, ограниченный потенциал организации досуга и отдыха не всегда создают нормальные условия воспроизводства физического потенциала, не позволяют оптимизировать самосохранительные практики поведения. Последнее в целом приводит к снижению качественных характеристики здоровья части военнослужащих.

4. Определено, что ценностная и мотивационно-ценностная системы являются основными в механизме формирования культуры здорового образа жизни военнослужащего. В то же время практики осуществления жизнедеятельности военнослужащих противоречат формальным ориентациям на самосохранительное поведение в быту. Эмпирический анализ позволяет выявить несколько групп военнослужащих относительно уровня их культуры здорового образа жизни.

Первая группа (61%): высший уровень культуры здорового образа жизни – успешно-активный тип военнослужащих. Отсутствуют хронические заболевания, очень редко болеют. Для данных военнослужащих здоровье – это одна из основных ценностей. Они стремятся достичь здорового образа жизни, постоянно занимаются физической культурой, посещают спортивные секции.

Вторая группа (30%): средний уровень культуры здорового образа жизни – достаточно-активный тип военнослужащих. Имеются незначительные сбои, а также отклонения от нормы физического состояния. У данных военнослужащих 1-2 раза в год обостряются хронические болезни, они декларируют и осознают ценность здоровья. В то же время не всегда стремятся соблюдать рациональный распорядок дня, правильный режим питания, отдыха, имеют вредные привычки, только периодически занимаются физической культурой, нерегулярно посещают спортивные секции.

Третья группа (7%): низкий уровень культуры здорового образа жизни – недостаточно-активный тип военнослужащих. Имеют устойчивые профессионально-функциональные отклонения от принятых норм здоровьесбережения, хронические заболевания, периодически (более двух раз в год) болеют. Данные военнослужащие, хотя и декларируют, но не осознают ценность здоровья. Они мотивированы на минимальную служебно-трудовую активность, не проявляют должной активности в поддержании собственного здоровья, имеют вредные привычки, не занимаются физической культурой, иногда (от случая к случаю) посещают спортивные секции.

Четвёртая группа (3%): неудовлетворительный уровень культуры здорового образа жизни – неактивный тип военнослужащих. Имеются существенные профессионально-функциональные отклонения от принятых норм здоровьесбережения, серьезные хронические заболевания. Находятся в состоянии болезни. Данные военнослужащие характеризуются неудовлетворительным уровнем физического потенциала. Физическая профессиональная активность большинства военнослужащих данной группы низкая.

М.Л. ЧЕЛНОКОВА
*педагог-психолог лицея Финансового
университета при Правительстве
Российской Федерации**

Российская несистемная оппозиция как социально- политический феномен

В статье рассматриваются специфика становления и основные тенденции политической активности несистемной оппозиции в современной России. Отмечается важность социальных медиа Рунета и стремление использовать локальные протестные настроения для позиционирования несистемных политических сил.

***Ключевые слова:** несистемная оппозиция, политическая система, тенденции формирования, политический протест, лидеры оппозиции, Рунет, молодежь, социальные медиа.*

M.L.CHELNOKOVA
*Teacher-psychologist of the Lyceum of the Financial
University under the Government of the Russian
Federation*

Russian non-systemic opposition as a socio-political phenomenon

The article is devoted to the specifics of the formation and the main trends in the political activity of non-systemic opposition in modern Russia. It is noted the importance of social media on the Runet and the desire to use local protest moods for positioning non-systemic political forces.

***Keywords:** non-systemic opposition, political system, trends of formation, political protest, opposition leaders, Runet, youth, social media.*

* Челнокова Мария Леонидовна, e-mail: masha_chelnokova@mail.ru

К постановке проблемы

Проблема несистемной оппозиции в современной России занимает существенное место как в общественно-политическом дискурсе, так и с точки зрения интереса отечественной политической науки. Очевидно, её научная значимость обусловлена не только самим фактом существования данного феномена и попытками более детально разобраться в особенностях функционирования современной российской политической системы, но и теми изменениями, которые происходят в массовом сознании и политических предпочтениях российских граждан сегодня. Прежде всего, речь идёт о нарастающей турбулентности и снижении уровня доверия к целому ряду институтов действующей власти. В этих условиях несистемная оппозиция уже не может рассматриваться как некая политико-психологическая «издержка» политического процесса, лишённая какого-либо реального влияния на ситуацию в стране. В равной мере не может она быть сведена и к «партии интернета», исключительно «виртуальным» формам политического протеста.

В связи с событиями 2018-2020 гг., когда именно различные по своим взглядам и политической самоидентификации несистемные факторы выступили коллективным драйвером массовых уличных протестов (от пенсионной реформы-2018 г. и событий вокруг выборов в Московскую городскую Думу в 2019 г. до протестных акций 2020 г.), актуальность анализа российской несистемной оппозиции именно как значимого субъекта политического процесса будет только возрастать. Не претендуя на полномасштабное осмысление данного феномена, хотелось бы остановиться на факторах становления, структуризации и специфике деятельности несистемных «игроков» на современном этапе (2018-2020 гг.).

Степень научной разработанности темы несистемной оппозиции в российской политической науке в целом можно оценить как невысокую. Однако следует отметить, что за последнее десятилетие появился целый ряд трудов, посвящённых как непосредственно исследуемому явлению, так и косвенно связанных с указанной тематикой. Прежде всего, речь идёт о работах, посвящённых политическому протесту, электоральным процессам и кризису парламентских партий («думской оппозиции»).

В данном ракурсе особый интерес представляют труды Н.П. Медведева, А.В. Борисенко, О.М. Михайлёнка, О.Г. Щениной, О.А. Кузнецовой, Д.А. Михайлова и др.

Также важными с точки зрения анализа «несистемных» политических практик в современной России представляются новейшие работы Н.А. Пономарёва, В.В. Титова, Н.А. Самохвалова, Е.В. Бродовской и других авторов.

Рассматривая тематическую направленность и содержание работ, указанных авторов можно заметить, что в поле зрения отечественных политологов находятся, прежде всего, вопросы, связанные с идеологическими ориентациями, структурой и формами деятельности несистемной оппозиции. При этом на второй план ушли не менее значимые вопросы: каковы причины появления несистемной оппозиции в её современном формате? Какие социальные факторы и особенности трансформации российской политической системы 2010-х гг. этому способствовали?

Основные результаты исследования

Рассматривая феномен несистемной оппозиции, в первую очередь представляется необходимым выработать её определение, позволяющее не только описать характерные черты, но и выделить ряд функциональных её особенностей, специфику деятельности в современных российских политических реалиях. Данная задача представляется достаточно сложной, поскольку можно согласиться с мнением, что «на сегодняшний день не сложился единый подход к рассмотрению сущности данного феномена, не выработано относительно общее определение понятия «оппозиция», которое бы отражало существенные элементы его содержания»¹.

Тем не менее в российском научно-политическом дискурсе были предприняты вполне успешные попытки концептуализации рассматриваемого феномена. Развернутое описательное определение несистемной оппозиции дают Н.П. Медведев и А.В. Борисенко. По их мнению, несистемную оппозицию отличает жесткое противостояние с действующей властью, направленное на использование не всегда законных методов ведения политической борьбы. Именно

¹ *Медведев Н.П., Борисенко А.В.* Несистемная оппозиция в политическом пространстве современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика, 2007, № 4, с. 151.

использование подобных способов достижения поставленной цели отражается на статусе данных политических сил, который зачастую носит нелегальный или полулегальный характер. К несистемной оппозиции могут быть отнесены как левые, так и правые организации радикального или экстремистского толка, отвергающие легитимную для большинства населения систему политических ценностей. Следует сказать, что в период стабильного развития общества популярность таких политических партий очень невелика, но во время кризисов и общественных потрясений она начинает стремительно расти. Как правило, такие партии декларируют курс на резкие изменения в политической системе, смену политического режима¹.

О.М. Михайленок и О.Г. Щенина, говоря об оппозиции, в том числе несистемной («внесистемной», нелояльной), акцентируют внимание на противопоставлении идей, концепций, взглядов и вытекающих отсюда антивластных действиях².

Таким образом, «несистемность» того или иного политического фактора может интерпретироваться как минимум в трёх ракурсах. Во-первых, как неопределённый политико-правовой статус, что исключает возможность вхождения в правовое пространство политики, в том числе, и участие в электоральных процессах. Во-вторых, как признак радикализации, акцент на неконвенциональные и часто противозаконные методы политической деятельности. В-третьих, как резкую оппозиционность по отношению к действующей власти, нежелание идти на компромиссы по различным вопросам.

Опираясь на изложенные выше подходы, мы полагаем возможным определить *несистемную политическую оппозицию как совокупность политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля, не участвующих в электоральных процессах (как по собственной инициативе, так и в силу административного и силового давления со стороны властных структур) и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за серьезные институциональные изменения сложившейся политической системы.*

¹ Медведев Н.П., Борисенко А.В. Указ. соч., с. 150.

² Михайленок О.М., Щенина О.Г. Власть и несистемная оппозиция как субъекты политического согласия // Власть, 2016. т. 23, № 7, с. 25.

Как известно, корни «несистемности» современной российской политики уходят в эпоху позднего СССР. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. несистемный спектр политических сил был довольно широк и включал в себя как «левые», так и радикально-националистические силы (которых «демократы» описывали метафорой «красно-коричневые»). При всех внутренних разногласиях с 1991 г. их объединяло резкое неприятие существующей на тот момент власти – «ельцинского режима» и стремление действовать преимущественно силовым путем («Память», НБП, «Русское национальное единство», «Союз офицеров» и т.д.). Середина 1990-х гг. стала в этом плане переломным моментом, когда в условиях институционализации политической системы «новой России» значительная часть этих сил либо сумела легализоваться (например, «Трудовая Россия» В. Анпилова), либо интегрироваться в другие структуры, либо окончательно подверглась маргинализации и утратила сколь-либо заметное влияние.

По нашему мнению, относительное «затишье» в деятельности «несистемных» игроков в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. объясняется тремя факторами. Первый фактор – это преимущественно конкурентный характер политического процесса, возможность участия в многочисленных выборах разных уровней (здесь необходимо особо подчеркнуть, что «конкурентность» конца 1990-х – начала 2000-х ни в коей мере не подразумевает «честность»). Второй фактор – активность системной оппозиции, монополизация политической повестки дня действующей властью и её основными идейными оппонентами (прежде всего левопатриотическими и в меньшей степени – праволиберальными силами, а чуть позже – и «губернаторской фрондой»). Третий фактор, ставший наиболее значимым в 2001-2002 гг. – это формирование «путинского большинства», консолидация большей части общества вокруг фигуры Президента России В.В. Путина¹.

Вторая волна всплеска активности несистемной оппозиции – разрозненной и на тот момент не имеющей значительной политической поддержки – приходится на середину

¹ *Евгеньева Т.В., Губченко В.А.* Психологические особенности формирования оппозиционной повестки дня в сети Интернет // Политическая наука, 2017, № S., с. 393.

2000-х – начало 2010-х гг. Её предпосылками стали фактическая маргинализация «либералов» и утрата ими какого-либо официального политического статуса (так, в 2003 г. СПС и «Яблоко» не прошли в Государственную Думу ФС РФ, в начале 2004 г. потерял пост Председателя Правительства М. Касьянов), а также радикальное снижение популярности и влияния с последующим встраиванием в «вертикаль власти» КПРФ. Все вышеуказанные обстоятельства привели к тому, что из «системного» поля российской политики были вытеснены целый ряд заметных фигур, в недавнем прошлом входивших в высшие эшелоны власти (Б. Немцов, М. Касьянов, Н. Рыжков, А. Илларионов и др.). Помимо этого, появляется целый ряд новых политиков, стремящихся занять оппозиционную нишу (И. Яшин, Г. Каспаров, А. Удальцов, А. Навальный, позже – Г. Гудков и Е. Чирикова).

И в то же время, можно констатировать, что до начала 2010-х гг. ключевым фактором формирования «несистемного конгломерата» оппозиционеров явился националистический тренд, в основе которого были идеи борьбы с «этнической» преступностью и антимиграционная риторика (достаточно вспомнить Движение против нелегальной иммиграции – ДПНИ, возглавляемое А. Беловым). Этому способствовал ряд событий локального масштаба, которые стали известны благодаря активному развитию Рунета, в том числе появлению социальных сетей (этнобытовой конфликт в Кондопоге в 2006 г., события вокруг «черкизона», «восстание Спартака» в 2010 г.).

Поворотным моментом в эволюции российской несистемной оппозиции, позволившим ей обрести полномасштабную политическую субъектность, стали массовые протесты 2011-2012 гг. Более того, несмотря на жесткие действия власти («болотное дело» и т.д.) и сложившийся в 2014-2016 гг. «крымский консенсус», несистемные силы получили новую функциональную возможность собственного позиционирования и критики власти через социальные медиа Рунета. По существу, уже в 2013-2014 гг. наметилась четкая тенденция «виртуализации» несистемной политической деятельности, ухода значительной части «несогласных» в интернет-среду, хотя это не исключало и проведение отдельных массовых акций («марш против подлецов» и т.п.).

Но если до 2016-2017 гг. социальные сети выполняли в российской политической системе функцию своеобразного «громоотвода» – сублимировали недовольство действующей властью в относительно безопасные для неё формы (посты, мемы, комментарии, лайки–дизлайки, выяснение отношений между самими оппозиционерами), то в последнее время ситуация начала серьезно меняться¹. Первый вектор таких изменений связан с тем, что массовая «интернетизация» российского общества позволила несистемной оппозиции начать оказывать существенное влияние на настроения граждан. Второй вектор связан с тем, что социальные медиа Рунета, в том числе мессенджеры, получившие широкое распространение в последние несколько лет, стали выступать не только как механизм сублимации оппозиционных настроений, но и в качестве технологической платформы мобилизации людей.

Таким образом, в 2018-2020 гг. несистемная оппозиция, будучи лишенной доступа к официальным СМИ, оказалась весьма выразительно представленной в российском информационном пространстве. В особенности это касается таких сегментов общества, в которых наблюдается значительное число интернет-пользователей: молодежь, жители Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других крупных городов. Это позволило ей мобилизовать часть собственных сторонников, переведя «виртуальный» протест в «уличный» (митинги против пенсионной реформы, «марши 26 марта» против коррупции, митинг против передачи Курильских островов Японии, протесты против недопуска оппозиционных кандидатов на выборы в МГД и последовавшее за этим «московское дело», протесты в Хабаровском крае и т.д.).

При этом весьма заметна новая тенденция в деятельности несистемных оппозиционеров – *стремление к «диффузии протеста»*, перенос центра тяжести оппозиционных выступлений из столицы в регионы и активное использование локальной проблематики, начиная с противостояния вокруг «химкинского леса» («мусорные полигоны» в Шиесе и Ядрове, строительство храма на месте сквера в Екатеринбурге, конфликт вокруг месторождения на Куштау в

¹ Итиуридзе Л.А., Смагина Л.А. Модель политической коммуникации в условиях модернизации современной России // Вопросы политологии, 2020, т. 10, № 7(59), с. 2155-2161.

Башкирии и т.д.). Такая тактика представляется весьма выигрышной, поскольку приближает оппозиционные силы к реальным, повседневным проблемам населения, придает протесту не политическую, а социальную окраску.

Еще одна знаковая тенденция, наметившаяся сегодня, – это всё более заметная *де-маргинализация несистемной оппозиции*: происходит разрушение устоявшихся образов правых (крайних националистов и примкнувших к ним футбольных фанатов) и левых (ортодоксально-коммунистических и анархистских) радикалов, призывающих к неконвенциональным действиям и силовому сценарию смены власти. С появлением и активной «раскруткой» в интернет-пространстве таких фигур, как А. Навальный, Д. Гудков, Н. Платошкин, практика деятельности «несистемных» сил всё более смещается в сторону тех форм протеста, которые формально находятся в правовом поле (например, разрешенные митинги, одиночные пикеты, «прогулки» с популярным в 2020 г. флэшмобом «покорми голубей»), при сохранении или даже ужесточении негативной риторики в адрес как правящей элиты в целом, так и отдельных её представителей¹. В том числе, это касается чиновников условно «среднего уровня», допустивших некорректные высказывания по тем или иным вопросам или совершивших незачисленные поступки (Е. Хахалева, Р. Горринг, О. Глацких, Н. Соколова и др.).

Говоря об особенностях деятельности и функциональных возможностях российской несистемной оппозиции сегодня, представляется необходимым упомянуть еще два важных момента.

Первый связан с тем, что поддержка оппозиционных настроений в некоторых слоях российского общества вызвана, прежде всего, серьезным (а в таких случаях, как, например, пенсионная реформа – массовым) недовольством решениями и действиями властей всех уровней, а также непоследовательностью проводимой государственной политики. Достаточно вспомнить тот факт, что в 2005 -2013 гг. (до вхождения Крыма в состав РФ) главным атрибутом Дня народного единства стал «русский марш». То есть националисты фактически перехватили «символическую повестку»

¹ *Гужева Н.* Птица протеста: уличные акции с кормлением голубей охватили всю Россию [электронный ресурс]. URL: <https://sobesednik.ru/politika/20200722-ptica-protesta-ulichnye-akcii> (дата обращения: 01.10.2020).

власти. Подобная ситуация нередко повторяется и сегодня, когда неспособность решить социальные, инфраструктурные проблемы («мусорная» тематика), неоднозначные кадровые решения (назначение М. Дегтярёва и.о. Губернатора Хабаровского края) создают благоприятный эмоциональный фон для активизации «несистемных» политических сил.

Второй момент связан с высоким уровнем конфликтности внутри самой несистемной оппозиции, неспособностью к компромиссам даже по частным вопросам, не говоря уже о консолидации её наиболее значимых сегментов. На это накладывается отсутствие у большинства несистемных оппозиционеров позитивной повестки дня, которая носила бы не деструктивный и одномерный характер («сменить власть, а там видно будет»), не была бы исключительно ретроспективной (размышления о том, как хорошо было «при царе», «в СССР» или в «святые девяностые»). Поэтому проблема поиска привлекательного, позитивного, но в то же время реалистичного образа будущего – именно та задача, к решению которой «несистемные» политики пока не приблизились¹.

Выводы

Российская несистемная оппозиция может быть определена как конгломерат разнородных политических сил, находящихся вне либо на периферии правового поля, не участвующих в электоральных процессах и выступающих как за радикальную смену проводимого политического курса, так и за серьезные институциональные изменения сложившейся политической системы.

Генетические корни «несистемности» в современной российской политике безусловно уходят в 1980-е – начало 1990-х гг. Однако современная несистемная оппозиция должна рассматриваться преимущественно как новое явление. Её востребованность в отечественном политическом пространстве и популярность в определенных слоях общества обусловлена интенсивным развитием социальных медиа Рунета в сочетании с кризисными социально-экономическими тенденциями в жизни страны, снижением уровня доверия к институтам действующей власти.

Одним из механизмов конструирования образа несистемной оппозиции в современной России является «привяз-

¹ *Евгеньева Т.В., Губченко В.А.* Указ. соч., с. 393.

ка» её деятельности к локальным проблемам, что придает всевозможным протестным действиям не политический, а социальный характер, тем самым позволяя несистемным факторам более «точечно» и эффективно влиять на массовые настроения в российском обществе.

Очевидными слабостями несистемной оппозиции в сегодняшней России являются внутренняя разобщенность и конфликтность, низкий уровень консолидации и отсутствие развернутой позитивной повестки дня.

А.М. БАГАУТДИНОВ
*кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и политологии
Башкирского государственного университета**

Р.А. БАГАУТДИНОВ
*аспирант кафедры философии и политологии
Башкирского государственного университета***

Иррациональное поведение как проявление амбивалентности духовности человека

В статье исследуется природа иррационального поведения человека. Она рассматривается авторами как одна из форм проявления амбивалентной природы духовности. Иррациональное, нелогичное поведение личности определяется в современной философии соразмерностью человека и духовной реальности. Авторы приходят к выводу, что иррациональное поведение личности в обществе связано с возвращением духовности в горизонт повседневности.

Ключевые слова: *духовность человека, иррациональное, рациональное, поведение, дух, душа, духовный мир, внутренний мир, виртуальный мир.*

A.M. BAGAUTDINOV
*Candidate of Philosophy, Associate Professor of the
Department of Philosophy and Political Science of
Bashkir State University*

R.A. BAGAUTDINOV
*Postgraduate student of the Department of Philosophy
and Political Science of Bashkir State University*

* Багаутдинов Айрат Маратович, e-mail: airat900@mail.ru

** Багаутдинов Руслан Айратович, e-mail: filosof02@mail.ru

Irrational behavior as a manifestation of the ambivalence of human spirituality

The article explores the nature of human irrational behavior. It is considered by the authors as one of the forms of manifestation of the ambivalent nature of spirituality. The irrational, illogical behavior of a person is determined in modern philosophy by the proportionality of man and spiritual reality. The authors conclude that the irrational behavior of the individual in society is associated with the return of spirituality to the horizon of everyday life.

Keywords: *human spirituality, irrational, rational, behavior, spirit, soul, spiritual world, inner world, virtual world.*

Духовность трактуется современным обществом с натуралистической точки зрения, когда главной целью видится достижение счастья, воплощенное в личностном благополучии. Психологизация духовности приводит к тому, что связь духовного и религиозного, которая всегда признавалась в обществе, постепенно стала наполняться новым содержанием. Духовность все более отождествляется с психологическими состояниями и трактуется как желание человека обнаружить скрытые источники своих стремлений в том виде, в котором эти источники видятся на уровне личных переживаний.

Иррациональное, нелогичное поведение личности определяется в современной философии соразмерностью человека и духовной реальности. Подобное толкование делает духовность исторически изменчивым образованием, определяемой гранью между категориями душевного и духовного. Духовность – это фактор структурирования различных уровней субъективности. Она не является раз и навсегда установленным перечнем образцов, к которым следует стремиться личности, ее изменчивость предопределена тем, что задаваемая ею соизмеримость зависит от ценностных ориентиров личности. Личность осуществляет духовный поиск выработанным ею способом, и от результата этого поиска зависит образ внутреннего мира конкретного человека или общества в целом.

Иррациональное поведение личности связано с возвращением духовности в горизонт повседневности, которое не столь безопасно, как может показаться – этот процесс сопряжен с возможностью изменения ментальных и психических структур, так как допускает противопоставление переживания идеалам,

принципам и ценностям культуры и цивилизации, что может привести к отказу от нравственных ценностей.

Духовность выражается в практических доминантах личной силы и устойчивости, следовательно, обрести духовность без практических действий невозможно. Она обретается вовсе не в связи с отказом от удовлетворения практических запросов, а вырабатывается в ходе построения отношений с другими людьми и окружающим миром, когда противоречия реального мира преодолеваются не только в воображении путем построения гармонического образа бытия, но и в действительности.

Человек существует в двух реальностях. В объективной находят воплощение идеи, сотворенные им в мире «второй природы». В субъективной и идеальной переживания смыслообразов реального мира проживаются человеком в форме сверхчувствования или чувствования действительности вове, таким образом, наблюдается отождествление внешнего и внутреннего в ценностно-смысловом переживании. Следует отметить, что по своей природе сознание человека склонно к субъективности, и образуемая им субъективная реальность имеет сложную структуру.

Субъективное бытие личности происходит одновременно в трех измерениях: виртуальном, душевном и духовном. Деятельность субъекта сначала проявляется виртуально, т. е. имеет мысленную форму, которая впоследствии обретает материальное выражение. Так же и восприятие личностью фрагментов окружающего мира и самой себя в этом мире сначала происходит в виде символов и образов, которые в дальнейшем складываются в некую целостность – виртуальную реальность.

Человек перерабатывает информацию, придает ей целостный смысл и благодаря этой «технической» способности создает свой виртуальный мир. Сам по себе этот мир внеэмоционален, но дело в том, что он никогда не бывает полностью изолированным, напротив, он постоянно дополняется душевными переживаниями, почерпнутыми из душевного мира человека. А виртуальный и душевный мир вкуче создают духовный мир личности, из чего следует, что духовный мир – это совокупность виртуального и душевного. Отсутствие одной из этих составляющих разрушает целостность духовного мира.

Внутренний мир – это субъективный мир человека как особая форма бытия, совокупность процессов внутренней

жизни индивида в их сущностном проявлении. Именно внутренний мир выступает индивидуально-личностным средоточием человеческого существования, которое содержательно выражено в сознании, т. е. развивающиеся психические реакции, мысли, чувства, волевые побуждения в своей совокупности составляют внутренний мир человека, основанный на самобытном прочтении им норм социальной жизни, влекущем за собой выработку собственного мировоззрения и образа жизни. Внутренний мир человека обладает весьма сложной структурой, компонентами которой выступают: эмоциональная сторона – чувства, настроение, душевность; рациональная сторона – индивидуальное сознание, самосознание, мировоззренческая система, система знаний, умений, навыков; подсознательный механизм; свободная воля; мотивационная сфера – потребности, интересы, цели, стимулы, ориентация, привычки. Таким образом, внутренний мир человека является способом бытия его субъективности, автономности и целостности.

Духовный мир человека, в отличие от его внутреннего мира, представляет собой процесс отражения реального бытия путем личностного осмысления как явлений этого бытия, так и собственных нравственных ценностей, имеющих общечеловеческое значение. Духовный мир начинает свое формирование вместе со становлением человеческой индивидуальности, развивается вместе с осмыслением его личностью по мере усвоения этой личностью нравственных норм как внутреннего категорического императива, а также по мере понимания и приятия ею ценностей родового бытия человека как своих собственных.

Подобное осмысление личностью человеческой субъективности дает основание для утверждения как субстанциональности отдельного человеческого «Я», так и присутствия онтологической упорядоченности индивидуального человеческого духа в фундаментальных основах бытия. Исходя из этого, можно говорить о трех составляющих человеческого бытия: внешний мир, человек как существо духовное и Абсолют, которые могут по-разному взаимодействовать друг с другом. Так, например, Платон и его последователи полагают, что дух человека играет роль посредника между внешним миром и идеалом, связь которых реализуется сквозь призму сознания, внутреннего диалога и переживания. Странники теории отражения лишают человеческий дух соответствен-

ного бытия, позволяя обрести его лишь через активное отражение путем осуществления деятельности, которая понимается как рассудочно-разумное познание, и практику, поскольку дух человека, с их точки зрения, – это, прежде всего, знание как отражение субъектом объекта.

Духовный мир как особое человеческое «зрение» определяет личностное видение окружающего мира. Следует отличать духовный мир личности от её духовного состояния, определяемого как доминирующее в определенный момент индивида, которое находит выражение в его направленности, которая может быть осознана или неосознана им, и тональности его сознания и самосознания, от которых, в свою очередь, зависит эффективность и продуктивность деятельности индивида на пути к поставленной цели.

Таким образом, иррациональное поведение проявляет себя как реализация духовного состояния. При этом сознание выражает себя в вере, надежде, убеждениях и мировоззрении, а самосознание находит выражение в самочувствии, самоощущении, самосознании. Духовное состояние видится как единственно свободное состояние, в котором свобода преобладает над бытием, а духовное бытие находит выражение в процессе человеческого самопознания и самоограничения, который имеет в своей основе способность духовной составляющей человека выходить за свои пределы и возвращаться обратно.

А.В. ПОПОВА
*кандидат социологических наук,
заместитель декана факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова**

М.М. СИМОНОВА
*кандидат социологических наук, доцент кафедры
«Управление персоналом и психология» Финансового
университета при Правительстве Российской
Федерации**

Теоретико-методологические основы анализа социально ответственной деятельности

Раскрывается понятие «социальная ответственность бизнеса», показано отличие этого понятия от моральной ответственности. Излагается содержание основных парадигм СОБ. Рассматривается отличие юридического содержания ответственности от социальной ответственности.

***Ключевые слова:** ответственность, социальная ответственность, парадигмы СОБ, этика ответственности, менеджмент.*

A.V. POPOVA
*Candidate of Sociological Sciences, Deputy Dean of the
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State
University*

M.M. SIMONOVA
*Candidate of Social Sciences, Associate Professor of
the Department of Personnel Management and Psychology
of the Financial University under the Government of the
Russian Federation*

* Симонова Маргарита Михайловна, e-mail: MMSimonova@fa.ru

* Попова Анна Вячеславовна, e-mail: ap.prm2017@gmail.com

Theoretical and methodological foundations of the analysis of socially responsible activities

The concept of «social responsibility of business» is revealed, the difference between this concept and moral responsibility is shown. The content of the main paradigms of SRB is described. The difference between the legal content of responsibility and social responsibility is considered.

Keywords: responsibility, social responsibility, SRB paradigms, ethics of responsibility, management.

Понятие «социальная ответственность бизнеса» содержит в себе целый спектр смыслов, основным из которых является *ответственность*. И хотя речь идет о предпринимательстве (бизнесе), а он по определению является творческой интеллектуальной деятельностью, мы можем утверждать, что всякая творческая и интеллектуальная деятельность, осуществляющаяся в социуме, должна быть социально ответственной, так как ответственность есть атрибут разума. Морально и интеллектуально нагруженное понятие ответственности имеет определенные «провоцирующие» коннотации, выводящие экономические смыслы на прямую связь с фундаментальными установками общественного сознания¹. В рамках понятия «моральная ответственность» допускаются различные толкования. Они используются для описания как личности, обладающей такими чертами характера, как надежность и честность, так и коллектива, руководствующегося этикой ответственности. Они употребляются для обозначения обязанности и долга, а также для обозначения того, кто виновен в произошедшем событии (каузальное значение). Ответственность в сфере предпринимательства трактуется по преимуществу юридически как ответственность перед законом. Но уже та моральная нагрузка, которая органично входит в понятие *ответственности*, требует от бизнеса перевода его в пространство человеческих отношений и общественного признания и одобрения.

¹ Шмерлина И. Социальная ответственность бизнеса (по материалам экспертных интервью) – <http://bd.fom.ru/report/map/d042629/010704>.

Социальная ответственность в массовом сознании выступает как определенные ожидания общества от собственников и руководства, производственных структур, с одной стороны, и осознания их долга перед обществом, коллективом, индивидом за свои действия и их социальные последствия – с другой. Массовое понимание очень важно. Мы видим, что люди вкладывают средства в концепцию социальной ответственности и своих собственных обязанностей перед обществом, коллективом, другими людьми и поэтому считают себя вправе ожидать от бизнеса того же самого понимания долга перед обществом, коллективом и другими людьми. Таким образом, социальная ответственность безоговорочно интерпретируется людьми как необходимость. Но главное тут – корпоративизм как способность субъектов деятельности соотносить требования социальной ответственности с самим собой и с каждым членом социума. Известно, например, что население отдает на благотворительность часть своих средств.

В теоретических концепциях социальной ответственности бизнеса пионеры их разработки при всем различии подходов и трактовок преимущественно рассматривали социальную ответственность как производную от «моральной ответственности», как систему принципов взаимодействия бизнеса и общества¹.

Понятия «ответственность» и «социальная ответственность» применительно к бизнесу можно и не разделять, если помнить, что природа всякого бизнеса – социальная. Социальное происхождение бизнеса и его зависимость от общества – это аксиома. Осознание высокой степени интеграции бизнеса в общество, его социальной природы также подразумевает осознание долга перед обществом в большей степени, чем просто выполнение своих профессиональных обязанностей в экономической структуре бизнеса. В содержание этой категории – «социальная природа бизнеса» – входит и тот факт, что его обеспечивают люди, т. е. часть социума, и тот, что потребители – тоже часть социума. В социуме располагаются все заинтересованные стороны, которые обеспечивают и производственную, и финансовую устойчивость бизнеса. И воздействует бизнес своей, казалось бы, совершенно конкретной деятельностью на широкий спектр

¹ Благов Ю.Е. Корпоративная социальная деятельность: КСО как система // Вестник СПбГУ, 2009, сер. 8, вып. 3, с. 32.

общества, использует его ресурсы, содействует или, наоборот, препятствует его социокультурному облику. «Корпорации, – замечает Е.В. Василенко, – «должны» что-то взамен обществу, которое позволяет существовать их привилегиям»¹. В этой связи можно сделать вывод о том, что в бизнесе труднее всего делать то, что кажется необязательным, но необходимым. Свобода предпринимательской ответственности определяется ее тотальной необходимостью.

Не только широкие публичные суждения, но и теоретические разработки по теме социально ответственной деятельности бизнеса представляют собой постоянно возобновляющийся диалог парадигм. Диалог берет свое начало в давнем прошлом: уже в период своего становления капитализм вел себя двойственно по отношению к окружающему обществу. *Большинству* представителей предпринимательского класса была присуща забота только о своих прибылях и почти полное пренебрежение ко всему, что находилось за этими пределами. *Меньшинству* было важно не только проявлять заботу о максимизации прибыли, но и заботиться об окружающем мире, заниматься благотворительностью.

Исследователи, занимавшиеся СОБ, предлагали различные системы взглядов по поводу внутренней взаимосвязи предпринимательской ответственности и *необходимости* осуществлять благотворительность. На этом базируется содержание двух вполне оформившихся парадигм. Одна рассматривает социальную ответственность бизнеса как *излишество*, что впоследствии стало называться предпринимательским *эгоизмом*. Другая утверждает необходимость социальной ответственности бизнеса – отдает приоритет *альтруизму*. Неудивительно, что в исследованиях российских и зарубежных авторов одна парадигма получила название «*теория корпоративного эгоизма*», другая – «*теория корпоративного альтруизма*».

Теоретические обоснования, наполняющие *первую* (условно назовем ее *прагматической*) *парадигму*, пытаются противостоят попыткам расширить круг ответственности бизнеса. Ведущим тут выступает заключенный в строгие рамки правовой ответственности формально-юридический подход. Своевременная и полная уплата налогов, полное законопослу-

¹ Василенко Е.В. Социальная ответственность бизнеса: мировой опыт и российские реалии. [http:// www. transpress. ru/articles/0601/ 02_09. Shtml](http://www.transpress.ru/articles/0601/02_09.Shtml).

шание в способах и формах ведения бизнеса – это и есть, по мнению разработчиков формально-юридического подхода, *социально ответственное отношение бизнеса к обществу*. Вторая парадигма, расширяющая понимание ответственности бизнеса, выводящая ее за пределы экономических функций компаний, вылилась в специально разрабатываемые теории «социальной ответственности бизнеса».

Понятия «ответственность» и «социальная ответственность» в какой-то мере служат водоразделом между двумя этими подходами. Слово «ответственность» без прилагательного «социальная» содержит тем не менее представление о социальном долге, но исполняемом в замкнутых рамках конкретного предпринимательского дела, которое само по себе уже состоит на службе обществу.

Вокруг каждого подхода выстраивались и все более укрупнялись теоретические построения. Надо признать, что диалог парадигм не носил абсолютного характера, постепенно вырисовывалась так называемая золотая середина. Ее иногда называют третьей парадигмой, базирующейся на «центристской» теории *разумного эгоизма (enlightened self-interest)*. Казалось бы, что все постепенно склоняются к ней, современная трактовка социальной ответственности бизнеса стремится совместить противоположные взгляды, но диалог базовых парадигм, сталкивающих *идею максимизации прибыли с идеей гуманизации и социализации капитала*, не останавливается, и противостояние разных парадигм происходит и в настоящее время. Продолжаются вечные споры об общественном и личном, о государственной и частной собственности, об эгоизме и альтруизме, добре и зле, нужде и долге, достатке и достоинстве. Предметом оживленных дебатов не в меньшей степени становятся смысл, основания, формы реализации и достигаемые результаты уже осуществляемой социальной ответственности бизнеса.

«Социальная ответственность бизнеса» и «корпоративная социальная ответственность» – еще одна пара понятий, которые своим совпадением способны запутать анализ. Но если следовать Л.К. Витковской, которая вводит такое выражение, как *социальная ответственность корпорации/бизнеса*, то никакой разницы между понятиями «социальная ответственность бизнеса» и «социальная ответственность корпорации» не усмотреть. Подтверждение этому находим и в том, как автор определяет бизнес: «Под бизнесом понимаются дело-

вые организации, то есть организации, которые создают в ходе своей деятельности добавленную стоимость в широком смысле этого слова (это относится не только к производству и торговле, но также к образовательным, медицинским, культурным и другим... учреждениям). То есть к ним относятся все существующие в обществе организации, за исключением органов государственной власти и регионального управления, федеральной обороны и безопасности»¹. Поэтому, когда говорят о корпоративной социальной ответственности, это можно отнести к любой организации бизнеса.

Так называемые эгоисты настаивают на том, что бизнес ответственен только за свое дело – за его эффективность, качество, производительность труда, увеличение дохода своих акционеров. Так, американский экономист Х. Хендерсон называет концепцию социально ответственного бизнеса в его широкой трактовке «обманчивой и разрушительной», по его мнению, она базируется «на сомнительных или ложных допущениях», которые ведут «к росту затрат и ухудшению результатов деятельности корпораций»². М. Фридман провозгласил теорию корпоративного эгоизма: «У бизнеса одна и единственная социальная ответственность: использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли, в то время как это осуществляется в рамках правил игры»³.

Г. Форд, основатель крупнейшего североамериканского автомобильного концерна, объяснил, что корпорации являются специализированными инструментами, которые предназначены для обслуживания экономических потребностей общества и не слишком соответствуют обслуживанию социальной сферы, которая не связана с их прямыми деловыми интересами. Но его концепция является более сложным образованием, чем это разъяснение. Он оценивал эффективное производство как благо для общества такими его характеристиками: позволяет снижать цены и повышать заработную плату, что, в свою очередь, повышает платежеспособный спрос, тем самым оно создает условия для решения социальных проблем

¹ Витковская Л.К. О предмете исследования социальной ответственности корпорации. <http://www.csrjournal.com/lib/analyticarticle/print>: 31 июля 2008 года. С. 2.

² Хендерсон Х. Нужна ли социальная ответственность бизнесу? // Бизнес и общество, 2003, №15, с. 24.

³ Friedman M. Capitalism and Freedom. 1961, с. 133.

и таким образом служит обществу. Его слова: «Основанная на служении промышленности делает излишней всякую благотворительность»¹ акцентируют большую значимость служения обществу хорошо организованным производством, нежели благотворительностью.

На наш взгляд, принимая термин «социальная ответственность бизнеса» как специфически расширяющий понятие «ответственность бизнеса», можно говорить о градации *меры ответственности*.

Один ее градус-норма: считать вполне достаточным заботу о прибыли, уплате налогов, доходах акционеров и качестве жизни своих работников.

Другой, восходящий к большому компромиссу с обществом: считать вполне приемлемым еще и какой-то расход на социальные и благотворительные программы, но при этом серьезно задумываться над тем, как получить выгоду от этой своей «сверхдеятельности».

А третий: прилагать к бизнесу в качестве необходимого и органичного контекста именно понятие «альтруизм», трактуемый в своей расширительно общественной форме как забота не только о себе (своем предприятии), но и обо всем окружающем мире – о людях, природе, обществе.

Практика социальной ответственности на Западе имеет долговременную историю. Но научный анализ всякий раз при подступе к этой теме не обходится без специального определения широты охвата, пределов и определяющих характеристик в понятии «социальная ответственность бизнеса».

Ряд американских ученых предпринимали попытки построить общую теорию корпоративной социальной ответственности. Так, Р. Майлс, основываясь на собственных исследованиях в области страхового бизнеса, разработал довольно обобщенную, но, тем не менее, «промежуточную» *теорию социальной восприимчивости*. В его работе стратегия внешней деятельности фирмы определена как функция философии ее высшего руководства, а конкретика внешней деятельности – как функция степени подверженности бизнеса различным воздействиям². Однако социальная восприимчивость – это все-таки один аспект социальной ответственности

¹ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1992, с. 163.

² Miles R.A. Managing the Corporate Social Environment. Englewood Cliffs/Nj prentice Hall, 1987.

компании. И к тому же Майлс почти не рассматривал корпоративную социальную ответственность как моральную рефлексию. Считается, что вплотную подойти к интегрированному варианту трактовки социального самоосуществления бизнеса удалось Вартику, Кохрену и особенно Д. Вуде. Они разрабатывали теорию социальной деятельности бизнеса в русле управленческих концепций.

Спонсорская деятельность капитала имеет в основном благотворительный характер и не приносит коммерческой отдачи. Тем не менее наукой и практикой признано, что в долгосрочной перспективе действительно можно говорить об окупаемости таких вложений или опосредованном для корпорации эффекте от подъема национальной экономики в целом. Компании, занимающие позицию *просвещенного эгоизма*, рассчитывают на благоприятную ответную реакцию общества. Согласно такой точке зрения социальная ответственность бизнеса – это просто «хороший бизнес», поскольку сокращает *долгосрочные* потери прибыли, создает возможность для корпорации реализовать свои основные потребности в *выживании, безопасности и устойчивости*.

Именно такой стратегии придерживается наш отечественный бизнес. Еще в 2004 г. Ассоциация менеджеров России (АМР) сформулировала свою позицию, в соответствии с которой в отношениях бизнеса с обществом важен в первую очередь прагматический момент. Дело, согласно этой позиции, не в альтруизме, а в том, что реальные социально-экономические силы побуждают бизнес внимательно относиться к обществу, корректируя его социальное поведение. В более поздних докладах, подтвердивших данную позицию, представлены конкретные данные по реализации признаваемых АМР принципов социальной ответственности бизнеса. На различных бизнес-форумах и в научной литературе разгорелась дискуссия о содержании самого понятия «социальная ответственность».

Приходит понимание: лишь интегрированный подход к определению содержания и границ социальной ответственности бизнеса позволит рассчитывать на получение не только социального, но и экономического эффекта от социально ответственного поведения.

Член Всемирного совета бизнеса за устойчивое развитие лорд Р. Хоум определяет заинтересованность бизнеса в осу-

ществлении социальной ответственности в сфере этики и репутации:

- во-первых, необходимо защищать и охранять корпоративную репутацию и репутацию бренда, имеющих огромное значение для ежегодного отчета компании обществу;

- во-вторых, необходимо улучшать показатели по управлению рисками в связи с экологическими и социальными вопросами;

- в-третьих, есть необходимость получать лицензию на ведение бизнеса в обществе, т. е. бизнес должен полагаться на поддержку общества;

- в-четвертых, нужно приводить в соответствие ценности и цели компании и цели ее сотрудников, чтобы компания могла нанимать и удерживать у себя лучшие кадры.

Признанный американский специалист по управлению профессор Аризонского университета К. Дэвис сформулировал представление о подобном поведении бизнеса в социуме еще в 1974 г.: «Новые условия означают, что бизнесу придется подумать о том, как эффективно производить социальные ценности наряду с экономическими ценностями»¹. Он подчеркнул, что обязательства перед обществом, которые бизнес налагает на себя, нельзя рассматривать только как пассивную реакцию капитала на чаяния, преобладающие в обществе, потому что в этом случае бизнес пленяется эмоциями и противоречивыми целями. Социальная ответственность бизнеса заключается в том, что он «предлагает лидерство в социальной сфере, а не просто отвечает ожиданиям общества. Он взаимодействует с обществом и помогает ему принимать социальные решения, способствуя этому своими особыми способностями и знаниями. Он активный участник, а не пассивный респондент. Он анализирует системные эффекты и инициирует корректирующие действия, прежде чем возникнут серьезные проблемы»². Дэвис сформулировал так называемый железный закон ответственности. Он основан на императиве: любой, кто использует власть (любую, в том числе экономическую) иначе, чем обычно считается ответственным в обществе, может полностью ее потерять. В развитом обществе потеря репутации из-за эгоистичного

¹ Davis K. The Meaning and Scope of Social Responsibility // Contemporary management. Issues and Viewpoints. Englewood Cliffs, 1974, с. 629.

² Там же, с. 630.

поведения на рынке может быть фатальной для компании. Суть концепции заключается в том, чтобы инициировать политику и программы корпораций, чтобы минимизировать негативные последствия их текущей и будущей деятельности, прежде чем она приобретет масштаб кризиса и станет угрозой перерасти в волну протестов против капитала.

Другой известный американский исследователь, А. Кэрролл, подчеркивает: «Полный спектр корпоративного гражданства включает в себя четыре аспекта. Корпоративное гражданство имеет, соответственно, экономические, правовые, этические и филантропические аспекты. Каждый «аспект» вносит важный вклад в целое. Компании должны выполнять свои обязанности так же, как и все граждане.»¹.

Понятно, что принципам корпоративного гражданства следуют отнюдь не все компании, фирмы, организации как в западных, так и в незападных странах. Это как образец, модель социальной ответственности, к которому надо стремиться. А еще точнее – тенденция в движении экономических структур к передовым и новым технологиям гуманитарной культуры.

¹ *Carrol A. The four faces of corporate citizenship // Business and Society Review, 1998, № 100, p. 11.*

Л.А. БУРНЯШЕВА

*доктор философских наук, профессор
Высшей школы туризма и гостеприимства ФГБОУ
ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»**

Л.Х. ГАЗГИРЕЕВА

*доктор философских наук, профессор
Высшей школы туризма и гостеприимства ФГБОУ
ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»***

Х.А.-А. МАКАЕВ

*аспирант кафедры исторических и социально-
философских дисциплин, востоковедения и
теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»****

Ценности российской молодежи в контексте обеспечения духовно- нравственной безопасности социума

В данной статье рассмотрены ценности российской молодежи в контексте обеспечения духовно-нравственной безопасности социума. Особое внимание уделяется аксиологическому кризису, который породил множество проблем в духовно-нравственной сфере современного российского общества. Анализ этих проблем позволил определить пути выхода из данного кризиса, предложить разработку значимой государственной модели развития, которая способна обеспечить духовно-нравственную безопасность молодежи и социума в целом.

* Бурняшева Людмила Александровна, e-mail: luda-3331@yandex.ru

** Газгиреева Лариса Хасанбиевна, e-mail: amor-lora@mail.ru

*** Макаев Хасан Абу-Алиевич, e-mail: makaev@yandex.ru

Ключевые слова: аксиология, духовно-нравственные ценности, молодое поколение, духовно-нравственная безопасность.

L.A. BURNYASHEVA

**Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the
Higher school of tourism and hospitality of the Russian
state University of tourism and service**

L.H. GAZGIREEVA

**Doctor of philosophical Sciences, Professor of the
Higher school of tourism and hospitality of the Russian
state University of tourism and service**

H.A.-A. MAKAEV

**Postgraduate student of the Department of historical
and socio-philosophical disciplines of Oriental studies and
theology Of the Pyatigorsk state University**

The Values of Russian Youth in the context of ensuring the Spiritual and moral security

This article examines the values of Russian youth in the context of ensuring the spiritual and moral security of society. Special attention is paid to the axiological crisis that has created many problems in the spiritual and moral sphere of modern Russian society. The analysis of these problems has allowed us to identify ways out of this crisis, to propose the development of a significant state model of development that will ensure the spiritual and moral security of young people and the society as a whole.

Keywords: axiology, spiritual and moral values, young generation, spiritual and moral security.

В настоящее время молодые россияне, как и практически все общество, переживают аксиологический кризис: идеалы, созданные старшим поколением, были разрушены, а новые идеалы пока еще не созданы¹. Сегодня как никогда ранее

¹ Шумко С.В. Специфика социализационных рисков в российском обществе: стратегии предупреждения: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2012, с. 32.

следует говорить о духовно-нравственной безопасности личности, общества и государства в целом.

Духовно-нравственная безопасность социума должна быть обеспечена морально-этическим регулированием всех сфер социального бытия и национальным сознанием (менталитетом), представляющим ее структурные элементы, которые сегодня дезорганизованы или в некоторой степени разрушены. Сегодня нарушены границы в понимании таких категорий как «добро и зло», «нравственность и безнравственность», «духовное и бездуховное», «гуманное и негуманное», «культурное и бескультурное». Прежде всего, это сказывается на молодом поколении, которое во все времена считалось социально уязвимой общественной группой. Духовно-нравственное бытие всегда составляло основы жизнедеятельности человека, сохраняло приоритеты человеческих ценностей.

Но любому обществу свойственно как прогрессировать, так и деградировать. Духовно-нравственную безопасность определяет непосредственная взаимосвязь структурных элементов, то состояние духовно-нравственного бытия социума, в котором оно находится в конкретный исторический период, с учетом нравственных и культурных традиций. Таким образом, духовно-нравственную безопасность следует рассматривать на основании более широкого (социетального) контекста, определяя ее в виде качественной характеристики социума, исследуемой в ценностном измерении. Так, категория «духовно-нравственная безопасность» представляет собой целостное единство, где духовно-нравственная составляющая означает индикатор жизнестойкости, функциональную согласованность выступающих на первое место социальных институтов, культуры, идеологии¹. А.В. Коршуновым данный факт объясняется с точки зрения того, что в настоящее время появляются все новые и новые проблемы в духовно-нравственной жизни общества, обусловленные деятельностью людей. Духовно-нравственные ценности всегда приходят на помощь и поддерживают целостность социума, выступая жизнеспособными индикаторами, которые в ответе за духовную и культурную преемственность². Для молодого поколения

¹ Беспаленко П.Н. Духовная безопасность: политологический анализ. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 2006, с. 19.

² Коршунов А.В. Проблемы изучения духовной безопасности российского общества в современной научной литературе // Историческая и социально-образовательная мысль, 2013, № 2(18), с. 121.

духовно-нравственная безопасность означает когнитивную способность, например в том случае, когда необходимо объяснение событий, происходящих в жизни.

Проблемы духовно-нравственной безопасности социума и личности подлежат незамедлительному разрешению: необходимо регулирование системы социальных отношений, проявляющей наиважнейшие закономерности и играющей главенствующую роль в формировании духовно-нравственных качеств. Наступившая компьютеризация породила множество проблем, бытие молодого поколения оказалось наполнено нанотехнологиями, искусственным интеллектом, стали применяться различные изобретения (биотехнологии). Все это оказало влияние на изменение социальной структуры и на общественные отношения. Сегодня молодое поколение отражает результат духовно-нравственной деятельности, стремится адаптироваться к современным условиям, но нередко условия депривации приводят к сложным общественным взаимодействиям. В.М. Крюков считает, что «объективная сложность мира – первая предпосылка многообразия ориентационных ситуаций, с помощью различных классификаций – природной, духовной и социальной реальности»¹.

Анализируя разнообразные события, происходящие в обществе, С.А. Лебедев утверждает: «не следует принимать тот факт, что цивилизация представляет движущийся по спирали прогресс и бросает в топку локомотива истории в качестве необходимой жертвы все новые и новые поколения людей, превращает отдельных индивидов в заложников поступательного развития социума»².

В настоящее время иерархия ценностей современного молодого поколения трансформировалась. Большую важность для молодого поколения стали представлять карьера и материальное благополучие. Такие духовно-нравственные качества, как патриотизм, честь, достоинство и многие другие, уже не являются значимыми. Жизнь российской молодежи в настоящее время наполнена негативом, который проявляется в индивидуализме, прагматизме, цинизме, эгоизме, жестокости, обособленности и деградации молодых людей. Молодые люди часто демонстрируют агрессивное и даже brutальное

¹ Крюков В.М. Genesis and orientation (Orientational approach to human life): Monograph. Pinsk, Polechu. 2008, p. 138.

² Lebedev S.A., Lazarev F.V. Multidimensional man: ontology and methodology of research. M., Publishing house of Moscow University, 2010, p. 92.

поведение, что требует корректировки агрессивных стереотипов, а также замены антиценностей традиционными духовно-нравственными ценностями, которые всегда оказывали эффективное влияние на общество. Следует также отметить неоднозначный и противоречивый характер трансформации ценностей молодежи, который можно обозначить знаком «+» и знаком «-».

Сегодня существует множество трудов, рассматривающих духовно-нравственные ценности российского молодого поколения, где значительное место отводится семейным ценностям, которые играют важную роль в жизни молодежи. Семья является ячейкой общества, представляет опору для молодого человека. Именно в семье получают свое формирование духовно-нравственные ценности¹. Сегодня необходимо сохранить подлинную семью, что позволит перспективно развиваться современному российскому обществу.

Общественные условия требуют переоценки ценностей, так как современное российское общество обладает низким уровнем духовно-нравственной безопасности². Продолжительный духовный кризис, распространяющийся на все российское общество, уже давно разрушительно влияет на все сферы жизни и деятельности человека. Этим определена первостепенная причина образовавшихся проблем, которые требуют обеспечения духовно-нравственной безопасности, направлены на формирование у российской молодежи духовно-нравственных качеств. Назрела необходимость в определении стратегии по разрешению возникших проблем, которая позволит преодолеть тотальный иммунодефицит духовно-нравственных ценностей, сформировать определенную ценностную систему у молодого поколения, а также будет направлена на обеспечение духовно-нравственной безопасности в целом.

Структура духовно-нравственной безопасности определяется внутренней природой, конкретными элементами и взаимообусловленностью. Такая безопасность представлена прежде всего нереализованной социальной потребностью, которая выражается в перспективном развитии общества. Данная нереализованная потребность сегодня связана элект-

¹ См.: *Березутский Ю.В.* Ценностно-мотивационный потенциал молодежи региона // Социология, 2006, № 2, с. 28.

² *Агеева А.В.* Ценностные ориентации российской молодежи // Ломоносовские чтения, 2003, № 7, с. 22.

ронными СМИ. С самого начала гайдаровских «реформ» средства массовой информации были призваны формировать наилучшие качества российского народа (патриотизм, совесть, коллективизм, ответственность, любовь, отзывчивость, справедливость, честь, достоинство), но в итоге их место заняли антиценности, которые в своем большинстве были прибиты молодым людям. В результате некачественной и недостоверной информации, которая сегодня представлена «информационным ширпотребом» – сильнейшим «ядом», отравляется сознание молодых людей, разрушается их психика¹.

Дают о себе знать и основные проблемы экзистенциализма: противоречие между человеческим внутренним миром и окружающей действительностью; проблема отчуждения молодых людей от социума, государства; проблема заброшенности человека; проблема смысла жизни и внутреннего выбора; проблема поиска молодыми людьми как своего внутреннего «Я», так и внешнего – места в жизни. На всё это воздействуют инновационные технологии и демагогические рассуждения о правах и свободах личности.

Следует сказать, что наибольшее распространение получили западные ценности рыночной экономики, которые породили расщепление важнейших духовно-нравственных ценностей, являющихся испокон веков традиционными для всей России. Западные лозунги негативно действуют на духовно-нравственное становление молодежи, призывают к потребительскому отношению ко всему, к обогащению любой ценой. В настоящее время молодые люди, которые являются сторонниками Запада, представляют эгоцентричную, безрассудную «золотую» молодежь, которая признает девизом дня гедонистическое удовольствие как нравственный идеал, который совершенно не противоречит духовно-нравственному развитию². Условия рыночных отношений демонстрируют либеральную идеологию потребления. В данных условиях у молодых людей проявляется особая позиция по отношению к современному бытию, не задумываясь, они демонстрируют примитивное, бездуховное, безответственное потребительское отношение к жизни, забывая о традиционных духовно-нравственных ценностях. Следует признать, что бытовой лек-

¹ *Shalimova L.A.* On the nature of the current crisis in Russi // *Vlast*, 2010, № 12, p. 59.

² *Луков В.А., Захаров Н.В.* Ценностные ориентации российской молодежи // *Знание. Понимание. Умение*, 2008, № 5, с. 83.

сикон исключает или с иронией применяет такие понятия, как «совесть», «достоинство», «нравственность». Во все времена, особенно в трудные периоды, духовно-нравственные ценности приходили на помощь российскому народу, помогали проявлять патриотические чувства, честь и достоинство. Очевидно, что духовно-нравственные ценности необходимы обществу, они представляют собой детерминанты развития современной молодежи. Духовно-нравственные ценности также имеют большое значение в процессе социализации молодого человека. Сегодня получила поддержку социализация молодежи – девиантная и маргинальная¹. В.С. Медведев, В.Е. Хомяков и В.М. Белокур по этому поводу пишут, что «один из главных парадоксов заключается в том, что канала, культивирующего традиционные ценности, пропагандирующего патриотизм, знакомящего всех с культурным и религиозным своеобразием отдельных народов России, – нет ни одного»². Необходимо искоренить духовный кризис, образовавшийся в российском обществе, наполнить сознание молодежи интеллектуально-этическими и духовно-нравственными ценностями, вернуть традиционные ценности, перестать транслировать через телевидение пропаганду насилия и «псевдоценности», пиарящие гедонизм и страсть к обогащению.

В настоящее время российская общественность обсуждает вопросы национального единства, духовно-нравственных ценностей, ведет споры, касающиеся культурного и религиозного достояния. Также ведется дискуссия о цивилизационной парадигме, которую охватило потребительское отношение ко всему. Такую парадигму породили бездуховность молодежи, безграничная вседозволенность, отсутствие общепризнанных моральных норм. Сегодня назрела необходимость сохранить российский социум, его духовно-нравственное наследие, сложившиеся культурные многовековые традиции, пронизанные духовно-нравственными ценностями, религиозным плюрализмом, который обусловил историческое развитие нашего государства. Но общественное развитие не должно строиться только на традиционных началах, необходимо внедрение и инновационных форм бытия социума, которые не будут ока-

¹ Бокачев И.А., Незнамова И.И. Проблема идентичности в трансформирующемся российском обществе // В мире научных открытий, 2013, № 5-2(41), с. 327-344.

² Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М. Национальная идея, или что ожидает Бог от России. М.: Современные тетради, 2014, с. 219.

зывать противодействие его развитию. Основы такого цивилизационного проекта должны поддерживаться обществом, должны быть заложены в сознании не только молодежи, но всего социума в целом, только в этом случае общество приобретет такие дефицитные и содержательные принципы, как очищение, реконвалесценция, реабилитация. Также в настоящее время присутствует необходимость в создании модели, которая бы способствовала взаимодействию людей в обществе, следуя духовно-нравственным принципам. Анализ важных проблем, возникших в последнее время в современном трансформирующемся обществе, положит начало их преодолению, поможет разработать новую стратегию цивилизационного развития на основании духовно-нравственной безопасности.

Российская молодежь находится в глубочайшем системном духовном кризисе, выход из которого видится нам и в разработке значимой государственной модели развития. Данная модель поспособствует сохранению российским обществом своих жизненно важных ориентиров (культурных, этических, духовных), будет способна оказывать содействие в обеспечении духовно-культурного сплочения поколений, позволит создать систему ценностей для молодежи, обеспечит духовно-нравственную безопасность социума. Предлагаемая нами модель развития предполагает значимое осмысление как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, прежде всего для определения основ духовно-нравственной безопасности молодого поколения и российского социума в целом. Только так российская молодежь сможет приобщиться к духовно-нравственным ценностям, научится критически осмысливать происходящие события и отвергать антиценности.

Политические отношения в сетях: система или сообщество

Отдел исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с редакцией журнала «Социально-гуманитарные знания» в феврале 2021 г. провели «круглый стол» по теме «Политические отношения в сетях: система или сообщество». Ниже мы публикуем выступления его участников в сокращении.

О.М. МИХАЙЛЕНКО, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

O.M. MIKHAYLENOK, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political relations research, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Изучение политических отношений в контексте «сетевой теории» предполагает обращение к некоторым моментам понимания ее сущности. Начнем с наиболее общих позиций.

Безусловно, с точки зрения авторов теории, речь идет о реализации сетевого подхода к изучению социальной сферы в широком смысле этого слова. Всякие отношения, которые мы называем социальными, представляют собой сети.

Авторы сетевой теории – в двух ее вариантах – Мануэл Кастельс и Бруно Латур полагают, что сетевой подход имеет всеохватывающий характер. Создатель концепции социального пространства Поль Бурдьё также считал, что сетевое начало охватывает все структуры современного общества.

Много сложностей связано с пониманием гносеологического статуса сетевой теории. К ней неприменимы критерии традиционного представления о теории (хоть классического, хоть неклассического).

Постмодернизм изменил многие представления, в том числе и в познавательной сфере. В частности, современные трактовки теории как феномена гносеологического анализа

или метатеоретического дискурса в постмодернистский период сильно отличаются от классических. Да и существует ли гносеология сегодня как привычный ранее инструмент (уровень) анализа? Но мы сейчас не об этом.

Термин «сетевое общество» Мануэль Кастельс использует для двух основных целей. Одна из них – показать, что реалии современной жизни – развитие новых информационных технологий, смена способов производства, внедрение производственных отношений нового типа – неизбежно ведут к изменению и преобразованию общественных отношений. Другая цель – многопланово продемонстрировать определяющую роль компьютерных информационных сетей в развитии современного общества.

Кстати, и Кастельс, и Латур высоко оценивают познавательный потенциал сетевой теории. Кастельс – потому, что сетевая теория позволяет выходить за рамки традиционных объяснительных схем. Для Латура объекты внимания сетевой теории объясняются привлечением всех возможных способов, которые существуют на сегодняшний день. Но в таком случае весьма вероятно «размывание» собственно объекта исследования.

А если задаться вопросом, какие же предлагаются средства методологического обеспечения сетевого дискурса на новом уровне, то определенного ответа мы не получим. Тем не менее сетевой подход, как считают сторонники сетевой теории, эффективен в ходе решения сложных организационных, гносеологических и управленческих задач, выходящих за рамки сети, когда требуется координация гибких и подвижных элементов сложных интерактивных систем.

Обратим внимание на трактовку Кастельсом понятия «сетевое общество».

Приводя общее определение сетевой структуры и обозначая ее основные компоненты и принципы организации, Кастельс начинает с того, что всякое множество взаимодействующих объектов можно рассматривать как сетевой феномен. Сети железных дорог, сети банков, сети учебных заведений, библиотек, и так далее. Возьмем, к примеру, сеть университетов. Конечно, кроме обычных каналов связи и общения, университетская сеть использует и специфические каналы обмена информацией, ресурсами (такие, как конференции, стажировки студентов и приглашение преподавателей из других университетов). Однако иерархия в этой сети не отме-

няется: есть центр – крупнейший и лучший университет или группа таких заведений. Центр обладает большими, чем все остальные участники, ресурсами, что позволяет продвигать собственное видение сетевой динамики. Собственно, подавляющее большинство подобных сетей не соответствуют основным характеристикам сетевых феноменов (равноправие участников, самоорганизация, отсутствие центра, иерархии, целенаправленного регулирования).

По мнению М. Кастельса, в современном мире сетевые принципы общественного устройства постепенно вытесняют иерархические структуры. Причем интересно, что если ранее сеть, сетевая организация была лишь отображением внутренней структуры общества, его подсистем и объединений, правда, трудно распознаваемой, то в современном мире она играет ключевую роль и становится «сознательно внедряемой» (обратим внимание на эту формулировку) внешней структурой общества, ее формой. Примечательно, что несмотря на доминирование сетевого подхода к рассмотрению общества, его авторы полагают, что конкретные элементы и подсистемы общества могут рассматриваться в рамках применяемых в современной социологии методологических приемов и средств.

Мы уже приводили определение сети как всякого множества взаимодействующих объектов. Здесь Кастельс не останавливает свое внимание на упомянутых объектах как сетевых акторах. Мы сейчас не затрагиваем дискутируемую в публикациях проблему возможности рассматривать в качестве сетевых акторов как одушевленные, так и неодушевленные объекты в духе Латура.

Правда, в сетевом дискурсе отчетливо доминирует «очеловеченная» версия, заключающаяся в том, что конституирующими элементами этой сети являются так называемые энергетические узлы или точки сосредоточения кумулятивной энергии взаимодействия индивидов или их групп. Как пишет Рэндалл Коллинз, индивиды суть узлы сетей социального взаимодействия – человеческие тела, где накапливаются эмоциональные энергии, а потоки идей-символов кристаллизуются в виде воображаемых коалиций в разуме.

По поводу вытеснения иерархических структур сетевыми феноменами. Вспомнился пример со сменой отношений простого обмена продуктами и товарами на товарно-денежные отношения в результате развития производительных

сил. Как показала история, этот процесс был весьма длительным, многоэтапным. Какие-то социально-экономические сферы быстрее воспроизводили эти отношения, в некоторых же сегментах социально-экономической жизни простой товарообмен («бартер») сохраняется и до сих пор.

Мы предполагаем, что эту аналогию можно применить и к становлению сетевого общества. Не может в нашем представлении сложившаяся социальная структура моментально превратиться в сетевую. Или мы чего-то не понимаем? А если принять последний тезис, то, во-первых, сетевизация не охватывает одномоментно все социальные отношения; во-вторых, на наш взгляд, различные социальные структуры по-разному «поддаются» сетевизации.

Исходя из этого гипотетического соображения, представляется, что в первую очередь при изучении обозначенных проблем следует выявить проявления сетевых эффектов в различных сферах социального пространства, их масштабы, содержательные аспекты и т.д.

Надеемся, что в выступлениях участников «круглого стола» будут представлены (независимо от высказанных выше идей) оригинальные соображения по обсуждаемой проблеме.

А.В. БРЕГА, доктор политических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

A.V. BREGA, Doctor of Political Science, Professor of the Financial University under the Government of Russia; Leading researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Развитие политической методологии является отражением изменений политического ландшафта и исследовательских парадигм. На каждом этапе этого развития появляются новые способы постановки и решения научных проблем. В результате практически всегда возникает ситуация, когда исследователи стоят перед выбором: взять на вооружение новые подходы, встроив их в уже имеющийся методологический контекст, или, наоборот, остаться приверженцем проверенной методологии.

В этой связи представителям научного сообщества важно определиться с принципами выбора исследовательской концепции. Очевидно, одним из главных критериев выступает релевантность предлагаемого методологического подхода к ис-

следуемому кругу политических явлений и процессов. Думается, что в этом вопросе важно:

а) исключать использование новых методологий, основанных на плохо сформулированных предположениях о политике;

б) обоснованно использовать системные теории, функционалистские и логические модели, поскольку повсеместное их применение увеличивает риск превращения данных подходов в самоутверждающиеся реификации;

в) учитывать нынешнюю тенденцию смещения внимания исследований на способы, с помощью которых можно изменять реальную политическую коммуникацию и политические отношения, а не на причинно-следственные связи;

г) учитывать актуализацию запроса практики на развитие методологий, направленных больше на объяснение и понимание новых феноменов современной политики, чем на подтверждение канона идей, возникших на более ранних исследованиях политики и общества.

В настоящее время, по мере того как политические отношения все слабее поддаются институционализации, традиционные представления о механизмах политического обмена становится труднее использовать при объяснении современных политических реалий. Так, например, сегодня возникла необходимость повторной контекстуализации таких вроде бы устоявшихся понятий, как «агрегация интересов», «политический контроль», «определение повестки дня», «политическое индексирование», «медиаэффекты», в более адекватные для современных условий эмпирические описания.

Вышесказанное относится и к сетевому подходу, который требует своего встраивания в институциональные, системные и другие научные методологии. Сетевой подход в политических исследованиях является отражением современных изменений. Его утверждение в качестве методологии политических исследований обусловлено следующими обстоятельствами:

- значительным ростом возможностей политического участия в связи с развитием сетевых социальных коммуникаций;

- бурным развитием социальных сетей, которые стали альтернативными каналами формирования общественных запросов. Использование различных социальных платформ приводит к тому, что люди имеют возможность не только постоянно обмениваться мнениями о политике и публично оценивать принятые политические решения, но и координи-

ровать свои масштабные действия в режиме реального времени;

- возросшая скорость экономических, социальных и политических изменений привела к тому, что их институциональное оформление не успевает за складывающимися отношениями. В этой связи усиливается потребность в смещении акцентов на исследование связей и отношений, а не институтов;

- сама природа сетевого общества привела к повышению роли неинституциональных акторов в политических взаимодействиях;

- возросшим влиянием информационно-публичного фактора на политику государства.

По мере того как источники и каналы коммуникации становятся более рассредоточенными и объединенными в сеть, идея «сетевого контроля доступа» становится многообещающим направлением исследований, которое ориентировано на выявление факторов и способов динамического взаимодействия между средствами массовых коммуникаций (СМК), социальными сетями, управленческими алгоритмами власти и обычными гражданами. Также исследователи традиционных политических медиа могут продуктивно работать совместно с исследователями сетей, чтобы синхронизировать подходы, создать общие концептуальные словари. В конечном итоге это может помочь объединению подходов политической аналитики с инструментами динамического отображения сети, или Media Cloud, используемых для сравнения характеристик традиционных и новых медиасетей.

Думается, при конвергенции сетевого подхода и традиционных методологий важно придерживаться следующих правил. Во-первых, критически пересмотреть концепции, описывающие коммуникативное взаимодействие власти и общества, а также медиасистем. И концепции, и исследовательские вопросы должны быть открыты для выявления способов, которые путем распространения цифровых сетей в политике формируют и разрушают общественные дискуссии. Анализ должен также учитывать, каким образом различные конфигурации сетевых взаимодействий влияют на принятие решений в политических институтах.

Во-вторых, важно ответить на вопрос: являются ли традиционные концептуальные подходы релевантными для исследования сетевизации политических отношений. Поскольку известные нам концепции разработаны в то время, когда гра-

ницы национальных коммуникаций были относительно четко очерчены, нужно определиться, насколько данные концепции подходят для эпохи глобализации СМК, транснациональных коммуникационных потоков и сложных политических сетей.

В-третьих, требуется переосмысление методов, которые используются в исследовании политических отношений. Традиционные методы выборки и контент-анализа уже не в полной мере соответствуют формам и объемам «больших данных» в гибридных информационных сетях. Поскольку сети нередко образуют противоречивые контуры взаимодействия с процедурами печати и другими традиционными коммуникационными технологиями в политике.

Необходимость конвергенции объясняется и тем, что традиционные подходы остаются актуальными, несмотря на новые конфигурации политических отношений. И тут дело не в предпочтениях исследователя, а в таком сущностном свойстве политики, как иерархичность, что предполагает асимметричность политических отношений. Соответственно, неправомерно ставить вопрос о широком замещении политических отношений, базирующихся на иерархическом порядке, на горизонтальных связях, основой которых являются сетевые взаимодействия. Исследование политических отношений должно учитывать как сетевое, так и традиционное восприятие. Скорее всего, речь нужно вести об изменении соотношения иерархических и сетевых структур в политике, а также о двух сосуществующих типах политической сети – иерархической и горизонтальной.

Разумеется, актуальным остается и использование традиционных методологий. В частности, нормативный и институциональный подходы позволяют оценить, как сетевизация изменяет целевую и структурную организацию политических отношений. Институты играют значительную роль в теории политических сетей, поскольку они зачастую являются исходным пунктом формирования политических сетей. Как справедливо считают Х. Хакансон и Я. Иохансон, сеть состоит не только «из акторов и отношений между ними», но и «из определенных действий, ресурсов и зависимостей между ними». Теория сетей не может быть завершенной вне учета закрепленных практик, норм и структур в политических отношениях. Фактически речь должна идти о новом качестве институционального оформления сетевых практик взаимоотношений, подчиняющихся логике совместного действия.

В.В. ЛЮБЛИНСКИЙ, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

V.V. LYUBLINSKY, Doctor of Political Science, main researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Обозначу следующие, с моей точки зрения, существенные моменты обсуждаемой темы. *Во-первых*. Общество является сетевым изначально, но таковым оно не считалось в силу разделенности, локального характера. Оно становится таковым, когда приобрело всеобщий масштаб и соединило локальности в единое целое через информационные и коммуникативные каналы нового виртуального пространства. Именно глобальный уровень и качество этих каналов позволяют говорить о современном обществе как о сетевом. Поэтому между понятиями «общество» и «сетевое общество» можно поставить знак равенства, а значит, тождественны социально-политические отношения, как их рассматривали традиционно и как стали квалифицировать в последние годы – как отношения сетевые.

Сети дифференцированы по уровням взаимодействия индивидов, социальных групп, организаций, а в региональном и мировом масштабе – этносов, народов, стран и т.д. *Что касается системы, то она определяет функциональную сторону устойчивой структуры*. С одной стороны, общество можно рассматривать как сеть, большую и неустойчивую. С другой стороны, общество не может функционировать, развиваться, решать различные проблемы, не обладая структурой. Таким образом, сети как социальные явления, как правило, не являются долговременными объектами. Так называемая ризомная структура – крайне неустойчивая и характерная для социальных сетей, но не для сферы организации государственной и политической власти и управления.

Относительно функциональности сети: она является сферой существования человека в социальном пространстве, оформляя через связи и взаимодействия феномен общества, экономические и социально-политические отношения. Индивид или социальный субъект, вступая в отношения, уже формирует сеть, которая может быть различной по масштабу, большой или малой, глобальной или локальной. Выживать, существовать и развиваться человек может, только участвуя в сети. Так организовано общество, так оно существует и разви-

вается как сетевое, а люди и социальные группы в различных сферах оказываются опутанными сетями отношений.

Одно дело, когда мы говорим об эффективности системы в различных аспектах. Работающие системы дифференцируются, в том числе по эффективности. Но говорить об эффективности сети, по меньшей мере, странно, учитывая ее ризомный характер. Политическая власть предполагает структуру, а она, со своей стороны, иерархию отношений, однако как сеть может рассматриваться весьма условно.

Во-вторых. Многие специалисты считают, что сетевизация общества вкупе с его цифровизацией принципиально меняет характер мироустройства и развития современной цивилизации. Такая позиция исходит от авторов теории сетевого общества. М. Кастельс и др. утверждают, что: 1) главенствующими становятся сетевые, а не иерархические отношения; 2) сети и отношения, формируемые ими и через них в экономической и социально-политической сферах, лежат в основе современных обществ; 3) сети выравнивают возможности индивидов и социальных групп с точки зрения участия в развитии общества и влияния на политику.

На самом деле главный вопрос, по моему мнению, – это отнюдь не сети и сетевые отношения, а то, как общество структурировано: *если нет структуры, то нет и общества; если оно теряет структуру, то распадается.* Так как в его основе лежат факторы богатства и власти, ибо оно капиталистическое, то в системе отношений, социально-политических и других, и в условиях новой – сетевой – социальной реальности, по сути, мало что меняется. Общество и отношения в нем, как и прежде, моделируются на традиционных базовых принципах. О реальной меритократии и реальной демократии говорить не приходится.

В условиях цифросетевизации, тех изменений, которые она порождает, социальной справедливости отнюдь не прибавилось. Все укладывается в многократно подтвержденную логику социальных последствий НТП: социальные проблемы становятся сложнее, возрастает несправедливость, а вместе с ней – потенциал грядущей социально-политической конфликтности. Возможностей «выпустить пар», написать обращение, апеллировать к властям и обществу у человека стало значительно больше. Это, безусловно, так и в России. Кроме того, власти и бюрократия через современные коммуникативные технологии находятся под определенным контролем об-

щества. И это плюс. Но нельзя преувеличивать их силу и возможности: социальные проблемы не становятся менее острыми, а жизнь людей более благополучной.

И в этой связи еще один важный момент. Нельзя сетям фактически приписывать качества, которыми они не обладают. То, что все больше граждан по всему миру проявляют активность в сетях, отнюдь не свидетельствует о солидарности между ними. Однако власть чаще всего более консолидированная.

В-третьих. Социальный капитал – многогранный фактор и базовый элемент сетевого общества. Через сеть происходит его манифестация, накопление, реализация и переоценка. Но надо понимать, что термин «социальный капитал» – изобретение не вполне корректное, как, впрочем, и человеческий капитал. Социальный капитал формирует потенциал социальных взаимодействий и влияния, который в условиях цифровизации общества получает условно адекватную основу для реализации.

По моему мнению, социальный капитал – феномен не только общественный, коллективный, как это определяют авторы данной концепции (Дж. Коулмен, Р. Патнэм, Д. Ноук и др.), но и индивидуальный, учитывая то, что социальное влияние дифференцировано в зависимости от социального статуса и репутации человека. Можно сказать: чем выше статус, чем перед индивидом открывается большее социальное пространство возможностей, связей и влияния, тем большим нематериальным активом, индивидуализированным социальным капиталом он обладает. В этом смысле уровень участия социальных субъектов в политических отношениях и формировании политики напрямую зависит от уровня социального капитала, т.е. уровня «социального веса» индивида или социальной группы.

Особый вопрос – макроуровень социального капитала в обществе. В силу того, что это нематериальный, скорее даже «образный», актив, измерению он не поддается. Важен также такой его компонент, как социальное доверие. Многие специалисты рассматривают его как главный и предпринимают попытки измерить через социологические опросы.

Следует также учитывать вопрос о возможности оптимизации политических отношений в контексте основных компонентов социального капитала – взаимодействия и доверия. Определяющее значение поэтому имеет характер расстанов-

ки и позиций социальных субъектов – порядок, который хаотичен и неуправляем.

В сети политических отношений участвует множество субъектов и структур. В итоге формируются концепции и направления политики, которые суммарно отражают доминирующие интересы в широком общественном контексте, если политика демократична, или более узкий круг интересов, если политика недемократична.

В-четвертых. В условиях сетевизации гражданское общество расширяет свои границы и возможности в политических отношениях. При этом оно не может заменить государство, которое обеспечивает порядок и управление. Хотя часто говорят о гражданском обществе как о феномене, противоположном государству. Оно действительно формируется на основе самоорганизации, которая, однако, является ограниченной, причем не отличающейся высокой солидарностью и консолидированностью, несмотря на возможности его развития через сетевое и виртуальное пространство.

Сетевизацию и цифровизацию, по моему мнению, следует рассматривать как новый этап развития, не более того. В технологиях происходит действительно революция, которая влияет на все общество, на жизнь людей. Но это мало меняет характер политических отношений и суть самого общества.

В России развитие сетевого общества мало отразилось на характере политических отношений. Сложилась условно бюрократическая модель демократии и власти. И в эту модель встроены сетевые политические отношения; они фактически подчинены этой модели и обслуживают интересы высшей бюрократии. При таком устройстве власти и политических отношений человек со своими проблемами по большей части ею отторгается.

Б.И. ЗЕЛЕНКО, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

B.I. ZELENKO, Doctor of Political Science, main researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Хотелось бы отметить, что сегодняшний дискурс гораздо шире анализа *политики в сетях* или *сетей в политике*. Уровень постановки вопросов на «круглом столе» и прозвучавших ответов в той или иной мере соответствует уже давно складывающейся онтологии знаний о сетевом обществе.

Разговор в основном ведется в русле теории сетей. Наукотворящие контуры в этой сфере все больше очерчиваются вокруг «политического сетеведения». Все, что говорится на эту тему, является своеобразной пропедевтикой в новую отрасль знания, составляющую существенную часть современной политики. Это не гипербола, поскольку онтология складывается не на пустом месте: существуют известные «классики» в этой области, есть и неофиты из разных отраслей знаний.

Сложилась ситуация, когда созрела необходимость концептуализации политической сетевизации как научного универсума. Наличествуют: предмет изучения нового политического пространства, вектора новой политики; субъекты в виде сетевых носителей политического сознания; метод, восходящий к основам синергетики. Проблема фундаментального осмысления политического сетеведения уже разрабатывается в Институте социологии ФНИСЦ РАН.

Упомянутая пропедевтика приводит к сущностным выводам.

Во-первых, сеть является онтологической экспансией в массовое сознание, влияющее на изменение картины мира. В нашем случае – изменение политического *modus vivendi* сетевых акторов.

Во-вторых, главным становится столкновение моделей политического *modus vivendi*, что выражается в онтологии сетевой экспансии внутри массового сознания. В результате имеется преференция исключительно своей картины мира и исключительно своего *modus vivendi*. При этом сетевых акторов – множество, со своими разными моделями политических образов жизни.

В-третьих, аналитика констатирует, что мир сетей – это мир прошлого, где существует взаимосвязь во всем. Такой «клубок» событий теперь отсутствует. Они заменены «клубком» сетевых узлов. В данном случае, и это в-четвертых, онтология сетевой экспансии переливается в политическую экспансию через кибервариант, воздействуя на проявления политического образа жизни. Как свидетельствует политическая практика, подобное произошло с движением киберпартизан в Беларуси.

Итак, онтология сетевой экспансии стала формировать различные представления о современной действительности. В прошлом конструировалась одна парадигма мира, где соз-

давался определенный уровень идентичности. В настоящее время данная экспансия, внедряясь в массовое сознание, создает разную идентичность.

Это влияет на модели политических образов жизни в сетях. Все упирается в применение информационно-цифровых технологий, в результате которых виртуальность превращается в реальность. В аналитике верно подмечено, что виртуальные коммуникации стали сильнее вербальных. Именно в них творится, особенно в нашем случае, политическая действительность. Имеется в виду форматирование многообразных моделей политических *modus vivendi* сетевых акторов.

Философская максима данного обстоятельства в том, что *онтологическое системное побеждает случайное*. В этом суть онтологии сетевой экспансии, зачастую меняющая политическую парадигму целой страны. Представляется, что и Россию это не обойдет.

Политическое целеполагание подобного рода экспансии заключается в обнаружении узлов воздействия на массовое сознание. И тогда форматирование моделей политического образа жизни сетевых акторов следует рассматривать в когнитивном плане. Такая попытка была нами осуществлена при анализе методологии привнесения политических смыслов в сетевое пространство. Когнитивистика в этом случае зиждилась на теории политической интенциональности в информационно-цифровом преломлении.

Сказанное свидетельствует о наличии прямых корреляций с динамикой политических отношений в сетевом обществе. Привнесение политического смысла в это общество сопряжено с форматированием *modus vivendi* сетевых акторов под воздействием этой самой экспансии. Оно осуществляется в процессе накопления сетевыми носителями виртуального политического капитала – политических навыков, компетенций и умений, горизонтальных социальных связей, ценностей и моделей поведения, коррелирующих с нормальной политической реальностью.

Переход количества в качество предполагает, в данном случае, перелив политического *modus vivendi* в политический *modus operandi*, т.е. в политический образ действия сетевых акторов. Именно так происходит трансформация виртуального в материальное, что существенно кристаллизует и определяет суть онтологии современной сетевой экспансии. Это свидетельствует, что теория политической интенциональ-

ности находит свое дальнейшее развитие уже в практической плоскости и выходит за рамки абстрактных рассуждений.

Проявления *modus operandi* достаточно полно отражены как в литературе, так и политической практике. Однако анализ носит поверхностный характер. Так, процесс экспансии в виде ризомных узлов изменяет институциональную организацию сетей. И нацеленность здесь не на экстенсивный рост сетей, а на их интенсивный тип развития. Сетевой функционал заключается не только в технологиях, но и в сетевом взаимодействии. Что главное для последнего обстоятельства – нацеленность на «захват» властных приоритетов или на «захват» политических смыслов? Что объективно отражает общественную потребность в сдвиге от протестно-конфронтационной к созидательной доминанте политического *modus operandi* сетевых акторов?

В основном мы не находим концептуального ответа на эти вопросы ни у политологов, ни у политических социологов. На наш взгляд, ближе всего к ответу находится *политическое сетеведение*, т.е. та отрасль знания, когнитивистика которой о сетевом пространстве начинает уже зримо складываться. Хотя представления о предмете и методе пока в таком же состоянии.

В этой связи сошлюсь на известный казус в сетевом поле, приобретший почти «перманентный» характер. Имеется в виду постоянная актуализация преодоления, создавшегося в современной России «коммуникативного провала» между властью и социумом. Как говорят классики, мир был «заколдован» отчуждением, невозможностью договариваться ни технологически, ни онтологически.

Сети, как известно, «расколдовали» мир в результате экспансии. Поэтому одним из позитивных моментов сетевого ландшафта стало превращение «коммуникационной пропасти» в коммуникационные возможности акторов. Что верно, поскольку высокий технологизм цифровых платформ и интенсификация соцсетей реально влияют на смысло содержание политических отношений, из современного функционала которого будет произрастать политическое будущее РФ.

Вместе с тем онтология политического сетеведения содержит свой контент преодоления данного отчуждения, а именно через механизм ризомы. Аналитика, с одной стороны, определяет ее как философскую метафору, обозначающую иное понимание мира, чем классический европейский рацио-

нализм, с другой – как нелинейную сетевую целостность, оставляющую открытой возможность для внутреннего саморазвития. Это сетевидная система со множеством узлов, не имеющая центра и растущая вширь. По Делезу, она лучше подходит к описанию реальности, чем понятие структуры, т.к. отменяет жесткую иерархию отдельных элементов.

Главное в ризоме – невозможность исходить из единой точки зрения в объяснении всех явлений в мире; множественность и плюрализм, а не универсальность; вместо монолога – диалог. Это важно в преодолении отчуждения, как и ризомный принцип соединения сетевых точек и принцип «означающего разрыва». То есть ризома может расти из любого разрыва и отдельно взятой точки. При этом сеть может пережить разрывы, но если узел лишился всех связей, то он окончательно оторвался.

Онтология сетевой экспансии творит эту новую методологию, в частности экстраполируя ее на заполнение «коммуникативного провала» между властью и социумом.

О.А. ВОРОНКОВА, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

O.A. VORONKOVA, Candidate of Political Science, senior researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Развитие сетевых социально-политических отношений, понимаемых как взаимодействие социальных общностей и личностей в поле власти, происходит в условиях жесткой конфликтности традиционных институциональных форм с процессом переосмысления экзистенциальных оснований социальных связей. В неравновесной среде с заметным перевесом традиционных ценностей «стабильности и единства», заложенных в социоментальной матрице глубинной экзистенциальной потребностью в безопасности, четко проявляется социальный запрос на обновление смысловых ориентиров в меняющемся мире.

Утверждение новой коммуникативно-сетевой реальности, основанной на принципиально новых технологических возможностях связи, вызывает массу вопросов. Изменяют ли ИТ-технологии систему социального взаимодействия? Что такое личность в коммуникативно-сетевом пространстве: усугубление экзистенциального одиночества или возвращение свободы и выбора? Изменяется ли роль личности в глобальном

процессе технологического переоснащения социального бытия? Возникают ли возможности личного влияния на принятие решений или, напротив, эти возможности еще в большей степени нивелируются?

Гипотетически технологические процессы могут внести значимый вклад в необратимое развитие индивидуального сознания, мироощущения, вслед за которым должны происходить трансформации коллективных конфигураций сознания. Однако ход таких трансформаций пока не поддается прогнозированию в силу неопределенности и противоречивости открытого взаимодействия, ризомного характера развития сетевых сообществ (способных «уходить» в самые разные ниши социальной жизни, «расходиться» по самым разным направлениям и «сходиться» в самых разных точках). В условиях, когда идеологическое регулирование когнитивно-ментальной сферы более не является ни необходимым, ни достаточным инструментом социополитического взаимодействия, исследование факторов, влияющих на повышение степени упорядоченности сетевой диссипативной системы, становится особенно актуальным.

Развитие новой сетевой социальности стимулирует появление «субъектности нового типа». Мультиплицированный сетевой коммуникативный взаимообмен мнениями, идеями, эмоциональными впечатлениями, реакциями на политические события неизбежно запускает процесс саморазвития личности. Расширение когнитивных горизонтов и возможностей поиска, усвоения и переработки идущей извне информации реформирует процесс самоопределения, социализации и самореализации.

Индивидуальное сознание изначально противоречиво (по М. Хайдеггеру): с одной стороны, в нем заложено стремление к полной свободе, а с другой – чуждость по отношению к окружающему миру, «обреченность на одиночество». Бытие человеческое определяется им как существующее каждый раз в своей имманентной возможности, которую оно должно постигнуть и раскрыть. Но оно может и утратить себя, никогда не постигнуть смысл своего существования и реализовать себя вне логики постижения смысла, или вообще не реализовать. Социальный мир, в котором осуществляется бытие, создает постоянную опасность потери индивидуумом осознания своего существования как возможности самораскрытия.

В цивилизации «массового общества» с характерными явлениями атомизации человека и аморфизации масс происходит «усыпление умов», о чем сокрушались экзистенциалисты и теоретики Постмодерна. Личность растворяется в усредненности повседневности. Под влиянием массированного манипулятивного действия СМИ нивелируются вкусы, взгляды и позиции, ослабляются истинные связи, исчезает чувство подлинной свободы.

В этих условиях усиливается моральное и эстетико-бытовое принуждение, что приводит к доминированию банальных стандартов рутинной жизни, исчезновению размышлений о смысле существования. Усугубляется проблема отсутствия возможностей эффективного воздействия индивида на жизнь общества. Социальная жизнь сводится к простейшей форме существования, в которой человек пассивно приспосабливается к среде, повторяя изо дня в день привычные действия, слова и жесты. Жизнь в застывшем рутинном мире – это непрерывное бегство от свободы, «овеществление человека».

Опасения экзистенциалистов и постмодернистов обретают свежее звучание в XXI веке – «сетевом». Человек сталкивается с чуждой виртуальной реальностью, дистанцируется от мира «живых» контактов, остается наедине с запрограммированным технологическим процессом. Вопрос о том, меняется ли сущность социальных и социально-политических отношений в сетевую эпоху, пока так и остается открытым. Административно-регулятивные отношения на основе IT-технологий становятся еще более инструментализированными, т.е. «оцифрованными», более автоматичными и рутинными.

В то же время технологический прогресс утверждает принципиально новые для социальной системности характеристики: динамизм, неустойчивость, переплетенность связей. Главным достоинством сетевого взаимодействия становится равноправный информационный обмен. Важным преимуществом сетевой среды является предоставление широчайшего спектра возможностей для развития. Кроме технических возможностей преодоления расстояний и времени, усиливаются возможности реализации личностных когнитивных и эмоциональных потребностей. Дистанционное одиночество компенсируется технической легкостью управления собственной сферой контактов, способствующей самореализации.

Неизбежная вовлеченность в этот процесс ревитализирует на новом уровне вопросы актуализации индивидуального и

социального сознания. Единомыслие как принцип социального сцепления и одномерность как характеристика «человека системы» отступают даже в мощно зацементированных традиционными скрепами обществах. Но при этом в разы усиливаются технические возможности манипуляции сознанием, ищущим опору в хаотичном мире. Информационные вбросы с разных сторон, интерпретационные искажения и давления обрушиваются на массовое сознание, спутывают его, становясь непосильным бременем, особенно для тех слоев, что оказались насильно выдернутыми из зоны ментально-рутинного застоя и поневоле втянутыми в информационный и событийный круговорот.

Коммуникативно-сетевая реальность требует ментального прорыва из структуры социальных и политических стереотипов, что оказывается трудной задачей не только для сознания обывателя, но и для профессионала любой области привычной деятельности. От современной личности теперь требуется быстрое развитие новых качеств, чтобы соответствовать эпохе, – повышения уровня общей компетентности, коммуникативности и культуры перекрестного общения.

Стремление к «подлинности жизни» понималось экзистенциалистами как полная автономность, независимость выбора от иллюзий и давления статусов и авторитетов. Экзистенциалистская концепция определяла перспективу личности как «становление в результате собственного выбора». «Я» – это активная субъектность, самостоятельно выбирающая из различных возможностей действовать, утверждал Ж.-П. Сартр. Следовательно, личность – это проекция собственных сознательных выборов, а личностный мир – придание смысла тому внешнему миру, в который он помещен. Для этого индивиду необходимо в каждом акте действия выходить за пределы самого себя, преодолевать себя и инерцию своего существования.

Сетевая реальность утверждает на новом уровне эту необходимость и создает возможность трансформации индивидуального состояния пассивного *экзистенциального одиночества* в состояние *активной самодостаточности*. Этот процесс способствует самоструктурированию открытой неравновесной (диссипативной) сетевой системы, начинаясь с индивидуального выбора зацепившей внимание единицы информации и стремясь к осознанию собственной позиции, а

затем к целенаправленному действию, меняющему в перспективе характер социальных и политических отношений.

А.В. НАЗАРЕНКО, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

A.V. NAZARENKO, Candidate of Political Science, leading researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

В современном открытом мультиполярном мире науки по-прежнему доминирует традиционный подход, постулирующий главенство особого рода социальных явлений, определяемых как общество или социум. Отсюда широко распространено стремление к описанию социального строя, социальной структуры, социального порядка, социальной практики, социальной безопасности, социальной культуры и даже социального сознания. Однако, несмотря на постоянные попытки обозначить единственный мотив к объединению людей (целевой, рациональный или ценностный, эмоциональный), позволяющий детерминировать жесткие причинно-следственные связи между ними, а значит, и описывать простую и понятную структуру социально-политических отношений, мы раз за разом наблюдаем очередной теоретический «провал». В результате концепция Ф. Фукуямы о «конце истории», или модель «суверенной демократии» (авторство приписывается В. Суркову), или куда менее внятный проект «русского мира» выглядят лишь как очередная химера.

На протяжении всей истории человечества таковых, светских или религиозных, было немало, причем каждую из них было достаточно трудно всесторонне логически структурировать, а значит, постоянно присутствовало желание с нею бороться. Ведь что было приемлемо для одних, для других являлось серьезным препятствием на их жизненном пути. На этом фоне вполне закономерным выглядит концепт перманентного конфликта между «властью» и «обществом», характерный, заметим, для любого времени. Обремененные властью всегда стремились к порядку и управлению, незыблемость которых – залог собственного благополучия, тогда как остальное «общество» не было склонно разделять их устремления в силу сужения коридора собственных возможностей.

Если мир усеян «пылающими угольями», через которые человеку предстоит «перейти», то именно «человеческая

воля к жизни» (Шопенгауэр) вкупе с «заботой о себе» (Ницше) и превращает его в «желающую машину», способную видеть мир своими глазами, видеть свое место в нем и свои перспективы исключительно в духе шопенгауэровской «воли и представления».

Заметим, что у каждого из нас своя воля и свое представление. Это означает, что некое общее политическое спускается с привычных социальных небес к каждому человеку, априори присутствуя в его отношениях с другими. Технологическая среда, расширившая для человека мир иллюзий и дающая ему поистине неограниченные возможности их воплощения в реальном мире, существенным образом скорректировала этику счастья, этику пользы, а следовательно, и этику межличностных отношений.

Это ведет к избавлению от социально заданной идентичности и любых структурных причинно-следственных шаблонов с их топологией, границами, моралью и культурой. Окончательно отбрасывая «правила» и стирая «границы», человек постепенно начинает освобождаться от ассоциативных условных структурных наслоений в пользу сети, т.е. начинает интуитивно представлять мир как среду или сетевую «экосистему». Интеллект человека, видящего перед собой проблемы и различающего в них истинное и ложное, выходит на первый план его мировосприятия и поведения – представления и воли.

На этом фоне любые попытки научного обоснования сети как возможной новой формы организации социального сводятся, в конечном счете, к очередной «косметически улучшенной» банальной структуре с «вертикальными» и «горизонтальными» связями. Причина этого, на наш взгляд, уже упомянутая нами выше сингулярность любых социальных и политических конструкций в силу иррациональной эмоциональности поведения ее узлов – людей.

Это свидетельствует о стремлении политологической и социологической научной среды любым способом сохранить некую общую социальность, которую можно всегда логически объяснить желанием людей объединиться на основе идеологических платформ или их религиозных версий. Часто речь идет о конвергенции, способной, на первый взгляд, «примирить» структуру и сеть. В результате возникает трудно воспринимаемый социальный гибрид: сеть внутри замкнутой социальной системы.

Данное явление можно охарактеризовать как «размывание» социальной структуры в сеть на низовом уровне, но до определенного предела, который задается свыше существующей социальной и политической структурой. Узлами такой «усеченной» сверху сети становятся люди, возвращающие себе статус «социальных животных» с уже заданной сверху социальной и политической идентичностью, ценностной и целевой ориентацией. В этом случае они действительно обретут склонность к объединению в группы и стаи, но только в пределах четко обозначенных границ социальности.

Следствием всего этого является то, что в фокус социальных, а следовательно, и политических исследований, как правило, попадает лишь политическая организационная идентичность узлов в сети и их соотношение. Это, с моей точки зрения, не что иное как очередной логический социальный и политический научный «тупик».

Продолжая рассуждения в данном контексте, мы невольно приближаемся к необходимости очистить понятие сети от любой «структурности», ассоциативно воспринимая ее в качестве человеческой «экосистемы». Заметим, что человеческие отношения выходят в своеобразный топ любого современного медийного контента. Что, в свою очередь, должно подталкивать исследователей сети смещать акценты в пользу изучения психологических практик – этики желаний и телесных практик, таких как здоровье, экология, медитация, привлекательность, сексуальность. Причем делать это даже в ущерб традиционно стоящим на повестке дня проблемам социальной справедливости, демократии и прав человека.

В последнее время даже власти предрержащие стали все больше внимания уделять именно контенту телевидения, кино, театра, литературы, а также медиаритуалам и даже религиозным практикам как единственному централизованному «неканоническому» средству формирования некой общей этической воли, остающемуся в их распоряжении. Причем делается это пока исключительно на старой эмоциональной основе – унижения, страха и надежды. Для России это, по моему мнению, является своеобразной аксиомой.

Невольно напрашивается вывод о том, что без глобального изменения эмоциональных установок в направлении эмпатии, стимулирующей возникновение новых культурных форм глобального общежития, у человека, возможно, не будет шансов на глобальное «озеленение» жизни, создание

различных «экосистем», «расширение» прав, а значит, в конечном счете, и на новое «справедливое перераспределение богатств и власти».

Поскольку этический контекст топологически и качественно детерминирует человеческую сетевую «экосистему», возникает вполне закономерный вопрос о ее устойчивости. Думается, чем больше в ней «связей» и чем более разнообразен их диапазон, тем более устойчивой и способной к саморазвитию она выглядит. То есть речь идет об органической устойчивости сети в противовес традиционному восприятию в духе «истинности» единственной связи, формирующей систему бинарных связей: «согласия – противостояния». Именно это и ведет к вожделенному, с точки зрения любой моноцентрической власти, «разрыву» сетевой человеческой экосистемы на социальные «капсулы» со своими границами и «красными линиями» – работа, семья, друзья, национальность, религиозность, гражданственность, – с присущими им самосознанием и эмоциями.

Данное обстоятельство, в свою очередь, заставляет нас взглянуть на проблему технологий с весьма неожиданного ракурса – как политического «посредника» в межличностном взаимодействии. Подобный посредник, с одной стороны, может либо направленно ограничивать его, культивируя у обеих сторон ощущение «одиначества» на работе, в семье, в компании, либо, наоборот, создавать условия для «безграничного» совершенствования за счет «стирания» границ и асимптотического приближения к другой стороне диалога. Таким образом, знаковая фраза из культовой книги 1990-х «Одиначество в сети» «одиноким бываешь только тогда, когда на это есть время» начинает обретать свой истинный смысл.

С другой стороны, речь идет об управлении временем. Все возрастающая скорость передачи информации, качество обработки и представления данных фактически создают его. То есть, владея временем, можно управлять моральными паттернами социальности – человеческим одиночеством или, наоборот, его востребованностью. Тот, кто обладает властью, должен задуматься, чем занять освободившееся время человека. Вполне вероятно, что именно за этим «прячется» проблема управления сетевой социальностью с помощью новых технологических посредников, которые занимают место субъекта социальных и политических отношений.

О.Г. ЩЕНИНА, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

O.G. SHCHENINA, Candidate of Political Science, leading researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Анализ политических отношений в сети позволяет выявить связи между субъектами политических коммуникаций, проанализировать уже существующие и предложить вероятностные модели топологии политических коммуникаций, которая может рассматриваться, с учетом непрерывности, как свойство компьютерных сетей, а также иных видов сетевого пространства.

В сфере современных информационно-коммуникационных технологий понятие «топология» активно используется для отражения взаимодействия между компьютерами и другими устройствами в компьютерных сетях. Топология компьютерных сетей представлена на основе схемы связей между устройствами: компьютерами, серверами, роутерами и другими компонентами сети. Она имеет несколько классических видов: звезда (чаще всего используемый вид для локальных компьютерных сетей), кольцо и шина (магистраль). В процессе совершенствования ИКТ-технологий этот перечень был расширен; в него вошли следующие топологии: смешенная, сеточная, ячеистая и дерево. Каждая из них предлагает свою комбинацию организации связей технических устройств или компонентов сети, однако чаще всего они используются не в чистом виде, а применяется на практике их комбинация.

Попытаемся охарактеризовать основные параметры топологии политических коммуникаций, рассматриваемой не только как системы организации взаимодействий субъектов (коммуникантов). Она будет гораздо сложнее и шире, поскольку технологический аспект – лишь один из множества элементов многогранной системы политических коммуникаций в сетях.

Представляется, что в этом контексте наиболее перспективным будет применение синергетического подхода, который позволяет всесторонне проанализировать сложные самоорганизующиеся системы, в том числе и социальные, находящиеся в неустойчивых состояниях. Весьма перспективно применение в исследованиях топологии политических коммуникаций теории диссипативной структуры И. Пригожина.

При использовании трактовки диссипации как процесса рассеивания энергии, информации возможно рассмотрение

этапов преобразования и развития коммуникаций в сетях как фракталов (новые структуры, возникающие в сети). Они преобразуются в аттракторы, свидетельствующие о переходе объекта в новое состояние. Этот переход может быть связан с информационными потоками и их переформатированием при прохождении от одной точки бифуркации до другой (аттрактор выступает как устойчивый отрезок этого пути). В сетевом пространстве коммуникаций точки бифуркации совпадают с узлами сетей, однако не все узлы будут выступать точками бифуркаций, лишь только те из них, которые обладают значительным числом связей.

Так изменяется само коммуникативное действие (по Ю. Хабермасу). Его характеризуют спонтанность, фрагментарность, стихийность, сглаживание подходов к дилемме «реальное – виртуальное», повседневность сетей коммуникаций как проявление новой реальности.

Конфигурации политических коммуникаций частично задаются параметрами программного обеспечения, и здесь возникает ряд вопросов. Влияет ли технологическое обеспечение на эффективность политических коммуникаций? Его роль состоит в маршрутизации политических коммуникаций либо возможности их контроля? Возможно ли рассматривать программные конфигурации политических коммуникаций в сетях? Либо хаос коммуникаций рассматривать как упорядоченность – управляемый хаос, создаваемый технологической составляющей?

Неслучайно возникновение в социально-гуманитарном знании топологического ракурса исследования коммуникаций, который предлагает их переосмысление в контексте исследования пространства (труды Пьера Бурдьё и Курта Левина). В данном случае пространства сетевого и присущих ему форм коммуникаций (работы Рене Тома) либо их трансформации в сетях.

Использование в этом контексте одного из ключевых понятий топологии (на основе «теории множеств» Г. Кантора) – *гомеоморфности*, рассматриваемой как сохранение свойств объектов в процессе их деформации (трансформации), – позволяет проводить не только количественный, но и качественный анализ сетевых политических коммуникаций. И в этой связи уместно вспомнить мнение Ч. Тилли о связи количественных и качественных данных в социологии относительно применения смешанного (количественно-качествен-

ного) подхода к исследованию социальных объектов. Коммуникации являются, прежде всего, социальным феноменом, поэтому изучение атрибутивных свойств и характеристик, в том числе и политических коммуникаций, позволит расширить представления об их природе и сущности в условиях новой сетевой реальности.

Система коммуникаций определяет устойчивость сети. Политические коммуникации будут сохранять свойство гомеоморфности при сохранении их устойчивости, которая основывается на предположении: чем больше узлов коммуникаций, тем устойчивее сеть.

Использование топологического метода в политологии чаще всего находит отражение в сетевом анализе на основе широких технологических возможностей программного обеспечения. Основываясь на возможностях визуализации, в процессе анализа создаются карты сетевых конфигураций субъектов либо объектов исследуемых феноменов. Кроме того, использование теории графов, а также метода моделирования позволяет дать глубокий анализ количественного спектра сетевых политических коммуникаций.

Исследование топологических аспектов политических коммуникаций связано с изменяющимся социальным пространством сетевого социума и модификацией форм социальных объектов. И здесь на первый план выходят основные компоненты топологического подхода – топология пространства и топология формы. Топологическая концепция Джона Ло («социальная топология» Дж. Ло) может стать основой для синтеза этих двух компонентов, рассматриваемых в современной науке чаще всего обособленно.

Возможно, на мой взгляд, введение понятия «коммуникативный набор», включающего не только информацию, но и множество социокультурных компонентов, таких как ценности, смыслы, идеи, установки, мировоззрение, идентичность коммуникантов.

Г.А. МАЛЫШЕВА, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

G.A. MALYSHEVA, Research fellow, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Общественно-политическая среда, в которой обитает современный человек, под воздействием цифровых технологий и сетевых процессов подвергается коренному преобразова-

нию. Можно сказать, что сейчас мы живем в цифровом социуме, точнее – в обществе цифровой сетевизации, или цифросетевом постмодерне.

Степень виртуализации политического пространства такова, что оно, по сути, представляет собой реальность двойственного, комбинированного, смешанного характера, т.е. физическую, первичную общественно-политическую реальность с масштабными и функционально значимыми включениями элементов второй, онлайн-реальности – мира цифровых виртуальных коммуникаций.

В свою очередь, под политическими отношениями мы традиционно понимаем взаимодействие различных субъектов – социальных общностей, групп, отдельных граждан и институтов – по вопросам власти, государственного устройства и управления обществом. Возникает вопрос: как эти отношения меняются в условиях трансформационных процессов, которые затрагивают цифросетевую социально-политическую среду и придают ей признаки дополненной реальности? Отметим в этой связи несколько моментов.

В онлайн-реалиях взаимодействие по политическим вопросам происходит на технологических платформах интернета – в сообществах, соцсетях, блогах, чатах, мобильных приложениях, на форумах, персональных сайтах, новостных сервисах и т.д. Символическим воплощением политических отношений становится цифровой контент, создаваемый индивидуальными и коллективными участниками сетевых коммуникаций и циркулирующий в интернет-пространстве.

Рассматривая политические отношения цифросетевого социума как конвергентный феномен, мы отмечаем трансформацию его субъектов и форм их взаимодействия, притом что предмет этих отношений остается в целом неизменным – это вопрос о власти, доминировании и способах его достижения.

Стоит подчеркнуть, что специфика виртуальных коммуникаций определяется наличием технологий цифрового контроля, т.е. надзора над пользователями цифровых сетей и системой цензурирования в интернете, понимаемого как трансграничное пространство с высокой степенью прозрачности национально-политических сегментов.

Цифровые сети имеют вполне определенные и привязанные к географии физического мира центры сбора данных и управления. Решающим фактором формирования ценностных и идеологических мотиваций участников онлайн-коммуникаций

политических отношений становится принадлежность основных технологических мощностей всемирной паутины тем или иным глобальным игрокам.

Онлайновое политическое пространство, поскольку оно технологически и идеологически регулируемо, служит целям социальной манипуляции, индоктринации, контроля над политической социализацией граждан и внедрения в социум заданных культурно-политических паттернов. Не следует забывать, что цифровые сети, как и любая технология, служат для продвижения идей и ценностей своих создателей, владельцев, правообладателей и цензоров. *Виртуальное индоктринирование* имеет не только внутривнутриполитическую, но и экстерриториальную направленность, являясь *цифросетевой формой глобальной политико-культурной колонизации*.

Очевидно также, что в цифровых сетях наличествует иерархия участников, обладающих определенными статусными позициями, а также сумма правил, которые определяют взаимодействия между ними. Киберпространство имеет собственную стратификацию и систему властных отношений, в нем есть свои элиты и политическая конкуренция. Дисбаланс сил в цифросетевом социуме целесообразно рассматривать сквозь призму поставленного М. Кастельсом вопроса о сетевой власти как о способности одного из социальных акторов асимметрично влиять на решения других акторов желательным для его воли, интересов и ценностей образом, путем принуждения и/или конструирования смыслов и дискурсов.

Цифровой мир централизован, управляем и, как следствие, структурирован. Развитие цифровых сетей является одновременно спонтанным и программируемым, а их текущее состояние контролируется сетевыми технологическими и корпоративными узлами, а также, напрямую и опосредованно, государственно-политическими институтами национального и наднационального уровня. Исходя из этого, мы должны признать, что цифровые глобальные сети как политическая и социально-экономическая модель, присущая техносциальному общественному укладу, или капитализму цифровых платформ, не могут быть объяснены в рамках концепта ризомы и требуют более многостороннего подхода.

Следует добавить, что виртуальное политическое пространство не рассматривается нами как пространство автономное. Внедряемые через онлайн-среду политические идеи и установки проходят обкатку в сфере физических контактов,

т.е. подвергаются внешней, офлайновой структуризации. Таким образом, особенности функционирования онлайн-политической среды дополняют и усложняют общую картину доминирования, противоречий и конфликтности в системе политических отношений комплексной, смешанной общественно-политической реальности.

Субъектами политических отношений онлайн-реальности служат как индивидуальные, так и коллективные пользователи киберсетей – интернет-сообщества. К ним также можно причислить и искусственные сущности в интернете – политические компьютерные программы-боты. Возможно, следует даже говорить не о субъектах онлайн-политических отношений, а об идентичностях, участвующих в цифровых сетевых взаимодействиях, которые можно рассматривать в качестве политических отношений второй реальности.

Исследователи выделяют: а) цифровую персональную идентичность как характеристику интернет-пользователя в качестве индивидуального сетевого агента; б) идентичность как определенный набор ценностей, норм и идейных приоритетов, характеризующих то или иное цифровое онлайн-сообщество.

На платформах социальных медиа происходит конструирование виртуальных личностей, которые в интернете являются репрезентациями физических персонажей. Политические взаимодействия второй реальности осуществляются от лица виртуальной цифровой идентичности или множественных идентичностей, создаваемых пользователем в сетях.

Первичность физической идентичности пользователя-субъекта политических отношений, как правило, не подвергается сомнению – без физического мира виртуальные личности не существуют. Даже боты являются производным от действий физических субъектов. Тем не менее за цифровым аватаром человека в интернете признается известная самостоятельная роль и обратное влияние на офлайновые политические практики.

Допускается также, что симбиоз двух реальностей, благодаря наличию цифровых отпечатков персональных интеракций и возможности собирать и анализировать большие данные, создает некий совокупный цифровой профиль личности. Этот профиль прослеживается во всех проявлениях социальной активности гражданина, будь то в офлайне или онлайн

общественной и политической жизни, что лишает его приватности и делает цифровую идентичность публичной.

Исходя из вышеизложенного, мы видим одну из задач исследования в том, чтобы вписать проблему сетевизации политических отношений в наши представления о дополненной политической реальности, выявив специфику и динамику их проявлений в цифросетевом общественном пространстве.

Л.И. НИКОВСКАЯ, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор РАНХуГС.

L.N. NIKOVSKAYA, Doctor of Sociology, main researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS; Professor of the RANEPА.

Сетевой подход к исследованию общества фиксирует сложность и нарастающее многообразие современного социума на основе увеличивающегося влияния новых, электронных информационно-коммуникативных технологий. Меняется и система отношений в формирующейся цифросетевой среде. На смену властному доминированию государств и правительств приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными возможностями. Нарастание фактора сетевых сообществ, значимости коммуникации и доверия существенно меняет характер государственного управления. Оно все меньше должно строиться по принципу «господство – подчинение», переходя к иным основаниям управления на основе принципов «руководство – принятие».

В сетевом обществе постоянное и уже необратимое расширение доступа населения к широкополосному мобильному интернету и интенсивное развитие интерактивных информационно-коммуникационных технологий 2.0, предлагающих новые, немыслимые ранее возможности взаимодействия граждан между собой и общества с властью. Это способствует практической реализации новой модели взаимоотношений власти и гражданского общества на основе использования электронных инструментов, повышающих интенсивность общественного взаимодействия в принятии социально значимых решений.

Теперь субъектность в ее сетевом (горизонтальном) выражении – это коллективные акторы, которые группируются по интересам в социальных сетях и массовых движениях. Мно-

гообразии становится ресурсом и стимулом развития. Нарастает потребность в органическом единстве государственного управления и общественного самоуправления, в тесном взаимодействии государства и гражданского общества в осуществлении управленческих и властных функций.

Сегодня в России можно уже четко выделить четыре основные группы интерактивных интернет-площадок для формирования массовых гражданских инициатив и решения социально значимых проблем в публичной сфере: работа с обращениями граждан; краудсорсинговые и краудфандинговые платформы; волонтерские сервисы; группы по обмену мнениями граждан. Средства массовой информации, социальные сети, блоги и иные средства онлайн-коммуникации позволяют в кратчайшие сроки аккумулировать значительные человеческие и финансовые ресурсы, подключать ресурс государства, бизнеса, всего общества для оперативного решения социальных задач.

С точки зрения конфликтологического подхода мы становимся свидетелями вызревания в новых условиях фундаментального противоречия между потребностью сохранения монолитности (суверенности) вертикали государственной власти и неумолимо растущим гражданским и общественным плюрализмом, который взывает к жизни формирующееся сетевое общество. Причем характер этого противоречия в применении к социальной действительности имеет *антиномичную* суть. Каждый раз разрешение того или иного противоречия требует реального поиска баланса интересов между публичной властью и гражданским обществом как антиномичного соединения однородного правового пространства с многообразным выражением интересов.

Если преобладает тип отношений «господство – подчинение», то идет навязывание одной и подавление другой воли. Такие отношения предполагают позиционное неравенство сторон, монологический, директивный режим выстраивания коммуникаций, свертывание и монополизацию информационных каналов, преобладание администрирования над публичной политикой. Чаще всего господство реализуется в жестких нормах «можно – нельзя», «правильно – неправильно». При преобладании типа отношений на принципах «руководство – принятие» доминирует ориентация на диалог, поиск компромисса и сотрудничества. Это реализуется в управленческих принципах организации, обращения, убеждения.

При стремительном развитии сетевой публичной политики традиционные иерархические политические институты начинают «вибрировать», т.к. испытывают трудности, связанные с появлением множества властных центров и распылением информации. Управленческие модели такого типа уже не могут в полной мере отвечать быстро меняющимся условиям окружающей среды, когда решения приходится принимать при наличии высокого уровня неопределенности и риска, когда ряд акторов политики действует в логике как открытых, так и латентных сетевых (паутиных) отношений.

Исследования муниципальной публичной политики, взятые в контексте сетевого подхода, показали, что растущее значение горизонтальных сетей значительно усиливает функции административных структур в сфере организации и координации взаимодействия различных сетей. Они объективно должны выдвигаться в разряд ведущих акторов сетевой политики и управления, перестраивая традиционное администрирование координационными методами и практиками «умного», гибкого *со-управления*.

Ставка именно на открытость и транспарентность работы с общественными организациями и населением, активное использование консультативных механизмов привлечения гражданских инициатив при администрациях муниципальных образований, опора на проектно-сетевой принцип организации общественной активности всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти. Отсутствие же накопленного реального социального капитала не компенсируется абсолютизацией чисто технологического свойства, связанного с использованием интернет-коммуникаций, и не способствует формированию ни эффективного муниципального публичного взаимодействия, ни благополучного социально-политического самочувствия реального местного сообщества.

Несмотря на широкое распространение социальных сетей в обществе и использование сетевых технологий в управлении, государством не закреплён их официальный юридический статус как полноправных площадок для транслирования гражданских инициатив во властные структуры. Государство прислушивается к мнению «сети», но оно не обязано реагировать на гражданские инициативы.

Для конструктивного снятия глубинного противоречия между потребностью в монолитности и устойчивости политичес-

кой власти и плюрализмом гражданских интересов и инициатив в целях формирования устойчивого социального порядка главной проблемой является выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданами, их общественными объединениями. Эволюция этих отношений видится через укрепление институтов межсекторного социального партнерства, публичной политики, государственного управления на основе публичных ценностей, позволяющих сформировать такую стратегию общественного развития, в которой *гражданская самоорганизация* дополнялась бы *системными усилиями государства*.

Благодаря этому механизму формируется цивилизованная практика социальных отношений, основанных на солидарности и ответственности субъектов публичного управления. Представляется, однако, что немалую роль играет и более *сбалансированное присутствие иерархического начала*. Имеется в виду, что государственная власть должна занять место хоть и важного, но не единственного актора формирования повестки дня и принятия социально значимых решений. При этом способности государственных и муниципальных органов как переговорщиков и медиаторов кардинально возрастают и приобретают решающее значение, поскольку сетевое общество перестает быть просто пассивным легитиматором социально значимых решений, активно включаясь в процесс их обсуждения и принятия.

Э.С. ШИМАНСКАЯ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E.S. SHIMANSKAYA, Senior research fellow, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Если рассматривать политические отношения как сетевой феномен, существующий в социальной реальности и в условиях интенсивного информационного обмена, то информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) представляют собой важный инструмент, оказывающий определенное воздействие на активность людей, в том числе и протестную, в офлайн-пространстве. Именно с возникновением ИКТ повсеместно стали распространяться в современном обществе сетевые структуры наряду с такими понятиями, как «социальная сеть», «сетевая культура». Именно структура сетевых взаимодействий выступает в качестве основной детерминанты социального поведения, в то время как, согласно учению

М. Кастельса, сетевой коммуникации принадлежит ключевая роль в структурировании современного общества и социально-политических отношений. По мнению исследователей И. Лысака и Л. Косенчука, для общества сетевых структур характерно качественное изменение коммуникативной среды, в которой информация играет определяющую роль, так как «по своей природе она является ресурсом, который легче других проникает через любые преграды и границы». При этом новейшие технологии играют роль «связующего звена в сетевом обществе, объединяя его и создавая единое интерактивное пространство».

Актуализация деятельности социальных сетей все чаще сопровождается появлением информационных противоборств. За волной цифровизации и широкого доступа в интернет следом и как следствие появляются интернет-форумы, оппозиции, критики. Активность проявляют и платформы социальных сетей, которые зачастую становятся своего рода бизнес-структурами. И что особенно примечательно, эти платформы все больше начинают управлять сознанием людей, что было особо отмечено и в выступлениях многих участников давосского форума в 2021 г. В частности, прозвучали обвинения в адрес цифровых гигантов в том, что они подменяют государство: регулируют свободу слова, кому какую позицию высказывать. Это звонок для тех представителей власти, кто до сих пор не понял, что текущие политические технологии стремительно устаревают и необходимо внедрять новые системы управления смыслами и организацией социальных процессов.

В этой связи наша задача как исследователей заключается в первую очередь в том, чтобы готовить общество к очень некомфортным в информационном плане временам. Когда привычное и вполне освоенное нами информационное пространство начнет меняться, и, вероятно, не в лучшую сторону. Это огромный вызов для всех. Сейчас площадками для интернет-баталий становятся ТикТок и другие развивающиеся мессенджеры и видеосети. Однако любая публичная информационная площадка (будь то форум, мессенджер, блог-платформа или соцсеть) не вызывает никаких драконовских решений со стороны властей до тех пор, пока она не приобретает статус массовой площадки для неконтролируемого общения. За примером далеко ходить не надо. Недавние несанкционированные протестные акции в Москве и других

городах России явились результатом именно такого типа общения. Поэтому со стороны Роскомнадзора в отношении восьми социальных сетей и интернет-платформ, в том числе Facebook, Instagram, Twitter, TikTok, YouTube, Telegram, а также «ВКонтакте» и «Одноклассники» принято решение о составлении протоколов об административном правонарушении в связи с призывами к подросткам участвовать в несанкционированных акциях и о направлении их в суд. В свою очередь, общественность проинформирована, что власти выступают за полноценное присутствие представительств иностранных IT-компаний в Российской Федерации.

А.В. МИТРОФАНОВА, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве РФ.

A.V. MITROFANOVA, Doctor of Political Science, leading researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS; Professor of the Financial University under the Government of Russia.

Хотелось бы обратить внимание на долгосрочные последствия социальной работы православных и православно-ориентированных неправительственных организаций (НПО) в условиях кризиса социального государства: от благотворительности к сетевой солидарности. Проведено исследование, основой которого являются глубинные интервью с волонтерами, сотрудниками и клиентами НПО, а также экспертные интервью, взятые в 2018-2019 гг. в пяти регионах России.

Для постсоветского общества характерным явлением стали процессы социального распада, сопровождающиеся кризисом институтов государства. Советский период отличался перевесом государства над промежуточными социальными институтами (семья, община, рабочий коллектив), что привело их к упадку. В последнее советское десятилетие нараставший (и остававшийся незамеченным) кризис государственности проявился в общем падении социального доверия и создании отдельными людьми личных сетей поддержки из так называемых «нужных людей», которые не укрепляли, а еще больше разрушали гражданскую солидарность. В конечном итоге поздне- и постсоветский кризис государственности привел к общему кризису социальности как таковой и полному сбою социальных ориентиров, когда люди теряют представление о социальном поведении.

Лишившись защиты государства и не имея возможности обратиться к промежуточным институтам, постсоветский человек оказался наедине с враждебными силами, находящимися вне его контроля. Многие прибегали к девиантным способам выхода из ситуации (участие в криминальных сообществах, деструктивных религиозных группах, алкоголь, наркотики и т.д.). Семейные связи не могли компенсировать распадавшуюся социальность, так как они разрушались на протяжении всего XX в. в ходе форсированной модернизации и к его концу приобрели форму ложной солидарности – непотизма, кумовства и подобных явлений.

В отличие от других государств, находившихся в сходной ситуации (например, стран Латинской Америки во второй половине XX в.), кризис социальности не был компенсирован религиозными общинами. Постсоветские *конгрегации храмов* (если говорить о православии) строятся большей частью на индивидуальном обращении верующих за религиозными услугами.

Конгрегация состоит из индивидов, которые не связаны ни богослужебной, ни внебогослужебной активностью («сакральный индивидуализм», по выражению И. Забаева), и солидарность между которыми может возникать только ситуативно. В то же время приход в религиозную общину может обречь человека на разрыв прежних социальных связей, т.к. религиозное обращение в постсоветском обществе продолжает носить индивидуальный характер, вырывая человека из привычной среды, а часто даже из семьи.

Как известно, в постсоветском обществе формируется новая социальность, которая уже не опосредована государством целиком и полностью, но основана на восстановлении и укреплении промежуточных социальных институтов. Эта солидарность носит сетевой характер, т.к. не связана ни с местом проживания, ни с конкретными храмовыми конгрегациями.

Один из вариантов этой новой социальности представлен социально-благотворительной волонтерской деятельностью православных и православно-ориентированных НПО. Субъектом такой деятельности становятся люди, считающие распад социальности ненормальной ситуацией, а солидарное поведение – нормальным и должным. В этой среде наблюдается ностальгия по советскому прошлому (как правило, малознакомому из-за возраста), поскольку советское общество

воспринимается как солидарное, а современное общество – острокритически как разобщенное.

Социальная работа современных НПО отличается от традиционной религиозной благотворительности, ее цели значительно превосходят простое оказание помощи людям в трудной жизненной ситуации. Главной целью социальной работы является восстановление общественного доверия и солидарности, которое происходит на нескольких уровнях.

В первую очередь, восстанавливается целостность личности не только клиента, но и, прежде всего, помогающего, добровольца или сотрудника.

Во вторую очередь, устанавливается стабильное доверие между активистами группы или движения, представляющих собой пространство солидарности.

В третью очередь, отношения доверия и солидарности создаются между активистами и кругом клиентов социальной работы. Возникают островки солидарного пространства, к которым «прибывает» как нуждающихся (необязательно клиентов социальной работы), так и добровольных помощников с разной степенью вовлеченности.

В четвертую очередь, социальность восстанавливается в «большом обществе» за пределами социального проекта, который выступает как модель солидарного поведения и вызывает появление подобных же островков (возможно, уже не с целями социальной работы и без религиозной составляющей). Понятие «проект» может рассматриваться в данном случае и в смысле «наброска» будущего общества, представленного не в том плачевном виде, в каком оно существует сейчас, а таким, каким оно должно быть, по мысли активистов социальных инициатив, т.е. солидарным.

Сети новой солидарности, в отличие от предыдущего исторического периода, объединяют людей вне зависимости от территории проживания, семьи, этнической группы или членства в конкретной религиозной конгрегации. Также следует отметить, что мотивацией для участия в этих сетях не является получение индивидуальной или групповой материальной выгоды за счет остальных членов общества. *Сетевая солидарность представляет собой новое явление для России и знаменует зарождение новых социальных связей после коллапса 1990-х годов.*

И.С. ЯЗБОРОВСКАЯ, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

I.S. YAZHBOROVSKAYA, Doctor of History, Professor, main researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

В процессе становления новых направлений жизнедеятельности и функционирования в рамках усложняющихся подсистем *сетевого общества* значительно изменяются взаимосвязь и взаимодействие между различными общностями и личностью. В частности, эволюционируют место, роль и позиции людей, социальных групп и целых слоев в сфере политических отношений. Их представления наполняются новым содержанием в сопоставлении с развитием политического процесса, верифицируя ход осмысления массами этого процесса, механизмы и динамику политических позиций – запуская их проверку с помощью инструментов сетевизации.

Как выяснилось, эта проблематика становится все более актуальной. По этой причине совместными усилиями ученых Российской академии наук, Высшей школы экономики, польского Института политических исследований ПАН были обсуждены в ходе совместных семинаров, проведенных в 2020 г., проблемы расширения опросов, не ограничиваясь выборочным зондированием текущих настроений населения. Опросы проводились в рамках международной программы социальных исследований по теме «Социальные сети и социальные ресурсы». Результаты исследования дали представления о внутрисемейных и межличностных связях. Ученых интересовало в этом массиве данных общение в сетях работающего социального слоя в возрастных группах от 25 до 39 лет и от 40 до 54 лет.

Эта проблематика хорошо просматривается на материалах анализа сетевых отношений на важных этапах развертывания системной трансформации рубежа XX и XXI вв. на примере Республики Польша. Так, профессор А. Шпочиньский продемонстрировал весьма убедительные методики организации и использования опросов по вопросам политики, укрупнив и расширив фронт исследований в условиях сетевизации общества. В докладе польского ученого «Значимость прошлого и социальные отношения в сети» были сформулированы важнейшие методологические установки, позволяющие понять, как действует одна из главных функций интеграции сообществ – обращение к опыту и наследию прошлого,

формирование и поддержание чувства близости и связей в обществе. Одним из механизмов создания и поддержания этого чувства является «сетевость» общественной жизни – функционирование единицы в сети ее контактов с другими, что оказывает значительное влияние на формирование ею позиций и компетентности, определяющих затем предпочтения, выборы и поведение. Другой важной функцией социальной памяти является легитимация общественного порядка.

Весьма трудной задачей является отражение реального влияния «присутствия в сети» в отношении различных элементов памяти общества. Ибо речь идет о взглядах, позициях и установках, которые в том или ином объеме служили и служат для формирования индивидуальной и коллективной идентичности. Обращения к прошлому формируются или поддерживаются в сетях; сетевость в коллективной памяти является эффективным механизмом формирования позиций и установок. Нарушение целостности общественного сознания, навязывание «нормальных» воззрений разрушает функционирование опыта старших поколений как не соответствующего актуальной политической направленности.

Применение предложенной учеными-социологами методики тщательного анализа оказывается весьма полезным. Ибо для оздоровления общества настоятельно требуются постоянное диагностирование его настроений и научная верификация «исторической политики». С этим выводом в наше время невозможно не согласиться.

Л.В. МАКУШИНА, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

L.V. MAKUSHINA, Candidate of History, Associate Professor, Senior researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS.

Еще в 80-е гг. прошлого века футурологи (в частности, американец Джон Нейсбит в своей работе «Мегатренды») предсказывали, основываясь на анализе тенденций развития общества конца XX в., что мир в обозримом будущем перейдет от иерархических структур организации и управления к сетям. В России поистине взрывной характер эти процессы приобрели в последнее время в связи с «коронакризисом». Они коснулись, в том числе, сферы занятости и социально-трудовых отношений. Чуть ли не единственным препятствием для быст-

рого и окончательного перехода к сетевому взаимодействию оказалась проблема контроля над работником и его работой в условиях дистанционной занятости. Но и это препятствие рано или поздно будет преодолено, так как в сетевых организациях успех дела определяет не контроль над работником, а его итоговая эффективность.

Происходят изменения в экономике, политике, меняется роль человека труда. Повышаются требования к квалификации работника, совершенствованию не только его профессиональных компетенций (*hard skills*), но и очень важных над-профессиональных компетенций (*soft skills*), таких, например, как управленческие и коммуникативные навыки (в том числе нетворкинг), эмоциональный интеллект. В топ самых востребованных у работодателей *soft skills* попадают **навыки удаленной работы**. В обществе начинает меняться отношение к работе как постоянному, жестко регламентированному занятию. Возможности и трудовая мобильность человека при сетевой организации социума существенно увеличиваются, возрастает и «гибкость» занятости.

Вместе с тем появляются риски превращения «гибкой» занятости в «нестабильную». В условиях современного кризиса предприниматели, и не только в России, все чаще практикуют использование таких форм занятости, как оформление работников на проектную работу, а не в штат; увеличение доли временных контрактов; оформление работника не по трудовому договору, а по договору гражданско-правового характера; привлечение самозанятых и пр. По сути, это не что иное, как формы занятости, характерные для прекариата, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для работника. Так, в России за время самоизоляции и ограничений в экономике более чем в сто раз увеличилось количество россиян, работающих дистанционно.

Развитие новых форм занятости и обучения, прежде всего дистанционных, создает потенциал для серьезных и долгосрочных изменений на рынке труда, в сфере образования и переквалификации. Поэтому для массового и активного внедрения этого формата работы важно максимально защитить права людей в соответствии с законом. А пока на рынке труда чувствуют себя уверенно только 15% россиян.

Важнейшими вопросами в условиях сетевизации социально-трудовых отношений в современном обществе остаются следующие: как будут организованы работники в условиях

сетевизации? Как будут строиться отношения между сторонами социально-трудовых отношений? Сейчас «нестабильно занятые» – это огромная неструктурированная группа людей. Но если они ad hoc объединяются, то получают реальную возможность заявлять о своих правах и требовать их исполнения. И первые примеры подобной партисипативной демократии уже есть.

Сегодня российские политики для решения посткризисных проблем рынка труда рассматривают три основных направления: а) проведение активной политики государства; б) развитие системы социальной защиты; в) адаптация системы трипартизма к новым условиям. Особые надежды возлагаются на социальный диалог (положение о нем внесено в поправки в Конституцию).

Однако трудно себе представить реализацию системы трипартизма в ее теперешнем виде в условиях нарастания процессов сетевизации. Представляется, что для России, с ее тягой к традиционности, державности, политической, социальной и культурной моноцентричности, переход к сетевому взаимодействию будет непростым.

С 2020 г. в России началась работа по формированию новых модулей к программе «Инновационные механизмы социального партнерства» (реализуется при поддержке Комитета общественных связей и молодежной политики правительства Москвы). Суть ее состоит в том, что пандемия позволяет «обкатать удаленку» как в работе, так и в учебном процессе, показать важность создания социальных сетей в сфере социально-трудовых отношений, которые, по мнению ее разработчиков, должны остаться и после пандемии.

Футурологи, эксперты в области инновационного и стратегического управления считают, что это вопрос политический. Процессы, связанные с глобальной цифросетевизацией, могут «способствовать формированию новой культуры свободы и благополучию населения». Но вполне возможны, с их точки зрения, и другие последствия, когда, наоборот, увеличится «и без того рекордный уровень неравенства и нестабильности». С этой точкой зрения трудно не согласиться.

О.М. Михайленок. В выступлениях участников нашего круглого стола присутствует стремление в той или иной степени обновить методы исследования политических отношений, прежде всего в связи с сетевым подходом.

Политические отношения представляют собой сложный многоаспектный и многосторонний социальный феномен. Можно выделить различные уровни проявления этих отношений. Существует глобальный уровень, который включает и глобальных акторов; существует региональный уровень; можно говорить о политических отношениях между различными странами и можно рассматривать политические отношения внутри одной страны. Например, выделить общероссийский уровень политических отношений, включающий соответствующих субъектов, далее идет региональный уровень политических отношений – и так вплоть до муниципального уровня, на котором тоже формируются специфические политические отношения.

Другой вопрос заключается в том, в какой мере мы можем говорить о сетевизации политических отношений. Сегодня в публикациях встречаются такие словосочетания, как «политические сети», «сети политических отношений», «сетевые аспекты политических отношений» и т.д. Проблемой представляется то, что в соответствии с сетевой теорией любая система или структура общества содержит в себе «невидимую», скрытую сетевую основу. Но каким образом эта скрытая основа превращает ту или иную структуру в сетевую?

В связи с этим можно вспомнить некогда популярную теорию мировой революции, согласно которой относительно одновременно в результате этой революции весь мир станет социалистическим. Осознание неосуществимости этих ожиданий привело к формулированию компромиссной идеи о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Чем-то это напоминает ситуацию с сетевой теорией. Очевидно, что различные социальные структуры постепенно и в разной степени поддаются воздействию «сознательного» стремления продвинуть процесс сетевизации.

Так или иначе, политические отношения являются той частью социальной реальности, которая в контексте сетевизации оказывается проблематичной для анализа. В какой-то сфере и в какой-то степени сетевая составляющая проявляется уже и сегодня. Безусловно, не все сетевые структуры, с которыми мы имеем дело, соответствуют основным представлениям сетевой теории. Даже и в самой развитой сетевой структуре – компьютерной сети не наблюдается равноправия акторов, в той или иной мере присутствует иерархия, всегда можно выделить центр и периферию сети. Можно

также говорить о возможностях управления сетевой динамикой и о границах сетей (пусть они представляют собой нечто неопределенное, размытое), т.е. о локальном, а не о всеобщем их характере.

Тем не менее, исходя из неослабевающего внимания научного сообщества к сетевой теории и ее влиянию на быстрые темпы преобразования социальных отношений в непонятных, неоднозначных и непредсказуемых направлениях, нам требуются общие усилия в поисках новых методологических средств, позволяющих объяснить и предвидеть вероятные последствия этих жизненно важных изменений.

В этом смысле обращение к проблематике сетевой теории, создающейся на наших глазах, а конкретнее – к анализу современных политических отношений в контексте этой теории, дает шанс на понимание того, почему так стремительно и непредсказуемо происходят изменения в общественном организме.

В дальнейшем можно было бы попытаться сформулировать некоторые соображения, касающиеся данной области исследования, с учетом перспектив реализации сетевой теории.

В.С. КАЛИНИЧ

*старший преподаватель кафедры современной
социологии социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Социальное манипулирование в условиях пандемии

В данной статье рассматриваются феномен социального манипулирования и его проявления в условиях пандемии Новой коронавирусной инфекции COVID-19. Одним из последствий влияния пандемии и режима самоизоляции на индивида стало снижение критичности мышления и подверженность его манипулятивным действиям со стороны различных субъектов манипулирования, которые активно занимаются этим в настоящее время. Научная новизна данной работы обусловлена необходимостью изучения подобного рода воздействия и поиска эффективных мер, направленных на противодействие таким манипуляциям.

***Ключевые слова:** пандемия, самоизоляция, коронавирус, SARS-CoV-2, COVID-19, манипуляции, социальное манипулирование.*

V.S. KALINICH

**Senior Lecturer, Contemporary Sociology
Department, Sociology Faculty of the
Lomonosov Moscow State University**

Social manipulation in a pandemic

This article examines the phenomenon of social manipulation and its manifestations in the context of the recent COVID-19 coronavirus infection pandemic. One of the consequences of the impact of the pandemic and the self-isolation regime on the individual was a decrease in the critical thinking and susceptibility to manipulative actions on the part of various subjects of manipulation, which they are actively engaged in at present. The scientific novelty of this work is due to the need to study this kind of

* Калинич Владислав Сергеевич, e-mail: vladislav6988@mail.ru

impact and find effective measures aimed at countering such manipulations.

Keywords: *pandemic, lockdown, coronavirus, SARS-CoV-2, COVID-19, manipulation, social manipulation.*

На сегодняшний день можно уверенно констатировать, что пандемия Новой коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2 или COVID-19) стала событием, оказавшим самое значительное влияние на развитие человеческой цивилизации в 2020 году. Она закономерно повлекла за собой введение в целом ряде стран масштабного комплекса ограничительных мер, никогда не применявшихся ранее, в том числе режима самоизоляции, что сразу же оказало влияние на функционирование экономической и социальной сфер жизнедеятельности общества. В частности:

- произошло снижение экономической активности населения;
- снизилась нагрузка на транспортную и дорожную инфраструктуру населенных пунктов;
- изменился режим работы многих учреждений;
- была прекращена работа или переведены в дежурный режим образовательные организации, учреждения культуры, спорта, молодежной политики, развлекательные учреждения, объекты торговли товарами, не представляющими жизненной или социальной важности.

В условиях формирующейся буквально на наших глазах новой социальной реальности, сопряженной, к сожалению, со снижением критичности мышления, а значит и с возникновением угрозы ещё большей степени подверженности различного рода манипулятивным воздействиям, изучение и осмысление последствий влияния пандемии и режима самоизоляции на индивида, социальные группы и общества в целом закономерно стало весьма перспективным и значимым направлением современных социологических исследований. Особенно актуальным, на наш взгляд, является изучение генезиса феномена манипулирования в современных условиях, в частности – социального манипулирования.

Манипулирование индивидом, возможно, существует ровно столько, сколько существует само социальное взаимодействие. По сути своей первым документально зафиксированным случаем манипулирования можно считать библейскую историю о нарушении Адамом и Евой Божьего запрета

вкушать плод дерева познания Добра и Зла, когда змей-искуситель возбудил в Еве любопытство и подтолкнул первых людей к грехопадению.

«Манипулирование – это вид социально неодобряемого, деструктивного, неэтичного воздействия на личность, социальные группы, общество, осуществляемый вовсе не в интересах их успешной социализации, развития и благополучия, а в интересах частных, приносящих вред процессам социализации, социальному развитию личности, социальных групп и благополучному развитию общества в целом»¹.

В настоящее время исследователи традиционно выделяют два вида манипулирования: манипулирование в процессе межличностного общения и социальное манипулирование.

Профессор Н.Г. Осипова определяет манипулирование как «деятельность организаций и отдельных лиц, целью которых является оказание воздействия на людей, подчинение их своим (экономическим, политическим и специфическим частным) интересам». Манипуляции в процессе межличностного общения «представляют собой воздействие на собеседника посредством вербальных и невербальных компонентов речи для направления беседы в желательное русло и подведения оппонента или публики к желательному заключению и результату. При этом цель этого воздействия остается скрытой от собеседника»².

Социальное манипулирование – манипулятивное воздействие на целые социальные группы или даже всеобщество, безусловно способное оказать соизмеримо большее влияние на общественное развитие. Обратимся к определению данного феномена.

Наиболее актуальное и точное определение даёт социолог С.О. Елишев: «Под социальным манипулированием понимают процесс специфического коммуникативного воздействия различных субъектов общественной жизни на отдельные социальные группы или общество в целом, осуществляемого

¹ Елишев С.О. Социальное манипулирование молодежью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019, с. 40.

² См.: Осипова Н.Г. Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. М.: «КДУ», «Добросвет», 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bookonlime.ru/node/2695>. Дата обращения: 20.12.2020.

при помощи средств массовой информации и пропаганды, а также социально-экономических и политических средств с целью управления мышлением и поведением людей вопреки их интересам»¹.

Субъекты манипулятивного воздействия используют специальные приемы и методы для влияния на мысли, поведение, эмоции объекта манипуляции. Манипулятор целенаправленно эксплуатирует его и в итоге превращает индивида в полностью контролируемое, послушное существо.

Далее рассмотрим, какими методами может осуществляться манипулирование. Н.Г. Осипова указывает, что «методы, которые используют манипуляторы, базируются на двух основных принципах:

– если человека можно заставить вести себя так, как хочет кто-либо другой, то его можно заставить и поверить в то, чего этот другой хочет;

– внезапные, резкие перемены способны сделать человека особенно подверженным влиянию извне и привести к неожиданным и глубоким переменам его мироощущения, системы ценностей и веры. Для этого используется целый арсенал средств для направленного воздействия, в числе которых:

– изоляция от общества и привычного окружения, что приводит к утрате адекватного восприятия действительности (секты);

– специальное групповое давление, когда подавляются все сомнения относительно идей группы или сопротивление им (специально подобранные «подставные лица»);

– намеренное преувеличение «грехов их прошлой жизни»;

– запугивание угрозой серьезных духовных и физических последствий, вытекающих из различных нарушений»².

С.О. Елишев определяет, что субъектами социального манипулирования могут быть отдельные (деструктивные) личности или их группы, политические партии и движения,

¹ Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. Автореф. дисс.... д-ра. социол. наук. М., 2018, с. 34-35.

² Осипова Н.Г. Механизмы социального манипулирования с помощью коммуникативных технологий // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов. М.: «КДУ», «Добросвет», 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bookonlime.ru/node/1923>. Дата обращения: 14.10.2020.

общественные объединения, некоммерческие организации, тоталитарные религиозные секты и деструктивные культы, спецслужбы иностранных государств и международные организации¹. Данные субъекты оказывают манипулятивное воздействие на свои адресные группы, но, в первую очередь, под их влияние попадают наиболее подверженные манипуляциям категории населения: молодёжь, пожилые люди и люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, лица с неустойчивой психикой и индивиды, оказавшиеся в условиях самоизоляции.

Пандемия Новой коронавирусной инфекции, повлекшая за собой введение режима самоизоляции, создала благоприятные условия для социального манипулирования: активизировала одно из средств, применяемых манипуляторами, которое может приводить к утрате критичности мышления и адекватного восприятия действительности.

Игроки рынка товаров и услуг первыми отреагировали на стремительно меняющуюся реальность и стали пробовать выпускать оригинальные продукты или принимать оригинальные решения «в духе времени», позволяющие формировать и наращивать лояльную аудиторию к своим брендам.

Конечно, на рынке появились и недобросовестные игроки, пытающиеся манипулировать на чувстве страха перед коронавирусом. К примеру, некоторые фармацевтические компании решили наделить свою продукцию «чудодейственными свойствами». В самом начале пандемии «магическое сочетание “от коронавируса” в синтезе с человеческими страхами привело к заоблачным ценам на противовирусные таблетки. Люди толпами побежали в аптеки, но спустя время ФАС запретила рекламу «эффективного против коронавируса “Арбидола”»².

В то же время пандемия подтолкнула к ускоренному развитию сектор дистанционных услуг (онлайн-кинотеатры и библиотеки, электронные площадки по продаже товаров, сервисы доставки). При этом одним из самых очевидных

¹ См: *Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодежью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019, с. 236-314.

² *Голубичная А.* Магия от коронавируса: как петербуржцы и фармкомпании наживаются на вирусе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://78.ru/articles/2020-03-20/magiya_ot_koronavirusa_kak_peterburzhci_i_farmkompanii_nazhivayutsya_na_viruse. Дата обращения: 26.10.2020.

последствий пандемии стало резкое повышение и без того немалой значимости виртуального пространства в жизни каждого человека: оно стало неотъемлемой частью бытия даже людей старшего поколения, особенно тех, кто попал в режим самоизоляции по причине возраста (старше 65 лет).

Пандемия дала толчок к активному освоению киберпространства мошенниками, и последствия этого не заставили себя долго ждать: уже 23 апреля 2020 г. вышла статья (спустя 4 недели после введения режима самоизоляции в России), которая содержит заявление ряда крупных российских банков о росте активности мошенников. Банк ВТБ уже в период с 6 по 12 апреля отметил увеличение в 2,5 раза (по сравнению с аналогичным периодом прошлого месяца) звонков от клиентов с сообщениями о мошеннических действиях и попытках похищения средств со счетов¹. Как правило, в таких преступлениях мошенники применяют специальное вербальное давление для подавления сомнений в том, что жертва общается именно с представителем банка, а не сторонним лицом. Коллектив авторов на сайте РБК в статье «Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии. Каким преступлениям способствовала самоизоляция» сообщает, что «за время действия ограничений, связанных с эпидемией коронавируса, в России резко выросло число зарегистрированных случаев мошенничества. Об этом свидетельствует статистика Генпрокуратуры, проанализированная РБК. При этом рост произошел исключительно за счет телефонного и интернет-мошенничества – за шесть месяцев 2020 года число случаев такого мошенничества выросло на 76% по сравнению с первым полугодием 2019 года. Всего с апреля по июнь прокуратура зафиксировала 82,5 тыс. случаев мошенничества, в том числе больше двух третей (71%) по телефону и через интернет. В аналогичный период прошлого года с помощью средств телекоммуникации совершалось только 50% мошенничеств, показывает статистика Генпрокуратуры. Это указывает на то, что общий прирост обеспечили именно эти способы обмана. В два раза увеличилось число

¹ См. *Чернышова Е.* Банки заявили о росте активности мошенников в период самоизоляции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/23/04/2020/5ea048ba9a7947188f00af55>. Дата обращения: 29.07.2020.

преступлений по ст. 159.3 (мошенничество с банковскими картами)»¹.

Во время пандемии, как и в прочие кризисные периоды, люди стали уязвимыми не только к воздействию мошенников-злоумышленников, свою активность стали проявлять и различные субъекты манипулятивного воздействия.

Наглядным примером манипулирования в условиях пандемии может быть манипулирование на численности заболевших и смертности от коронавируса в России. Осуществлять манипулятивное воздействие статистическими данными могут субъекты, заинтересованные в росте социальной напряженности в нашей стране, в частности специальные службы иностранных государств с помощью средств массовой информации и интернет-блогов – сообщать о массовом сокрытии реальной статистики распространения заболевания и смертности от коронавирусной инфекции.

Актуальным примером манипуляций также может являться ситуация, сложившаяся по итогам выборов президента США: голосование по почте, проведённое в стране по причине пандемии коронавирусной инфекции и вызвавшее множество вопросов, позволило получить решающие голоса выборщиков конкуренту действующего президента Джо Байдену.

Ярким примером социального манипулирования может считаться так называемое covid-диссидентство, т. е. отрицание существования угрозы коронавирусной инфекции. В нашей стране наиболее резонансным примером этого феномена стал скандал вокруг бывшего схиигумена Екатеринбургской епархии Русской Православной Церкви Сергия. Опальный низложенный клирик в разгар первой волны пандемии начал делать провокационные заявления. Среди прочего он отрицал пандемию коронавируса, призывал верующих выходить на улицы и проклял тех, кто верит в существование коронавирусной инфекции. После этого создатель Среднеуральского женского монастыря объявил о том, что вместе с вакциной людям будут вживлять смертельные чипы. В своих речах отец Сергий указывал на то, что россияне «беззаконно сажают на самоизоляцию», «лишают свободы и работы» и хотят помес-

¹ Линделл Д., Алехина М., Скрынникова А., Балашова А. Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии. Каким преступлениям способствовала самоизоляция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5f9042799a7947428b3116e4>. Дата обращения: 21.10.2020.

тить в «электронный лагерь сатаны», а также проклял людей, поддерживающих самоизоляцию¹.

Подобное манипулирование фактами и сложившейся ситуацией, на первый взгляд со стороны похожее на фарс и эпатаж, не просто аморально, но может иметь очень опасные последствия. Во-первых, верующие, которые воспринимают клирика духовным наставником и безусловно ему доверяют, поверив его утверждениям и следуя его проповеди, попадают в конфронтацию с обществом и церковью. Во-вторых, подобные опасные утверждения могут привлечь сторонников из числа лиц, оказавшихся в условиях самоизоляции в том числе по причине инфицирования. Зараженные люди, отрицающие факт опасности или самого существования коронавирусной инфекции, игнорирующие режим самоизоляции, – реальная опасность для окружающих. Бывший схиигумен своими действиями раскалывает общество и наносит серьёзный репутационный ущерб Русской Православной Церкви – одному из фундаментальных социальных институтов нашей цивилизации.

Манипулирование на теме пандемии осуществляется не только отдельными лицами или группами, но и целыми государственными аппаратами. Манипулирование информацией, фактами и цифрами становится чуть ли не главным средством достижения политических целей. Кандидат философских наук, научный сотрудник Института Канады и США РАН П. Кошкин в статье «Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в информационную эпидемию и как с ней бороться», вышедшей ещё 8 апреля 2020 г., пишет о том, что «пандемия коронавируса сменилась инфодемией. Угроза COVID-19 не только не смогла по-настоящему объединить геополитических противников в общей борьбе, но только обострила противоречия на информационно-политическом поле, хотя по факту эти государства – будь то США, Россия или Китай – высказывают намерения помогать друг другу и создают видимость сотрудничества. Сегодня Москва и Пекин, представляющий государственный капитализм, конкурируют за умы с либеральными демократиями Европы и США. Каждая из двух систем всеми силами пытается доказать свою

¹ См.: *Человская А., Сидоренко Е.* Анафема изоляции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1024831/anastasiia-chepovskaia-elena-sidorenko/batiushki-sviaty-otritcavshii-koronavirus-sviashchennik-zabarrikadirovalsia-v-zhenskom-monastyre>. Дата обращения: 22.10.2020.

эффективность в борьбе с коронавирусом. Именно поэтому возможное занижение потерь от болезни может стать оружием в информационной войне в руках каждой из сторон, а любая помощь России или Китая пострадавшим от пандемии странам (в частности, Италии) будет воспринята именно как борьба с Соединенными Штатами – соперничество за репутацию и имидж. Это, к сожалению, усугубляет и без того глубокий информационный конфликт между Западом и Востоком»¹.

Гибридная антироссийская кампания ведется иностранными государствами, и об этом, в частности, заявила официальный представитель МИД России М.В. Захарова. «Страны Запада воспользовались пандемией коронавируса в качестве удобного обстоятельства для взвинчивания антироссийской информационной кампании и мобилизации международной критики. С целью дискредитации нашей страны на международной арене и дестабилизации внутриполитической обстановки в России наши оппоненты вели многоуровневую работу по мобилизации международной критики в адрес Москвы и формированию негативного фона вокруг всего российского. Силами традиционной смычки западного политического истеблишмента, аффилированных средств массовой информации, НПО в глобальный эфир продвигалась целая серия необоснованных и бездоказательных спекуляций»².

С течением времени люди, страны да и весь мир постоянно сталкиваются с новыми угрозами и вызовами. Пандемия Новой коронавирусной инфекции вкупе с развитием новых инструментов социального манипулирования даёт субъектам манипуляции возможность для оказания влияния на огромное количество людей – вплоть до всего общества.

Тяжелейшее испытание мировой пандемией Новой коронавирусной инфекции, которое выпало на долю современного поколения, и следующие за ним серьезные социальные и

¹ Кошкин П. Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в информационную эпидемию и как с ней бороться [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnuyu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya/>. Дата обращения: 15.10.2020.

² Захарова обвинила Запад в ведении кампании по дезинформации против России на фоне пандемии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/9542811>. Дата обращения: 21.10.2020.

экономические последствия для нашей страны и мира в целом помогут преодолеть взаимная ответственность, соблюдение социальной дистанции, правил личной гигиены и ношение индивидуальных средств защиты.

Деструктивное влияние субъектов манипулирования возможно нивелировать, открывая информацию, которая касается пандемии COVID-19 и методов борьбы с ней. Ответственным (в первую очередь – государственным) структурам необходимо оперативно реагировать на происшествия и разьяснять посредством СМИ и интернет-трибун детали и факты этих происшествий. Только максимальная открытость и следование букве закона позволит бороться с манипуляциями. Действия незаконных по своей цели и сути субъектов манипулирования (запрещенные организации, тоталитарные секты, спецслужбы иностранных государств, действующие под прикрытием) – дело не только компетентных органов государственной безопасности, но и каждого гражданина, который может помочь в борьбе, обратив общественное внимание на действия этих субъектов.

Дальнейшее изучение проблемы социального манипулирования в условиях пандемии Новой коронавирусной инфекции представляется актуальным направлением исследований социологов, детальное изучение этого вопроса – задача ближайшего будущего.

А.В. МАТЮХИН

**доктор политических наук, профессор кафедры
теории и истории международных отношений
института международных отношений
и социально-политических наук (факультет)
Московского государственного лингвистического
университета***

Протобольшевизм Петра Ткачева

В статье прослеживаются аналогии, созвучность ряда социально-политических идей теоретика радикального народничества П.Н. Ткачева с политической практикой В.И. Ленина. В этой связи идейное наследие Ткачева можно охарактеризовать как своеобразный протобольшевизм, предтечу будущей революционной деятельности партии большевиков.

Ключевые слова: П.Н. Ткачев, В.И. Ленин, революция, пропаганда, агитация, активное меньшинство, политическая партия, революционное государство.

A.V. MATIUKHIN

**Doctor of Political Sciences, Professor of the Department
of theory and history of international relations at the
Institute of international relations and socio-political
Sciences (faculty) Moscow state linguistic University**

Proto-Bolshevism Of Peter Tkachev

The article traces analogies and consonance of a number of socio-political ideas of the radical populism theorist P.N. Tkachev with the political practice of V. I. Lenin. In this regard, Tkachev's ideological legacy can be described as a kind of proto-Bolshevism, the forerunner of the future revolutionary activity of the Bolshevik party.

Keywords: P.N. Tkachev, V.I. Lenin, revolution, propaganda, agitation, active minority, political party, revolutionary state.

В российской политической литературе хорошо известна

* Матюхин Андрей Викторович, e-mail: avmpl@mail.ru

критическая позиция главного теоретика большевизма В.И. Ленина по отношению к народничеству, изложенная в его ранних работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), «От какого наследства мы отказываемся» (1897 г.) и ряде других. В это время молодой Владимир Ульянов уже полностью находился во власти общетеоретических и историософских построений Карла Маркса и предпринимал первые для себя попытки системного изложения взглядов русского марксиста именно в контексте критики народничества. Ульянов-Ленин заострял внимание на идеалистической позиции народников, опоре на «патриархальность» русской общины, на выделении ими субъективного фактора политической активности революционного меньшинства для осуществления социалистических преобразований. Этому автор, в роли своеобразного «прилежного ученика», противопоставлял марксистские тезисы об объективных законах общественного развития и выделял роль классовой борьбы и пролетариата в достижении революционных изменений. Но написанные «на злобу дня», данные работы В.И. Ленина были в основном посвящены идейной борьбе с «умеренными» – либеральными и «экономическими» народниками периода правления Александра III. Ленин полагал, что либеральное народничество пришло к своему вырождению через «соглашательство» с властью и выбор реформистского пути движения к социализму, к стратегии «очеловечивания» капитализма усилиями народнической интеллигенции.

И в своих дальнейших работах В.И. Ленин постоянно подчеркивал твердую приверженность теории К. Маркса, но как практик, как выдающийся политик, он часто преодолевал методологические рамки марксистской схемы и исходил из «условий момента», расклада политических сил. Именно этот рациональный подход политика, а не догматического теоретика и позволял Ленину достигать необходимых результатов. Как отмечает современный российский философ С.Г. Кара-Мурза, «Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презируя свои вчерашние догмы – но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников»¹. Гибкость Ленина как политика наиболее ярко

¹ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). (Серия: История России. Современный взгляд). М.: Алгоритм, 2001, с. 10.

проявилась в ключевые моменты его деятельности: на II съезде РСДРП (1903 г.) при создании боееспособной и практико-ориентированной революционной партии большевиков и в период февраля – октября 1917 г., завершившийся взятием большевиками власти. Во время Гражданской войны и укрепления Советской власти в начале 1920-х гг. В.И. Ленин также часто отходил от марксистских догм, ориентируясь не на сознание пролетариата западного типа, а на особенности российского крестьянского менталитета, на общинные традиции, на национальное мировоззренческое своеобразие, в целом – на специфику русской социально-политической культуры¹.

В этой связи можно заметить, что у В.И. Ленина как практического политика есть несомненный предшественник. Но в российской общественной мысли он принадлежит именно к народническому направлению, активно критикуемому в ранних ленинских работах. Речь идет об идеологе радикального варианта русского народничества, скончавшегося за 32 года до Октябрьской революции, – П.Н. Ткачеве. В отличие от В.И. Ленина, он не был успешным практиком, но имеет смысл обратить внимание на теоретическое наследие Ткачева. И здесь мы можем обнаружить многое, что роднит Ткачева именно с политической практикой Ленина. Поэтому многие социально-политические идеи П.Н. Ткачева можно охарактеризовать как своеобразный протобольшевизм, как некоторую предтечу будущей революционной деятельности Ленина.

Петр Никитич Ткачев (1844-1885) родился в селе Сивцово Псковской губернии в дворянской семье. Учился в Петербургской гимназии и уже в молодые годы познакомился с социалистической литературой. В 1861 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, но после активного участия в студенческих волнениях был заключен сначала в Петропавловскую, а затем в Кронштадтскую крепость, из которой он был выпущен через месяц под ручательство матери. В 1868-1869 гг. вместе С.Г. Нечаевым входил в руководящий комитет студенческого движения в Петербурге, был арестован, провел в тюрьме 4 года, а в начале 1873 г. был отправлен в ссылку в Великие Луки. В конце 1873 г. бежал за границу, а в 1875 г. в Женеве начал издавать журнал «Набат», ставший органом радикального крыла в народни-

¹ *Ишутин А.А.* Идея целостности как российский социально-политический феномен // Журнал политических исследований, 2020, т. 4, № 2, с. 129-137.

честве. Ткачеву и его приверженцам удалось создать конспиративную организацию «Общество Народного Освобождения», имевшую филиалы в России (кружок П.Г. Заичневского в Орле). Тяжело заболев, он умер в Париже в возрасте 41 года. Свое мировоззрение Ткачев называл «реализмом» и подобно О. Контю говорил о возможности создания философии как «науки общественной, социальной». Видя свое призвание, прежде всего, в области литературной критики, Ткачев стал автором и весьма знаковых политических работ, среди которых можно выделить: «Что такое партия прогресса» (1870), «Задачи революционной пропаганды в России» (1874), «Роль мысли в истории» (1875), «Анархия мысли» (1875), «Наши иллюзии» (1876) и др.

Если иметь в виду временной контекст, то важно подчеркнуть, что политические идеи Ткачева сформировались на почве критики предшествующего этапа народнического движения, основанного на теории «хождения в народ» П.Л. Лаврова, отчасти Бакунина и их сторонников¹. Это был своеобразный аналог полемики Ленина с Г.В. Плехановым и меньшевиками. Также и Ткачев постепенно разошелся со своим недавним единомышленником Лавровым почти по всем вопросам теории, тактики и самого смысла революционной борьбы в России.

Так, П.Л. Лавров утверждал, что революция есть результат сложных исторических условий и ее искусственно вызвать нельзя, а необходимо кропотливо готовить. Он отмечал, в частности: «Говоря о прогрессе, никому не следует думать, что он решает вопрос: как действительно совершается течение событий? Каков естественный закон истории?»². П.Н. Ткачев же воспринял эту позицию как некую проповедь мирного прогресса и пассивное ожидание возможных благоприятных событий. Со своей стороны Ткачев утверждал, что подобная постановка вопроса дезориентирует революционную молодежь, идейно разоружает ее, вносит в революционную среду ненужные сомнения, отнимает уверенность в своих силах.

В отличие от Лаврова, Ткачев полагал, что в России революция вполне назрела. Народ находится под жестким экономическим и политическим прессом и недоволен своей

¹ Кошкин А.П., Давыдова Ю.А. Эволюция общественного мнения о терроризме в России // ЦИТИСЭ, 2017, № 4 (13), с. 9.

² Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в 2-х томах. М.: Изд-во Мысль, 1965, т. 2, с. 239.

жизнью, поэтому он потенциально революционен, но ему не хватает всего лишь внешнего толчка, «сигнала», инициативы, которую и должна проявить революционная молодежь. Ткачев считал, что социальный переворот можно совершить быстрее и проще, чем полагал Лавров – без предварительной подготовки народа, без длительной пропаганды революционных идей. Революция, по его убеждению, совершается бессознательно, проходит «быстро, бурно, беспорядочно, носит на себе характер урагана, стихийного движения»¹. Осмысленность, «разумный характер» этому изначально стихийному процессу и должно придать революционное меньшинство уже в ходе самого общественного переворота.

По мнению Ткачева, условия, которые исторически сложились в России, предоставляют лучшие шансы на победу социалистической революции, чем на Западе. И здесь проявилось сходство с идеей Ленина об большей возможности достичь революционного успеха именно в России как наиболее слабом звене в цепи империалистических государств. Проведя своеобразный сравнительный политический анализ западных и российских реалий, Ткачев замечал, что современное буржуазное государство в Европе обрело высокую степень устойчивости по причине того, что оно «обеими ногами упирается в капитал», в экономические интересы влиятельных социальных групп и слоев. А в России мощь государства обманчива, державная сила его иллюзорна, это – государство «висящее в воздухе», поскольку «оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия»².

Отсюда П.Н. Ткачев делал вывод, что несмотря на более сложную политическую обстановку в России, на отсутствие демократических свобод и жесткие репрессии властей по отношению к интеллигенции, преимущество российской ситуации состоит в том, что здесь пока нет ни развитой буржуазии, закрепляющей свое государственное влияние, ни сформировавшегося пролетариата. Народ в своей крестьянской массе невежественен, но воспитан на общинных традициях, следовательно, он – «коммунист по инстинкту». Высшие же

¹ Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России: письмо к редактору журнала «Вперед», [Лондон: Б. и.], 1874, с. 7.

² Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 6 т. М.: Изд-во Всес. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933, т. 3, с. 91-92.

классы общества особенно не влияют на ход экономической и политической жизни, а само государство ослабело. Словом, с точки зрения Ткачева, тот исторический период, который переживала Россия, был наиболее благоприятным для осуществления социалистической революции. Но под влиянием дальнейшего экономического развития социальные условия могут измениться, что создаст революционерам дополнительные сложности. Укрепление капитализма, разложение общины и формирование деревенской буржуазии (кулачества), – все это могло коренным образом изменить ход общественно-го движения. А, следовательно, нужно вовремя делать революцию, а не тянуть в ожидании закономерного хода истории.

Таким образом, П.Н. Ткачев выступал как человек «революционного дела» и противник «революционного слова» – пропаганды¹. В отличие от Лаврова и Бакунина, Ткачев не считал важной кропотливую работу интеллигенции по разъяснению народу общественных идеалов, позитивности будущих социалистических преобразований и не верил в возможность повысить уровень массового революционного сознания. Здесь также проявились публицистическая острота ткачевской критики по отношению к оппонентам, «хлесткость» и образность политического языка, что впоследствии было характерно и для сочинений В.И. Ленина. «Ваша революция, – отмечал Ткачев, – есть не что иное, как утопический путь мирного прогресса. Вы обманываете и себя, и читателей, заменяя слово прогресс словом революция. Ведь это шулерство, ведь это подтасовка!»².

По этой причине Ткачев находил не только бесполезным, но и политически вредным само «хождение в народ» с целью постепенного вовлечения «запуганных, искалеченных, невежественных масс трудящегося народа» в дело социалистической революции. Он полагал, что непосредственное влияние интеллигенции на народ через личное взаимодействие непродуктивно, не даст стратегически позитивных результатов, да и степень этого влияния будет всегда незначительна. Пропагандистская литература также бессмысленна по причине неграмотности большинства населения. Ткачев заявлял, что печатная пропаганда «при нецелесообразном упот-

¹ Матюхин А.В. Общественная мысль России XIX – начала XX вв. // Социально-гуманитарные знания, 2009, № 3, с. 196.

² Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России: письмо к редактору журнала «Вперед», с. 7.

реблении... приносит гораздо большую сумму вреда, чем та сумма пользы, которую она могла бы принести при употреблении целесообразном»¹.

П.Н. Ткачев считал стратегическую ставку сторонников Лаврова на революционную субъектность и самоорганизацию народа изначально неверной, называл это «иллюзией», «донкихотством» и призывал к немедленному революционному действию². Здесь напрашивается аналогия с крылатой ленинской фразой 1917 г. в отношении революционного переворота: «Вчера было рано, завтра будет поздно». Ткачев, в частности писал: «Мы не можем ждать... мы утверждаем, что революция в России настоятельно необходима, и необходима именно в настоящее время; мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. Теперь, или очень не скоро, может быть никогда!»³. В отличие от П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и их сторонников, Ткачев считал, что народные массы в России потенциально революционны, но не в качестве своей субъектности совершения социального переворота, а в смысле психологической готовности принятия результатов социалистической революции, победу которой может обеспечить лишь сознательное и целеустремленное революционное меньшинство.

Не отрицая в целом роль и значение полноценной пропаганды, П.Н. Ткачев считал, что эффективность пропагандистской деятельности может быть высокой только в системе целенаправленной информационной работы боеспособной, заряженной на победный результат, специально созданной революционной партии. Любопытно, что по сравнению с лавристами, Ткачев переставлял приоритеты в отношении пропаганды. По его мнению, не широкая пропагандистская деятельность энтузиастов должна предшествовать государственному перевороту, а наоборот – осуществленный революционной партией государственный переворот должен ей предшествовать.

Согласно Ткачеву, ближайшая цель революции в России – захват политической власти, институциональная отмена кон-

¹ Там же, с. 24-25.

² Кошкин А.П., Горин Д.Г., Давыдова Ю.А. и др. Политика и практика противодействия экстремизму. Монография. М.: ООО «Белый Ветер», 2017, с.137.

³ Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России: письмо к редактору журнала «Вперед», с. 16.

сервативной государственности и формирование на ее месте государственности революционной. Подлинная революционная инициатива должна исходить от активного меньшинства, небольшой группы решительных революционеров, которые должны заняться агитацией, создать «партию действия» и эффективно организовать государственный переворот. Ткачев, в частности, отмечал: «На знамени революционной партии, партии действия, а не партии резонерства, могут быть написаны только следующие слова: борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей, борьба до последней капли крови, до последнего издыхания»¹. При этом Ткачев выражал уверенность, что осуществление революции активным меньшинством станет и народной революцией, поскольку целью здесь ставится реализация подлинно народных нужд и чаяний.

Но при этом, по убеждению П.Н. Ткачева, русским революционерам необходимо трезво оценивать социально-политические реалии, уметь рационально анализировать особенности общественной жизни. Так, например, важно преодолеть иллюзии о своей потенциально большой численности. «Иллюзии нас расслабляют, – отмечал он, – парализуют нашу деятельность. Да и зачем нам самообольщаться? Зачем, напр., воображать, что нас очень много?»². В реальной революционной практике, в решении конкретных политических задач нельзя уповать на некую инициативность народа, на его «революционную правоспособность». Здесь нужно рассчитывать только на численно небольшое, но сознательное и дееспособное революционное меньшинство («мы – ничтожнейшее меньшинство в ничтожнейшем меньшинстве»³). В своей деятельности, в подготовке к революции активное меньшинство может рассчитывать лишь на пассивную поддержку народа. «Недовольство существующим порядком, – писал Ткачев, – делает народ всегда готовым к революции... Угнетенный, эксплуатируемый, лишенный всех человеческих прав народ есть и всегда должен быть революционером, но революционером в возможности»⁴. Но в ситуации развития революционных событий и реального захвата власти созна-

¹ Там же, с. 41.

² Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 6 т., т. 3, с. 239.

³ Там же, с. 241.

⁴ Там же. с. 242.

тельным меньшинством народные массы уже активно примкнули к победителям, превратятся в «революционера в действительности».

Главным же методом революционного влияния на массы П.Н. Ткачев, в отличие от Лаврова, считал не пропаганду, а агитацию. Он, в частности, писал: «Хотя интересы революционной партии и не исключают теоретической, научной борьбы, но они требуют, чтобы борьба практическая, агитаторская была выдвинута на первый план»¹. В активной агитационной работе П.Н. Ткачев видел действенное средство возбуждения «народных аффектов». Агитация должна акцентировать внимание простых людей на любых негативных фактах повседневной жизни – как проявлениях антинародности существующего режима. Агитация является эффективным орудием эмоционального возбуждения населения и в ситуациях мелких конфликтов, совокупность которых вызывает брожение в массовом сознании и способна вызвать всеобщее недовольство. Умелое использование агитации должно убедить народ в острой необходимости революционных изменений.

Важно при этом отметить, что сам акт государственного переворота П.Н. Ткачев считал лишь прелюдией и необходимым условием революции. Полноценная же революция совершается самим революционным государством во главе с активным меньшинством после захвата власти. При этом Ткачев был уверен, что без сильной власти революционного государства и без необходимого насилия коренной социальной переворот совершить нельзя.

В противоположность Лаврову и Бакунину, Ткачев выступал против «фиктивной» децентрализованной революционной организации, функционирующей на основе лишь федеративных связей между автономными, самостоятельно действующими революционными группами. В частности, вступая в полемику с М.А. Бакуниным и анархистами, он писал: «Всякая организация, предполагающее какое-то общее руководство, какой-то центр, из которого исходят распоряжения и наблюдения за их исполнениями, который связывает разрозненные части в одно целое... – по существу своему есть организация авторитарная, а следовательно, антианархическая»².

¹ Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России: письмо к редактору журнала «Вперед», с. 35.

² Ткачев П.Н. Анархия мысли // Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов. М.: Правда, 1990, с. 191.

П.Н. Ткачев полагал, что подлинная революционная деятельность возможна лишь при наличии «централистической боевой организации революционных сил как... одного из элементарнейших и необходимейших условий успешной борьбы с централистически организованной силой правительства»¹. Только такая организация может обеспечить непрерывность, единство и длительность революционной деятельности, безопасность ее членов, готовность к быстрым и решительным действиям и способность повести за собой массы.

Несомненно, что здесь присутствует своеобразная перекличка будущих разногласий Ленина и большевиков с меньшевиками о принципах, структуре, функциях деятельности российской социал-демократической партии. При этом П.Н. Ткачев, опережая работы В.И. Ленина по вопросам партийной организации, впервые в российской общественной мысли подошел к анализу политической партии как особого рода социального института с наличием иерархической структуры, объединяющей идеологией и фиксированными правилами своей деятельности.

Своеобразным прообразом партии большевиков можно считать «Общество Народного Освобождения», проект которого был предложен в 1878 г. П.Н. Ткачевым и рядом его единомышленников в журнале «Набат». Здесь предусматривались строгая централизация власти, иерархическая подчиненность Центру (Комитету), безусловная дисциплина партийцев, конспирация: «Каждый член организации может знать о существовании и деятельности других членов настолько, насколько это существенно необходимо для успешного выполнения той революционной функции, которую он призван выполнить»².

Структурные особенности «Общества», находящегося за границей, объяснялись необходимостью взаимодействия с различными внутривосточными революционными объединениями. Не связанные между собой члены «Общества» должны были внедряться в данные объединения, революционные кружки и навязывать свои идейные и тактические установки. Сам же Центр «Общества Народного Освобождения» в то

¹ Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 6 т., т. 3, с. 403.

² Там же, с. 404.

время не располагал необходимыми организационными и людскими ресурсами для создания внутри России самостоятельной организации, имеющей разветвленную систему партийных ячеек¹.

Таким образом, эффективная революционная организация, согласно Ткачеву, это – «партия действия». Главная ее цель – борьба с правительством, осуществление революции, а не подготовка к ней. «Подготавливать революцию, – писал он, – это совсем не дело революционера: ее готовят эксплуататоры-капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т.п. Революционер не подготавливает, а делает революцию»².

После завоевания власти революционное государство должно упразднить старые государственные институты, экспроприровать частные средства производства, обеспечить передачу их в общее пользование, преобразовать патриархальную крестьянскую общину в коммуну, основанную на принципе общего пользования орудиями производства и совместного труда, ввести обязательную систему интегрального общественного воспитания и образования «в любви, равенстве и братстве», а также развивать общинное самоуправление до постепенного ослабления и упразднения центральных функций государственной власти³.

За свою короткую жизнь П.Н. Ткачев оставил яркий след в истории общественно-политической мысли России. Сложно предположить развитие событий, проживи он дольше, но не исключен вариант его возможного сближения с будущей партией большевиков. Во всяком случае, это выглядело бы вполне органично. В статье приведены некоторые аналогии, «созвучность», элементы близости его теоретических позиций с революционной деятельностью В.И. Ленина: в ряде философско-политических и политико-психологических установок, в вопросе партийного строительства, в концепции захвата власти организованным меньшинством, в проведении революционных общественных преобразований.

¹ См.: Рудницкая Е.Л. «Общество Народного Освобождения» и его русские связи (кружок П.Г. Заичневского) // Либералы и революционеры в России. М.: Наука, 1990, с. 140-163.

² Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 6 т., т. 3, с. 91-92.

³ См.: Там же, с. 226-227.

О.Ю. КОРНИЕНКО
*кандидат филологических наук,
доцент факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Многозначность понятия политическая идентичность

Целью данной статьи является рассмотрение различных подходов к пониманию феномена «идентичность». Отмечается, что широкий спектр научных школ обращает особое внимание на роль языка в становлении политической идентичности, поскольку язык есть неотъемлемая часть социальной организации общества, с помощью которой идет осмысление политических ценностей и ориентиров.

***Ключевые слова:** неомарксизм, идентичность, политические ценности, функционализм, структурализм, лингвистические конструкты.*

O.Yu. KORNIENKO
*PhD. In Linguistics Associate Professor, Faculty of
Global Studies Lomonosov Moscow State University*

Polysemy of Political identity

The purpose of this article is to consider various approaches to understanding the phenomenon of the "identity". The article focuses on ways to assess different approaches of scientific schools that estimate the role of languages in the formation of political identity, the language being an integral part of the social organization of society, which helps to integrate political values and concepts.

***Keywords:** neo-Marxism, identity, political values, functionalism, structuralism, linguistic constructs.*

Понятие «идентичность» характеризуется широкой семантической многозначностью, что обусловлено самим значением латинского слова «*identicus*», т.е. «тождественный,

* Корниенко Ольга Юрьевна, email: lin_expr@mail.ru

полностью или почти совпадающий, принадлежащий к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств»¹. В центре политологии находится политическая идентичность, т.е. комплексная система восприятия индивидом себя как члена общности, государства через самосознание себя членом определенной общности, т.е. правила интегрированности индивида в общество.

Политическая идентичность изучалась символическим интеракционизмом, который появился в Чикаго в 20-30-х гг. XX в., а его родоначальниками являются американский социолог и психолог Герберт Блумер и американский философ и социолог Джордж Герберт Мид². Сутью концепции является интерпретация человеческого поведения через значимые символы, которые прочитываются в человеческом поведении и несут социальную информацию. Политическое становление людей по, Миду, проходит несколько стадий через череду идентификаций, что приводит к появлению политической идентичности личности. Своеобразную интерпретацию символического интеракционизма дал американский социолог Ирвинг Гофман, который воспринимал социальную реальность как «порядок взаимодействия», где участники находятся в ситуации лицом к лицу и имеют возможность непосредственно реагировать на действия других. По мнению Гофмана, каждый индивид «укоренен в повседневном потоке пространства и времени, в жизненном цикле, в потоке институционального времени, в надындивидуальной структуризации социальных институтов»³. При этом политика идентичности должна помочь индивиду защитить свое «я» в процессе коммуникации, особенно в критических ситуациях.

Политическая идентификация включает в себя подражание выдающимся, знаменитым представителям общества,

¹ Словарь русского языка: В 4 т. // РАН, Институт лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус.яз.; Полиграфресурсы, 1999, т. 2. 750 с.

² Mead G.H. *Mind, Self, and Society: The Definitive Edition*, edited by Charles W. Morris, annotated by Daniel R. Huebner and Hans Joas. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 536 p.

³ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева; Ин-т социологии РАН. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000 с. 144-145.

при осуществлении которого происходит присвоение индивидом одновременно множества социальных ролей¹ в рамках организованного сообщества. Организованное сообщество или социальная группа формирует целостную идентичность «обобщенного другого», а конечная ступень считается достигнутой, когда человек может войти в политическую жизнь общества и не только рефлексировать по поводу своей реакции на конкретные события или политические институты, но и учитывать при этом нужды, потребности, требования социальной группы, законов, организаций, государства и даже всего мирового сообщества².

Важный шаг вперед предпринял основоположник «этнометодологии» Гарольд Гарфинкель³, который изучал организацию повседневности, правила, регулирующие взаимодействие между людьми, нарушение которых приводит к затруднению взаимопонимания. Гарфинкель, так же как и Дж. Мид, рассматривал коммуникационный обмен репликами как проявление особенностей мыслительных процессов. Таким образом, на первый план выдвигается изучение сплетающихся смыслов, коллективных символов, объединенного действия и социального порядка.

Политическая идентичность изучается также представителями «функционализма» в русле теории сознания. В данной теории политическая идентичность воспринимается как часть политической культуры, где идет отождествление индивида с обобщенными Другими. Центральная роль отводится ценностным ориентациям, которые выступают в качестве особой мотивационной системы⁴, что отмечал в своих работах немецкий социолог Хайнц Абельс. Ценностные ориентации помогают человеку осознать как свою идентичность, так и свое отличие от представителей иной системы взглядов. В «функционализме» политическая идентичность выступает объеди-

¹ Саенгагарев А.Д. Политическая идентичность в России//Вестник ТГГПУ, 2010, № 3(21), с. 140-143.

² Заковоротная М.В. Идентичность человека. Ст. социально-философские аспекты. Ростов-н/Д.: Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высш. шк. 1999, с. 26-28

³ Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007, с. 306.

⁴ Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем.; Под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Изд-во "Алетейя", 1999, с. 64-65.

няющим или дистанцирующим средством в отношении других людей, политических организаций и институтов власти.

Функциональный смысл реальных процессов, происходящих в конкретной культуре, исследовался британским антропологом Брониславом Малиновским, отцом американской антропологии Францем Боасом, британским этнологом Альфредом Рэдклифф-Брауном, американским культур-антропологом Дэвидом Бидни, автором термина «культурология» Лесли Алвином Уайтом. Они сосредоточились на изучении взаимосвязей между социальными и культурными институтами в различных сферах общественной жизни.

Важным было положение об «общих законах процесса развития культуры»¹. Малиновского, что предполагало как диахронический, так и исторически-контекстуальный анализ культурно-языковых процессов. Причем, по Малиновскому, всеобщие условия функционирования культуры подразумевали следующее: экономическую организацию, систему норм социального поведения и моральных принципов, политическое устройство общества и институты образования, что обеспечивается знаниями, сохраняемыми и транслируемыми благодаря языку.

Язык в «функционализме» трактуется как семиотическая система, элементы которой обусловлены функциями слов и выражений, когда они связываются со своими референтами в контекстах конкретных ситуаций. Данная культурологическая трактовка «функционализма» логически сближала его с теоретическими положениями лингвистического функционализма, представленного работами К. Бюлера, Э. Сепира, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, Л. Блумфилда, датского лингвиста Л. Ельмслева, О. Есперсена, Э. Бенвениста, А. Мартине и др. Исследователи рассматривали свойства языка под углом зрения его познавательной и коммуникативной ролей.

Главной задачей было установление связей языковых фактов и контекста культурной среды в его широком смысле. Кроме того, важно было на основе установленных корреляций дать объяснение функций языковых структур с учетом контекстных факторов, которые обуславливают его

¹ Малиновский Б. Динамика культурных изменений // Избранное: Динамика культуры. М., 2004, с. 54.

порождение и восприятие, роль в коммуникативной и социально-политической ситуации.

Структурализм вырос из структурной лингвистики, основоположником которой является Фердинанд де Соссюр. Культура в нем рассматривалась как знаковая система, общество – как символический порядок, язык – как знаковая система социальных целостностей¹, что выражается через единство понятия (означаемого) и звукового или письменного образа (означающего)². Основными представителями данной научной школы, кроме Фердинанда де Соссюра, были Роман Якобсон, Клод Леви-Стросс, Ролан Барт, Жак Лакан, Мишель Фуко.

Дальнейшее развитие конструктивизм получил в работах американского лингвиста, философа и политического аналитика Ноама Хомского, который соединил европейский и американский структурализм (Дж. Джозеф, А. Гидденс, Дж. Стуррок) с формальной лингвистикой. Хомский указывал на важность языка, полагая, что между языком и речью еще есть связующий агент – компетенции, т.е. врожденные способности, носителями которых выступают индивиды. Компетенции представляют собой компонент мышления, врожденную универсальную структуру, которая существует на абстрактном уровне языковой деятельности.

Хомский разграничивал глубинные и поверхностные структуры, которые представляют собой содержание и форму. Переход от содержания (глубинных структур) к высказываниям, их оформлению (поверхностные структуры) происходит с помощью трансформационных правил. Такие грамматические трансформации являются структурно-зависимыми³, они применяются к цепочке слов в силу организации этих слов в составляющие.

Хомский закрепил структуралистские представления о врожденной, психической природе лингвистических структур, именно поэтому его часто считали структуралистом (структур-

¹ Giddens A. Structuralism, Post-structuralism and the Production of Culture//Social Theory Today. Stanford: Stanford University Press. 1988, p.195-223.

² Joseph, John E. The Exportation of Structuralis Ideas from Linguistics to Other Fields: An Overview//History of the Language Sciences: An International Handbook on the Evolution of the Study from the Beginnings to the Present/A. Auroux, E.F. Koerner, H.-J. Niederehe (eds.). Berlin, N.Y.:Wakter de Gruyter, 2001, vol. 2, p. 1880-1908.

³ Хомский Н. Язык и мышление. Пер. с англ. Б.Ю. Городецкого. М.: Изд. МГУ, 1972, 123 с.

ным лингвистом), а Жаклин Леон подчеркивала, что он со временем стал принадлежать к школе «биолингвистики»¹. Наиболее ярко новое осмысление социально-политической роли языковых структур представлено в его работе «10 главных способов манипулирования в СМИ»². Данное короткое произведение показывает возможности использования языка в СМИ для влияния на политические ценности.

Первым способом является «**отвлечение внимания**», когда отвлечение внимания от важных проблем и решений переводится на определенные, якобы важные, проблемы, не давая возможности получать знания и информацию по реально важным научным и социальным вопросам. Например, сегодня в СМИ задействованы следующие языковые структуры для отвлечения внимания: яркие, будоражащие заголовки «Конец нефтяной резни: Арабские шейхи запросили мира», «UK coronavirus crisis 'to last until spring 2021 and could see 7.9 m hospitalized» (В Британии коронавирус продлится до весны 2021 и 7,9 млн людей будут госпитализированы).

Другими приемами становятся эмоционально-насыщенные фразы типа: «How will humans, by nature social animals, fare when isolated» (Как люди, социальные существа по своей природе, будут жить в изоляции), «A grim calculus» (мрачная статистика). Что интересно, все фразы не имеют адресата, они никогда не следуют схеме: «кто-сделал-что»³, и всегда используют максимально негативно-окрашенную лексику: изоляция, наносить непоправимый вред, психическое здоровье, мрачный, количество смертей, все более мрачная, ковидарность, выжить и т. п.

Другим важнейшим способом смены установок является прием «**проблема-реакция-решение**»: создавать проблемы, а затем предлагать способы их решения. Например, сейчас, когда Америка хочет максимально быстро снять карантинные меры, начинают появляться материалы на темы альтернативной политики: South Korea keeps covid -19 at bay without a total

¹ Leon J. Chomsky et structuralisme. Mise en perspective continuiste d'un débat revisité//Resonances des structuralismes. French National Centre for Scientific Research, 2016, p. 21-31.

² Chomsky N. Top 10 Media Manipulation Strategies//The International Coalition. URL: http://theinternationalcoalition.blogspot.com/2011/07/noam-chomsky-top-10-media-manipulation_08.html (дата обращения: 21.04.2020)

³ Цитаты даются на базе журнала "The Economist", материалов RT, ТАСС, Коммерсантъ, BBC.

lockdown (Южная Корея не дает распространиться ковид-19, не применяя мер строгой изоляции).

Еще одним способом воздействия через определенные лингвистические конструкты на наше социальное сознание является **«способ постепенного применения»**. Одним из ярких примеров является постепенное внедрение в сознание людей социальной нормальности гомосексуальных браков и смены пола даже у совсем малых детей. Сегодня нас готовят к неизбежности резкого ухудшения жизни в ближайшем будущем по всему миру, а также и в США. Например, «Op Contact: Death of the US Constitution (Интервью: Конец американской Конституции), т.е. налицо покушение на один из столпов американской политической идентичности. Данный способ применяется, чтобы свести к минимуму функции государства, вселить в население неуверенность, нестабильность, страх массовой безработицы. Однако если бы все потрясения произошли сразу, то это привело бы к народным возмущениям и даже революциям.

Четвертый способ воздействия заключается в том, чтобы представить его как **«необходимое, хотя и болезненное»** решение и добиться согласия граждан, широкой общественности на его осуществление в будущем, а не настоящем. Так, в двадцатых числах марта 2020 г. появляются статьи под заголовком «Here are the six countries that will be most affected by coronavirus-induced economic chaos» (Шесть стран, которые будут в большей степени подвержены экономическому кризису, спровоцированному коронавирусом). Далее даются уже конкретные цифры о финансовых вливаниях, которые впечатляют: «Covid-19 has exposed just how broken American economy & society are – a \$2 trillion package alone won't fix it» (Ковид-19 продемонстрировал, как больны американская экономика и общество, поскольку один пакет финансовой помощи размером в два триллиона долл. ей не поможет. Следующий шаг подготовки таков: «States turn to election security funds to pay off coronavirus costs» (Штаты начинают тратить фонды обеспечения безопасности выборов на издержки по борьбе с коронавирусом), что, как все понимают, означает существенные финансовые издержки.

Пятым способом, по Хомскому является **обращение с народом**, с которым в русле стратегии манипулирования нужно обращаться как с малыми детьми: чем проще, тем лучше. Примером могут быть следующие обещания: «We will shine for

everyone to follow» (мы зажжем свет, за которым пойдут многие).

Способ № 6 гласит, что **акцент нужно делать на эмоциях**, а не на логике и размышлениях, поскольку использование эмоционального фактора позволяет «открыть дверь в подсознательное для того, чтобы внедрять туда мысли, страхи, опасения, желания, устойчивые модели поведения, оставляя за кадром истинные причины происходящего»¹. Так, в США, где масса работ была переведена предыдущими правительствами в оффшоры, людям важно чувствовать, что их проблемы волнуют правительство. И американский президент с этим прекрасно справляется, прибегая к излюбленному приему «триада» (тройное повторение): «You will never be ignored again.... 1. Your voice, 2. your hopes, and 3. your dreams will define our American destiny» (Вас теперь никогда больше не будут игнорировать... Ваш голос, ваши надежды, ваши мечты будут определять будущее Америки).

Еще одним способом воздействия на политическую позицию людей является способ **«держат людей в невежестве, культивируя посредственность»**. Качество образования, пропаганда инновационного, часто сомнительного искусства, огромное количество «ток-шоу» и масса других шоу меняют политическое сознание народа, а значит, существенно влияют на его политическую идентичность.

Восьмым способом влияния является **«побуждать граждан восторгаться посредственностью»**. Для этого подходят все методы: скандалы, пошлость, магия, сомнительный юмор, популистские акции, нелепые флешмобы. В последнее время это все объединилось в «хайпе» (нарочито раздуваемый ажиотаж), на волне чего появился канал Сергея Дружко на Ютубе «Хайпанем немножечко», а позднее и масса других новостных блоков для «хайпозоров» (желающих направить основную шумиху на себя), и «лайфхаков», т.е. информирование о маленьких бытовых хитростях. Таким образом, формируется обывательская масса, у которой легко менять жизненные ценности, политические установки.

Следующим способом является установка на то, чтобы **«усиливать чувство собственной вины»**, что люди сами виноваты в проблемах, своих провалах, собственных несчастьях. В результате у многих людей возникает подавленное

¹ Chomsky N. Op. cit.

состояние, пассивная жизненная позиция, и подавленное население попадает в сети сект, ловких психотерапевтов, нечистых на руку политиков, таких как: Но-по-Нана (Учение цветка в Японии и США); секта Raeliano во Франции; секта «Церковь Христа», которая как ИГИЛ все время меняет названия в России («Церковь Завета», «Часовня на Голгофе», «Древо жизни», «Русская христианская церковь»), и др.

Десятым упомянутым Хомским политическим способом влияния на восприятие людей и их ценности является **«знать о людях больше, чем они сами о себе знают»**. Всё увеличивающийся разрыв между знаниями, которые доступны власти предрержащим и простым людям стал возможен благодаря развитию науки, технологий, образования, психологии, физиологии и других наук.

Ещё одной школой, рассматривающей становление политической идентичности, является «неомарксизм». «Неомарксизм» вырос из социальной теории Франкфуртской школы и представлен в трудах М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромма, а позднее В. Беньямина и Антонио Грамши¹. Неомарксизм связывает понятие политической идентичности с классовым сознанием, когда индивид может выбрать политические партии и политическое поведение путем соотнесения своих воззрений с экономическими условиями и потребностями своего круга или социального класса. Язык у неомарксистов есть пространство и условие постановки вопросов, нечто существующее до мысли и подталкивающее к мышлению.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: 1) все исследователи подчеркивают, что политическая идентичность есть неотъемлемая часть социальной организации общества; 2) все научные школы признают важность языка для осмысления политических ценностей и ориентиров; 3) политическая идентичность меняется в пространстве социальной реальности; 4) язык есть отражение и выражение процессов, происходящих в социальной сфере.

¹ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Интер-Версо. 1991. 272 с.

С.А. ПИЛЯК
*кандидат архитектуры, директор Музея
«Смоленская крепостная стена»**

Развитие герменевтического подхода в изучении феноменов культуры на протяжении XVIII-XX веков

Автором рассмотрены и проанализированы работы крупнейших философов и культурологов, разрабатывавших проблему восприятия и интерпретации культурного наследия, создавших мощную платформу нового философского направления.

Ключевые слова: герменевтический подход, интерпретация культурного наследия, восприятие, познание, феномены культуры.

S.A. PILYAK
*Candidate of architecture, Director of The Museum
"Smolensk fortress wall"*

Development of hermeneutic approach in the study of cultural phenomena during the XVIII-XX centuries

The author considers and analyzes the works of major philosophers and cultural scientists who developed the problem of perception and interpretation of cultural heritage, and created a powerful platform for a new philosophical direction.

Keywords: hermeneutic approach, interpretation of cultural heritage, perception, cognition, cultural phenomena.

С точки зрения восприятия и толкования языка, который в общем смысле являет собой любую систему символов, основным научным направлением выступает философская гер-

* Пилиак Сергей Александрович, s.pilyak@mail.ru

меневтика. Само понятие герменевтики обычно трактуется как искусство и теория истолкования текстов. Следовательно, в широком смысле она возникла вместе с появлением речи и письменности. Таким образом, «философская рефлексия всегда стремится диалектически проникнуть в смысл диалогического отношения, стремится интерпретируя понимать, что, в свою очередь, «окрашивает» философское знание в герменевтические тона»¹. При этом на современном этапе развития науки сформировалось представление о том, что каждый объект мира, не исключая и культурные ценности, равно как и феномены культуры в целом, является в определенном виде «текстом». Интерпретация культурного наследия в настоящее время в значительной степени базируется на основе герменевтического подхода, что определяет особую актуальность исследования. Целью статьи является обзор развития герменевтического подхода и анализ его трансформации в изучении феноменов культуры. Новизну исследования составляют анализ герменевтического подхода в качестве основополагающего метода в толковании культурных ценностей и рассмотрение трансформации герменевтических подходов, ограниченное рамками исследования с конца XVIII в. до конца XX в.

Как отмечено в ряде источников, развитие герменевтического подхода берет начало от экзистенциализма Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера². При этом деятельность любого ученого, внесшего свой вклад в историю религии и историю языкознания, в зависимости от отношения философского сообщества, может быть отнесена к развитию герменевтики. «Эволюцию герменевтических методов можно представить как процесс, зависящий от уровня развития социальной практики и научного обеспечения решения социальных задач»³. В. Кузнецов дает следующее определение этого понятия, которое можно признать эталонным: «Герменевтика – искусство интерпретации, постижения смысла диалогических отношений»⁴.

¹ Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991. 192 с.

² Герменевтика: история и современность (Критические очерки) / Коллектив авторов. М. «Мысль», 1985, с. 5.

³ Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание, с. 5-6.

⁴ Там же, с. 4.

Основоположником науки герменевтики, предпринявшим попытку превратить ее в универсальную методологию, решающую философские задачи, называют **Фридриха Шлейермахера** (1768-1834)¹. Именно у этого исследователя герменевтика сформировалась первоначально как фактор общения верующего с Богом. Герменевтика Шлейермахера по праву считается отправным пунктом для подавляющего числа современных концепций. Как указывает Р. Габитова, «истоки всех современных герменевтических теорий – Дильтея, Бульмана, Хайдеггера, Гадамера, Сцонди и др. лежат в универсальной герменевтике Ф. Шлейермахера, каждая из них представляет собой (зачастую весьма) значительную модификацию ее основных принципов»².

Ф. Шлейермахер рассматривал герменевтику как метод всех наук о духе, т. е. гуманитарных наук, заявляя, что с помощью внедрения в сознание авторов произведений, исторических деятелей, можно проникнуть в эпоху, реконструировать исторические события, глубже, нежели современники, понять суть происходящего на иных исторических этапах³. При этом «герменевтика Шлейермахера» не озадачена поиском ответа на вопрос соавторства творца произведения и его интерпретатора, исследователем не учитывается момент новизны, возникающий при новом прочтении творения.

Отметим, что Ф. Шлейермахер выделяет три ступени понимания: механическое понимание (в повседневной жизни), понимание в результате обобщения (герменевтический метод), понимание как искусство⁴. Особо обозначим, что аналогичная систематизация имеется в отношении принятия управленческих решений, однако проведение подобного сравнительного анализа является предметом самостоятельного исследования. Шлейермахер выделяет в тексте два уровня – предметно-содержательный (что написано) и индивидуально-личностный (как написано).

¹ Фогелер Я.Г. История возникновения и этапы эволюции философской герменевтики // Герменевтика: история и современность, с. 11-38.

² Габитова Р.М. «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность, с. 61-96.

³ Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

⁴ Fr. Schleiermacher's sämtliche Werke, Abt. 1. Zur Theologie, Bd 1. Berlin, 1843, p. 56.

Ф. Шлейермахер четче в сравнении с предшественниками формулирует принцип «герменевтического круга», заключающийся в понимании целого исходя из части и части – исходя из целого. Следовательно, этот процесс является бесконечным, как бесконечным является и углубление в понимании. При этом исследователь утверждает, что знание является научным, если оно образовано при использовании указанного принципа. Ф. Шлейермахер указывает, что «любой акт понимания есть перевернутый акт говорения»¹. Рассуждая о герменевтическом круге, доктор философских наук Б.Н. Бессонов отмечает: «В чем суть движения «по кругу»? В постоянном возникновении и разрешении противоречия между частью и целым, между частным и общим, между второстепенным и главным»². Следовательно, на основе изучения частей происходит более глубокое восприятие целого. Стоит отметить, что наиболее подробно принцип герменевтического круга возможно рассмотреть на примере объектов культуры. К примеру, чем более значительным опытом в сфере искусства будет обладать интерпретатор, тем точнее будет его восприятие произведения искусства. На основе принципа герменевтического круга формируется любая современная кураторская выставка. Формируемый экспозиционными средствами контекст позволяет рассмотреть каждый экспонат под особым углом зрения и тем самым раскрыть его особые грани и свойства, что, в конечном счете, отражается на восприятии выставки в целом.

В качестве необходимой предпосылки понимания Ф. Шлейермахер определяет уничтожение исторической дистанции между автором и истолкователем. В контексте настоящего исследования отметим, что обособление интерпретатора от собственной современности, как известно – один из основных принципов любой работы с культурным наследием.

Исследователь уточняет последовательность действий при начале интерпретации произведения:

- общий обзор произведения;
- раскрытие понятий с помощью грамматической и психологической интерпретаций;

¹ Шлейермахер Ф. Герменевтика. Пер. с нем. А.Л. Вольского, Научный редактор Н.О. Гучинская. СПб.: «Европейский Дом», 2004. 242 с.

² Цит. по: Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики, с. 28.

- обязательная концептуальная увязка грамматической и психологической интерпретаций.

В дальнейшем герменевтика находит применение в обосновании специальных областей знания, в том числе истории, языкознания, литературоведения и др. Это создало основу для превращения герменевтики в общую методологическую концепцию.

Свой философский статус герменевтика получает в программе обоснования гуманитарных наук В. Дильтея. **Вильгельм Дильтей** (1833-1911) определил герменевтику как учение об искусстве понимания письменных фиксированных проявлений жизни. Дильтей стал внедрять тезис о создании каждым великим человеком своего субъективного взгляда на историю путем переосмысления собственной современности. Итоги своего анализа философ приводит в серии монографий о выдающихся исторических личностях. Как утверждает В. Дильтей, художник и философ схожи тем, что удерживают в своем сознании особые жизненные моменты, «доводят до сознания их содержание и синтезируют отдельный опыт в общий опыт о самой жизни. Так вырастают интерпретации действительности – мирозерцания»¹.

В. Дильтей затрагивает проблему учета контекста «мирозерцание определяется отношениями чувственной жизни. Оно находится под углом зрения ценностей предметов, жизненных ценностей, значения и смысла мира: вся действительность кажется тогда выражением чего-то внутреннего, и она берется как развитие бессознательно или сознательно действующей душевной связи»². Продолжая рассмотрение вопроса контекста, философ сообщает: «мы никогда не можем преодолеть субъективность и относительного характера определения ценностей, вытекающего из их происхождения: безусловная ценность – постулат, а не выполнимое понятие»³.

У **Фридриха Ницше** (1844-1900) интерпретация становится некой универсальной категорией и одновременно – основой философии. Интерпретация позволяет охарактеризовать ценность явлений, а реальность предопределяет возможность различных толкований. Опираясь на Ницше,

¹ Философия в систематическом изложении. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006, с. 49.

² Там же, с. 71.

³ Там же, с. 72-73.

можно утверждать, что познавательный аппарат человека устроен отнюдь не в целях рационального познания, свое толкование мира создают влечения человека. Именно поэтому существует обилие вариантов толкования каждого смысла.

Готлоб Фреге (1848-1925) впервые высказывает идею о существовании непротиворечивого языка, лишённого неточности и расплывчатости терминологии. Также философу принадлежит постановка проблемы различения смысла и значения языковых выражений. По мнению философа, понимать высказывание равнозначно знанию условий его истинности. При этом под условиями истинности понимаются условия, ставящие истинность предложений в зависимость от определений логических констант и от интерпретации переменных¹. Смысловое наполнение связывается Г. Фреге с контекстом употребления в форме прямой зависимости. По утверждению философа, знать смысл независимо от контекста невозможно. Фреге также ввел понятие мнимых имен, обозначающее имена, имеющие смысл, но не имеющие значения. Соответственно разделение понятия смысла и понятия значения также является заслугой философа. На современном этапе развития науки общепринятым является определение смысла как содержания языковых выражений, которое может оформляться различным образом². При этом значением языкового выражения определяется относительно устойчивое, в определенной мере зависимое лишь от контекста, содержание.

Как отмечал **Людвиг Виггенштейн** (1889-1951), «язык переодевает мысли»³. Именно поэтому вопросу создания универсального языка, не имеющего предпосылок различного понимания и разности интерпретаций, в трудах ученого уделяется значительное внимание. Философ различает понятия знания и понимания, связывая знание с истиной. Одним из центральных вопросов теории понимания Л. Виггенштейна является вопрос о критериях понимания языковых выражений. Критерием понимания он заявляет сознательное формулирование правил и умение применять их.

¹ Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание, с. 93.

² Там же, с. 116-117.

³ Виггенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И. Добронравовым и Д. Лахути. Общая редакция и предисловие доктора философских наук В.Ф. Асмуса. М.: ИЛ, 1958, с. 44.

Большое значение для исследователя имеет понятие игры. Философ обозначает идеальными правилами игры четкие и однозначные. При этом он признает, что языковые игры проходят по определенным правилам, установленным конкретным сообществом, и, что естественно, далеки от идеала.

Генрих Риккерт (1863-1936) вместе с проведением градации между тремя «царствами» действительности, ценности и смысла предлагает соответственно следующие методы постижения – объяснение, понимание и истолкование. Философ отмечает, что философия стремилась не столько к истолкованию смысла отдельных понятий, сколько к проникновению в общий смысл жизни.

Свое дальнейшее развитие герменевтические идеи получают у **Мартина Хайдеггера** (1889-1976). В теории философа понимание является фундаментальным способом человеческого бытия. Предметом герменевтики в теории М. Хайдеггера становится общее отношение субъекта к миру. Философ оказал значительное влияние на превращение герменевтики в учение о бытии, закрепив ее философский статус.

М. Хайдеггер вводит понятия первичного или дорефлексивного понимания как способа бытия человека, базового горизонта понимания, и вторичного понимания, создаваемого уже философской или филологической интерпретацией.

Юрген Хабермас (1929) утверждает, что философия «может – и должна – сохранить за собой притязания на разумность, выполняя более скромные функции местоблюстителя и интерпретатора»¹. Герменевтика Ю. Хабермаса уделяет особое внимание речевым высказываниям участников коммуникативной ситуации. Герменевтика в теоретическом проекте Ю. Хабермаса выступает в качестве программы исследования высказываний участников социального взаимодействия, необходимых для достижения понимания.

Альфред Норт Уайтхед (1861-1947) расщепляет понимание на два возможных способа. В случае понимания сложного объекта восприятию должны подлежать его отдельные факторы. Затем, синтезируя впечатления от них, объединяя их в общую картину восприятия, наблюдатель получает общее впечатление. Во втором случае, при относительно простом

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие: *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln* / Пер. с нем. / Под ред. Д.В. Складнева. - СПб.: Наука, 2000. С. 12.

объекте, промежуточные ступени анализа отсутствуют и объект воспринимается целиком. Философ вводит понятие апофантического суждения, расшифрованное им как «производящий модус процессов истолкования наличного бытия». Задачей такого суждения является обоснование фактической герменевтики.

Ханс-Георг Гадамер (1900-2002) формирует тезис об участии в каждом акте мышления, феномене сознания, тесного клубка из переплетенных предрассудков, убеждений, идеологий, формирующих собственное влияние на итог размышления¹. Философ подчеркивает важную роль и значение субъекта интерпретации. Целью герменевтического искусства становится представление текста интерпретатором в собственной системе координат. Каждая интерпретация, следовательно, актуализирует текст для интерпретатора, создавая его очередную версию. Также Х.-Г. Гадамер заменяет в контексте герменевтики отношение субъекта и объекта на отношение автора и интерпретатора к тексту. Задача исследования при этом заключается в выявлении различных возможных, в том числе и не осознаваемых ранее интерпретаций. Х.-Г. Гадамер рассматривает понимание как «игру между движением традиции и движением интерпретатора»². Философ выделяет в понимании категории предпонимания, традиции, предрассудка и горизонта понимания.

Поль Рикёр (1913-2005) создает синтез герменевтики и феноменологии. Тем самым задачей герменевтического постижения у философа становится обоснование роли человека в качестве субъекта творчества, осуществляющего связь времен.

Как отмечает И. Вдовина, анализируя философию Рикёра, «интерпретация – это место сцепления двух времен – прошлого и настоящего. С одной стороны, интерпретация включает в себя традицию: мы интерпретируем не вообще, а делаем это для того, чтобы прояснить, продолжить и таким образом жизненно утвердить традицию, какой мы принадлежим»³. Таким образом, философ создает современную базу интер-

¹ Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики.

² Там же..

³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002, с. 19.

претации культурного наследия, служащего условным «порталом» между современностью и минувшими эпохами.

Фридрих Август фон Хайек (1899-1992) в своих исследованиях¹ уделяет значительное внимание одному из ведущих феноменов человеческого восприятия – антропоморфизму. Как указывает Л. Микешина, этот прием, заключающийся в наделении объекта человеческими качествами, предстает как пример социальной экстраполяции. Ф. Хайек изучает формы и виды антропоморфизма, сближая их с анимизмом и «социализмом», но, в конечном счете, делает вывод о его ошибочности.

Развитие герменевтики профессор **Альвин Димер** (1920-1986) связал с возникновением «герменевтической ситуации»², обусловленной с кризисом доверия и девальвацией философских учений и способствовавшей значительному влиянию нового научного направления. Позиция А. Димера – задача философии – не изменять, но только интерпретировать мир³.

В качестве вывода можно отметить, что на протяжении рассмотренного периода рядом мыслителей и ученых были уточнены общие основы герменевтического подхода. Герменевтический метод, изначально служивший созданию единой платформы понимания и восприятия религиозных текстов, стал базовым в интерпретации феноменов культуры, в том числе культурного наследия и произведений искусства. Классики герменевтики – Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр, К.-О. Апель, Э. Бетти, Э. Корет, А. Лоренцер, другие философы и социологи на протяжении XX века создали мощную платформу нового философского направления.

¹ Хайек Ф.А. фон. Контрреволюция науки; Этюды о злоупотреблениях разумом : Перевод. М.: ОГИ, 2003. 286 с.

² Diemer A. Elementarkurs Philosophie. Hermeneutik. Düsseldorf - Wien, 1977, s.11, 20.

³ Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики.

О.А. ИГУМНОВ
*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории и
менеджмента Московского педагогического
государственного университета**

Организационные эффекты социального капитала

В статье представлены результаты эмпирического исследования эффектов социального капитала в российских организациях. На основе полученных данных сделан вывод о многообразии форм влияния интегрального социального капитала на формирование эффектов организационной синергии, трансфера знаний и снижение дискриминационных практик в коллективах организации.

Ключевые слова: *социальный капитал, организация, социальные связи, аффилиация, удовлетворённость, лояльность, организационная синергия.*

O.A. IGUMNOV
*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the Department of
Economic theory and management, Moscow State
Pedagogical University*

Organizational effects of social capital

The article presents Russian organizations social capital effects empirical study results. Based on the data obtained the conclusion about the variety of forms integral social capital influence on the formation of organizational synergy effects, knowledge transfer and discriminatory practices in the organization's teams reduction is made.

Keywords: *social capital, organization, social connections, affiliation, satisfaction, loyalty, organizational synergy.*

Общая теория социального капитала, а также эмпирические данные позволяют утверждать, что влияние социального капитала на организационное функционирование и эф-

* Игумнов Олег Александрович, e-mail: oleg_igumnov@mail.ru

фективность может быть разнообразным. Это обусловлено не только внутренней сложностью самого социального капитала и его универсальным всеобъемлющим характером, но и различием управленческих задач, на которые могут оказывать влияние содержание и качество социальных связей.

Использованный нами инструментарий позволяет в определённой мере оценить возможное влияние социального капитала на такие управленческие показатели, как удовлетворённость и лояльность персонала, мотивация, трансфер знаний, инновационная активность, эффективность профессиональной кооперации, конфликтность и дискриминация.

Рассмотрим потенциальные управленческие цели подробнее.

Для оценки удовлетворённости и лояльности персонала нами использованы два показателя, относящиеся к субъективному восприятию респондентами удовлетворённости работников и оценке их желания сменить место работы. Каждый вопрос измерялся с использованием стандартной 7-балльной шкалы. По всей выборке среднее значение по первому показателю составило 4,1 балла (ст. откл. = 1,7), по второму – 3,9 (ст. откл. = 1,8). Более высокие значения в данном случае соответствуют более высокой степени удовлетворённости и лояльности. Общая удовлетворённость при этом оказывается в целом несколько выше, чем нежелание менять место работы. Это может указывать на то, что стабильность рабочего места не является доминирующим мотивом трудовой деятельности.

Удовлетворённость и лояльность – важные, но не специфичные управленческие задачи, решение которых может быть связано с развитием социального капитала. Более непосредственное управленческое значение могут иметь эффекты, связанные с решением собственно профессиональных задач. Такие эффекты включают в себя трансфер знаний, инновационную активность и кооперацию.

Для оценки эффективности трансфера знаний в организации респондентам было предложено оценить по 7-балльной шкале, насколько легко в организации получить нужную информацию, знания, поделиться опытом. Средняя по выборке оценка оказалась достаточно высокой и равной 4,8 балла (ст. откл. = 1,6). Можно предположить, что, поскольку для российских организаций в целом не характерна высокая конкуренция между работниками, а система формальных правил

играет ограниченную роль, эти условия способствуют относительной простоте циркулирования информации и знаний. Вместе с тем разнообразие организаций достаточно высоко и степень эффективности трансфера знаний варьируется в широких пределах.

Для оценки внутреннего инновационного климата в организации респондентам было предложено оценить вероятность, с которой инициатива (предложение) сотрудника будет положительно воспринято коллегами и руководством. Для оценки вероятности использовалась 10-балльная шкала, являющаяся приближением интуитивно понятной шкалы оценки вероятности от 0 до 100%. Распределение оценок представлено на рис. 1.

Рис. 1. Распределение организаций по оценочной вероятности поддержки инициативы сотрудника

Как видно, распределение ответов соответствует паттерну, зафиксированному нами ранее: поддержка является максимальной и ярко выраженной в рамках отношений аффилиации. С точки зрения реальной организационной поддержки наиболее существенное значение имеет поддержка со стороны руководства, которая в целом по выборке носит умеренный характер и составляет в среднем 5,3 балла (поддержка своего коллектива при этом оценена в 6,3 балла, а малознакомыми коллегами – в 4,7).

Со стороны руководства ожидается более высокая готовность поддержать инициативу, чем со стороны малознакомых коллег. Поскольку в данном случае речь идёт о субъективном восприятии, полученные данные не являются достаточно объективным показателем реальной поддержки инновационной активности. Тем не менее эти данные подтверждают существование значимого и существенного «водораздела» в организации между ближним кругом коллег и остальными сотрудниками организации.

Наличие такого явного расхождения в профессиональных отношениях внутри коллектива и в масштабе всей организации – серьёзная проблема, ограничивающая возможности любой организации, особенно крупной, в достижении эффекта организационной синергии. Непосредственным выражением возможностей такой синергии может выступать эффективность кооперации как внутри, так и между подразделениями.

Оценки, данные респондентами по 7-балльной шкале, показали, что в среднем внутри подразделения эффективность взаимодействия и сотрудничества равна 5,2 балла (ст. откл. = 1,5), а между подразделениями – 4,1 (ст. откл. = 1,6). Данные оценки также не могут служить адекватной управленческой мерой эффективности и результативности кооперации, однако фиксируют важное различие между структурированием организационно-значимых социальных связей в отношениях аффилиации и рыночного обмена.

Еще два типа организационных эффектов, измеренных в ходе нашего исследования, – уровень конфликтности и распространённость дискриминационных практик. Управленческое значение этих эффектов определяется не только их влиянием на способность раскрытия человеческого потенциала, но и величиной рисков, в том числе легальных, создаваемых ими в отношении организационного функционирования. На рис. 2 показано распределение организаций по оценочной интенсивности конфликтов в различных типах отношений.

Как видно из данных рис. 2, для российских предприятий, в целом, характерен низкий или умеренный уровень конфликтности, что вполне соответствует ценностному профилю российской культуры.

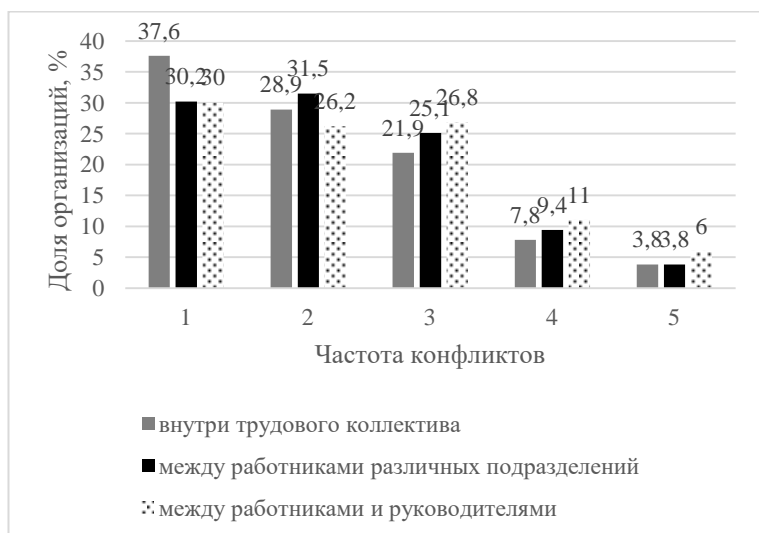

Рис. 2. Распределение организаций по оценочной частоте конфликтов (1 балл – очень редки, 5 баллов – носят регулярный характер)

Россия относится к числу стран с выраженным «женским» типом ценностей, в которых люди ориентированы скорее, на комфортные и бесконфликтные социальные отношения, нежели на достижения и конкуренцию, которая неизбежно приводит к явным или скрытым конфликтам в коллективе. Показательно, что различия в конфликтности между разными категориями работников сравнительно небольшие, а конфликтность в иерархическом измерении выше, чем в слабых горизонтальных связях. Это не противоречит полученным ранее данным, поскольку основой любых конфликтов выступает социальное взаимодействие, а если междепартаментные связи сравнительно неразвиты, то и оснований для конфликтов практически не возникает.

Распространённость дискриминационных практик большинство респондентов склонно оценивать как низкую. Так, средняя оценка распространённости в организации дискриминации при приёме на работу, карьерном продвижении, распределении обязанностей и вознаграждении была оценена в среднем на 3 балла по 7-балльной шкале (ст. откл. = 1,8), причем почти треть опрошенных (28,2%) оценили её как минимальную. Вместе с тем почти в каждой десятой органи-

зации, по мнению респондентов, дискриминационные практики распространены очень широко.

Как и в случае других аллоцентрических оценок организационных эффектов, эти данные никоим образом не следует считать достоверным отражением фактической дискриминации, которая в современных организациях может принимать скрытые формы, а само существование ее может отрицаться как теми, кто применяет дискриминационные практики, так и их жертвами¹. Тем не менее такие субъективные оценки также имеют исследовательский смысл, отражая общую социально-психологическую атмосферу в российских организациях.

Российские исследования дискриминации в сфере труда носят сравнительно ограниченный характер и затрагивают преимущественно вопросы дискриминации по гендерному и возрастному признакам². Более сложные формы дискриминации, связанные с неравномерным распределением социального капитала, в значительной мере остаются за пределами внимания, и данное исследование проливает свет на связь социального капитала с дискриминацией и другими значимыми организационными явлениями.

Для оценки возможной связи между социальным капиталом и организационными эффектами был использован корреляционный анализ. Не являясь прямым указанием на причинно-следственные связи, он, тем не менее, позволяет понять, в какой мере организации, сумевшие сформировать более высокий уровень социального капитала, могут рассчитывать на удовлетворённость персонала и другие позитивные эффекты. Более того, есть все основания полагать, что между социальным капиталом и организационными эффектами, важными для управления, существует динамическая взаимозависимость, при которой развитие социальных связей и организационная эффективность взаимно обуславливают и усиливают или, наоборот, ингибируют друг друга.

¹ Hidden Inequalities in the Workplace: A Guide to the Current Challenges, Issues and Business Solutions / Ed. by V. Caven, S. Nachmias. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018.

² Бурханова Ф.Б. Дискриминация в области труда как фактор неформальной занятости женщин // Вестник ВЭГУ, 2018, № 6, с. 27-33; Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М. Рынок труда: риски исключения из социально-трудовых отношений различных поколений в стареющем обществе // Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2017, № 5, с. 187-192.

В таблице представлены значения коэффициентов корреляции, позволяющие оценить относительную силу связи социального капитала и аспектов организационного функционирования, измеренных в нашем исследовании (за исключением мотивации).

Таблица

Значения коэффициентов корреляции Спирмена между показателями социального капитала (СК) и организационными эффектами

Организационный эффект	СК по типам отношений			Интегральный показатель СК	
	аффилиация	обмен	иерархия	средний	Мультипликативный
Удовлетворенность работой	0,452	0,458	0,501	0,609	0,618
Лояльность персонала	0,385	0,373	0,407	0,505	0,511
Простота трансфера знаний	0,529	0,532	0,532	0,665	0,666
Поддержка инициатив ближним кругом коллег	0,588	0,393	0,370	0,665	0,572
Поддержка инициатив малознакомыми коллегами	0,468	0,484	0,389	0,544	0,557
Поддержка инициатив руководством	0,477	0,480	0,573	0,631	0,634
Эффективность кооперации внутри подразделения	0,637	0,447	0,432	0,628	0,625
Эффективность междепартаментной кооперации	0,480	0,569	0,515	0,626	0,628
Частота конфликтов внутри трудового коллектива	-0,413	-0,313	-0,291	-0,401	-0,395
Частота конфликтов между работниками разных подразделений	-0,242	-0,212	-0,256	-0,283	-0,280
Частота конфликтов между работниками и руководством	-0,336	-0,309	-0,370	-0,392	-0,393
Распространенность дискриминационных практик	-0,305	-0,318	-0,362	-0,386	-0,386

Примечание: все корреляции значимы на уровне 0,01.

Приведённые в таблице данные свидетельствуют о наличии выраженной устойчивой связи между социальным капиталом и различными организационно-управленческими эффектами, подтверждая тем самым предложенную теоретическую модель. Организации, обладающие развитым социальным капиталом, характеризуются более высокой удовлетворённостью и лояльностью персонала, более эффективным трансфером знаний, большей готовностью поддержать инициативы сотрудников, более эффективной кооперацией как внутри, так и между подразделениями, меньшей конфликтностью и пониженной распространённостью дискриминационных практик.

Все рассмотренные в исследовании эффекты имеют управленческую значимость и могут выступать как явными управленческими целями, так и неэксплицированными факторами эффективности экономической деятельности. В отличие от социального капитала, являющегося своего рода «скрытой» организационно-управленческой переменной, данные эффекты непосредственно отражают значимые для управления показатели эффективности.

Указанные эффекты могут оказывать обратное воздействие на условия формирования социального капитала, при этом они не являются непосредственным объектом воздействия и находятся вне возможностей прямого управленческого контроля. Это означает, что выявленную связь следует рассматривать, в первую очередь, как проявление того, что социальный капитал, охватывая всю систему социальных связей, формирует условия, способствующие или препятствующие ценным организационным эффектам. Общая логика механизмов, которые обеспечивают такую связь, может выглядеть следующим образом.

Организационный социальный капитал, в отличие от индивидуального, не просто повышает возможности и облегчает доступ к ресурсам для отдельных работников.

В первую очередь он повышает уверенность работников в том, что конечными «бенефициарами» любых социальных обменов будут в равной мере все члены организации, а их собственный вклад в достижение организационных целей не будет использоваться другими для нечестной конкуренции или личной выгоды (например, использование чьей-то помощи или ценной информации для получения личных предпочтений при продвижении по службе или распределении

вознаграждения). Такая уверенность снижает уровень стресса и повышает психологический комфорт от работы. Одновременно уверенность в надёжности системы социальных обменов повышает стратегическую ценность организации для работника, позволяя быть уверенным в возврате долгосрочных инвестиций в трудовую деятельность и собственное развитие внутри организации.

Аналогичная логика применима и к другим эффектам, таким, как участие в непосредственной кооперации, наличие оснований для конфликтов и дискриминации. Как следствие – повышается общая доступность организационных ресурсов для работников (прежде всего, информационных), снижаются транзакционные издержки, связанные с необходимостью распределять эти ресурсы и контролировать соблюдение правил при их использовании.

Более детальный анализ полученных данных и, прежде всего, сопоставление информации о силе связи между ними позволяет значительно конкретизировать представление о механизмах влияния социального капитала на организационную эффективность.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что связь между социальным капиталом и организационными эффектами является существенной во всех случаях, однако величина эффекта всё же заметно различается. Наиболее высокое значение величины эффекта наблюдается в случае трансфера знаний. Это позволяет утверждать, что информационная функция социального капитала оказывается, возможно, наиболее значимым проявлением социального капитала в управлении. Иначе говоря, социальный капитал в первую очередь повышает эффективность циркуляции информации и знаний в компании, обеспечивая их широкую доступность для работников. Этот вывод соответствует и зарубежным исследованиям, которые показывают исключительно благотворное воздействие социального капитала на трансфер знаний и облегчение доступа организации к внутренней и внешней информации¹.

¹ Коба Н.В. Влияние социального капитала на процесс коммерциализации знания в организации // Бизнес информ, 2013, № 9. с. 208-214; *Hau Y.S. et al. The effects of individual motivations and social capital on employees' tacit and explicit knowledge sharing intentions // International Journal of Information Management, 2013, vol. 33, № 2, p. 356-366.*

Отметим, что в отличие от большинства других организационных эффектов, связь трансфера знаний и социального капитала не зависит от типа отношений, в которых развивается социальный капитал. Это может свидетельствовать об исключительной важности сбалансированного и всеобъемлющего характера развития социального капитала для циркуляции значимой информации и эффективности организационного научения.

По своей природе организационные знания динамичны и вызывают различные бизнес-процессы. Попытки создания системы менеджмента знаний исключительно на основе формализованных систем и кодификации знаний требуют уровня системного мышления и технологических решений, которые находятся далеко за пределами возможностей большинства организаций. Напротив, естественная социальная коммуникация, протекающая в условиях взаимного доверия, позволяет использовать напрямую потенциал работников в идентификации «пробелов» в знаниях и их кодификации в том виде, в каком они необходимы для решения конкретной трудовой или организационной (управленческой) задачи.

Иными словами, если работники могут доверительно и благожелательно общаться, они могут быстрее и надёжнее получить значимую и релевантную информацию, необходимую им для решения задачи, чем в случае необходимости обращения к формальной документации, базам знаний или другим формализованным ресурсам, которыми необходимо уметь пользоваться, и которые не всегда информационно ёмки и актуальны.

Наименьшая величина эффекта зафиксирована в отношении показателей конфликтности и распространённости дискриминационных практик. На наш взгляд, это может быть объяснено тем, что в основе внутриорганизационных конфликтов, как горизонтальных, так и вертикальных, лежат, как правило, объективные различия в интересах отдельных групп и категорий работников, вытекающие из сути выполняемой работы, различий в системе вознаграждения, степени ответственности и т.п.

Развитый социальный капитал, по всей видимости, способен смягчить проявления конфликтности и упростить поиск их решений, однако не может устранить их объективные предпосылки. В случае дискриминационных практик относительно меньшая сила эффекта может быть связана с ме-

тодическими ограничениями – очевидно, что аллоцентрические оценки дискриминации могут быть не совсем точными при оценке фактических организационных практик, особенно если они носят недостаточно явный характер. Тем не менее даже для данных организационных результатов величина эффекта оказывается значимой, что свидетельствует о позитивном влиянии социального капитала.

Теоретический подход, основанный не только на признании многокомпонентности социального капитала, но и на выделении разных типов социальных отношений, являющихся его основой, доказывает свою полезность и эвристичность и при анализе организационных эффектов. Анализ данных таблицы показывает, что разные типы социального капитала выполняют неодинаковые функции в формировании значимых организационных эффектов.

Некоторые различия между типами социального капитала выглядят естественными и логичными. Наше исследование показало существенную роль социального капитала в развитии кооперации и стимулировании инновационной активности. Эти результаты соответствуют и современным мировым данным об организационных эффектах социального капитала¹.

Вместе с тем наше исследование позволило уточнить и детализировать указанную взаимосвязь, показывая неравнозначную роль различных типов социального капитала. Оценка эффектов с учетом разных организационных контекстов выявила общую картину: влияние социального капитала выше в тех случаях, когда тип социального капитала соответствует вектору организационных взаимодействий. Иными словами, аффилиационный социальный капитал наиболее тесно связан с поддержкой инициатив, кооперацией и конфликтностью внутри подразделений, иерархический – в отношениях между работниками и руководством, рыночный – в междепартаментных контекстах (кроме показателя конфликтности).

В практическом плане это означает, что в зависимости от характера управленческих задач менеджмент может целенаправленно развивать социальный капитал в рамках соот-

¹ Han J., Han J., Brass D.J. Human capital diversity in the creation of social capital for team creativity // *Journal of Organizational Behavior*, 2014, vol. 35, p. 54-71; Perez-Luno A. et al. How social capital and knowledge affect innovation // *Journal of Business Research*, 2011, vol. 64, p. 1369-1376.

ветствующего типа отношений, а интегральный эффект взаимодействия разных типов капитала в этих случаях может быть сравнительно менее значимым.

В случае эффектов, носящих общеорганизационный характер, наибольшее значение, насколько можно судить на основе представленных данных, имеет иерархический социальный капитал. Это отражается в более высоких коэффициентах корреляции для таких эффектов, как удовлетворённость и лояльность персонала, а также распространённость дискриминационных практик. Отметим, что на частоту междепартаментных конфликтов также наибольшее влияние оказывает иерархический социальный капитал.

Общая интерпретация этих данных может быть основана на признании исключительной важности иерархических отношений в российской деловой культуре. Насколько можно судить, именно благоприятные социальные отношения в вертикальном измерении становятся для российских работников основным гарантом позитивного восприятия организационной среды и работы в компании. Однако заметим, что в том случае, когда для организации важна междепартаментная кооперация и взаимодействие, на первое место выходят рыночные отношения, т. е. преимущественно слабые горизонтальные связи.

Охват организационных эффектов, которые могут быть связаны с социальным капиталом, в нашем исследовании не является всеобъемлющим. Тем не менее представленные данные выступают убедительным аргументом в пользу утверждения о том, что инвестиции в социальный капитал способны оказывать сильное и многостороннее положительное воздействие на функционирование и эффективность организации.

Проведённый анализ позволяет сформулировать и более важный, чем подтверждение роли социального капитала в решении тех или иных организационно-управленческих задач, вывод. Этот вывод касается подтверждения теории организационного социального капитала как таковой.

Данные, приведённые в таблице, показывают, что связь интегральных показателей социального капитала с организационными эффектами значительно выше, чем связь отдельных типов социального капитала. Это означает, что ценность социального капитала выше в случае его сбалансированного развития в масштабах всей организации, а сам социальный

капитал должен рассматриваться как самостоятельный, интегральный феномен, отражающий содержание и условия социального взаимодействия внутри коллективов, в больших горизонтальных сетях, а также в системе управленческой иерархии.

Именно развитие социального капитала одновременно во всех базовых типах социальных отношений является залогом его более выраженного и комплексного воздействия на организационную эффективность. С теоретической точки зрения это легитимизирует концептуализацию социального капитала как комплексного феномена, синергетически охватывающего не только различные компоненты, но и различные типы социальных отношений, фундаментальных для человеческих сообществ.

Для полноты картины нами проведена также оценка вклада отдельных компонентов социального капитала в величину организационных эффектов. Расчёт коэффициентов корреляции Спирмена показал, что наибольший вклад в наблюдаемые эффекты вносит реляционный социальный капитал, а наименьший – структурный. Такие результаты соответствуют теоретическим ожиданиям, поскольку именно реляционный социальный капитал формирует собственно содержание социальных взаимодействий, тогда как когнитивный и, в особенности структурный, компоненты отражают, скорее, их предпосылки и возможности реализации в конкретных условиях.

Наконец, для проверки гипотезы о том, что в малых организациях социальный капитал, основанный на отношениях аффилиации, оказывает более выраженные организационные эффекты, мы провели необходимые расчёты. Для этого коэффициенты корреляции связи между значением аффилиационного социального капитала и показателями организационных эффектов были рассчитаны отдельно для организаций различного размера. Однако никакой очевидной зависимости выявить не удалось. Можно предположить, что если размер компании и оказывает какое-то влияние, вероятно, этот эффект перекрывается действием других факторов.

В рамках теоретической логики исследования социальный капитал представляет собой самостоятельный феномен, который способен продуцировать значимые организационные эффекты, находясь при этом за пределами непосредственного контроля со стороны менеджмента. Доступные менеджменту управленческие инструменты и другие внутри- и

внеорганизационные обстоятельства являются факторами, формирующими социальный капитал, который, в свою очередь, влияет на организационную эффективность.

Такая логика может вызвать закономерный вопрос: не является ли само понятие социального капитала теоретически избыточным или, в лучшем случае, просто удобным конструктом для описания множества действующих в организации сил и причинно-следственных связей? Действительно, можно было бы предположить, что зафиксированные нами организационные эффекты являются результатом действия конкретных организационных факторов (размер и тип организации, социальная политика, организационная культура и пр.) и не требуют обращения к дополнительному конструкту – социальному капиталу.

Для ответа на этот важный вопрос мы провели дополнительный анализ. В частности, были рассчитаны коэффициенты корреляции, чтобы оценить связь организационных эффектов не только с показателями социального капитала, но и с другими факторами формирования социального капитала, которые продемонстрировали наибольшую роль в развитии социального капитала.

Результаты оказались вполне однозначными: связь между организационными факторами и эффектами, хотя и была зафиксирована в большинстве случаев, но значения коэффициентов оказались заметно ниже, чем при анализе показателей социального капитала. Таким образом, для выраженности организационных эффектов большее значение имеет именно уровень развития социального капитала как интегрального показателя, чем роль любых факторов, которые, как предполагается, способствуют его формированию.

Таким образом, можно утверждать, что организационный социальный капитал – не просто теоретическая конструкция, но самостоятельный и содержательный организационный феномен, воздействующий на функционирование организации и решение управленческих задач именно как особый тип ресурса, имеющий экономическую ценность, т. е. именно как особый вид капитала. Данный вид организационного ресурса является интегральным результатом взаимодействия различных аспектов социальных связей, определяющим возможность их практического использования при решении организационных задач.

П.И. БЫЧКОВ

*кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-
исследовательского отдела (военно-гуманитарных
исследований) Военного университета**

Финансовая грамотность военнослужащих как элемент их социального благополучия

В статье предпринята попытка анализа проблем оценки финансовой грамотности военнослужащих по контракту Вооруженных Сил Российской Федерации, приведены результаты опросов военнослужащих с определением их самооценки финансовой грамотности.

***Ключевые слова:** финансовая грамотность, финансовая компетентность, финансовые услуги, показатели финансовой грамотности.*

P.I. BYCHKOV

*Ph.D., Associate Professor, Senior Researcher in the
Research Department (Military and Humanitarian Studies)
of the Military University*

Financial literacy of military personnel as an element of their social well-being

The article attempts to analyze the problems of assessing the financial literacy of servicemen under the contract of the Armed Forces of the Russian Federation. The results of military surveys are presented, and their self-assessment of financial literacy is given.

***Keywords:** financial literacy, financial competence, financial services, financial literacy indicators.*

* Бычков Петр Иванович, e-mail: p.bychkov@yandex.ru.

Важнейшими факторами политической и экономической стабильности государства являются уровень и качество жизни его граждан. В последние годы обеспечение достойного качества жизни населения России стало приоритетным направлением государственной политики на долгосрочную перспективу, главной задачей развития человеческого потенциала страны, достижения ее социальной и экономической безопасности, которая во многом зависит от уровня финансового благополучия каждого ее гражданина.

В условиях становления рыночной экономики, основополагающим элементом которой являются деньги и отношения между людьми по поводу денег, большая часть населения России оказалась совершенно не подготовленной к принятию правильных финансовых решений и использованию современных инструментов финансового рынка. Новые реалии сегодняшнего дня, дающие возможность выжить в предлагаемых условиях, население вынуждено осваивать самостоятельно, как правило, методом проб и ошибок, что часто приводит к серьезным негативным последствиям для отдельных людей.

К снижению уровня финансового благополучия приводит и недостаточный уровень финансовой грамотности, которая выражается в несоблюдении дисциплины и ответственности за финансовые риски, связанные с самостоятельным выбором и использованием различными финансовыми услугами и финансовыми инструментами.

В рамках экономической социологии финансовую грамотность принято определять как знание о финансовых институтах и предлагаемых ими продуктах, а также умение их использовать при возникновении потребности и понимание последствий своих действий.

Финансовая грамотность как понятие разбивается на три взаимосвязанных части: установки, знания и навыки, на базе которых рассчитывается индекс финансовой грамотности. Современные социологи определяют финансовую грамотность как оценочную характеристику эффективности (рациональности) финансового поведения.

В то же время состояние финансовой грамотности населения России остается пока на низком уровне, что обуславливает проблемы как для граждан, так и для страны в целом.

В 2011 г. Министерство финансов Российской Федерации инициировало разработку первой общероссийской программы

повышения финансовой грамотности – «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 годы» (далее – Стратегия), которая была принята в сентябре 2017 г.

В этом документе обобщен шестилетний опыт работы в рамках Проекта и сформулированы основные цели и задачи государственной политики, направленной на повышение уровня финансовой грамотности. В Стратегии задача проведения комплексной оценки и мониторинга уровня финансовой грамотности и финансового поведения населения рассматривается в качестве условия достижения главной цели, которая состоит в создании основ формирования финансово грамотного поведения населения, как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счет использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества.

В стратегии определено, что собственно должен знать финансово грамотный гражданин как минимум: следить за состоянием личных финансов; планировать свои доходы и расходы; формировать долгосрочные сбережения и финансовую "подушку безопасности" для непредвиденных обстоятельств; иметь представление о том, как искать и использовать необходимую финансовую информацию; рационально выбирать финансовые услуги; жить по средствам, избегая несоразмерных доходов долгов и неплатежей по ним; знать и уметь отстаивать свои законные права как потребителя финансовых услуг; быть способным распознавать признаки финансового мошенничества; знать о рисках на рынке финансовых услуг; знать и выполнять свои обязанности налогоплательщика; вести финансовую подготовку к жизни на пенсии.

По мнению известного специалиста в области экономической социологии М. Грановеттера, в поведении людей – для объяснения хозяйственного действия необходимо принимать в расчет его укорененность в социальной структуре¹.

Так, для наибольшей эффективности мероприятия по повышению финансовой грамотности, указанные в Стратегии, реализуются адресно для различных социальных групп: учащиеся, граждане, проживающие ниже черты бедности, пенсионеры и т.д.

¹ Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология, 2002, т. 3, № 3, с. 44-58.

В отдельную группу были выделены военнослужащие ввиду своего социально-экономического статуса. Это связано с тем, что военнослужащие в процессе прохождения военной службы имеют значительные ограничения. Вопросы их финансового и страхового обеспечения строго регламентированы, что снижает для военнослужащих возможности маневров в выборе тех или иных финансовых продуктов.

Вместе с этим одних социальных гарантий для военнослужащих порой не хватает для совершения осознанного выбора, что приводит к опрощивым финансовым операциям. С этой точки зрения заслуживают внимания результаты опросов военнослужащих относительно их финансовой компетентности.

Так, абсолютное большинство военнослужащих (84%) оценивает собственные знания в области финансов как хорошие или достаточные. Лишь 13% опрошенных сказали, что их знания недостаточные либо их нет, а 3% затруднились ответить на этот вопрос.

Вместе с тем, несмотря на высокую самооценку военнослужащими своей финансовой грамотности, о необходимости повышения ее уровня заявили 69% опрошенных. Только 8% военнослужащих, по их мнению, не нуждаются в повышении уровня финансовой грамотности.

Около 2% опрошенных считают понятие «финансовая грамотность» фиктивным и не имеющим отношения к практическим вопросам их жизнедеятельности.

Наибольший интерес в плане повышения уровня финансовой грамотности вызывают у военнослужащих темы планирования личного бюджета (20%), функционирования накопительно-ипотечной системы обеспечения военнослужащих постоянным жильем («военной ипотеки») (16%) и системы пенсионного обеспечения (15%), а также спектра оказываемых банковских услуг (кредитование, депозиты и т.д.) (15%). Вопросы функционирования страховой системы и фондовых рынков интересны лишь для сравнительного узкого круга людей – 6% и 5% опрошенных соответственно (рис. 1).

Рис. 1. Вопросы финансовой грамотности, вызвавшие наибольший интерес у военнослужащих (в %)

Следует отметить, что абсолютное большинство (90%) военнослужащих сообщили о практике учета своих личных денежных средств, а 3% военнослужащих полагают это нецелесообразным.

Самой распространённой используемой финансовой услугой военнослужащие назвали банковскую карту, привязанную к счету для начисления денежного довольствия (82%). Это не удивительно, так как эта услуга является обязательной для военнослужащих Минобороны России. Также респонденты часто пользуются кредитными банковскими картами (24%) или же оформляют потребительский кредит в отделении банка (18%).

Самыми востребованными источниками получения сведений по вопросам финансовой грамотности военнослужащие назвали информирование командованием части (48%), интернет (46%) и телевидение (44%). Меньше всего респонденты доверяют советам друзей и знакомых (24%) (рис. 2).

Рис. 2. Источники информации, наиболее популярные среди военнослужащих для повышения уровня финансовой грамотности (в %)

Финансовая стабильность в государстве, достигнутая в 2016-2017 гг., является определяющим моментом в отношении военнослужащих к вопросам повышения своей финансовой грамотности. Так, абсолютное большинство военнослужащих (74%) за последние два года не сталкивались с проблемными ситуациями в области финансов, еще 14% затруднились ответить на этот вопрос. Чаще всего проблемы в финансовой сфере возникали у военнослужащих в случае отзыва лицензии у банка, в котором был открыт вклад (8%).

Таким образом, несмотря на высокую самооценку, подавляющее большинство военнослужащих осознает необходимость постоянного повышения уровня своей финансовой грамотности.

М.А. МУРТУЗАЛИЕВА

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
права и безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
аграрный университет им. М.М. Джамбулатова»**

А.М. МЕДЖИДОВА

*кандидат экономических наук, доцент кафедры
права и безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
аграрный университет им.М.М.Джамбулатова»***

Проблема правогенеза и становления права как специфического социального явления

В данной статье рассматриваются понятия «право», «происхождение права», затронуты исторические идеи и концепции, даны различные подходы к рассмотрению права, раскрыты межсубъектные отношения, понятие «мононормы», процесс возникновения обычаев.

Ключевые слова: право, правогенез, мононормы, обычаи, сознание, социальные отношения, механизм прав и обязанностей.

М.А. MURTUZALIYEVA

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of
the Department of law and life safety, Dagestan State
Agrarian University named after M. M. Dzhambulatov*

А.М. MEDZHIDOVA

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of
the Department of law and life safety, Dagestan State
Agrarian University named after M. M. Dzhambulatov*

* Муртузалиева Марьям Ахмедовна, e-mail: malena1231@rambler.ru

** Меджидова Анжела Маратовна, e-mail: fish202066@mail.ru

The problem of genesis of law and its formation as a specific social phenomenon

This article discusses the concepts of "law", "the origin of law", touches on historical ideas and concepts, gives various approaches to law, reveals intersubjective relations, mononorms, process of the emergence of customs .

Keywords: *law, genesis of law, mononorms, customs, consciousness, social relations, mechanism of rights and obligations.*

Происхождение права – проблема из категории вечных, и как таковая она одновременно неисчерпаема и тривиальна. Даже обыденному сознанию ясно, что человеческое сообщество нуждается в координации своей деятельности.

А осознание этого без обретения исторических знаний невозможно хотя историческое сознание всегда относительно. Каждое поколение «пишет свою историю», отражая свое мировоззрение, взгляды, претендуя на достоверность выдвинутых им исторических идей и концепций. Современная наука стремится выявить истину истории, но, несмотря на это, история и теория права остаются до сих пор не разгаданными. Вместе с тем сегодня как никогда человеку необходимо понять свое предназначение. В этом смысле познание истории права открывает большие перспективы. Когда человеку кажется, что право есть закон, или право есть нормативное веление власти и не более, он лишается своей истории, своего самого древнего и естественного качества – регулировать социальные отношения своими силами так, как это делали его предки. Нам кажется, что социокультурный подход к праву, т.е. исследование истории, в том числе истории права как феномена культуры и как неотъемлемой части всеобщей истории человеческой культуры имеет и в дальнейшем будет иметь перспективное значение для решения той задачи, которую поставил перед собой современный человек.

Предложенный нами социокультурный подход позволяет рассматривать право не только как собственно юридический феномен, но и как важный и универсальный элемент и продукт истории. Этот подход позволяет более конкретно раскрыть культурно-историческую сущность права и доказать, что право и культура как достояния человечества органически

связаны между собой, что право в конечном итоге и есть специализированный культурно-правовой институт, необходимо возникающий на определенной стадии эволюции общества¹.

Но вопрос о том, как возникло право, остается дискуссионным. Трудно выделить начало и конец какого-то исторического процесса, его границы, по крайней мере, потому, что исторический процесс состоит по большому счету из многочисленных периодов, этапов и фаз, причем нелинейного характера. Усложняет дело еще и то обстоятельство, что право, как и все другие культурно-исторические феномены существует в разных формах. Поэтому правовую историю невозможно уложить в какую-либо схему. Но одно ясно: исследование генезиса права во многом зависит от опыта исследования первобытного общества, а значит, усилий не только историко-юридических, но и других гуманитарных наук.

Чтобы получить достаточно отчетливые представления о том, какие сознательные и бессознательные установки, зарождающиеся в глубинах человеческого существа, выступают в качестве исходных, первичных правообразующих импульсов и приводят к появлению духовных и практических формообразований правового характера, как социальная воля людей обретает через посредство норм права культурную оформленность, а с ней и способность оказывать воздействие на межсубъектные отношения, следует углубиться в историю правогенеза.

На роль ведущей дисциплины в исследовании возникновения права выдвинулась правовая антропология. Основанием для этого стало то обстоятельство, что понимание правогенеза вряд ли достижимо без анализа предшествующих стадий эволюции общества (а в этом отношении с антропологией не может конкурировать ни одна другая общественная дисциплина).

Можно даже сказать, что в известном смысле вычленение правовой антропологии в самостоятельную дисциплину знаменовало окончательное расставание со старой прекраснодушной европоцентристской иллюзией, противопоставлявшей «свободного дикаря» регламентированной несвободе подданного государства (или, наоборот, «анархию» племени, гобсовскую «войну всех со всеми» благотворному «порядку»

¹ *Аграновская Е.В.* Личность и правовая культура // Советское государство и право, 1981, № 12, с. 136-138.

государства)¹. Уже не умозрительно, а на вполне конкретном, достаточно обширном этнографическом материале было установлено, что механизмы упорядочения и контроля присутствуют в любом человеческом обществе.

Проблема происхождения права занимает в современной юридической науке значительное место. Разработаны концепции, теории, интерпретирующие правообразующие процессы; заложен основательный методологический фундамент. Мы сошлемся на мнения российских ученых, взяв их выводы за основу дальнейших рассуждений. Так, профессор Г.В. Мальцев, предпринявший попытку анализа современных зарубежных и российских концепций правогенеза, пришел к следующим выводам:

- процесс исторического генезиса права относительно самостоятелен;

- право достаточно рано пришло в общество. Наряду с другими способами регуляции поведения оно выделилось из синкретической системы социальных норм, которая предположительно могла существовать в первобытном стаде и, возможно, в малочисленных изолированно живущих группах эпохи палеолита;

- первые нормы права появились еще во времена, предшествовавшие расцвету первобытного общества, а в период разложения первобытнообщинного строя оно уже существовало и развивалось как обычное право;

- правовое поведение есть архетип человеческого поведения, обнаруживаемый там, где необходима хотя бы минимальная организация общественных отношений через нормативные механизмы прав и обязанностей, обменных и распределительных стандартов, поощрений и наказаний, стимулов и запретов².

Итак, положив в основу анализа правогенеза вышеизложенные выводы и идеи других ученых-правоведов (в частности Т.В. Кашанина, Г.Дж. Бермана и т.д.), следует отметить, что генезис и ранние формы права в целом связаны с социальной эволюцией самого человека и с обществом. Генетически все ранние формы права находят свою питательную среду в ментальности социальной общности, биосоциальной природе

¹ Актуальные проблемы культуры XX века: Учебное пособие. / Под ред. В.И. Добрынина. М.: Знание России, 1993, с. 189- 190.

² См.: Алексеев С.С. Теория права. М.: Бек, 1994, с. 220-222.

человека¹. Именно в ней заложены первопричины появления правил поведения. Как полагают П. Бергер и Т. Лукман, наличие социальных институтов есть «антропологическая необходимость», так как человеческое существование невозможно в закрытой сфере внутреннего бездействия; человек должен непрерывно анализировать себя в деятельности. Деятельность человека представляет собой «процесс непрерывного человеческого производства» и воспроизводства, а ее следствием являются социальные институты, обеспечивающие общественный порядок².

Но вместе с тем одно ясно: расцвету и распаду мононорм соответствовали две формы первобытного хозяйства – присваивающая и производящая. В условиях присваивающей экономики мононормы как обычное право поддерживали воспроизводство человека и существование общин, но уже с переходом к производящей экономике они расщепляются, и выделившаяся часть нормы начинает действовать опять же как обычное право. Мы не согласны с тем, что якобы в период присваивающей экономики можно говорить только о мононормах, а не об обычном праве. Обычаи как право возникли с возникновением всех других норм жизни.

Таким образом, основная цель регулирования в первобытном обществе состоит в упорядочении разнообразных отношений в условиях сначала присваивающей, а затем – производящей экономики, а способы регулирования – это запреты, обязывания, дозволения. Названные элементы регулятивной системы первобытного общества – средства табуации, обычаи, мононормы – могут рассматриваться в качестве прочной основы, на которой зарождаются и формулируются в последующем своем развитии правовые нормы. На основе обширного исторического, юридико-антропологического материала можно сказать, что социальные взаимосвязи первобытных обществ по своим признакам ничем не отличались от правовых отношений в современном обществе. Наряду с такими признаками, как социальность, коллективность, общеобязательность (императивность), обеспеченность мерами принуждения, характерными для правоотношений в их современном понимании, система средств регулирования первобытного

¹ Давидович В.Е. Сущность культуры / В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1997, с. 261-263.

² Ким М.П. О культуре как предмете исторического изучения. М.: Мысль, 1974, с. 20-22.

общества содержит в себе такие признаки, как синкретизм, образность (мифологичность), ритуализованность, обезличенность, которые в той или иной степени присущи и современному праву. Правовые нормы первобытных обществ опирались на самостоятельные начала и существовали как самообеспечивающиеся¹.

При всем принципиальном различии между эпохами до и после становления права они имеют и нечто общее, а именно феномен власти. Ранние правовые отношения, не имея государственно-властной поддержки, складывались на основе обычаев в результате развития социального взаимодействия и социального обмена, неизменным атрибутом которых была власть. На достаточно обширном этнографическом материале было установлено, что механизмы социального контроля присутствуют в любом обществе. Тем самым проблему происхождения права в юридической антропологии следует понимать как преобразование одних форм и механизмов власти в другие, качественно иные, вызванные к жизни совокупностью стимулов и факторов, подлежащих исследованию. Понятие права при таком подходе предстает производным, вторичным по отношению к понятию власти. Последнее же в большинстве случаев восходит к известному определению М. Вебера: власть – это «способность ограничивать поведенческие альтернативы других людей»². На наш взгляд, в первобытном обществе власть была на самом деле властью права, вернее, обычного права. Власть природы и власть человека были неразделимы. Власть заключалась в «царствовании» обычного права, т.е. в «самовластии». В те далекие времена вплоть до «торжества» закона перед «властью» обычного права все формы «властвования» были ничтожны или «слабы». Но одно из наших предположений состоит в том, что зарождению и формированию норм обычного права во многом способствовала власть в лице авторитетов, вождей и т.д., которые на самом деле больше всех были или должны были быть заинтересованы в упорядочивании отношений в границах разных локальных замкнутых сообществ. Тут мы, видимо, соприкасаемся с генезисом еще одного явления социального – власти, которая не является непосредственно предметом нашего

¹ Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. М.: Юрист, 1997, с. 25-30.

² Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990, с. 70-72.

исследования. Но несомненно то, что процесс политогенеза неразрывно и даже органически связан с процессом правогенеза. Это нам говорит о том, что в основе правогенеза лежат и субъективные факторы, а именно элита, которая во многом способствовала легитимации порядка посредством селекции.

Эти выводы антропологов легли в основу расширительно-го понимания генезиса права, в котором отражается стремление так или иначе не упустить из виду самого реально существующего явления: какого-то механизма, посредством которого субъекты, в том числе и власть, дают о себе знать в жизни любого общества.

Термином «вождь» обозначается глава позднепервобытной общины, племени или союза. Вожди, старейшины составляли духовно-идеологический слой общества. Собственно говоря, социализация первобытности определялась ими больше, чем другими. Появившись вследствие общественного разделения труда, они как профессиональная группа, имея под собой определенный опыт и знания, способствовали и дальнейшему совершенствованию социального регулирования. Немаловажное значение в развитии ранних форм права, видимо, имела своего рода первобытная идеология как один из факторов, лежавших в основе возникновения права. По логике мышления первобытного человека, все существующее разумно. А раз так, то цель и задача человека: с помощью своего регулятивного арсенала сохранить и воспроизводить то, что уже существует, и следовать тому, кто легитимирует существующее.

Е.А. Мельникова, первая использовавшая термин «вождество», отождествляла его с дружинным государством. Иногда вождество называют «протогосударством», «племенными княжениями». Занимаемый вождем высший военный пост обеспечивал ему право отдавать военные приказы и возможность поддерживать требуемый уровень дисциплины¹. По Э. Аннерсу, из «командного права» в дальнейшем возникло примитивное военно-уголовное право, распространявшееся, например, на такие проступки, как предательство, трусость в бою, дисциплинарные преступления и т.д.². Но, на наш

¹ Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право, 1992, № 10, с. 108-111.

² Щербакова Н.В. Факторы формирования правовой установки личности. Ярославль, 1995, с. 187-190.

взгляд, «командное право» не отражает всей сути права, скорее всего, это было «право авторитета» или «авторитетное право», которое более глубоко отражает традиционность обычного права и общества в целом. В этот период необходимо было соблюдать сложившиеся традиционные правила поведения, для чего требовалось подчиняться естественному порядку, а не командовать.

Опираясь на выводы антропологов, можно полагать, что исходную опору зарождающегося права составляют не экономическое неравенство и не классовое насилие, а организационные нужды, с возросшими масштабами которых родоплеменное общество обычными средствами справиться уже не может. Общество вынуждено выделять из своей среды специализированную прослойку вождей для организационных дел, в руках которых сосредоточивается все большая власть над остальным населением. Социальные нормы первобытного общества обеспечивались главным образом не внешней, а внутренней санкцией общественного отношения, т.е. подавляющее большинство людей соблюдало их в силу того, что предписание отвечает их внутреннему убеждению. По нашему мнению, развитию обычного права способствовали убежденность и доверие людей к тогдашнему порядку и психологическая готовность воспринимать существующие нормы поведения как правильные, разумные, полезные. Люди охотно следовали любому авторитету, поддерживавшему существующий порядок. В случае его нарушения возможным и необходимым становилось применение институтов внешнего социального контроля. И это тоже значимое событие в генезисе права. Можно сказать, что право возникло из единства внутренних и внешних социокультурных факторов. Надо отметить, что вождество, особенно в ранние периоды, представляло собой мирное теократическое образование, не располагавшее механизмами насильственного принуждения. Потому власть вождей реализовывалась не насилием, а идеологическими средствами. Вождь в силу своей авторитетности пытался разрешить всякие споры мирным путем; с другой стороны, его деятельность стала прецедентом. Решение правового авторитета всегда считалось справедливым. Авторитетность и уважаемость этих лиц была основана на традициях, символах, на образе предков и, следовательно, на обычном праве родового строя. Авторитет древнего «упорядочивающего» всегда понимался как тайная связь с духовными предками, которые под-

держивали миропорядок, как бы «изнутри» способствуя добровольному следованию норм. Авторитетность регулировала, прежде всего, внутриобщинные и межобщинные отношения посредством обычая. Обычай стал институциональной формой, способствовавшей мирной жизни, отрицавшей безграничное насилие, межродовую рознь и причиняемое ими разрушение.

И сакрализация личности вождя способствовала окончательному формированию данной должности как политико-правового института. Следовательно, в основе правогенеза лежит, на наш взгляд, помимо прочего, еще и индивидуальное, личностное, авторитетное начало социальной жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями. Видимо, с этим не в последнюю очередь связаны особенность европейского правового развития и его сегодняшняя рационализация.

Появление института вождества Р. Карнейро считает чрезвычайно важным в истории человечества: «Появление вождества было ... самым важным, единственным в своем роде шагом, когда-либо совершенным в ходе развития. Преодоление общинной автономии потребовало длительного времени – трех миллионов лет, но когда оно произошло, оно открыло огромные возможности. ... Через несколько тысячелетий после возникновения первых вождеств – а на самом деле, может быть, и через несколько веков – появились первые государства, а вскоре и первые империи»¹.

Итак, для догосударственного (традиционного) общества характерно наличие права как социокультурного регулятора общественных отношений. В антропологии по-разному называется правовой регулятор первобытных общественных отношений: и «примитивное» право, и как «эмбриональное» право, «рудиментарное» право, но, по справедливому замечанию Г.В. Мальцева, как бы оно ни называлось, право в первобытном обществе все-таки – право. В период разложения первобытнообщинного строя оно уже существовало как обычное право. По мнению Г.В. Мальцева, обычное право можно считать правовым потому, что: а) оно имело известную самостоятельность, автоматически действовало в условиях разноречивости (например, в долговом отношении или в отношении дарения); б) в отличие от моральных и политических норм, в праве существовала строгая регламентация; в) постоянность,

¹ Цит. по: *Щербакова Н.В.* Указ. соч., с. 187-190.

устойчивость в сходных ситуациях между преступлением и наказанием, причинением имущественного вреда и возмещением; г) обычаи были правовыми по силе общественного механизма (по способу обеспечения норм). В силу этих признаков обычное право сохраняло свой престиж и на начальном этапе государственности.

Таким образом, в период разложения родового строя обычное право, с одной стороны, способствовало безболезненному переходу к ранней государственности, с другой – являлось самым эффективным способом адаптации пока еще не укрепившихся государств. Обычное право как источник права удобно своей консервативностью: его нормы широко известны, к ним привыкли, соблюдение норм правового обычая, помимо силы государственного принуждения, обеспечивается их сакральным характером. Обычное право доминировало в древневосточных цивилизациях до и в период всего Средневековья, вплоть до появления закона как иной формы права и правовой жизни. Но здесь нам бы хотелось отметить следующее: между историческим развитием этих двух форм права (обычая и закона) существует своеобразная диалектика. Дело в том, что разрушение традиционного общества, сама логика развития обычного права привели к появлению закона; в свою очередь, закон стал логическим и историческим продуктом развития обычного права в контексте развития социума в целом. Вернее, к замене форм права, на границах преемственности, привели внешние и внутренние факторы, т.е. закономерности общества и закономерности права как элемента социума. Мы полагаем, что, скорее всего, развитие права как подсистемы «подчинилось» принципам развития общества как макросистемы.

И.Ю. ЧЕЛЕНКОВА
*кандидат социологических наук,
референт заместителя Председателя
Законодательного собрания Ленинградской области**

Институциональная недостаточность управления территориями опережающего развития (социологический аспект)

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы оптимизации управления территориями опережающего развития (ТОР) на основе улучшения качества нормативно-правовых актов. Предполагается, что быстрая смена норм в системе управления способствует возникновению институциональной недостаточности как противоречия между потребностью в новых нормах и возможностью их внедрения в практику социально-экономических отношений с последующей коррекцией.

***Ключевые слова:** территория опережающего развития, управленческий процесс, нормативно-правовой документ, институциональная недостаточность, ценности, цели, стратегическое развитие.*

I.Y. CHELENKOVA
*Candidate of Sociology, Assistant Deputy Chairman of
the Legislative Assembly of the Leningrad Region*

Institutional inadequacy of the management of territories of advanced development (sociological aspect)

* Челенкова Инесса Юрьевна, e-mail: inessa_2407@mail.ru

The article discusses theoretical and practical issues of optimization of the management of the territories of advanced development (TOR) on the basis of improving the quality of regulatory legal acts. It is assumed that the rapid change of norms in the management system contributes to the emergence of institutional insufficiency as a contradiction between the need for new norms and the possibility of their introduction into the practice of socio-economic relations with subsequent correction.

Keywords: *territory of advanced development, management process, regulatory and legal document, institutional insufficiency, values, goals, strategic development.*

Оптимизация государственного управления регионами является одной из приоритетных исследовательских проблем в социологии управления. Для социологического подхода решение управленческих задач в регионах рассматривается на основе регулирования потребностей, интересов бизнеса, населения, всех уровней власти, формирования нормативно-ценностного комплекса, обеспечивающего предпринимательскую активность и др.

За последние годы государственное управление внесло существенные коррективы в политику развития регионов. При сохранении субвенций для дотационных регионов был выбран механизм опережающего развития локальных территорий на основе создания благоприятного преференциального режима, который может в дальнейшем положительно повлиять на социально-экономическое развитие региона в целом. Механизм развития был обоснован в теориях "поляризованного роста", получил применение на практике за рубежом и в нашей стране путём создания "особых экономических зон". С учетом опыта, скорректированный институт управления "территориями опережающего развития" (ТОР) начал внедряться в качестве эксперимента с декабря 2014 г. в Дальневосточном мегарегионе; с 2017 г. был распространен с модификациями на всю территорию страны.

С момента создания такой сложной социально-экономической общности, как ТОР, прошло немного времени и его управление на этом этапе отличается противоречивостью и неустойчивостью. Правовой режим ТОР внедрялся в сжатые сроки и по мере промышленного освоения территории в его обширную правовую базу постоянно вносятся дополнения, изменения. Быстрая и регулярная сменяемость норм приводит к ситуации, когда участники управленческого процесса свои отношения начинают осуществлять на основе малоэф-

фективных, но стабильных и привычных норм. Возникающее противоречие между потребностью в новых нормах и возможностью их внедрения в социально-экономические отношения определяется нами как *институциональная недостаточность* управленческого процесса.

В традиции "понимающей социологии" результативность управленческой деятельности обеспечивается на основе непротиворечивости управления тенденциями общественного развития. Задача управления состоит в том, чтобы при *создании нормативно-правового продукта* увидеть, понять за внешним хаосом, "анархией" событий внутреннюю их логичность, объяснить сигналы, которые посылает социальная реальность, дать им оценку, выбрать из альтернатив верное решение, учесть временной лаг, пройти трудный путь пространственной реализации, чтобы получить результат, отвечающий замыслу.

С соблюдением управленческого цикла, проработанностью каждого его элемента связан, по убеждению Ж. Тоценко, ключевой вопрос по совершенствованию управления на современном этапе общественного развития¹. Один из вариантов алгоритма процесса управления дается на схеме.

<p><i>Потребности, интересы, ценности: цели – проблемы – задачи – решения – продукт в виде нормативно-правовых актов (НПА) – внедрение продукта – сравнение – коррекция – результат.</i></p>
--

Но не все сводится к соблюдению алгоритма при создании нормативно-правовых актов. Не меньшее значение имеет рефлексия управленческой деятельности на ряд методологических проблем. В рамках статьи уточним роль трёх смысловых концептов: "ценность", "цель", "стратегия" в создании и внедрении управленческого продукта.

Первое. В управленческой мысли отстаивается идея о приоритете ценностей по отношению к целям (А.И. Пригожин). Побуждаемые ценностями, ради продвижения к ним ставятся цели, принимаются решения, а не наоборот. Если либерально-демократические ценности определили цель создания собственности на основе программы приватизации, то ценнос-

¹ См.: Тихонов А.В. Социология вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования, 2018, № 2 с. 110-111.

ти самостоятельности, независимости государства определяют цель опережающего социально-экономического развития региона на основе создания территорий опережающего развития. При отсутствии внятной общегосударственной идеологии, как собрания высших ценностей сложно формулировать цели управления как желаемое состояние объекта управления. Вопрос о включении ценностей в алгоритм процесса управления уже осуществляется на практике. Управление " по ценностям" (Management by Values, MBV), основу которого составили концептуальные установки С. Долан, С. Гарсия¹, осваивается в практике менеджмента путём формирования у сотрудников компаний согласованных и разделяемых ценностей. Начинает реализовываться идея об участии государственного управления в создании общественных ценностей на основе "менеджмента публичных ценностей" путём привлечения граждан к активному обсуждению и участию в решении приоритетных государственных задач.

Концептуально-ценностный ориентир для разработки нормативно-правового продукта развития мегарегиона, территорий опережающего развития по Дальнему Востоку содержится в ежегодных Посланиях Президента Федеральному Собранию. Из Посланий за 2013-2019 гг. на основе контент-анализа были выделены ценностные концепты, относящиеся к TOP:

- ключевая роль в подъёме ДВР;
- конкурентная с АТР сеть специальных территорий;
- особые условия для резидентов;
- организация несырьевых производств;
- создание необходимых правовых актов.

В ходе корректировок нормативных документов ныне формирующиеся черты TOP стали отличаться от базовой/первоначальной модели (см. табл.)

¹ Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке. М.: Претекст, 2008. 313 с.

Параметрические отклонения в управлении ТОР от базовой модели*

ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТОР	ХАРАКТЕРИСТИКИ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ ТОР	ОТКЛОНЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ТОР НА НЫНЕШНЕМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
Цель	Создание новых и модернизация старых производств на основе приоритета иностранных инвестиций	Создание новых и модернизация старых производств на основе российских инвестиций
ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ	На основе программно-целевого проектирования	Отсутствие программ развития в течение 4 лет
ПРИРОДНАЯ СРЕДА	Равномерное распространение производства на территории	Неравномерное распространение производства на территории (поясность)
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СРЕДА	Приоритет развития обрабатывающих отраслей	Приоритет развития добывающих отраслей
ФОРМЫ СВЯЗЕЙ	Создание цепочек ценностей, кластеры	Корпорации, монополии
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА	Государственно-частное партнёрство	Создание институтов развития, административный контроль
МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕГИОНА	Высокий уровень (мониторинг)	Ниже среднего уровня (мониторинг)
ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, НАСЕЛЕНИЯ	Партнёрство, доверие, удовлетворённость населения решением социально-экономических проблем, учёт и согласование интересов заинтересованных сторон	Индивидуализм, конфликты, противостояние, оппортунизм, недоверие населения, противоречия между резидентами и другими предпринимателями; руководством ТОР и работниками/населением; между регионами/муниципалитетами, имеющими ТОР и другими муниципалитетами; конкуренция за инвесторов

*Составлено автором

Из параметрических характеристик ТОР следует, что в управленческом процессе проявляются тенденции отхода от идеи ТОР как "прорыва" в социально-экономическом развитии

на основе новых технологий, кластерных, сетевых форм организации промышленного производства и перехода к инструменту ТОР как "выходу" из кризиса экономического развития в мегарегионе. В условиях частой смены "правил игры" начинает утрачиваться инновационный пафос документов и самого проекта. Среди субъектов управления отмечается преобладания мотивации на решение текущих задач путём выживания бизнеса и территории и обращение к использованию привычных образцов действия.

Второе. Цель, которая поставлена перед ТОР, заключается во взаимосвязи развития промышленного производства на основе новой технологии и качественного улучшения социальных условий жизни населения. Закономерностью общественного производства является единство экономических и социальных процессов. С усложнением характера общественного производства, его социальной структуры возрастает значимость согласованности экономических и социальных целей развития, их взаимообусловленности, обогащения экономики региона социальным содержанием. Степень социальности экономического развития измеряется уровнем развития социального потенциала региона.

В управлении ТОР приоритет отдан экономическим целям развития. Экономический сценарий развития ТОР получил предсказуемый результат. Мегарегион, начиная с 2017 г., сумел по целому ряду экономических показателей показать опережающий уровень развития по сравнению с общероссийским. Несоблюдение баланса социальных и экономических целей привело к тому, что промышленное производство ТОР и региона в целом оказалось в институциональной ловушке социальной проблемы – нехватки кадров для нового производства. Причины связаны не только с особенностью демографического этапа в развитии общества, оттоком из региона экономически – активной части населения, но и медленной переориентацией системы образования мегарегиона на подготовку востребованных производством профессий. Меры по восполнению трудовых ресурсов снижают остроту проблемы, но разрешение социальной дилеммы возможно только при качественном улучшении социальных условий жизнедеятельности населения региона и изменении в системе образования.

Одной из попыток комплексно подойти к решению проблем опережающего развития ДВФО, смягчить экономизм принятых

решений по ТОР стало введение *механизма приоритизации*. Это означало, что в государственных программах выделяются "дальневосточные разделы", которые содержат конкретные цели, мероприятия и ресурсное обеспечение по опережающему развитию соответствующих сфер и отраслей на Дальнем Востоке. Однако отсутствие достаточных финансовых средств, контроля и ответственности исполнителей привело к половинчатости и формализации мер, институциональной недостаточности решения социальных проблем в регионах ДВФО.

Третье. Переориентировать управленческий процесс на приоритетное развитие Дальнего Востока было сложно из-за отсутствия качественных стратегических, комплексных программ, отвечающих потребностям опережающего развития мегарегиона. Отсутствие таких программ стало одним из последствий прерванной богатой традиции в планировании, игнорирования собственного опыта в этой сфере управленческой деятельности. В планировании наметилось отклонение в методологии создания программ, где особая роль принадлежит прогнозированию, выбору варианта того пути развития, которое делает возможным максимально предотвратить или смягчить воздействие общественных катаклизмов. Ослабление научно-аналитической базы в планировании привело к тому, что в программах намечают меры *не до, а постфактум* выхода из сложившейся ситуации.

Следует признать, что к настоящему времени в государственном управлении наметились позитивные изменения в стратегическом планировании развития регионов. Минвостокразвитие подготовило программу территориального (Национального) развития Дальнего Востока до 2024 г. и на перспективу до 2035 г., в которой синхронизированы меры с Национальными проектами и скоординированы планы по строительству социальной инфраструктуры с инвестиционными проектами на местах. В документе намечены темпы экономического роста, превышающие в полтора раза среднее значение по стране, и меры повышение качества жизни населения Дальнего Востока до уровня выше среднероссийского.

ТОР завершают формирующий комплекс стратегического планирования развития регионов. Первые документы ТОР обеспечили прозрачность деятельности и создали необходимый правовой задел для начала освоения территории. Годовые отчеты АО "Управляющей корпорации по развитию

Дальнего Востока" фиксируют поступательную динамику становления ТОР на основе количественных показателей: резидентов, инвесторов, объёма инвестиций, инфраструктуры, рабочих мест, проверок, судебных разбирательств, уровня удовлетворенности участников процессом становления ТОР и т.п. На сегодня практически все ТОР ДВФО располагают Планами перспективного развития, разработанными на основе проектного метода управления. Планы раскрывают уникальность каждой территории опережающего развития, конкурентные преимущества, нацеленность на успех.

Все эти меры позволяют обеспечить взаимосвязь государственных программ и Национальных проектов по территориальному принципу на основе программно-целевого и проектного методов. На основе последнего становится возможным повысить качество управления. Эффективность управленческого процесса возрастает за счёт улучшения исполнительской дисциплины команды, которая несёт за проект персональную ответственность *от начала до его завершения, а также благодаря* оперативности принятия решений, которые *сокращают* систему ведомственных согласований.

Следовательно, в системе управления формируется комплексная структура стратегирования управленческого процесса регионами. Она включает в себе ценностную ориентацию на целевую согласованность, ресурсную сбалансированность и хронологическую сопряженность по задачам планирования развития на различных уровнях управления от федерального до ТОР включительно.

В заключение отметим, что управленческие процессы развиваются с предсказуемой институциональной недостаточностью, неизбежными противоречиями, конфликтами, запаздыванием и искажением коммуникационных сигналов, идущих из центра через ведомственные, региональные, муниципальные структуры до конкретных исполнителей. Тем не менее, в зависимости от рефлексии управленческой системы, её открытости к позитивному восприятию критики и использования накопленного научного потенциала, становится не только желаемым, но и возможным получение оптимального результата от создания до реализации управленческого продукта.

О.Ю. РОЛДУГИНА
*кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечества, государства и права Московского государственного университета геодезии и картографии, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова**

Теория ненасилия и практика социального управления

Цель исследования – обосновать возможность применения теории ненасилия в управлении социальными системами. Раскрыто положение о социокультурной природе насилия. Показано, что возрастание интереса к идее ненасилия связано с характером изменений, произошедших в общественном сознании в последние столетия. Эти изменения привели к лишению насилия той моральной санкции, которая делала возможным его применение в жизни общества и личности. Приведены исторические примеры, свидетельствующие о результативности применения ненасильственных методов в решении социальных задач.

Ключевые слова: социальное управление, насилие, агрессивность, ненасилие, мягкое управление.

O. Yu. ROLDUGINA
PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of history of the Fatherland, State and law Moscow State University of Geodesy and Cartography Associate Professor of the Department of History and Philosophy Plekhanov Russian University of Economics

Nonviolence theory and social management practice

* Ролдугина О.Ю., e-mail: rol_olga.72@mail.ru

The purpose of the study is to substantiate the possibility of applying the theory of non-violence in the management of social systems. The position on the social and cultural nature of violence is revealed. It is shown that the growing interest in the idea of nonviolence is associated with the nature of the changes that have taken place in public consciousness over the past centuries, which have led to the deprivation of violence of the very moral sanction that made its use in the life of society and the individual possible. Historical examples are given that testify to the effectiveness of the use of non-violent methods in solving social problems.

Keywords: *social management, violence, aggressiveness, non-violence, soft management.*

Середина прошлого столетия – время, признаваемое всеми современными исследователями началом формирования общества нового типа. Кардинальные изменения, произошедшие в технико-технологической сфере, привели к глубинным трансформациям всех областей общественной жизни. Новое, так называемое «информационное общество», вызвало к жизни новые способы организации и функционирования экономики, политики, социальной и культурной сферы.

Радикально изменилось не только общество. Изменился и сам человек. Новыми стали духовно-нравственные доминанты, определяющие его социальное поведение, – его представления о фундаментальных целях и ценностях, правах и обязанностях, нормах и правилах взаимодействия с людьми, общественными группами, организациями и социальными институтами.

Общество оказалось перед необходимостью поиска нового типа социального управления.

Социальное управление представляет собой воздействие на социальную систему с целью сохранения ее целостности и качественной специфики, воспроизводства, совершенствование и развитие. Оно оказывается эффективным только при соблюдении двух основных условий. Первое условие: система управления, как *функция самоорганизующихся социальных систем*, соответствует базовым принципам экономических, политических, правовых, нравственных отношений. Второе условие: субъекты управления учитывают основные параметры и характер сложившихся в системе отношений.

Какими бы сложными ни представлялись предстоящие в качестве объектов управления природные и технические системы и элементы этих систем, следует признать, что любой человек или группа людей, выступающие в подобном же

качестве, являются неизмеримо более сложными. Главным объяснением этому служит наличие у людей свободы воли, сознания и самосознания, через которые преломляется каждое направленное на них управленческое воздействие. Именно поэтому, строго говоря, всякое управленческое воздействие является *взаимо-действием*, имеет субъект-субъектную природу.

На протяжении всей истории человечества социальное управление осуществлялось за счет применения насилия. При этом многообразные формы этого насилия представлялись в общественном сознании как своего рода «столпы», незыблемые основания поддержания общественного порядка, единственно возможные инструменты сохранения целостности и устойчивости общества. Они получали политико-правовую, часто религиозную и, обязательно, моральную санкцию.

В новый и новейший период своей истории человечество столкнулось с ранее не существовавшими видами массового насилия: революциями, государственным террором, различными видами экстремизма, нетерпимости и фанатизма. На фоне все возрастающих масштабов насилия и многократного увеличения количества его жертв общество стало задумываться о признании насилия в качестве действенного инструмента разрешения социальных проблем.

Насилие стало терять моральную санкцию. Не только общество на уровне группового сознания, но и сам человек на уровне индивидуального сознания стал более «чувствителен» к попыткам ограничить нравственную свободу человека и принудить его к действиям, противоречащим его убеждениям.

В поисках альтернативы насилию как методу разрешения возникающих противоречий человечество обратилось к идее ненасилия.

Прежде чем рассматривать теорию ненасилия, необходимо понять природу насилия.

В настоящее время слово «насилие» употребляется в самых различных значениях и контекстах. В прямом и буквальном смысле под насилием понимается физическое давление, какой-либо материальный ущерб, наносимый человеку. В более широком смысле под ним понимается доминирование над свободной волей человека: «Насилие есть узурпация свободной воли, такое отношение между людьми, в ходе которого

одни силой, внешним принуждением, навязывают свою волю другим»¹.

В этом случае в качестве примеров приводятся и формы внеэкономического принуждения работника к труду, и методы манипулирования сознанием посредством средств массовой информации и коммуникации, превращающих человека в пассивного участника и исполнителя готового политического сценария или коммерческого проекта.

Современный научный взгляд на природу насилия исходит из основных положений:

- насилие имеет социальную (социально-психологическую), а не биологическую природу;
- как социальное явление насилие носит надличностный (внеличностный) характер;
- насилие всегда конституируется и интерпретируется в рамках культурных кодов².

Первое положение исходит из различения самих феноменов и понятий «насилие» и «агрессия». Под агрессией обычно понимается целенаправленное разрушительное, наступательное поведение, нарушающее устоявшиеся социальные нормы и правила, причиняющее физический ущерб людям и вызывающее у них психический дискомфорт, отрицательные переживания состояния страха, напряжённости, подавленности. Агрессия – это «реакция, в результате которой другой организм получает болевые стимулы» (А. Баас). Это самопроизвольное инстинктивное поведение, наблюдаемое в том числе и у других высших позвоночных животных. Она всегда направлена на конкретный объект и имеет своим источником испытываемое человеком психическое переживание, связанное чаще всего с лишением или ограничением возможности удовлетворения жизненно важных потребностей. Это позволяет говорить о том, что агрессивность – это устойчивая черта личности, которая выражается в готовности к внешнему проявлению недовольства, в склонности интерпретировать поведение другого как враждебное.

В отличие от агрессии как биологического «инстинкта борьбы, направленного против собратьев по виду» (К. Лоренц),

¹ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994, № 6, с. 36.

² Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб.: Изд-во «Наука», 2001, с. 11.

насилие имеет социальную и культурную природу. По мнению Маркса, разделяемого многими его последователями, насилие есть инструмент удержания господствующим классом своей власти, одно из «неотъемлемых прав» государства как политического института классового общества.

По мнению современного исследователя Х.Хекхаузена, насилие всегда есть результат социальных противоречий и неблагоприятных. Если в обществе явно или неявно поощряется стремление любыми средствами подчинить себе людей (например, через узурпацию власти), то все деструктивные явления – это «доведение до логического конца принятой в обществе системы ценностей, смена которой возможна только в результате радикальных социальных преобразований, а не вследствие изучения агрессивного поведения»¹.

Таким образом, агрессивность – это не что иное, как биологический инстинкт, проявляемый в той или иной ситуацией отдельным человеком. Насилие же – это не просто акт агрессии. Как санкционированное обществом, насилие, его мера и культурные формы входят в саму структуру социальных отношений, неразрывно связаны с системой доминирования и власти. Механизмы насилия запускаются в процессе осуществления социального контроля и направлены на сохранение или же разрушение существующего социального порядка.

Насилие имеет надличностный характер: желательные и допустимые модели разрешения спорных и конфликтных ситуаций, закрепленные в обычаях, традициях, законах, усваиваются и принимаются как руководство к действию людьми, воспроизводящими их впоследствии в той или иной жизненной ситуации. Насилие – это «институционализированная агрессия»², или принуждение, получившее государственную санкцию или, как минимум, общественное (массовое или групповое) одобрение.

Следует обратить внимание на третье положение. Вопрос, в скрытой форме содержащийся в нем, звучит несколько парадоксально: всегда ли насилие является насилием? Может ли считаться насилием над человеком или группой людей действие, которое не интерпретируется, а, следовательно, и

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003, с. 365.

² Румянцева Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1991/911/911081.htm> дата обращения 30.03.2019)

не воспринимается сознанием самого этого человека и этой группы в категориях «давление», «угроза», «репрессия», «наказание»? В человеческой истории можно увидеть немало примеров, когда люди не считали совершенные против них действия насилием, рассматривая их как способ реализации приписываемых отдельной социальной группе прав. Они сами допускали возможность применения силы со стороны правящей социальной группы, видели в этом одно из прав властителей на управление подчиненными и соглашались с тем, что власть при определенных обстоятельствах не только может, но и должна применять силу.

Государственное, массовое и групповое насилие, как, впрочем, и сопровождающая его агрессивность людей, в ближайшей перспективе, по-видимому, будут неуклонно возрастать. Приобретающие все более острые формы глобальные проблемы (рост загрязнения природной среды, исчезновение ресурсов и усиливающиеся на этом фоне международные противоречия, уязвимость глобальной экономики, рост народонаселения, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными странами) – свидетельства тех угроз, которые нависли над всем человечеством и каждым человеком в отдельности. Они потребуют установления значительно более строгой системы социального контроля, что, в свою очередь, будет способствовать росту напряжения в обществе и массовому распространению многообразных фобий.

При этом общество вынуждено будет в целях собственного сохранения и выживания, и это происходит уже сейчас, искать способы смягчения форм воздействия на сознание и поведение личности. Свидетельством этому является продолжающееся на протяжении последних столетий движение в сторону запрещения физического и психологического насилия над личностью в системе государственного управления, права, образования и воспитания. Можно вполне согласиться с теми, кто утверждает, что в условиях нарастания внешних и внутренних угроз, усиления «духа деструкции, противоречия и абсурдности», плотно утвердившегося в социальном, политическом, культурном ... существовании современного человека», оптимальным принципом организации общественной жизни на всех уровнях может оказаться только ненасилие¹.

¹ Феномены ненасилия и толерантности в социально-философской парадигме современного общества / Н.Г. Пряхин, И.С. Андронов. СПб.:

По мнению английского ученого и мыслителя Э.Гелнера, в прошлом «две вещи ... позволяли поддерживать порядок в человеческих обществах: принуждение и предрассудок»¹. Принуждение и есть предрассудок, а предрассудок и есть корень принуждения и насилия. На этом настаивают идеологи и защитники теории ненасилия. Присущую же людям веру в то, что применение насилия во всех видах человеческих взаимодействий неизбежно, они называют своего рода абберрацией зрения, которая не позволяет увидеть перспективность и разумность идеи ненасилия, в полной мере отражающей новое видение мира и человека².

Истоки идеи ненасилия традиционно принято усматривать в философских учениях индийских и китайских мыслителей древности. Так, китайский философ Конфуций, указывая на первостепенную важность использования воспитательно-педагогических методов воздействия на сознание людей, в свое время говорил: «Народ можно заставить повиноваться, но нельзя заставить понимать почему». В том же ключе звучит даосский принцип «у вэй» (недеяние, отсутствие деятельности), предполагающий невмешательство человека в естественный порядок вещей в подражание мировому закону (дао), отказ от малейшего давления на свободную волю другого человека. Комментируя актуальность идей Конфуция и Лао-цзы, авторы исследования «Менеджмент в китайской традиции» отмечают: «Оказывается, чтобы добиться чего-то, зачастую надо попросту не делать каких-то действий. Например, нельзя делать людям зла, причинять им боль, ссориться и ругаться с ними. Этим можно очень многого добиться»³.

Принцип ненасилия последовательно проводится и в индийской философии. Наибольшую известность, в силу определенных политических обстоятельств XX века (борьба Индии за независимость), приобрел принцип ахимсы (ahimsa), под которым понимается стремление и старание человека жить и неизменно действовать таким образом, чтобы не причинять

Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016, с. 4.

¹ Гелнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его соперники [Электронный ресурс]. URL: <https://texts.news/filosofii-pervoistochniki/kosmicheskaia-filosofiya-sbornik.html> (дата обращения 20.09.2019)

² Опыт ненасилия в XX веке. Социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996, с. 63.

³ Виногородский Б.Б., Сизов В.С. Менеджмент в китайской традиции. М.: Экономист, 2007, с. 98.

вред другим существам. Концепция ахимсы, разделяемая наиболее влиятельными восточными религиозными и философскими течениями (индуизмом, буддизмом, йогой, джайнизмом), является чрезвычайно всеобъемлющей; она включает в себя отказ от причинения вреда мыслям и чувствам других, их телам и имуществу; ненасилие не только в действиях, но и в речи и мыслях. Жизнь человека, которая построена на этом принципе, Будда уподоблял «мягкому ветру, проносающемуся мимо».

Главные положения, позволяющие оценить вклад восточных мыслителей в обоснование целесообразности ненасилия в сфере управления, следующие:

- представление о способности человека постичь природу реальности и его самого и действовать в соответствии с полученным знанием;
- представление о важности самоконтроля. При этом самоконтроль понимается не как способ подавления естественных импульсов, а как воспитание эмоций и чувств и подчинение их разуму;
- представление об эффективности слабых, строго соответствующих разумной мере, воздействий на сознание и волю человека для побуждения его к действию;
- представление об управлении как воспитании и исправлении¹.

Впрочем, с равным основанием следует видеть в идее ненасилия и продукт становления европейской мысли. Как отмечает современный отечественный ученый Б.Г. Капустин, вся европейская философия, «от Платона и Цицерона до Хабермаса и Ролза строится на оппозиции Разума и Насилия. Разум здесь есть то нравственное законодательство, которое исключает Насилие... Насилие выступает ... в качестве противоположного Разуму, т.е. Неразумия, ... отрицания морали как таковой»².

Европейская цивилизация шла к пониманию идеи ненасилия своим путем. Ее истоки можно найти в изречениях семи мудрецов, философских учениях Сократа и Платона, размыш-

¹ Более подробно см.: *Когай Е.А.* Философия мягкого управления: к истокам идей. Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Философия. 2014. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-myagkogo-upravleniya-k-istokam-idey> (дата обращения 01.02.2020)

² *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. Учебное пособие. М.: КДУ, МГУ, 2004, с. 279.

лениях основоположников и представителей всех, без исключения, эллинистических и римских философских школ. При этом определяющую роль в обосновании ненасилия как единственно действенного и нравственно оправданного способа преобразования личности и общества сыграло христианство.

В рамках средневековой восточной и западной христианской традиции принцип ненасилия, предполагавший отказ человека от ответного зла в отношении обидчика, милосердное и сострадательное отношение ко всем людям, включая врагов, раскрывался по преимуществу в контексте поиска путей к личному бессмертию и спасению души. Внутренняя борьба с желанием причинить ответное страдание и боль другому человеку ставилась в качестве одной из главных задач христианской аскетики.

Попытки расширить сферу применения этого принципа, построить на нем всю систему общественных отношений, включая те, которые складываются в системе управления, стали предприниматься философами Возрождения. Речь идет, в первую очередь, о христианских гуманистах – Эразме Роттердамском и Томасе Море. Оба мыслителя – убежденные противники любых форм деспотизма и идеологи «вечного мира». Разум и Природа, пишет Эразм Роттердамский, «учит человека согласию и миру»¹. И правитель «должен считать себя великим и благородным лишь тогда, когда он управляет и руководит добрыми подданными; он может считать себя счастливым, если приносит своим подданным счастье...; благоденствующим – если его города процветают в постоянном мире». При этом он указывает на то, что «мир и согласие среди горожан могут обуздать злые помыслы плохого государя»², тем самым высказываясь в духе идей, которые получают свое развитие в XVII-XVIII вв. в творчестве просветителей, в частности, в трудах Джона Локка, Жана-Жака Руссо.

В XVII веке на преимущество ненасильственных способов организации и управления общественной жизнью указывал известный чешский мыслитель Ян Амос Коменский. В своей работе «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» он с неудовольствием отмечал, что вся «современная фило-

¹ *Роттердамский Э.* Жалоба мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.marsexx.ru/lit/traktaty_o_vechnom_mire.html (дата обращения 21.01.2020).

² Там же, с. 54-55.

софия, религия и политика насковзь пристрастны, лицемерны и насильственны», и призывал к «переустройству их до основания», к «освобождению их от всего, что ... угрожает страхом, горем, ненавистью и уничтожением». Указывая на недопустимость в отношениях между людьми «насилия всякого рода», Каменский писал: «Лучше действовать сообща, мирными средствами, не насильственно; ведь очевидно, что весь род человеческий наделен благородным разумом, который скорее допустит руководство собой, нежели принуждение. Кто принуждает, тот ожесточает, уязвляет и отталкивает от себя»¹.

Дальнейшее развитие идея ненасилия получила в рамках концепций общественного договора. В каком-то смысле именно здесь она приобрела свой специфический европейский дух и характер. Предназначение и главная задача гражданского общества, по мнению Локка, состоит в том, чтобы максимально расширить свободу действий гражданина и ввести в правовые рамки формы столкновения интересов, устранив возможность насильственного разрешения конфликтных ситуаций. При этом институты управления, в первую очередь государство, теряют свой сакральный ореол и превращаются в инструмент, которым пользуется само общество для урегулирования конфликтов, возникающих между его отдельными членами и группами.

В рамках этой концепции поиск социальной гармонии ведется путем согласования со всеми заинтересованными сторонами и совместной выработки на основе консенсуса («общественного договора») основных правил, которым должна быть подчинена жизнь как всего общества, так и всех его институтов, организаций и социальных групп. В духе этой концепции один из ярких представителей современной западной политической этики Б. Сутор пишет: «...формальные, общие правила необходимы, если мы хотим разрешать конфликты без применения силы. Поэтому там, где в конфликтах сталкиваются интересы, договариваются о правилах»².

Важный вклад в концептуальное обоснование идеи ненасилия внес, на наш взгляд, Ю. Хабермас. Отвергая насильственные формы социального взаимодействия, он обосновал

¹ Коменский Я.А. Всеобщий совет об исправлении дел человеческих [Электронный ресурс]. URL: http://www.marsexx.ru/lit/traktaty_o_vehnom_mire.html (Дата обращения 23.01.2020).

² Сутор Б. Политическая этика // Политическая и экономическая этика. М.: Гранд, ФАИР-ПРЕСС, 2001, с. 55.

возможность и необходимость ориентации на компромиссно-консенсуальные методы коммуникации. По мнению философа, европейская рациональность, лежащая в основе современных стратегий социального поведения, по-прежнему зиждется на субъект-объектной модели социальных взаимодействий. Изменение стратегии социального поведения должно состоять в отказе от ориентации только лишь на цели деятельности, в пересмотре традиционной коммуникативной модели, заставляющей видеть в других лицах орудия, средства для решения поставленных задач. На смену субъект-объектной модели коммуникаций должна прийти субъект-субъектная модель диалога, где каждая из сторон рассматривается противоположной как самоценность. В рамках такого взаимодействия давление и принуждение как инструменты достижения цели взаимодействия станут невозможным¹.

Рассматривая вопрос о теоретическом обосновании идеи ненасилия, нельзя обойти вниманием вклад русских философов. Речь, прежде всего, идет о Л. Толстом, признаваемом сегодня автором наиболее известной и влиятельной во всем мире концепции ненасилия.

Как известно, при обосновании своего учения Л.Н. Толстой опирался на идеи буддизма, даосизма, христианства, учения Сократа, Марка Аврелия, Томаса Мора, Эразма Роттердамского и других своих великих предшественников. Заслуга русского мыслителя в том, что он превратил идею ненасилия в целостную социально-этическую концепцию, обосновав ее не только как главный нравственный принцип жизни отдельного человека, но и как принцип организации общественной жизни.

Насилие – это тип отношений, который построен на подавлении человеком (группой людей) воли другого человека (других людей). Совершать насилие значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие, – так определяет Толстой насилие. Возникновение насилия мыслитель связывает с появлением государства. Поскольку большая часть истории цивилизованных народов – это история развития государственных форм организации общественной жизни, то насилие постепенно распространялось на все тело общественного организма, глубоко поражая собой все его структуры – власть, судопроизводство, науку и искусство,

¹ Более подробно см.: *Бачинин В.А.* Социология. Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004, с. 331.

образование и воспитание. Насилие стало законом общественной жизни. Сегодня весь государственный и общественный порядок, жизнь отдельного человека, как считает Толстой, зиждется на насилии.

Философ видел глубокое противоречие в том, что люди насилием хотят обуздать насилие. Применение насилия против того, что считается злом, при отсутствии общего понимания и ясного различения всеми людьми, что есть добро, а что – зло, может стать только эскалацией зла. Насилие в отношении отдельных людей, осуществляемое даже в случае совершения ими преступления, безнравственно и бессмысленно, когда весь социальный, экономический, политический порядок тотально насильственен. Наконец, убеждение в том, что насилие может объединять людей, считает Толстой, не только ложно, но и опасно. На нем держится ошибочное общественное непонимание, которое не позволяет человечеству осознать, что объединение людей, построенное на принуждении, является чисто внешним и, следовательно, неизбежно временным и неустойчивым. Насилие «создает только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия»¹. Оно не позволяет ему усвоить истину, согласно которой подлинное объединение людей возможно только на основе закона любви.

Этот закон требует от человека способности и готовности поставить себя на службу другому, считая его волю и благо выше своих собственных. Ее наиболее полным выражением является любовь к врагам, т.е. к тем, кто причиняет человеку зло. Любовь несовместима с насилием. Она совместима только с внутренним духовным противостоянием силе при отказе от ответного внешнего физического или нравственного насилия. Именно христианство, по мнению мыслителя, обосновало этот принцип в полной мере и возвысило его до универсального нравственного закона, которому должна подчиняться вся общественная жизнь. Ненасилие – это идеальная цель траектории нравственного развития и личности, и общества.

В отношении отдельных людей, причиняющих зло другим людям или обществу, бессмысленно применять ответное насилие, нужно искать иные методы воздействия. Тем, кто сом-

¹ Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви// Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002, с. 15.

невался в том, что можно любовью победить зло, Толстой отвечал: «И они правы, но дело только в том, что любовь есть такое огромное в сравнении с обычными рассудочными делами действие, что последствия никогда не видны тому, кто их производит. Любовь не победит тех двух-трех злодеев, которых мы знаем, но победит тысячи, которых мы не знаем»¹.

Человеку, который сомневался в возможности реализовать принцип ненасилия в своей собственной жизни, Толстой объяснял, как это можно осуществить. Для этого нужно, во-первых, «перестать самому делать прямое насилие, а также не готовиться к нему. Второе: не принимать участия в каком бы то ни было насилии, делаемом другими людьми, а также в приготовлениях к насилию. Третье: не одобрять никакое насилие»².

В соответствии с логикой морального мышления, и автор учения о непротивлении злу силой ее придерживается, главным средством изменения несправедливого мира может быть изменение человеком самого себя, а также воздействие на его сознание через просвещение, убеждение и личный пример. Отдельный человек не может быть ответственным за всю несправедливость общественного устройства. Но как носитель морального сознания и свободной воли он ответственен за те нравственные цели, которые он сам выбирает, и за выбор средств, ведущих к их реализации. Выбирая цели и прилагая последовательные усилия по их самостоятельному осуществлению, человек оказывает прямое и непосредственное воздействие на происходящие в обществе события. По мнению мыслителя, чем больше людей примут этику ненасилия в качестве основы собственной практической деятельности, тем быстрее в мире искоренится зло.

Несмотря на кажущуюся оторванность от жизни толстовского учения, многие видные политические деятели XX столетия увидели в нем огромный практический потенциал и сделали его основой своих политических программ.

Наиболее очевидные доказательства применимости в социальной практике идеи ненасилия дают широкомасштабные политические движения – Индийское движение за независимость, получившее название сатьяграха (1920-1947), главным

¹ Толстой Л.Н. Дневник. 1897 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/dnevnik/1895-1899/dnevnik-1897.htm> (дата обращения 01.08.2019).

² Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения Л.Н. Толстого. Екатеринбург: ТОО «Альфа», 1994, с. 82.

идеологом которого стал Махатма Ганди и движение за гражданские права в США в 1955-1968 гг., которое возглавил Мартин Лютер Кинг. Происходили и отдельные политические события в Европе, Латинской Америке, России¹, показавшие эффективность применения ненасильственных методов в решении политических задач. Гражданское неповиновение, представляющее собой сознательное и намеренное, но ненасильственное нарушение несправедливых законов с целью оказания давления на правящие круги в направлении изменения этих законов; несотрудничество с властями (бойкотирование всех государственных мероприятий, в том числе выборов, отказ от государственных наград и титулов), принуждение к диалогу и достижению консенсуса – после освобождения Индии от колониального владычества Англии и прекращения расовой дискриминации в США эти практики прочно вошли в современную политическую жизнь.

В XX веке философское учение о ненасилии стало идейной основой политической деятельности огромных слоев населения, а сама идея ненасилия стала базовым принципом организации образовательных, педагогических и управленческих практик. Объяснение этому можно искать в сложившихся социальных и культурных условиях, а также в личностях самих ее «теоретиков», совмещавших в себе дар философов и социальных реформаторов. Однако разгадка состоит в том, что в концепции ненасилия органично соединились моральный абсолютизм и нравственная прагматика. Теория ненасилия позволила «конвертировать» логику морали в логику массового социального действия, предложила конкретные конструктивные и действенные методы разрешения возникающих в обществе проблем и конфликтов.

Она признала безусловную нравственную ценность каждой человеческой личности, ее свободу и достоинство, и представила человека как полноценного участника социальных взаимодействий. Она потребовала от всех участников общественных взаимодействий, в том числе и в первую очередь в ситуации возникшего конфликта интересов, верности своим убеждениям и готовности пострадать за них, впрочем, как и взаимной терпимости, терпения, открытости и искренности,

¹ Более подробно см.: Опыт ненасилия в XX веке. Социально-этические очерки. М.: Аслан, 1996. [Электронный ресурс]: URL: <https://iphras.ru/upl-file/ethics/biblio/N/content.html> (дата обращения 08.04.2019)

самоограничения, нацеленности на взаимовыгодный диалог и консенсус.

Потребность в обращении к концепции ненасилия в рамках современной теории управления обусловлена поиском адекватных современным социальным и культурным реалиям. Совершенно очевидно, что управление людьми, основанное исключительно или по преимуществу на принуждении, сегодня просто невозможно. Мировоззрение современного человека очень точно выразил в свое время американский мыслитель Генри Торо. Рассуждая об отношениях власти и подчинения в политической сфере, он писал: «Неужели гражданин должен ... предавать свою совесть в руки законодателя? К чему тогда каждому совесть? Я считаю, что мы должны быть сперва людьми, а потом уже подданными... Единственная обязанность, какую я имею право на себя брать – это обязанность всегда поступать так, как мне кажется правильным... Я не затем родился, чтобы терпеть насилие»¹.

Как верно отмечает отечественный исследователь, «в современных условиях управляющее воздействие должно быть не только оказано управляющей системой, но и принято управляемой системой»². Главная проблема для современного управления состоит в том, чтобы найти ответ на вопрос: как управлять людьми, которые осознают свою нравственную свободу и моральную автономию, воспринимают лишение или ограничение своих прав как насилие и считают защиту своих прав и свобод жизненно важными? Управление может достичь поставленных целей, только если исходит как из базовых принципов, из понимания нравственной суверенности человека, права на собственную позицию и неповиновение в случае, если человек вынужден выполнить распоряжение, которое не соответствует его убеждениям. Деятельность в сфере управления сегодня возможна только на основе отношений сотрудничества и солидарности, которые предполагают наличие сознательного и добровольного принятия коллективных и колле-

¹ Торо Г. О гражданском неповиновении. [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/43092/read> (дата обращения: 15.02.2020)

² Савельева О.О. «Мягкое» социальное управление в условиях риска: постмодернистские тенденции// Социально-ориентированное управление в условиях риска и неопределённости. М.: Спутник+, 2012, с. 50-61. [Электронный ресурс]: URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ykzpmxy4p/direct/113201317> (дата обращения 07.07.2019)

гиальных решений, отказ от использования методов принуждения и расширение использования методов убеждения.

Конечно, с неизбежностью возникают возражения, связанные с сомнениями в том, действительно ли такое «мягкое» управление, предполагающее опору на методы убеждения, приводит к более эффективному решению управленческих задач по сравнению с традиционным «жестким» управлением. Может ли, и если да, то при всех ли обстоятельствах менеджер позволить себе такую «роскошь», как убеждение своих подчиненных в необходимости выполнения данного им распоряжения? Тем более что в условиях современной жизни принимать решение приходится часто в состоянии острого лимита всех ресурсов и, в первую очередь, времени?

И все-таки стоит прислушаться к мнению одного из знатоков мировой практики ненасилия Дж. Фейхи, который отмечал, что, вопреки расхожему мнению, «ненасилие применимо в большем количестве ситуаций, чем мы привыкли думать»¹.

Попытки разработать на идеологическом и теоретическом фундаменте концепции ненасилия некоторые правила менеджмента давно и успешно осуществляются в западной науке. Примером таких разработок является ставшая классической книга К. Шиндлера и Г. Лапида «Великий поворот».

В работе разбираются различные модели разрешения межгрупповых противоречий на примере ведения деловых переговоров, описывается разработанный в Гарвардском университете метод «принципиальных переговоров». По мнению разработчика этого метода, искусство управления предполагает нахождение «золотой середины» между крайностями «жесткого» и «мягкого» управления.

Целью первого метода («Жесткая позиция») является достижение победы над оппонентом «во что бы то ни стало». Участники позиционируют друг друга как противники. Возникающие в ходе переговоров проблемы решаются на основе принципа «Быть жесткими к людям и проблеме». Предложения вносятся при использовании давления на оппонента. Имеющиеся односторонние преимущества используются исключительно для достижения собственной цели.

¹ Цит. по: *Гуренко Н.М.* Морфология, идеология насилия и стратегии выживания // Антропология насилия. СПб: «Наука», 2001, с. 90.

Второй метод («Мягкая позиция») характеризуется чрезмерной уступчивостью и допускает возможный отказ от своей позиции при обнаружении принципиального несогласия с оппонентом ради сохранения мира. Участники рассматриваются как друзья. Основной принцип, которого они придерживаются, – «Быть мягким к людям и проблеме». Метод допускает принятие потерь своих позиций в целях достижения целей переговоров. Рекомендуется уступать давлению со стороны оппонента ради сохранения мира.

Метод принципиальных переговоров, суть которого выражается в формуле «жесткая линия во всех вопросах, касающихся целей и ценностей, и мягкая линия в отношении людей», нацелен на максимально эффективное и бесконфликтное достижение общих и взаимовыгодных результатов. Его целью является компромисс. Предписывается отделять людей от обсуждаемой проблемы; учитывать интересы оппонента; придерживаться общих для всех участников переговорного процесса норм. Главное требование к участникам процесса – подчиняться не давлению, а норме и принципу¹.

При анализе представленных методов становится совершенно очевидной близость модели принципиальных переговоров учениям сторонников ненасилия – от Сократа до М.Л. Кинга, требовавших в любых конфликтных ситуациях, вступая в спор о ценностях и интересах, всегда сохранять верность своим убеждениям и уважение к убеждениям оппонента.

Еще одна попытка обоснования эффективности применения мягких методов управления предпринимается в рамках теории социальной синергетики. По мнению ее авторов, социальные системы, поскольку их элементами выступают люди, наделенные сознанием и свободой выбора, относятся к «системам с нечеткой структурой». Управление такими системами в принципе невозможно без опоры на присущую им самим силу самоорганизации, внутренние источники развития. Эта сила и источники связаны с людьми, их сознанием, в том числе моральным. Развитие социальных систем при этом осуществляется сразу по нескольким возможным сценариям. Реализация одного из них вызвана множеством внутренних и внешних факторов, учесть которые не в состоянии ни один субъект управления. При таком понимании природы социаль-

¹ Более подробно см.: Антология ненасилия. Nonviolence Anthology. М. – Бостон, 1992, с. 225-226.

ных систем становится совершенно очевидным и оправданным отказ от жестких директивных методов управления, которые могут нанести вред системе, в пользу мягких резонансных воздействий, оказываемых на самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему с целью направить это развитие в нужном направлении. Такое управление основывается на доверии субъекта к собственному ресурсу управляемой подсистемы, имеет стратегический характер, поскольку высвобождение творческой энергии объекта и раскрытие его инновационного потенциала на долгое время сохраняет устойчивость системы¹.

Сторонники мягких методов управления уверенно подчеркивают: их применение отнюдь не означает ослабления силы воздействия. Напротив, управление, выраженное в более тонких формах, способно шире и глубже проникать в структуры общественного бытия и сознания.

Теория ненасилия, и это показывает опыт XX столетия, не только предлагает один из возможных принципов и систему методов управленческой деятельности. При определенных условиях она может стать идейной платформой организации всего управленческого процесса, способствовать появлению новых эффективных практик управленческой деятельности. Ненасилие – действенный, хотя и не моментальный, перспективный – в глобальной гуманистической перспективе – способ организации межличностных и социальных взаимоотношений и взаимодействий.

¹ Более подробно см.: *Карпичев В.С.* Социальное управление в контексте социосинергетического знания [Электронный ресурс]: URL: <http://spkurdyumov.ru/globalization/socialnoe-upravlenie-v-kontekste-sociosinergeticheskogo-znaniya> (режим доступа 22.03.2019); *Харченко К.В.* Мягкое управление в современном обществе: тактика или стратегия? // Технологии мягкого управления в социальных системах: Сборник научных трудов. Белгород: Константа, 2007, с. 21-24.

О.А. ГАФИАТУЛЛИНА
*кандидат философских наук, доцент
кафедры права и социальных исследований
Башкирского государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы**

Философия моделирования в нейроинформационных технологиях искусственного интеллекта

В статье дается философское осмысление сложной междисциплинарной и комплексной проблемы «искусственного интеллекта». Предпринята попытка анализа проблемы моделирования познавательных способностей человека с позиции постмодернистского подхода, изучено влияние новых передовых технологий (искусственного интеллекта, роботизации и др.) на изменение жизни человечества и личности.

Ключевые слова: *сознание, интеллект, мышление, «искусственный интеллект», компьютерные сети, нейросеть, нейрон.*

O.A. GAFIATULLINA
*Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the
Department of law and social studies of Bashkir State
Pedagogical University n.a. M. Akmulla*

Modeling philosophy in artificial intelligence neuroinformation technologies

The article provides a philosophical understanding of the complex interdisciplinary and complex problem of «artificial intelligence». An attempt is made to analyze the problem of modeling human cognitive abilities from the position of a postmodern approach, and the influence of

* Гафиятуллина Ольга Айратовна, e-mail: Gafiatulolga@mail.ru

new advanced technologies (artificial intelligence, robotics, etc.) on the change of human life and personality is studied.

Keywords: *consciousness, intelligence, thinking, "artificial intelligence", computer networks, neural network, neuron.*

Проблема «искусственного интеллекта» актуализировалась в XXI веке, так как повсеместное вторжение «искусственного интеллекта» в нашу жизнь, во все сферы общества определяет развитие человеческого рода. В связи с этим некоторые исследователи даже говорят и пишут о наступлении постантропологической, постчеловеческой эпохи¹.

Главные риски для человечества ученые, философы, публицисты-фантасты связывают с развитием систем искусственного интеллекта (ИИ). Начало работ по созданию роботизированных систем относится к 1950-м гг. Образовались два подхода к изучению ИИ. При первом подходе (символьном) моделировали мыслительные функции человека, его рассудочную деятельность и поведение. Но потом верх взял другой подход, который предполагает моделирование работы нейронных сетей. В 1970-е гг. стали обучать нейросети решать задачи замены одних функций другими (функции нейронной сети человеческого мозга есть результат усложнения системы; а в этом случае, наоборот, функции как результат упрощения). При первом подходе программист должен был заранее задать последовательность вычислений, необходимых для решения задачи. С нейросетями не нужно знать эту последовательность – достаточно иметь много примеров входных данных и правильных ответов, а затем применить алгоритм обучения, который автоматически настроит параметры нейросети. В результате нейросеть сможет решать задачу не только для знакомых примеров, но и для всех остальных случаев².

В современной англо-американской философии сознания ведущим течением является физикализм, который представляет собой стремление перевести все знание на язык физики,

¹ *Орешников И.М., Шкерина Т.И. Философские размышления о проблеме искусственного интеллекта // Философия образования, №4, 2017, с. 5-11.*

² *Кузнецов В.А. Эволюция систем искусственного интеллекта, появление цифровых и иных сверттехнологий и их влияние на изменение социальной реальности, на создание нового качества общественной жизни // Вестник Челябинского государственного университета, Философские науки, 2019, № 8(430), Вып. 53, с. 5-10.*

а поэтому психические, умственные, психофизиологические и биологические процессы мозга являются физическими феноменами. В настоящее время в отечественной литературе предлагается синергийная антропология как новая гуманитарная парадигма, которая рассматривается как модель человека и теоретико-методологическое основание социальной философии и социального познания. В синергийной антропологии заметен неомеханизмизм, стремление свести более сложное к простому. В российской академической литературе представлена диалектико-материалистическая концепция сознания, в которой сознание есть высшая форма психического отражения действительности, присущая только человеку и неразрывно связанная с языком. В современной науке существует психофизиологическая проблема, возникшая еще в XVII в. и не решенная до сих пор. Психофизиологическая проблема выясняет вопрос о соотношении психических, умственных процессов и процессов физических, физиологических и сенсорных, происходящих в головном мозге человека¹.

Д.И. Дубровский во многих своих работах обосновывает субъективистскую концепцию сознания и идеального. В своих публикациях он всегда подчеркивает, что существует только индивидуальное, личностное и идеальное, непосредственно связанные с функционированием человеческого мозга. Позже он предложил информационную модель понимания проблемы «сознание – мозг». Сознание – особый тип информации, поэтому отношение между материальным и психическим следует рассматривать как отношение между носителем информации и самой информацией. Сознание отличается от других типов информации по своему кодовому воплощению. Кодом для сознания выступают мозговые нейродинамические процессы: сознание – образ, а мозговой процесс – код для этого образа. Интеллект человека – это общая, интегральная характеристика его умственного потенциала, способность познания и понимания действительности, самого себя и других людей, представляет собой совокупность всех его умственных способностей, навыков и умений, использование им в своей умственной деятельности всех познавательных средств, идеальных образов, форм абстрактного, логического мышления (понятий, суждений, умозаключений). В интеллектуальной деятельности человека участвуют не только рациональные,

¹ Орешников И.М., Шкерина Т.И. Указ. соч., с. 5-11.

логические и языковые средства, но и бессознательные и иррациональные явления и процессы и даже человеческая телесность. В связи с этим Б.В. Бирюков и Х. Дрейфус доказывают роль человеческой телесности в познавательной деятельности человека. Дрейфус показывает, что телесная организация человека позволяет ему выполнять функции, для которых нет машинных программ, она включается в общую способность человека приобретать телесные навыки и умения. Благодаря этой фундаментальной способности человек может существовать в окружающем мире и к нему рационально адаптироваться. Феномен искусственного интеллекта можно рассматривать не только как стремление создать модель разума, но и в контексте общей эволюции техники, в связи со стремлением человека создать идеальное орудие труда. Такой подход основан на вере в прогресс, характерной для классической науки. Искусственный интеллект может значительно облегчить жизнь человека, выполняя за него ряд трудоемких операций. Стремление к всеобщей автоматизации и созданию искусственного интеллекта как вершины человеческого интеллекта есть «мечта о всецело покоренном мире, о формально безупречной технике, обслуживающей инертно-мечтательное человечество»¹.

В 1943 г. психиатр и нейроанатом У. Маккаллок и математик У. Питтс сформулировали основные положения теории деятельности головного мозга. Ими были получены следующие результаты: разработана модель нейрона как простейшего процессорного элемента, выполняющего вычисление переходной функции от скалярного произведения вектора входных сигналов и вектора весовых коэффициентов; предложена конструкция сети таких элементов для выполнения логических и арифметических операций, топология сети задавалась экспериментатором; сделано основополагающее предположение о том, что такая сеть способна обучаться, распознавать образы, обобщать полученную информацию. Многие утверждения У. Маккаллока остаются актуальными в настоящее время. Принцип действия нейронов, заложенный Маккаллоком и Питтсом, остается неизменным: в каждом нейроне находится вектор коэффициентов, связанных с входом,

¹ Ястреб Н.А. Искусственный интеллект как симулякр третьего порядка // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства, 2012, с. 197-202.

сумматор и выходная функция, в той или иной форме напоминающая ступеньку. Серьезное развитие нейрокибернетика получила в работах американского нейрофизиолога Ф. Розенблата, который в 1958 г. предложил собственную модель нейронной сети. Розенблат ввел в модель Маккаллока и Питтса способность связей к модификации, что сделало ее обучаемой. Также был предложен метод обучения нейросети с учителем. Несмотря на большое количество работ, разница между нейронами головного мозга и искусственными нейронными сетями сохраняется до сих пор. Основным элементом нейронных сетей – искусственный нейрон построен на основе биологического нейрона спинного мозга, а такой нейрон только отчасти можно считать мозгоподобным. Поэтому для создания систем управления, построенных на нейроподобных базовых элементах, необходимо было исследовать реальный биологический нейрон больших полушарий коры головного мозга¹.

Основные усилия в нейрокомпьютинге сосредоточены на нейросетях, т. е. на принципах и алгоритмах соединений простейших элементов, большое значение может иметь характер представления самого нейрона, более детальное рассмотрение которого может повлечь за собой воспроизведение совершенно иных принципов организации и работы нейросетей в целом². Можно сделать вывод, что в центральной нервной системе не всегда соблюдается принцип сложности – элемент (нейрон) может быть и часто бывает сложнее сети.

¹ *Ёлкин С.В. и др.* О необходимости создания моделей бионических нейронных сетей // Новые информационные технологии в автоматизированных системах, 2009, с. 101-109.

² *Савельев А.В.* Обзор изобретений в области нейрокибернетика и нейро-моделирования // Радиоелектроніка, інформатика, управління. 2007, № 2,(18), с. 101-111.

М.И. ХОДЫКИН
*аспирант кафедры сравнительной
политологии факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Социально-экономические факторы политики Д.Трампа в сфере кибербезопасности

С приходом к власти в 2016 г. Дональда Трампа в США произошли колоссальные изменения, в том числе в сфере кибербезопасности. Повышение роли социально-экономического развития оказало существенное влияние на усиление внимания властей США к вопросам защиты интересов граждан в киберсреде. Приход Д.Трампа на пост президента усилил ответственность недружественных акторов за атаки в киберпространстве, а также изменил институциональный и доктринальный подход к киберсреде.

***Ключевые слова:** Д.Трамп, социально-экономические факторы, национальная безопасность, кибербезопасность.*

M.I. KHODYKIN
*Postgraduate student of the Department of Comparative
Political Science of Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University*

Socio-economic factors of D. Trump's cybersecurity policy

With the advent in 2016 of Donald Trump in the United States, colossal changes have occurred, including in the field of cybersecurity. The increased role of socio-economic development has had a significant impact on increasing the attention of the US authorities to the protection of the interests of citizens in the cyber environment. The arrival of D. Trump as president strengthened the responsibility of unfriendly actors for attacks in cyberspace, and also changed the institutional and doctrinal approach to the cyber environment.

***Keywords:** D. Trump, socio-economic factors, national security, cybersecurity.*

* Ходыкин Максим Игоревич, e-mail: m.khodykin@mail.ru

Победа Д. Трампа стала ответом на недовольство американцев привычным социально-экономическим курсом политических элит США. Еще в ходе предвыборной кампании будущий президент обещал снизить ставку налога на корпорации и работающих американцев, выйти из Парижского соглашения по климату, переназначить состав Верховного Суда, вернуть американских солдат из зарубежных операций, пересмотреть торговые соглашения, провести реформу здравоохранения, перестроить инфраструктуру. Не все из этих обещаний удалось выполнить на данный момент¹, однако они получили отклик среди американского народа и предопределили итоги президентской кампании 2016 г.

На выборах Дональд Трамп сумел опередить Хиллари Клинтон, хотя и не пользовался поддержкой значительной части политических элит. В отечественных исследованиях получил широкое распространение такой термин, как «фактор Трампа»². По мнению специалистов, он сыграл важную роль как во внутренней политике США, так и во внешнеполитическом курсе Америки³.

Протекционизм и конфронтация с ключевыми партнерами среди латиноамериканских, европейских и азиатских стран – основные направления политики, осуществляемой Трампом. Однако приход на должность президента США Д. Трампа изменил подход Соединенных Штатов не только к внешнеполитическому курсу и экономической политике, но и к относительно новому измерению в международных отношениях – сфере кибербезопасности⁴, признавая ее важную роль в социально-экономической жизни населения.

Анализируя социально-экономические факторы, которые могли оказать влияние на изменение политики в сфере кибербезопасности, стоит обратить внимание на тот факт, что Д. Трамп стал президентом в условиях, когда в США отчетливо

¹ Trump's campaign promises - has he delivered on them? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-37982000> (дата обращения: 11.05.2020)

² Травкина Н.М. Фактор Д. Трампа // Перспективы. Электронный журнал, 2018, № 1(13).

³ Арбатов А.Г., Арбатова Н.К. Фактор Трампа в российско-американских отношениях //Полис. Политические исследования, 2017, № 3, с. 160-178.

⁴ Ходыкин М.И. Изменение политики США в области кибербезопасности в период президентства Д. Трампа // Сборник статей Международной научно-практической конференции: В 2 ч. 2020, с. 193-195.

обозначилась и стала проявлять свое разрушительное действие тенденция к политической поляризации общества. Можно отметить, что американские политологи и аналитики в полный голос заговорили о поляризации общества как доминирующем тренде политической системы США еще в начале XXI в.

Исследователи отмечают, что кибербезопасность стала одним из национальных приоритетов и важным элементом деятельности правительства Трампа¹. По мнению старшего юрисконсульта и директора проекта по свободе, безопасности и технологиям в Центре демократии и технологий (CDT) Грегори Нохейма, повышение уровня кибербезопасности может защитить потребителей и предприятия, обеспечить доступность критически важных инфраструктур, от которых зависит экономика².

Важность киберпространства в обеспечении социально-экономического процветания понималась американскими элитами и до прихода Д. Трампа на пост президента США. Еще в стратегии Б. Обамы в 2011 г. признавалось, что цифровая инфраструктура все больше становится фундаментом процветания экономики, активности исследовательских сообществ, сильных вооруженных сил, прозрачной деятельности правительств и свободного общества³. Это говорит о том, что на политику кибербезопасности оказывает влияние большое количество социально-экономических факторов.

Стремительное развитие технологий и потребность изменения социально-экономического уклада ставили перед элитами необходимость усиления работы по этому направлению. Повышение значимости киберсреды в американском развитии заставило действующую администрацию планомерно усиливать бюджетное финансирование кибербезопасности.

В бюджете на 2020 год предусмотрено существенное увеличение финансирования на кибербезопасность. Бюджет включает 17,4 млрд долл. бюджетного финансирования деятельности, связанной с кибербезопасностью, что на 790 млн

¹ *Nojeim T. Gregory. Cybersecurity and Freedom on the Internet* [Электронный ресурс] // URL: https://cdt.org/wp-content/uploads/pdfs/09_Nojeim.pdf (дата обращения: 17.06.2020)

² Там же.

³ *International strategy for cyberspace 2011* [Электронный ресурс] // URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения: 12.04.2020)

(5%) превышает показатели на 2019 год¹. Из-за скрытого характера некоторых видов деятельности эта сумма не отражает весь планируемый кибербюджет, реальная цифра выше.

Изменение роли социально-экономических факторов демонстрируется и в отчетах президенту по модернизации ИТ-систем². В докладе главе государства отмечается, что администрация уделяет первостепенное внимание модернизации федеральных систем информационных технологий (ИТ) и с этой целью обязуется помочь учреждениям более эффективно использовать американские инновации за счет более широкого использования коммерческих технологий.

Повышение уровня кибератак на разные сферы США стало для Д. Трампа решающим фактором создания новой стратегии кибербезопасности страны.

Новая стратегия кибербезопасности США была опубликована в сентябре 2018 г. на сайте Белого Дома. Она заменила стратегию, которая была принята еще в 2003 г., когда президентом был Д. Буш младший. Обоснование принятия нового документа было обусловлено социально-экономическими причинами. В новой Стратегии подчеркивается, что американский народ все больше зависит от Интернета в плане повседневных удобств, критически важных услуг и экономического процветания. Предоставление возможности поставки основных услуг, таких как электричество, финансы, транспорт, водоснабжение и здравоохранение, через киберпространство также создает новые уязвимости и открывает дверь для потенциально катастрофических последствий киберинцидентов. Растущее число подключенных к Интернету устройств и зависимость от глобальных цепочек поставок еще больше усложняют картину риска на национальном и международном уровнях³.

Количество киберинцидентов в федеральных системах, о которых сообщалось Министерством внутренней безопас-

¹ Cyber Security Funding – The White House [Электронный ресурс] // URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/03/ap_24_cyber_security-fy2020.pdf (дата обращения: 01.11.2019)

² Report to the President on Federal IT Modernization [Электронный ресурс] // URL: <https://itmodernization.cio.gov/assets/report/Report%20to%20the%20President%20on%20IT%20Modernization%20-%20Final.pdf> (дата обращения: 05.03.2020)

³ National Cyber Strategy 2018 <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> [Электронный ресурс] // URL: (дата обращения: 22.05.2020)

ности, увеличилось более чем в десять раз в период с 2006 по 2015 гг. Растущая взаимосвязь кибер и физических систем в критической инфраструктуре также создает потенциальный риск для злонамеренной киберактивности, что может привести к прямым физическим последствиям.

Защита национальной безопасности Америки и содействие процветанию американского народа – вот главные приоритеты президента Д. Трампа, с его слов¹. Обеспечение безопасности киберпространства имеет основополагающее значение для обоих направлений деятельности.

Киберпространство – это неотъемлемая составляющая всех аспектов американской жизни, включая экономику и оборону. Тем не менее частные и государственные структуры США все еще борются за безопасность своих систем, и противники увеличили частоту и сложность своей вредоносной кибердеятельности.

В 2017-2018 гг. администрация Трампа приняла меры по борьбе с киберугрозами. Они ввели санкции против киберакторов, предъявили обвинения тем, кто совершил киберпреступления, публично приписали вредоносную деятельность ответственным противникам и опубликовали подробную информацию об используемых ими инструментах. Кроме этого от департаментов и агентств потребовали удалить программное обеспечение, уязвимое для различных угроз безопасности. Были приняты меры к тому, чтобы привлечь руководителей департаментов и агентств к ответственности за управление рисками кибербезопасности для систем, которые они контролируют, и в то же время наделить их полномочиями по обеспечению адекватной безопасности. Кроме того, в 2017 г. был подписан исполнительный указ относительно укрепления кибербезопасности федеральных сетей и критической инфраструктуры. Работа по данному направлению и отчеты по выполнению этого указа заложили основу Национальной стратегии кибербезопасности.

Соединенные Штаты, как отмечает Д. Трамп, не могут позволить себе бездействие: их ценности, экономическая конкурентоспособность и военное превосходство подвергаются угрозам, которые с каждым днем становятся все более опас-

¹ Summary Department of defense cyber strategy [Электронный ресурс] // URL: https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF (дата обращения: 12.03.2020)

ными. В 2018 г. Министерство внутренней безопасности поставило перед страной задачи, направленные на повышение безопасности киберсреды. Одной из задач было предотвращение и пресечение преступного использования киберпространства. «Мы уменьшим киберугрозы путем противодействия транснациональным, преступным организациям и опытным киберпреступникам»¹, – отмечалось в документе.

¹ Summary Department of defense cyber strategy [Электронный ресурс] // URL: https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF (дата обращения: 12.03.2020)

А.Д. ФИЛИПPOB

*аспирант Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации**

Последствия пандемии для иммигрантов

В статье рассматривается влияние COVID-19 и мер по его профилактике на благополучие иммигрантов. Цель исследования – выделение ключевых проблем, влияющих на благополучие иммигрантов.

Ключевые слова: миграция, пандемия, социально-трудовая мобильность, регулирование трудовой миграции.

A.D. PHILIPPOV

*Postgraduate student of the Financial University under
the Government of the Russian Federation*

Consequences of the pandemia on immigrants

The article examines the impact of COVID-19 and measures to prevent it on the well-being of immigrants in metropolitan area. The aim of the study is to highlight the key issues affecting the well-being of immigrants.

Keywords: migration; pandemia; social and labor mobility; regulation of labor migration.

По состоянию на 18 октября 2020 г. в России был диагностирован COVID-19 у 1 399 334 человек, и 24 187 человек умерло¹. Пандемия быстро охватила не только все регионы России, но и все страны мира. Меры, принятые для сокраще-

* Филиппов Алексей Дмитриевич, e-mail: philippovalexey@mail.ru

¹ Стопкоронавирус.рф — Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19).

ния быстрого распространения вируса SARS-CoV-2, усилили воздействие пандемии на системы здравоохранения, экономику и общество.

На текущий момент уже выработана определенная методика лечения вируса, зарегистрированы лекарства и активно проходит вакцинация. Нефармакологические методы, такие как прикрывание рта и носа при кашле/чихании, частое мытье рук и поддержание пространственного разделения между людьми сильно замедляют распространение вируса. Стратегии «социального дистанцирования» включают закрытие учебных заведений и рабочих мест, отмену массовых собраний, изоляцию подозреваемых или подтвержденных случаев, карантин лиц, контактировавших с подтвержденными случаями и рекомендации оставаться дома¹. Эти и другие меры были приняты специально для защиты групп повышенного риска: пожилых людей и людей с сопутствующими хроническими заболеваниями.

Государственные вмешательства были направлены прежде всего на защиту физического здоровья. Однако социальное дистанцирование способствует распространению дезинформации, имеет серьезные последствия для психологического благополучия уязвимых групп населения.

Социальное дистанцирование ухудшает благосостояние не только тех, кого считают членами групп риска, оно ухудшает благосостояние любого человека, находящегося в ограничении даже в небольшой степени, и всего человечества в целом, учитывая тяжелую ситуацию, создаваемую этой пандемией.

Исследование, проведенное во время эпидемии в январе 2020 г. среди более чем 17 000 пользователей Weibo² – одной из самых популярных социальных сетей в Китае – обнаружило различия в выражении эмоций среди пользователей, из которых можно сделать выводы о психологическом состоянии пользователей. За двухнедельный период социального дистанцирования количество сообщений о депрессии, тревоге и негодовании увеличилось, а выражение положительных эмоций значительно снизилось.

¹ Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом от 18.10.2020, Коммуникационный центр Правительства Российской Федерации.

² Xiao H., Zhang Y., Kong D. Social capital and sleep quality in individuals who self-isolated for 14 days during the coronavirus disease 2019 (COVID-19) outbreak in January 2020 in China, *Med. Sci. Monit.* 26 (2020)

Социальное взаимодействие по-прежнему может происходить с помощью Интернета, мобильных телефонов и других технологических устройств. В трудные времена следует подчеркивать ценность социального капитала, а не пренебрегать им.

Активно нарастающая в 2020 г. дезинформация, выражающаяся в неточности информации, возникающей из потока информации, исходящей от неспециалистов и коммерческих структур, приводит к неопределенностям. Это состояние неуверенности, часто в сочетании с ограничениями мобильности и изоляцией, увеличивает риск чувства незащищенности, беспокойства и общего эмоционального напряжения, которые ухудшают качество жизни. Страх, возникающий из-за чрезмерного количества или недостоверности информации о болезни, привел к беспорядочному поведению, вызвал психические расстройства и даже повысил уровень самоубийств. Ежедневный поток противоречивой информации приводит к панической покупке предметов снабжения, в которых нет необходимости в условиях пространственного отдаления, и к неправильному толкованию рекомендаций здравоохранения.

Дезинформация также вызывает ложное чувство уверенности. Заявления, недооценивающие тяжесть заболевания (например, «это просто грипп») и преуменьшающие риск, которым подвержены молодые люди (например, «он убивает только стариков»), в значительной степени способствуют распространению болезни.

Некорректная коммуникация не ограничивается СМИ. Ученые, врачи и политики предлагают не связанные друг с другом рекомендации. Для получения научных доказательств требуется время, но зачастую необходимо принимать превентивные меры, прежде чем наука сможет дать все ответы.

Последствия пандемии усиливают социальное неравенство и неравенство в отношении здоровья. Бездомные, люди с более низким социально-экономическим статусом, мигранты и люди, находящиеся в тюрьмах или изоляторах временного содержания, несут тяжелое бремя, вызванное недоступностью точной информации и своевременных медицинских услуг, а также множеством демографических и психосоциальных условий.

Языковые барьеры также мешают воспринимать информацию и получать медицинские услуги, образ жизни, питание, физическая активность и гигиена также сильно различаются.

Иммунный профиль россиянина также может отличаться от иммунного профиля большинства иммигрантов. Поэтому реакция на новый вирус и болезнь может быть неожиданной и даже более смертоносной среди таких групп.

Большая часть иммигрантов не имеет возможности уехать домой, что вызывает еще большие психические расстройства. И таких людей сейчас просто упускают из виду, ведь медицинские услуги направлены почти исключительно на борьбу с пандемией COVID-19.

Ситуация с заключенными аналогична, ведь там более распространены хронические заболевания, соответственно уровень смертности выше. Предоставление медицинских услуг заключенным или содержащимся под стражей лицам недостаточно, особенно при вспышке эпидемии.

Пандемия усугубила положение мигрантов, беженцев и лиц, ищущих убежища. Когда Москва обязала перевести сотрудников на удаленную работу, уровень временной безработицы сильно вырос, но люди не могут вернуться в свои страны из-за внутренних ограничений собственных стран.

На передовой эпидемии стоят медицинские работники, рабочая нагрузка которых увеличивается из-за пандемии, поскольку им приходится работать с ограниченными медицинскими ресурсами. Сами они очень подвержены заражению. Эти факторы, в дополнение к разочарованию отсутствием поддержки со стороны системы здравоохранения и из-за страха заразить окружающих, увеличивают распространенность симптомов стресса, депрессии и тревожных расстройств с долгосрочными последствиями.

Исследование эпидемии COVID-19 в провинции Хубэй, Китай, проведенное среди 493 врачей и 764 медсестер, показало, что примерно у половины из них наблюдались симптомы депрессии и тревоги¹. Многие участники также сообщили о бессоннице и 70% – о психологическом стрессе. Больше всего пострадали женщины – врачи и медсестры. Важно отметить, что последствия работы в стрессовых условиях не ограничиваются медицинскими сотрудниками – стрессовые условия ставят под угрозу их эффективность в уходе за пациентами.

¹ Ho C.S., Chee C.Y., Ho R.C. Mental health strategies to combat the psychological impact of COVID-19 beyond paranoia and panic, *Ann. Acad. Med. Singapore* 49 (1) (2020) 1–3.

Пожилые люди, которые являются целевой группой большей части политики социального дистанцирования из-за высокого риска возникновения осложнений от COVID-19, нуждаются в более сильной психосоциальной поддержке, потому что многие из них живут в постоянной изоляции: не могут пользоваться социальными сетями и имеют ограниченную социальную активность. Люди с психическими расстройствами сталкиваются с аналогичными ситуациями, потому что политика социального дистанцирования ухудшает их симптомы.

Среди мигрантов распространены большие семьи с ограниченными финансовыми возможностями и плохими жилищными условиями. Изоляция увеличивает риск межличностных конфликтов в семьях, что, в свою очередь, подвергает детей и женщин более высокому риску домашнего насилия на протяжении всего срока действия мер. Количество заявок на развод значительно выросло после первого же месяца ограничений. Импульсивные решения, вызванные ежедневными конфликтами, приводят к разводам¹.

Хотя определенный уровень стресса практически неизбежен при столкновении с драматическими обстоятельствами, подобными тем, которые разворачиваются в настоящее время, благополучие является ключевым понятием для поддержки и улучшения психического здоровья.

Забота о благополучии людей не ограничивается предотвращением случаев психических расстройств. Появление симптомов стресса и других психических расстройств может повлиять на иммунную систему. Кроме того, снижение выражения положительных эмоций и потеря удовлетворенности жизнью связаны очень низким иммунитетом, что увеличивает риск заражения болезнью. По этой причине эксперты дают рекомендации, которые могут способствовать укреплению психического здоровья и общего благополучия.

Во время изоляции важно проявлять творческий подход к поддержанию значимых эмоциональных и социальных связей. Чтобы уменьшить беспокойство, вызванное чрезмерным вниманием к новостям, эксперты советуют людям обновлять информацию о текущей ситуации не чаще двух раз в день и полагаться только на основные источники с надежным доступом к официальной информации. Доступ детей и несовер-

¹ Chinese city experiencing a divorce peak as a repercussion of COVID-19 // Global Times (China), 2020, 07.03..

шеннолетних к новостям и мобильным устройствам должен быть ограничен. Научно осведомленные источники открывают аккаунты в социальных сетях, чтобы надежная информация, которая противостоит изобилию фейковых новостей, доходила до большей аудитории.

Чтобы уменьшить дезинформацию среди уязвимых групп населения, выпуски новостей должны быть более инклюзивными, включать язык жестов и использовать различные каналы, включая телевидение, радио, газеты, мобильные приложения и стационарные телефоны. Информация должна передаваться простым языком, понятным каждому независимо от уровня образования. Вместо использования сложных терминов и неологизмов, таких как «социальное дистанцирование», эксперты рекомендуют давать конкретные советы. Например: «Вы должны ходить в супермаркет только раз в неделю. Оказавшись там, не подходите слишком близко к другим». Что касается предоставления специализированных услуг, система здравоохранения должна все больше развиваться в области телемедицины для защиты специалистов от заражения.

Е. В. КУВШИНОВА
*аспирант кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Партия «ШАС» и её место в политической системе Израиля

Цель данной статьи двоякая: исследование «ШАС» как политической партии и ее места в израильской политической системе, и, косвенно, что это говорит об израильском государстве и обществе.

***Ключевые слова:** ШАС, политическая партия, ультраортодоксальные евреи, избирательная система, партийная система, Израиль.*

E. V. KUVSHINOVA
*Postgraduate student in the Department of Political
Science of the East of the Institute of Asian and African
Studies, Moscow State University named after M. V.
Lomonosov*

Party Shas and its role in the political system of Israel

The aim of this article is twofold: the exploration of Shas as a political party and its role in the Israeli political system and, indirectly, what it says about the Israeli state and society.

***Keywords:** Shas, political party, ultra-orthodox Jews, electoral system, party system, Israel.*

Партия «ШАС» («Соблюдающие традицию сефарды») представляет собой интересный пример израильской политики, поскольку ее особое внимание к религии, этнической принадлежности и клиентелизму указывает на наличие ряда социальных и политических разногласий внутри государства, которые не проявляются так явно в странах Запада. Тема

* * Кувшинова Екатерина Валерьевна, e-mail: kuvshinova.94@inbox.ru.

данной статьи особенно актуальна в свете последних трёх выборов в Кнессет 2019-2020 гг., продемонстрировавших специфический характер зависимости израильских партий от существующих расколов в обществе. На сегодняшний день понимание контекста, в котором работает «ШАС», и ее отношения к политическим и общественным расколам крайне необходимо для исследования современного израильского общества и политической системы в целом.

Европейская демократия легла в основу зарождающегося израильского государства, и во многих структурных отношениях Израиль напоминает европейскую демократию¹. Однако «ШАС» иллюстрирует, что израильская политическая система менее западна, чем это обычно принято считать, и предполагает, что партийная система Израиля также может быть понята в контексте Ближнего Востока.

К 1970-м гг. многие израильтяне – выходцы из ближневосточных еврейских общин мобилизовались по этнорелигиозным соображениям, чего ранее не наблюдалось в израильской политике. Сефардские иммигранты не могли стать частью концепции израильской идентичности того периода: они не «вписывались» ни в одну из сионистских групп (правых, левых или религиозных) и не принадлежали к ультраортодоксальному еврейству ашкеназского толка. Следствием такой мобилизации стало создание в 1984 г Всемирной сефардской ассоциации хранителей Торы (известной по еврейской аббревиатуре «ШАС»), которая по сей день во многом напоминает ближневосточную политическую партию, но действует в рамках политической системы Израиля западного стиля.

Как политическая партия «ШАС» обладает двумя разными, но взаимосвязанными отличительными чертами. Во-первых, в основе «ШАС» и ее наиболее влиятельного круга избирателей находятся ультраортодоксальные евреи, на долю которых приходится половина голосов партии². Стоит отметить, что ультраортодоксальные граждане отличаются от других религиозных избирателей в Израиле тем, что прежде всего руководствуются наставлениями своих духовных лидеров и

¹ *Medding Y.* The Founding of Israeli Democracy, 1948-1967. Oxford: Oxford University Press, 1990. p. 15.

² Результаты 23-х выборов в Кнессет // Центральная избирательная комиссия Израиля. 02.03.2020 // https://bechiro23.bechiro23.gov.il/election/Documents/נוסח%2023/calculation_of_distribution_mandates_knesset_23.pdf (дата доступа: 27.04.2020).

строгим социальным консерватизмом, затмевающим все другие идеологии, такие как национализм и безопасность¹. Позиция «ШАС» как представителя интересов ультраортодоксальных избирателей выражается в том, что она ищет правительственной поддержки и финансирования своих институтов, которые в основном являются образовательными и религиозными. Использование этого финансирования в некотором смысле представляет собой «клиентские отношения»², где политическая поддержка «ШАС» вознаграждается поддержкой религиозных учреждений.

Наряду с тем, что ультраортодоксальное голосование проводится по строго религиозным канонам, существует также и этническое различие, поскольку ультраортодоксальные евреи, как правило, голосуют за «ШАС» или за партию «Яхдут ха-Тора» в зависимости от того, являются ли они сефардскими или ашкеназскими. Термин «ашкеназим» используется для описания лиц с европейским происхождением, в то время как «сефардим» включает в себя не только выходцев из испанских общин, но также и евреев-мизрахим («восточные»), имеющих ближневосточное или североафриканское происхождение. Важно отметить, что партия «ШАС» подчеркивает религиозную близость своих избирателей к ашкеназим, нежели к палестинцам³.

Для более детального изучения партии «ШАС» необходимо рассмотреть связь между избирательными системами и структурой партийных систем. Другими словами, в чем заключаются успехи или неудачи политических партий и чем отличаются партийные системы по количеству партий и степени идеологической поляризации. Одна из широко распространенных школ в политической науке делает акцент на свободе действий и подчеркивает роль, которую избирательная система играет в пользу социальной структуры, определяющей партийную систему. Наиболее влиятельной работой этой школы является теория социальных расколов Липсета-Роккана,

¹ *Hirsch-Hoefler S., Canetti D., Pedahzur A. Two of a Kind? Voting Motivations for Populist Radical Right and Religious Fundamentalist Parties // Electoral Studies, 2010, vol. 29, № 4. p. 686.*

² *Hicken A. Clientelism // American Review of Political Science, 2011, vol. 14. Available at: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev.polisci.031908-220508> (accessed: 06.07.2020).*

³ *Deshen S. The Emergence of the Israeli Sephardi Ultra-Orthodox Movement // Jewish Social Studies, 2005, vol. 11, № 2, p. 77.*

которая предполагает, что разногласия в обществе (т. е. расколы) определяют количество политических партий¹. Эта партологическая теория формирует основу данной статьи. Является ли успех «ШАС» результатом того, что израильская система обеспечивает «открытый политический рынок» и структуру коалиционного правительства, которая позволяет процветать небольшим партиям? Или же успех «ШАС» является результатом фундаментальных изменений в израильском обществе? Автор исследования стремится определить отношение «ШАС» к израильской демократии и обществу, рассматривая данную партию через призму этих двух вопросов, уделяя особое внимание определению причины и следствия.

В Израиле функционирует система пропорционального представительства, которая была названа также экстремальной избирательной системой², поскольку вся страна выступает в качестве единого избирательного округа без мест, закрепленных за конкретными населенными пунктами. Это означает, что голоса напрямую переводятся в места в Кнессете (всего 120 мест). Подобная система является крайне удобной как для крупных партий, так и для средних, поскольку в Израиле существует относительно низкий проходной барьер в 3,25%. Эти составляющие крайне важны для понимания успеха «ШАС» как политической партии: они показывают чрезвычайно партийно-ориентированную систему Израиля и отзывчивость к требованиям небольших партий по коалиционной политике³. Можно сказать, что успех «ШАС» является свидетельством эффективности избирательной системы Израиля. Относительная открытость подобной системы означает, что партии, представляющие некоторые разногласия в обществе, могут достаточно легко войти в систему, что дает стимул для появления новых партий, поскольку вероятность их успеха высока. Раздробленность израильской политической структуры, коренящейся в общественных изменениях, также является результатом низкого электорального барьера.

Партийная система Израиля характеризуется ярко выраженной фрагментацией. Это означает, что подобной системой

¹ *Lipset S., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives // N. Y.: Free Press, vol. 47, № 4, 1969, p. 488.*

² *Rahat G. The Politics of Reform in Israel: How the Mixed System Came to Be. Oxford: Oxford University Press, 2001, p. 125.*

³ *Hazan R.Y. Religion and Politics in Israel: The Rise and Fall of the Consociational Model // Israel Affairs, 1999, vol. 6, № 2, p. 126.*

трудно управлять ввиду необходимости постоянно менять состав коалиции, заменяя старых политических игроков на новых¹. Подобная фрагментация партийной системы также подчеркивает важность ключевых партий, таких как «ШАС», в правительственной коалиции, в особенности потому, что Израиль постепенно переходит от основ консоциональной демократии к более западной конкурентной демократической модели². Учитывая множество разногласий по этническим и религиозным соображениям, которые характеризуют израильскую партийную систему, «ШАС» и другие партии религиозного толка, вероятно всего, останутся частью партийной системы. Их ориентация на свое узкое сообщество и синагогу делает их привлекательными партнерами по коалиции, поскольку их требования относительно скромны и не влияют на многих за пределами их собственного сообщества.

Однако успех партии «ШАС» также следует рассматривать с точки зрения более широких вопросов, касающихся избирательной системы Израиля. Избирательная система может манипулировать партийной системой, ограничивая число партий, за которые можно голосовать, тем самым увеличивая голоса у более крупных партий; либо это приводит к сокращению числа партий в данной системе. Израильская система чистого пиара не является ни тем, ни другим³, и всё больше партий, представляющих всё больше разногласий в обществе, усугубляют раздробленность и увеличивают чрезмерную нагрузку на израильскую политику. Подобная фрагментация усиливается также тем фактом, что социальные группы все чаще представлены отдельными партиями, а не частью одной фракции⁴. Несмотря на эту раздробленность в Израиле существует солидный политический центр, который следует светскому сионистскому подходу и который стал решающей силой на последних выборах в 2019 и 2020 гг.. Такие партии, как «МЕРЕЦ» (1992 г.), «Ихуд Леуми» (2012 г.), а в последнее

¹ Hazan R.Y., Rahat G. Representation, Electoral Reform, and Democracy: Theoretical and Empirical Lessons from the 1996 Elections in Israel // Comparative Political Studies, 2000, vol. 33, № 10, p. 1329.

² Lijphart A., Bowman P.J., Hazan R.Y. Party Systems and Issue Dimensions: Israel and Thirty-five Other Old and New Democracies Compared // Israel Affairs, 1999, vol. 6, № 2, p. 48-50.

³ Sartori G. The Party-Effects of Electoral Systems // Israel Affairs, 1999, vol. 6, № 2, p.15.

⁴ Rahat G. The Politics of Reform in Israel: How the Mixed System Came to Be, p. 145.

время и партия «Еш Атид» (2012 г.) могут расколоться и исчезнуть, в то время как количество избирателей, голосующих за политический центр, осталось неизменным, несмотря на нестабильность и фрагментацию партийной системы.

«ШАС» представляет собой интересный пример партии, представляющей определенную этнорелигиозную общину, которая действует в рамках политической системы. Это показывает, что государство, разделенное по этническим и религиозным признакам, может найти их отражение в своих системах, особенно когда эти системы стимулируют появление новых секторальных партий. Это также показывает, как религиозные группы с небольшим количеством внутренних демократических норм могут быть представлены в демократической системе государства (при условии, если вознаграждение будет для них достаточным).

Результаты последних выборов, нынешнее правительство национального единства и место «ШАС» в нем свидетельствуют о способности партии играть решающую роль в израильской политике. Во-первых, «ШАС» продолжает играть роль партии с отраслевой идентичностью, которая использует избирательную систему на пользу себе и своим сторонникам. Выборы, подобные недавним, которые порождают хрупкие коалиции с явными признаками реконфигурации, представляют собой удачный расклад для «ШАС». Пользуясь своим положением, а именно количеством мест в Кнессете, партия может выдвигать премьер-министру ультиматумы, косвенно угрожая сформировать альтернативную коалицию. Во-вторых, успех, достигнутый «ШАС» в переговорах по коалиции, также предполагает их постоянную актуальность и сложившуюся модель поиска ресурсов. Министерства, которые возглавляют лидеры «ШАС» (внутренних дел и по делам религии), представляют собой важные источники потенциального покровительства партии и средств поддержки своих избирателей.

В Израиле по-прежнему сохраняется особый статус религии и религиозных общин, позволяющий таким партиям, как «ШАС», существовать в израильской политике. Поэтому вполне вероятно, что, пока существует особая сефардская ультраортодоксальная община, на партию будет спрос, и, поскольку Израиль остается фрагментированной системой пропорционального представительства, партия будет стремиться использовать эту поддержку для достижения своих религиозных и экономических целей.

Л.И.Ш. СОКОЛОВ
*аспирант кафедры политологии Востока ИСАА
МГУ имени М. В. Ломоносова**

Египетско-эфиопские отношения в контексте разногласий по строительству и эксплуатации плотины «Возрождение»

Цель статьи – рассмотреть развитие двусторонних отношений между Египтом и Эфиопией с момента объявления Аддис-Абебой строительства плотины «Возрождение».

Ключевые слова: Египет, Эфиопия, Нил, Африка, региональные отношения, мировая политика.

L.I.Sh. SOKOLOV
*Post-graduate student of political department of IASS
MSU named after M.V. Lomonosov*

Egyptian-Ethiopian relations in the context of disagreement over construction and exploitation of the Grand Ethiopian Renaissance Dam

The purpose of the article is to consider the developing bilateral relations between Egypt and Ethiopia after Addis-Ababa announced the construction of the Grand Ethiopian Renaissance Dam.

Keywords: Egypt, Ethiopia, Nile, Africa, regional relations, world politics.

* Соколов Лайс Игорь Шахович, e-mail: moskow2006.06@mail.ru

В настоящее время на Африканском континенте происходит гораздо больше конфликтов, чем на любом другом. В отечественной конфликтологии выделены и проанализированы отдельные факторы региональных конфликтов: политические, демографические, этноконфессиональные, исторические и экономические¹. К экономическим факторам обострения региональных конфликтов относится множество различных причин. Наиболее распространенной причиной зарождения такого конфликта является конкуренция между странами из-за нехватки ресурсов. Действие данного фактора имеет широкое распространение на Африканском континенте. Примерами подобных конфликтов могут служить конфликт в дельте Нигера и Дарфурский конфликт. Обострение отношений между Египтом и Эфиопией из-за строительства Аддис-Абейбой плотины “Возрождение” на р. Нил, которое в дальнейшем может привести к эскалации конфликта между странами, относится именно к экономическим факторам обострения региональных конфликтов.

Отношения между Египтом и Эфиопией насчитывают тысячелетнюю историю, начиная с IV в. н. э, когда в 330 г. царь Эзана был правителем территориального образования получившего в источниках название Аксум, располагавшегося на территории современных Эфиопии, Эритреи и Йемена. С того момента связи между Эфиопской и Александрийской церквями носили не только религиозный, но и политический характер. На сегодняшний день Египет и Эфиопия являются двумя региональными сверхдержавами, которые определенным образом влияют на геополитическую ситуацию на Африканском континенте. В преамбуле конституции Египта от 2014 г. отмечено, что Египет является “вершиной африканского континента”². Африканское направление во внешней политике Египта с приходом к власти Абдель Фаттаха ас-Сиси стало занимать наивысшее место в шкале приоритетов. Египетское руководство принимает активное участие в различных интеграционных объединениях на Африканском континенте, проявляя инициативы по активизации интеграционных процессов на

¹ Гридчин А.А. Системный анализ факторов региональных конфликтов // Социально-гуманитарные знания, 2009.// [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-analiz-faktorov-regionalnyh-konfliktov> (Дата обращения: 26.05.2020).

² Constitution of The Arab Republic of Egypt 2014. URL: <http://www.sis.gov.eg/Newwr/Dustor-en001.pdf> (Дата обращения: 26.05.2020).

континенте и гармонизации деятельности интеграционных объединений. Эфиопия, в свою очередь, являясь страной с самой быстрорастущей экономикой Африки, чье население уже превысило 100 млн человек, играет важную роль в различных процессах Африканского континента. Именно в Аддис-Абебе расположена штаб-квартира Африканского Союза, крупнейшего интеграционного объединения на континенте.

В последнее десятилетие отношения между двумя странами обострились. Краеугольным камнем эскалации является строительство Эфиопией плотины “Возрождение” на р. Голубой Нил, которое может повлечь за собой сокращение водотока, что может значительно ухудшить положение Египта. Нил является чуть ли не единственным источником пресной воды для Египта. Предполагается, что плотина “Возрождение” уменьшит сток Нила на 9-20% тогда, как потребности Египта в пресной воде будут увеличиваться в связи с ростом численности населения. По данным на 2020 г. численность населения Египта превысила 100 млн человек¹. В связи с этим египетские власти крайне озабочены строительством плотины “Великого возрождения Эфиопии” на р. Голубой Нил, принимая во внимание то, что развитие страны с засушливым климатом неразрывно связано с увеличением потребления воды. Напомним, что по Египетско-Суданскому соглашению о комплексном использовании вод Египта от 1959 г. Египет получал право на использование 24 млрд куб. м воды р. Нил в год, а Судан – 4 млрд куб. м в год, соответственно. Несмотря на юридически закрепленные квоты Египта по использованию нильской воды, Эфиопия, откуда берет начало р. Голубой Нил, и другие страны нильского бассейна, среди которых Руанда, Демократическая Республика Конго, Кения, Уганда, Танзания и Бурунди, считали такое распределение несправедливым, так как данное соглашение не учитывает интересы вышеназванных стран.

Отношения между Египтом и Эфиопией накалились, когда Эфиопия совместно с другими странами, расположенными в бассейне р. Нил, заключила в 2010 г. в одностороннем порядке соглашение по перераспределению нильской воды, и объявила в 2011 г. о строительстве плотины “Возрождение”, что

¹ Egypt worries as population passes 100 million. 12.02.2020. URL:<https://www.africanews.com/2020/02/12/egypt-worries-as-population-passes-100-million/> (Дата обращения: 26.05.2020).

вызвало ряд возражений со стороны Египта. Каир, испытывая серьезные опасения относительно реализации данного проекта, потребовал от Аддис-Абебы созвать международную комиссию экспертов, которая будет состоять из 10 экспертов, 6 из которых будут представлять Египет, Судан и Эфиопию, а остальные 4 международных эксперта в областях моделирования водных ресурсов, гидрологии и проектирования плотин должны быть привлечены со стороны¹. В свою очередь, Мелес Зенауи, будучи на тот момент премьер-министром Эфиопии, не скупился на громкие заявления, обвиняя Египет в том, что он поддерживает различные группировки, враждебно настроенные к Эфиопскому правительству, с целью дестабилизации обстановки в стране². Данные заявления Зенауи были восприняты в Каире как безосновательные. В целом Египетское правительство всеми возможными способами старалось поддерживать благоприятную атмосферу в отношениях со своими коллегами из Эфиопии и исключало возможную эскалацию военного конфликта.

На протяжении нескольких лет разногласия между Египтом и Эфиопией были заморожены во многом в связи с тем, что в Египте в 2013 г. произошел военный переворот, в ходе которого был свергнут бывший президент страны Мухаммед Мурси, пришедший к власти после революции 2011 г., которая произошла в период арабской весны. Его место занял выходец из военных кругов, бывший министр обороны Абдель Фаттах Ас-Сиси. С приходом к власти Ас-Сиси постепенно начал налаживать отношения с Эфиопией, заложив новую парадигму внешней политики Египта, в основе которой – восстановление лидерства Египта на Африканском континенте в политической, экономической, медицинской и военной областях. Уже в 2014 г., на полях саммита Африканского союза, прошедшего в г. Малабо (Экваториальная Гвинея), между Египтом и Эфиопией было подписано «Соглашение о взаим-

¹ Мудир машруа сьд ан-нахда язхаб дахья ли машруыхи. 27.07.2018. URL:<https://www.alalamtv.net/news/3691111> (Дата обращения: 26.05.2020).

² Раис альвузара аль-эфиобий яззыр мыср мин хауд харб хауля мях ан-нил. 23.11.2010. URL:<https://arabic.rt.com/news/58502-> (Дата обращения: 26.05.2020).

ном сотрудничестве”. Данное соглашение включало в себя ряд пунктов, ключевыми из которых являются¹:

- приверженность сторон к диалогу и сотрудничеству;
- создание региональных проектов по реализации финансовых ресурсов для удовлетворения растущего спроса на воду и преодоления дефицита воды;
- обязательство Эфиопского правительства избегать любого потенциального ущерба для Египта, который может нанести строительство плотины “Возрождение”.

Вскоре, 23 марта 2015 г. президенты Египта и Судана и премьер-министр Эфиопии наконец сумели прийти к соглашению вокруг споров об использовании водных ресурсов р. Нил. Лидеры трех стран подписали декларацию о принципах совместного использования вод Нила. Подписанная декларация не оговаривает конкретных квот и не содержит других принципиальных договоренностей, однако в ней прописано, что возведение гидросооружения будет учитывать интересы трех стран, так как основной целью строительства плотины является выработка электроэнергии, что напрямую способствует экономическому развитию в странах региона². Пресс-секретарь президента Египта Алаа Юсеф заявил, что декларация защищает водные права египтян и соответствует нормам международного права, добавив, что египетская дипломатия работает над расширением своего сотрудничества с Африкой и Каир открывает новую страницу в отношениях со своими африканскими соседями, подчеркнув, что данный документ призван устранить напряжение в египетско-эфиопских отношениях³. Тем не менее, несмотря на подписание декларации, среди высокопоставленных лиц Египта оставались некие опасения насчет строительства данной плотины. С того момента правительства обеих стран высоко оценивали стремления сторон к координации и укреплению сотрудни-

¹ Алькэмма альафрикья альарабия арабия тахтатим аамалаха биалиян малабо. 24.11.2016. URL:<https://www.sis.gov.eg/Story/131593?lang=ar> (Дата обращения: 26.05.2020).

² Аннас алькамиль лиитифакьят иалиян мабади уафика сыд ан-нахда...аль бунуд туаккид аттаун аля асас аттафахум альмуштарак...уа тушаддид аля льманфаа лиддуаль аффалиф...ва тауфир альбиянат аллязима лидджра дирасат ляджнат альхубара.23.03.2015.URL:<https://www.youm7.com/story-/2015/3/23/2115504> (Дата обращения: 26.05.2020).

³ Безушенко Е.Г. Проблема распределения нильской воды в египетско-суданских-эфиопских отношениях // Институт Ближнего Востока. 29.03.2015. URL:<http://www.iimes.ru/?p=24030> (Дата обращения: 26.05.2020).

чества в рамках взаимной выгоды и без ущерба интересам какой-либо страны, а международная техническая комиссия осуществляла свою работу в штатном режиме.

За время, прошедшее с момента заключения соглашений 2015 г., лидеры двух стран провели уже более десятка встреч с целью урегулировать вопросы распределения воды и запуска нового объекта, однако до сих пор имеют место некоторые разногласия. Основной причиной разногласий являясь сроки заполнения резервуара плотины. Египет предложил заполнять его постепенно в течение 10 лет, учитывая, что для объекта необходимо 74 млрд. кубометров воды. Эфиопия собирается сделать это всего за три года. В таком случае Египет и Судан только за год могут испытать дефицит в 25 млрд. кубометров воды, что угрожает двум странам засухой и гибелью урожая¹. В октябре 2019 г., в Сочи, на полях экономического форума «Россия-Африка», президент Египта Абдель Фаттах Ас-Сиси провел переговоры с премьер-министром Эфиопии Абием Ахмадом. Встрече двух лидеров предшествовали заявления эфиопского политика о том, что если придется вести войну за плотину "Возрождение", Эфиопия "мобилизует миллионы, чтобы противостоять враждебным силам". В ходе переговоров стороны договорились о взаимном сотрудничестве с целью достижения окончательного взаимовыгодного соглашения исключительно мирным путем в ближайшее время. По словам Дмитрия Пескова, пресс-секретаря российского президента Владимира Путина, российский лидер в ходе двусторонней встречи со своим египетским коллегой выразил готовность «оказать содействие в случае, если оно будет востребовано сторонами в урегулировании тех обеспокоенностей, которые есть».

Уже 6 ноября 2019 г. в Вашингтоне прошла встреча глав МИД Египта, Эфиопии и Судана, в присутствии министра финансов США Стивена Мнучина, а также президента Всемирного банка Дэвида Р. Малпасса. В ходе данной встречи стороны договорились достичь окончательного соглашения и урегулировать «кризис Возрождения» к январю 2020 г. В ходе ряда встреч на уровне министров иностранных дел Египта, Эфиопии и Судана в январе 2020 г. стороны договорились

¹ Египет надеется на помощь России в урегулировании проблемы плотины Эфиопии. РИА Новости.21.10.2019.URL:<https://ria.ru/20191021/1560028017.html?in=t> (Дата обращения: 26.05.2020)

заполнить резервуар плотины в сезон дождей с июля по сентябрь. Однако каждый раз, когда стороны приходили к соглашению, договариваясь провести заключительную встречу с целью урегулирования всех технических и правовых вопросов, переговоры снова заходили в тупик. По сей день стороны не могут прийти к соглашению, которое устроило бы как Аддис-Абебу, так и Каир. К сожалению, инициативы египетского руководства по урегулированию “водного конфликта” не находят поддержки других государств региона, расположенных вдоль бассейна р. Нил. На фоне резкого снижения уровня жизни египтян (одновременно с активным ростом их численности), несмотря на заявления обеих сторон о том, что разногласия между сторонами будут урегулированы строго дипломатическим путем, в долгосрочной перспективе можно ожидать возникновения вооруженного конфликта с Эфиопией. При этом каждая из сторон попытается заручиться поддержкой (политической, дипломатической, военной или военно-технической) основных мировых акторов¹.

Ситуацию в регионе дестабилизирует также тот факт, что Эфиопия планирует создать военно-морскую базу на побережье Красного моря, которая будет дислоцирована на территории Джибути, вблизи Баб эль-Мандебского пролива². Многие аналитики уверены, что планы Аддис-Абебы создать военно-морскую базу у южного входа в Красное море являются не чем иным, как новым инструментом давления на Каир в отношении переговоров по строительству плотины «Возрождение». Эфиопия пытается показать Египту свою мощь, с которой должны считаться на континенте, и что она имеет все возможности оспорить притязания Египта на звание “государства-вершины Африканского континента”. Таким образом, по мнению автора, стороны будут продолжать пытаться найти возможное решение “водного конфликта”, которое удовлетворило бы как Египет, так и Эфиопию. Развитие событий демонстрирует, что к разногласиям между двумя странами приковано пристальное внимание международного сообщества и главных мировых акторов.

¹ Кузнецов Р.А. О военно-политической обстановке в Ближневосточном регионе и Северной Африке, а также влиянии Египта на ее развитие. Институт Ближнего Востока, 13.02.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=67013> (Дата обращения: 26.05.2020).

² Djibouti to host Ethiopia's Navy. 02.12.2019. URL: <http://www.capitalethiopia.com/featured/djibouti-to-host-ethiopias-navy/> (Дата обращения: 26.05.2020).

Г.С. ЗУРНАДЖЯН
*аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии
МГУ им. М. В. Ломоносова**

Духовно-политическое учение митрополита Филарета (Дроздова) в историографии второй половины XIX века

Цель настоящей статьи – исследование литературы, опубликованной до 1917 г. и посвященной свт. Филарету как религиозно-политическому деятелю.

Ключевые слова: митрополит Филарет (Дроздов), духовно-политическая мысль, государство и Церковь.

G.S. ZURNADJIAN
*Postgraduate student of the Department of the history
of social and political studies of the Faculty of Political
Science, Lomonosov Moscow State University*

Spiritual and political theory of Metropolitan Filaret (Drozдов) in the historiography of the second half of the 19th century

The aim of the paper is to explore the literature published before 1917 and dedicated to metropolitan Filaret as a religious and political figure

Keywords: Metropolitan Filaret (Drozдов), spiritual and political thought, state and Church.

Одной из значительных фигур в истории России признан митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов,

* Зурнаджян Гор Сейранович, e-mail: gor.zrn@gmail.com

1782-1867 гг.). Интерес к персоне митрополита основывается на том, что его авторитет и деятельность имели значительное влияние не только на духовное развитие страны, но и на политическое, социальное и экономическое развитие. Будучи служителем Церкви, выдающимся богословом, святитель Филарет играл видную политическую роль, принимал непосредственное участие в важных государственных делах, его мнение было авторитетным для многих государственных деятелей и общества в целом.

Основной объем литературы, посвященной митрополиту Филарету, опубликован в период до 1917 г. Однако исследований, посвященных теме духовно-политического учения владыки Филарета, в дореволюционный период нет, за исключением того, что ученые рассматривали отдельные вопросы по данной теме в рамках исследований по другим тематическим направлениям. Труды исследователей дореволюционного периода, несомненно, являются ценным источником знания о личности святителя Филарета, его нравственных качествах, жизни и деятельности. Работы авторов в большинстве своем представляют описание событий из жизни митрополита, которые раскрывают его необыкновенную личность и формируют у читателя величественный образ святителя, либо посвящены изучению его деятельности в связи с конкретным историческим событием. Ценители владыки подходили к своим исследованиям комплексно, соответственно масштабу личности митрополита, а немногочисленные работы с критикой творчества Филарета опровергнуты большинством исследователей как недостоверные. Американский историк Г. Л. Фриз, говоря о свт. Филарете, замечает, что «исследования, появившиеся в первые десятилетия после его смерти, не отличались должным научным уровнем и в своем большинстве стремились к кодификации высказываний митрополита Филарета по определенным вопросам, таким, как отношения церкви и государства, семья, проповедь»¹.

Исторические события в России часто тесным образом связаны с деятельностью конкретных людей, поэтому понимание событий иногда требует тщательного изучения персоналий, имеющих соответствующее влияние. В этой связи лите-

¹ Фриз Г. Пастырь и церковный деятель: святитель Филарет московский и старообрядческий раскол 1825-1855 гг. // Филаретовский альманах, 2008, № 4, с. 123.

ратура дореволюционного периода имеет особое значение для всех последующих исследований, так как содержит основную информацию о жизни и деятельности митрополита, важные ссылки на факты и источники, а также помогает сформировать психологический портрет святителя.

Несомненно ценным источником информации о святителе являются работы его современника Н.В. Сушкова¹, который начал изучать деятельность свт. Филарета еще при его жизни. Н.В. Сушков делится личными воспоминаниями: духовные беседы, распорядок дня митрополита, другие интересные факты из жизни. Работы Н. В. Сушкова помогают сформировать у читателя образ митрополита через знакомство с подробностями его жизни, отношениями с окружением, подходом к решению обыденных проблем и задач государственной важности, – все эти детали раскрывают перед читателем характер святителя. Автор описывает митрополита как разносторонне развитую личность, обладающую обширными знаниями для своего времени.

Одним из основных исследователей, биографом свт. Филарета считается И. Н. Корсунский. В своих работах автор представил всесторонний обзор жизни и деятельности Филарета (Дроздова)². Особенно интересными являются работы исследователей, в которых дается ответ на критику деятельности митрополита. В своей речи, произнесенной 19 ноября 1892 г. на торжественном собрании Общества Любителей Духовного Просвещения в день 25-летия со дня кончины митрополита Филарета, И. Н. Корсунский, не соглашается с мнением о бессердечности и бездуховности владыки, указывая на ограниченность таких взглядов. Автор ссылается на «Высочайший рескрипт м. Филарету в день его юбилея 5 Авг.1867 г.», в котором жизнь святителя «даже с высоты Царского престола наименована “святою”»³ и подчеркивает, что «вся Россия благодарно чтит святую жизнь» митрополита

¹ *Сушков Н.В.* Записки о жизни и времени Святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1868; *Сушков Н.В.* Очерк жизнеописания высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1868.

² *Корсунский И.Н.* Гармоническое развитие и проявление сил и способностей души в святителе Филарете, митр. Московском. М, 1893; Святитель Филарет, митр. Моск., его жизнь и деятельность на Московской кафедре, по его проповедям, в связи с событиями и обстоятельствами того времени (1821-1867). Харьков, 1894.

³ *Корсунский И.Н.* Гармоническое развитие..., 1893, с. 31.

Филарета и его «великие деяния»¹. Ссылаясь уже на самого святителя, И. Н. Корсунский отмечает, каким должен быть подход к исследованию жизни исторической личности: «...выставлять те обстоятельства и события, кои показывают ход его духа и характера...»². Особое внимание И. Н. Корсунский уделяет проповедям митрополита. Именно проповедь отражает основные взгляды святителя, в том числе его политические воззрения.

В конце XIX в. на фоне ухудшения государственно-церковных отношений в печати появляется ряд публикаций, в том числе о митрополите Филарете³. Статью «Взгляд на жизнь и деятельность Московского митрополита Филарета» Н.И. Барсов публикует с целью опровергнуть, на его взгляд, несправедливые нападки на деятельность Филарета, которые появились в печатных изданиях. Автор выражает свое личное отношение к митрополиту, знакомит читателя с его нравственными качествами. Н.И. Барсов пишет о свт. Филарете исключительно положительно, называя святителя личностью «недостижимой для людей обыкновенных»⁴. В работах исследователей дореволюционного периода часто встречается восторженное отношение к личности митрополита. Статья Н.И. Барсова наряду с другими публикациями дополняет положительный образ святителя, является словом в защиту благочестивого образа, свидетельством неприступного авторитета в церковной иерархии и, тем не менее, отсылает к критике митрополита в статьях «Нового Времени» № 2466, 2567, 2468 за 1883 год, «Русская Старина» 1880 г., т. XXVII.

Особое внимание взглядам митрополита Филарета на государственное устройство уделяет В.Н. Назаревский⁵. Работа касается таких вопросов, как происхождение государства, статус верховной власти и подданных, образование, церковно-государственные отношения, суждения Филарета (Дроздова) о некоторых важных событиях в истории страны.

¹ Там же, с. 31.

² Там же, с. 35.

³ Барсов Н.И. Взгляд на жизнь и деятельность Московского митрополита Филарета: (По случаю столетия дня его рождения). СПб.: тип. Ф. Елеонского и К°, 1883. 10 с. - Отд. отт. из журн. "Христианское чтение" за 1883 г.; Бухарев А. О Филарете, митр. Московском как плодотворном двигателе православно-русской мысли // ПО, 1884, № 4, Ч. 1.

⁴ Барсов Н.И. Указ. соч., с. 3-4.

⁵ Назаревский В.Н. Государственное учение Филарета, митрополита Московского / [Сост.: В[ладимир] Н[азаревский]. М.: в Унив. тип. (М. Катков), 1883.

Однако В.Н. Назаревский не исследует перечисленные вопросы, а ограничивается составлением сборника суждений владыки Филарета о государстве, обществе, церкви и деятельности императоров.

После смерти святителя составлялись сборники его трудов, Ценным источником работ митрополита является издание «Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи» в пяти томах¹. Оно охватывает все проповеди Филарета, а также содержит его беседы и высказывания. Тематическим собранием некоторых сочинений митрополита. Филарета можно назвать сборник «Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных»². В указанной работе составитель сделал выдержку из проповедей свт. Филарета по таким вопросам, как божественное установление царской власти, наследственность и неприкосновенность царской власти, отношения царской власти и подданных, гражданские обязанности верноподданных и т.д. Ценным собранием материалов о деятельности Филарета (Дроздова), включающем официальные документы, переписку, заметки, является труд архиепископа Саввы (Тихомировского)³.

Святитель Филарет не писал научных трудов, которые бы объединили его учение, в том числе духовно-политическое, в единую целостную систему. Авторами дореволюционного периода духовно-политическое учение митрополита Филарета не разрабатывалось вовсе, либо они ограничивались перечислением, реже анализом его взглядов о государственном устройстве, о государственно-церковных отношениях. Литература дореволюционного периода, посвященная жизни и деятельности митрополита Филарета, отличается описательным характером и подвергается критике за ненаучный подход, тем не менее, является обязательной основой для любого последующего исследования, способствуя всестороннему пониманию воззрений свт. Филарета.

¹ Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи. В 5 т. М., 1873-1885.

² Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных: Мысли, вкратце извлеченные из проповедей Филарета, митрополита Московского / Собрал Порфирий Кременецкий. М., 1888.

³ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам // Под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: Т. 1-5. СПб., 1885-1888. 3207 с.

Р.Р. САДУНИ

*аспирант кафедры международных отношений
и интеграционных процессов факультета
политологии МГУ имени М.В. Ломоносова**

Я.С. СЕНОКОП

*аспирант кафедры международных отношений
и интеграционных процессов факультета
политологии МГУ имени М.В. Ломоносова***

Социальные технологии во внешней политике Турции: столкновение с национальными интересами России

Статья посвящена специфике внешней политики Турции на современном этапе, а также роли «мягкой силы» в продвижении внешнеполитических интересов Турции. Авторы приходят к выводу, что расширение идей пантюркизма и рост влияния Турции на территориях Закавказья, Средней Азии и Ближнего Востока угрожают национальным интересам России, а также создают в перспективе риски для евразийской интеграции под эгидой ЕАЭС.

***Ключевые слова:** политическая наука, внешняя политика, международные отношения, геополитика, мягкая сила, социальные технологии, национальные интересы, пантюркизм.*

R.R. SADUNI

*Post-graduate student of the Department of
international relations and integration processes, Faculty
of political science, Lomonosov Moscow State University*

Y.S. SENOKOP

*Post-graduate student of the Department of
international relations and integration processes, Faculty
of political science, Lomonosov Moscow State University*

* Садуни Рамзес Рамзесович, e-mail: saduni_ramses@mail.ru

** Сенокоп Ян Станиславович, email: yan.senocop@yandex.ru

Social technologies in Turkey's foreign policy: clash with Russia's national interests

The article is devoted to the specifics of Turkey's foreign policy at the present stage and important role of "soft power" in promoting Turkey's interests in foreign policy. The authors come to the conclusion that the expansion of the ideas of pan-Turkism and the growing influence of Turkey in Transcaucasia, Central Asia and the Middle East threaten Russia's national interests, and also create risks in the future for Eurasian integration under the auspices of the EEU.

Keywords: *political science, foreign policy, international relations, geopolitics, soft power, social technologies, national interest, pan-Turkism.*

На современном этапе внешняя политика Турции включает в себя несколько тенденций. С начала XX в. внешнеполитическая деятельность Турции отличается многовекторностью. Однако существует и другая тенденция: внешняя политика Турции становится все более подверженной идеологическому фактору, а именно доктрине пантюркизма.

Идеология пантюркизма представляет из себя целостную систему, главной целью которой является формирование моноэтнического тюркского геополитического пространства с единым языком, культурой и главенствующей ролью Турции. Данная цель достигается путём распространения своего экономического, религиозного, культурного, политического влияния на тюркоязычные регионы. На протяжении XX в. Турция неоднократно изменяла свои внешнеполитические ориентиры. Прозападная позиция Турции подразумевала рост ее влияния на пересекающихся геополитических направлениях с Россией (в Центральноазиатском регионе и на Кавказе).

Тем не менее в 90-е гг. отмечалось ослабление пантюркизма во внешней политике Турции. В первую очередь это было связано с напряженными отношениями с Арменией, Грецией, Болгарией и Россией в этот период. Данные процессы способствовали изменению подходов в реализации внешнеполитической деятельности Турции и распространении идей пантюркизма. Если ранее упор делался на политические методы, то с этого периода основной акцент был сфокусирован на «мягкой силе» и социальных технологиях, позволяющих сфор-

мировать благоприятный образ Турции и ее главенствующую роль в «Тюркском мире».

Основной упор был сделан на различных формах культурной дипломатии. Однако на практике за культурными формами часто стоят политические и экономические интересы. При этом насаждение идей создания единого геополитического пространства тюркоязычных стран в своих крайних вариациях может оказывать влияние на рост национализма в соседних с Россией тюркоязычных странах, а также на рост сепаратистских настроений в ряде мусульманских регионов России.

Поставив окончательный крест на цели стать частью европейского сообщества в 2017 г.¹, турецкое государство Реджепа Тайипа Эрдогана стало ориентироваться на проведение суверенной прагматичной внешней политики без прежних «заигрываний» с Европейским Союзом. Турция стала больше ориентироваться на себя и свои национальные интересы. Ее текущий статус позволяет ей искать партнерские взаимоотношения одновременно и на Западе, и на Востоке, преимущественно с Россией. В каждом отдельно взятом случае Турция принимает решение исходя из своей личной выгоды несмотря на прошлые соглашения или историю партнерских отношений. Такая позиция ставит страны ЕС, США, Россию и Китай в крайне неудобное положение и вынуждает каждый раз по-новому договариваться с Турцией.

Важно отметить роль идей пантюркизма в рамках нового подхода во внешней политике Турции. Так, идеи пантюркизма нашли свое применение в ряде регионов, где проживают тюркоязычные народы. Этнический фактор стал основой в проведении политики «мягкой силы» Турции на территории регионов Восточной Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии. В зону интересов Турции в том числе попали пять тюркоязычных государств, ранее входивших в состав СССР: Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан. После получения независимости бывшие республики СССР стали менее подвержены влиянию со стороны Москвы. После отказа от коммунистической идеологии эти страны оказались в идеологическом вакууме, что предопределило

¹ «Нам больше не нужно членство в ЕС»: что стоит за заявлением Эрдогана о «своём пути» Турции//RT, 01.10.2017. Электронный доступ: <https://russian.rt.com/world/article/435605-erdogan-turciya-es-chlenstvo>

поиски нового культурного кода. Этими обстоятельствами успешно воспользовалась Турция, которая выдвинула проект создания «Тюркского мира». Кроме того, Турция стала активно проявлять интерес к ряду субъектов России, где сосредоточено тюркоязычное мусульманское население.

Турция годами работала над усилением связей с исламскими религиозными общинами, предпринимательским сообществом, а также создавала культурные, общественные и политические площадки для налаживания связей с тюркоязычным населением, проживающим на территории России. В круг ее интересов попали не только Татарстан, Крым, Башкирия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, но и другие республики, народы которых были далеки от Турции в историческом прошлом, например, Якутия, Тыва, Чувашия, Хакасия, Алтайская республика, а также нетюркские республики Северного Кавказа: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Адыгея.

По всем этим направлениям Турция работает на долгую перспективу, цель которой – постепенное формирование будущих элит в тюркоязычных государствах и национальных республиках в России. В основу этой стратегии заложены перспективы лоббирования турецких политических и экономических интересов изнутри. Для этого используется целый пласт социальных технологий и механизмов. Например, в тюркоязычных странах постсоветского пространства стали открываться турецкие школы для талантливых и одаренных детей из местных семей. После завершения обучения их дальнейшую жизненную траекторию аккуратно сопровождают и курируют. Часть из них продолжает обучение в своих странах и им оказывают всяческую помощь при поступлении в местные вузы, а также при дальнейшем трудоустройстве. Для других открываются двери турецких университетов, где будущие студенты получают стипендию и после получения высшего образования могут остаться работать в Турции. Также активно открываются двухсторонние образовательные учреждения, как, например, Казахско-турецкий институт или Тюркская академия наук¹.

Особое значение в реализации турецкой «мягкой силы» отводится структурам «общественной дипломатии», деятель-

¹ Руководство Турции прекрасно понимает, что такое мягкая сила // МГИМО, 17.08.2016. Электронный доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rukovodstvo-turtsii-prekrasno-ponimaet-cto-takoe-myagkaya-sila/>

ность которых направлена на улучшение имиджа Турции в глазах международного сообщества. Ключевую роль в этом аспекте занимают Международная организация тюркской культуры (ТюрКСОЙ), Институт Юнуса Эмре и Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТИКА), которые через совместные программы осуществляют культурно-просветительскую миссию, а также оказывают гуманитарную помощь в 60 странах мира. С 2000 г. в рамках ТИКА реализуется проект «Тюркология». В соответствии с ним для повышения уровня заинтересованности граждан в наиболее известных зарубежных университетах создаются научные кафедры по изучению Турции¹. Также в реализации общественной дипломатии задействовано множество НПО, которые за выделяемые гранты, популяризируют изучение турецкой культуры, осуществляют правозащитную деятельность и ведут информационную работу с населением на местах. При этом многие из этих организаций слились в 2009 г. под эгидой «Тюркского совета». В рамках этой организации также функционирует ряд важных проектов, затрагивающих практически все сферы: науку и образование, культуру, туризм, экономику, иностранную помощь и СМИ, которые способствуют информированию мирового сообщества, особенно других тюркоязычных стран, о новом потенциале Турции². Для формирования положительного имиджа страны за рубежом Турция также довольно успешно использует кинематограф: турецкие режиссеры презентуют свои работы на кинофестивалях мирового уровня, а на официальном сайте Министерства культуры размещены документальные фильмы, рассказывающие о культуре и жизни в Турции. Растет популярность турецких сериалов на Ближнем Востоке, в Средней Азии и на Балканах, а в апреле 2010 г. Турция запустила первый арабский спутниковый телевизионный канал.

Кроме того, Турция уделяет повышенное внимание поддержке своих предпринимателей за рубежом. Так, в 2008 г. был создан Мировой турецкий бизнес-совет, направленный на объединение и продвижение турецких бизнес-структур за рубежом. Для развития деловых связей со странами Централь-

¹ Сафонкина Е.А. Турция как новый актер политики «мягкой силы» // Вестник международных организаций, 2014, т.9, №2, с. 145-163.

² Руководство Турции прекрасно понимает, что такое мягкая сила // МГИМО, 17.08.2016. Электронный доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rukovodstvo-turtsii-prekrasno-ponimaet-cto-takoe-myagkaya-sila/>

ной Азии спустя три года был создан Тюркский совет бизнеса, в который вошли помимо Турции Азербайджан, Казахстан и Киргизия¹.

При ведущей роли Турции успешно функционируют и политические площадки кооперации независимых тюркоязычных государств. Так, в 2008 г. была создана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (Тюрк ПА), которая признана упрочить механизм межпарламентских отношений между тюркоязычными странами: Турцией, Азербайджаном, Казахстаном, Киргизией, Туркменистаном и Узбекистаном.

Безусловно, такая активная деятельность Турции по расширению ее влияния в странах постсоветского пространства угрожает национальным интересам России и ее безопасности. Несмотря на передачу российской разведкой сведений о готовящемся покушении на Эрдогана в июле 2016 г., наращивание сотрудничества в области импорта российского вооружения, в частности зенитно-ракетных систем С-400, строительства «Росатомом» первой АЭС на территории Турции, а также запуска транзитного газопровода «Турецкий поток» для экспорта российского газа в Европу, российско-турецкие отношения по-прежнему остаются противоречивыми. Причиной этого стало несовпадение интересов и целей государств в Сирии, Ливии, а также активное вмешательство Турции в ход новой войны на территории Нагорного Карабаха между Азербайджаном и Арменией. Особые опасения также вызывает использование Турцией радикальных исламистов и боевиков в Сирийском, Ливийском и Нагорно-Карабахском конфликтах.

- В Сирии Турция занимается активной поддержкой боевиков «умеренной» оппозиции туркоман на севере Сирии. Вооруженный конфликт в Сирии является типичным примером современного гибридного вооруженного конфликта, протекающего в условиях нарастающей интернационализации². Турция стремится к свержению поддерживаемого Россией сирийского руководства и не смогла выполнить Астанинское соглашение 2017 г. в части обеспечения отвода боевиков от линии фронта на 20 км, а также осуществить демаркацию исламистов «Аль-Каиды» от «умеренной оппозиции».

¹ Сафонкина Е.А. Указ. соч., с. 145-163.

² Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России// Актуальные проблемы Европы, 2020, № 2, с. 145-172.

- На территорию Ливии в 2019 г. были переброшены более 4 тыс. наемников для поддержки ПНС (Правительство национального согласия)¹.

- Турция стала одним из инициаторов конфликта в Нагорном Карабахе и перебросила из Сирии и Ливии в Азербайджан своих наемников для участия в вооруженном конфликте с Арменией. Подобные действия приводят к дестабилизации ситуации в Закавказье, что в свою очередь является прямой угрозой национальной безопасности России в силу близости ее границ².

Таким образом, новая, постоянно развивающаяся и эффективная политика «мягкой силы» способствует росту влияния Турции в евразийском регионе. Углубление процессов развития взаимоотношений между странами «Тюркского мира» создает в перспективе риски для реализации евразийской интеграции под эгидой ЕАЭС. Также не может не настораживать деятельность Турции по укреплению связей с тюркоязычными и исламскими регионами России, что может сказаться на стабильности федеративных процессов в российском государстве и взаимоотношений этих субъектов с Москвой. Проникновение Турции не только в культурную и экономическую, но в и идеологическую сферу жизни Центральной Азии способствует распространению смешанных с исламом идей пантюркизма, что является вызовом устоявшейся во всех центральноазиатских государствах светской парадигме.

¹ Между Россией и Турцией – конфликт, мощнее которого не было со времен сбитого российского самолёта в 2015 г // Meduza, 07.02.2020 Электронный доступ: <https://meduza.io/feature/2020/02/07/mezhdu-rossiy-i-turtsiy-konflikt-moschnee-kotorogo-ne-bylo-so-vremen-sbitogo-rossiyskogo-samoleta-v-2015-godu-erdogan-grozit-voynoy>

² Макрон заявил о наличии доказательств участия исламистов из Турции в боях в Карабахе // ТАСС, 01.10.2020 Электронный доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9603571>

А.В. ЕГОРОВ

адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации*

Социальная культура семьи: сущность и структурные компоненты

В статье использованы социокультурный подход, системный анализ для выявления и исследования основных теорий социальной культуры семьи. Уточнён интегрированный подход к раскрытию сущности социальной культуры семьи, обоснованию расширенного состава ее структурных компонентов.

***Ключевые слова:** социальная культура, ценности, нормы, принципы, правила, потребности, идеалы.*

A.V. EGOROV

**Adjunct of the Department of Humanities and Social
Sciens of Saratov Military Institute of the National Guard
Troops of the Russian Federation**

Family social culture: essence and structural components

In the article is used a socio-cultural approach, system analysis to identify and research the main theories of the social culture of the family. An integrated approach to disclosing the essence of the social culture of the family, substantiating the expanded composition of its structural components was refined.

***Keywords:** social culture, values, norms, principles, rules, needs, ideals.*

По мере развития социологии открываются возможности для комплексного исследования явлений, ранее рассматри-

* Егоров Алексей Владимирович, EGOROV.A-1983@mail.ru

ваемых другими гуманитарными и социальными науками, такими как культурология, менеджмент, антропология, философия, педагогика. Особое значение в контексте социологического знания имеют универсальные феномены социальной культуры общества, региона, отдельной социальной группы. К последним необходимо отнести и семью, способ ее зарождения, формирования всеобщих ценностей, организации социокультурной жизнедеятельности её членов.

Неслучайно сегодня растёт научный интерес исследователей к проблемам развития социальной культуры семьи вообще и семьи военнослужащего в частности. Социологи обращают внимание на то, что социальная культура характеризует весь образ жизни и действия членов семьи. Она, с одной стороны, отражает знания, которые передаются от одного поколения к другому, с другой стороны, определяет трансформацию поведенческого стиля, а также социальных действий. По сути, в новых условиях особое внимание исследователи должны уделять поиску оптимальных путей развития социальной культуры семьи. Ведь она играет важную роль не только в стабилизации, но и в обновлении современного российского общества. При реформировании всех сфер общества – «наше спасение в социальной культуре»¹. При данном подходе возрастает значение диагностической функции исследования социальной культуры семьи. Представляется важным уточнение не только сущности и структуры социальной культуры семьи, но и выявление особенностей ее проявления в условиях изменения современного общества.

Для исследования поставленной проблемы уместно на начальном этапе анализа абстрагироваться от конкретных показателей и тенденций обновления социальной культуры семей разного типа в России. Важно уточнить общие особенности проявления данного феномена на основе анализа различных доктрин и концепций, системного теоретического обобщения, выявить его глубинную сущность, структурные компоненты, а также особенность характеристик в современных условиях.

Для достижения поставленной цели важно решить две научные задачи: 1) найти, проанализировать, а также дифференцировать социологические теории, представляющие идеи

¹ Григорьев С. И., Гуслякова Л. Г. Культуроцентричность университетского образования (стратегические направления модернизации социального образования в системе «школа-вуз» современной России): моногр. Барнаул, 2004, с. 146.

о раскрытии сущности социальной культуры семьи в целом; 2) на основе интеграции подходов конкретизировать собственное понимание сущности феномена социальной культуры семьи, обосновать специфику ее проявления в современных условиях развития общества.

Решение поставленных двойственных задач требует на начальном этапе не только выявить, но и проанализировать теории, раскрывающие функциональную определенность социальной культуры семьи. Рассмотрим имеющиеся научные подходы по заявленной нами проблеме. Выявленные нами источники ранжируем на следующие группы: 1) «общетеоретические социокультурные концепции»; 2) «социологические концепции социальной культуры семьи как малой организованной группы».

Наиболее широко рассматриваемая проблема представлена в рамках концепций «общетеоретических социокультурных исследований семьи». М. Вебер отмечает, что социальная культура характеризуется прежде всего культурным прогрессом на уровне общества и его отдельных структурных областей. Социальная культура проявляется в результате преобразования и прогресса «самой природной жизни, всегда новой и всегда поставленной в иной форме»¹. В.Л. Добраев развивает данный подход и доказывает, что социальную культуру на разных уровнях проявления необходимо связывать с развитием ценностей отдельного человека, группы людей, общества в целом. Люди, приобщаясь к высшим социальным ценностям, обретают себя в социальном Абсолюте. «Это уже нечто большее, чем социализация, поскольку в этом случае их зависимость от всего земного и социального ослабевает»². Социальная культура, с одной стороны, представляет собой общественный феномен, который сам по себе не может существовать³, с другой – это явление, проявляющееся и развивающееся в результате общения, реализации социального действия и взаимодействия⁴. Здесь социальное, с одной стороны, обозначает общественное в контексте коллективного, группового, противостоящего индивидуальному, единоличному, с другой стороны, это некоторый ограниченный контекст

¹ Культурология. XX век. Антология. М., 1995, с. 499.

² Добраев В.Л. Организационное поведение. М., 2002, с. 236.

³ Манхейм К. Избранное. Социология культуры. М. -СПб., 2000, с. 243.

⁴ Чеснокова В. Предисловие // Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000, с. 14.

общественных отношений, сфера жизнедеятельности социальных групп, где осуществляется удовлетворение и развитие потребностей человека, воспроизводится социальная жизнь субъектов, а также реализуются способности, права, интересы субъектов действия¹.

Социальная культура отдельной группы формируется в результате развития групповых артефактов (созданных людьми социальных или материальных элементов, характеризующих их жизнедеятельность), а также социализации, овладения знаниями, навыками коммуникации, освоения существующих социально значимых ценностей, обычаев, норм, традиций, принципов, стандартов, правил, социальных ролей². Несложно заметить, что базой социальной культуры отдельной группы являются коллективные ценности, стратегии поведения, ориентации, представления. Последние уже на вторичном уровне мотивируют базовые действия человека, его оценки и поступки. Социальная культура отражает социальное действие человека, которое по «предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»³.

Таким образом, уже на уровне общетеоретических социокультурных концепций представляются сущностные черты социальной культуры группы как характеристика культурного бытия человека, обеспечивающая организационную упорядоченность жизнедеятельности человека, воспроизводство его человеческого потенциала. Внутренняя структура социальной культуры всякой социальной группы, в том числе и семьи, включает в себя коллективные ценности, нормы, стратегии поведения, ориентации, представления акторов данной социальной группы.

Недостатком общетеоретических социокультурных концепций, на наш взгляд, является оторванность представленного в них анализа от функционирования конкретных социальных групп общества. Авторы здесь не ставят задачу выявить структурные компоненты социальной культуры отдельных социальных групп.

¹ Григорьев С. И. Культурология развития российского университета (избранные труды к 30-летию научной и педагогической деятельности). Барнаул, 2003. 251 с.

² Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология. М.: Гардарика, 1999. 432 с.

³ Культурология. XX век. Антология, с. 499.

Рассмотрим идеи социологических концепций «социальной культуры семьи как малой группы». В рамках данных подходов семья рассматривается как малая социокультурная группа, объединение людей по кровнородственным, и/или брачным характеристикам, системой групповой ответственности, общим проживанием, ведением совместного хозяйства, осуществляющих основные социально-культурные функции¹. Семья как социокультурная общность также характеризуется склонностью к взаимопомощи, взаимопониманию, интеграции социокультурных ценностей. Это группа людей, как правило, имеющих духовное единство и общность. При этом семья имеет ярко выраженные социокультурные характеристики. Ее развитие отражается в системе социокультурных коллективных ценностей, правил, норм, принципов взаимодействия². Члены семьи, с одной стороны, являются условным проводником общественных ценностей, норм, принципов, правил поведения, с другой – это относительно самостоятельная ячейка современного общества. В рамках семьи осуществляется первичная социализация, формируются личности с определенным набором социокультурных характеристик: общих и специфических ценностей, норм, традиций, принципов и правил поведения. Последнее в современных условиях необходимо рассматривать как групповой культурный капитал³.

В рамках семьи формируется специфическая социальная групповая культура, отождествляемая с наблюдаемыми стереотипами действия и поведения людей. Выделяется расширенный состав компонентов социальной культуры семьи как социальной группы: ценности, язык, знания, ритуалы, обычаи, традиции, нормы⁴. О. Волжина, В. Выборнова в этой связи отмечают, что в современном понимании семья – это не только устойчивая социальная группа людей, но и набор социо-

¹ Антонов А.И. Двухдетная семья в Москве – образ жизни и репродуктивное поведение / А.И. Антонов, Н.В. Зверева, В.М. Медков, Ю.В. Сиротенко. М.: Наука, 1982, с. 33-61.

² См.: Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Экономическое действие как форма социального действия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук, 2018, № 12-3(12), с. 35-40.

³ См.: Быченко Ю.Г., Пухтелев А.М. Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих // Власть, 2019, № 01(27), с. 209-216.

⁴ См.: Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y.: Doubleday, 1959; Goffman E. Interaction Ritual. Hawthorne, N.Y.: Aldine, 1967.

культурных ценностей, в рамках которых она функционирует, проявляется как социокультурный социальный феномен¹.

Таким образом, можно резюмировать, что социальная культура семьи двойственна. С одной стороны – это групповое регулирование социокультурного поведения, полоролевых практик, родственных, а также межпоколенных взаимосвязей и взаимодействий, с другой стороны – это непосредственные групповые семейные поведенческие социокультурные характеристики. Социальная культура семьи характеризуется социокультурными ценностями. С социально культурных позиций семья представляет собой идеально-типическую социальную группу с устойчивыми и изменчивыми ценностями, нормами, принципами и правилами поведения.

В качестве недостатков разработок в рамках концепций социальной культуры семьи выделим следующие: 1) отсутствие анализа социальной культуры семей разного типа; 2) нет цельного комплексного описания структурных компонентов социальной культуры семьи.

Обобщая рассмотренные теоретические группы идей, можно сформулировать интегрированный подход к рассмотрению сущности социальной культуры семьи как устойчивой социальной группы, социального института, социально-культурной системы, характеризующейся набором социокультурных ценностей.

Социальная культура семьи является подсистемным компонентом социальной культуры общества. Она представляет собой единое целостное социокультурное пространство, первичную социальную ячейку, которая характеризуется набором общих и специфических ценностей, норм, принципов, правил, процедур и традиций. Последние обретаются членами семьи в процессе формальных, а также неформальных внутри и внешне семейных отношений, разрешения противоречий адаптации к изменяющейся внешней социокультурной среде, а также личностного развития и внутренней интеграции членов семьи. Это динамичная малая социальная группа, в обновление которой вносит вклад каждый член, в том числе и несовершеннолетний.

¹ См.: Волжина О.И., Выборнова В.В. Аксиологические основания государственной семейной политики в России // Знание. Понимание. Умение, 2012, № 3, с. 44.

На протяжении всех эпох общественной эволюции семья представляла собой первичную социокультурную ячейку социума. Она является универсальным индикатором, с помощью которого можно исследовать социально-культурные тенденции развития общества на разных его уровнях. Институт семьи сегодня необходимо рассматривать как показатель реконструкции социальной культуры общества.

Социальная культура семьи имеет следующие структурные компоненты.

1. Стержневая база социальной культуры семьи проявляется в системе семейных артефактов: созданных людьми социальных или материальных элементов, характеризующих жизнедеятельность ее членов. То есть это набор феноменов, окружающих членов семьи, которые можно увидеть, рассмотреть, услышать, почувствовать при общении или вхождении в социокультурную среду семьи.

2. Основа социальной культуры семьи проявляется в системе нужд, потребностей, провозглашаемых идеалов, ценностей, норм, принципов, правил, процедур и традиций. Данные социальные инструменты являются исходными для формирования самоуправленческих принципов поведения семьи в целом и отдельных ее членов в частности.

3. Деятельное проявление социальной культуры семьи – ценности, нормы, принципы, правила, определяющие основу непосредственного конкретного поведения ее членов. На практике провозглашаемые ценности и реальные практики реализации данных ценностей часто не совпадают между собой.

4. Профессиональный статус членов семьи, стиль их поведенческих практик (идентификация членов семьи, стремление, мотивация, а также готовность принимать идеалы общества, предпочтение в деятельности, ориентированное на потребности общества).

Д.Д. КЛЮЧНИКОВ
переводчик, ООО «Русгидроснаб»*

Особенности социальных медиа в современных политических процессах

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся изучения особенностей роли социальных медиа в политических процессах. Автор выделяет возможности использования социальных сетей в качестве эффективного инструмента организации политической коммуникации.

***Ключевые слова:** социальные медиа, политические процессы, влияние социальных медиа, социальные медиа.*

D.D. KLIUCHNIKOV
Translator of LLC "Rushydrosnab"

Some features of social media in modern political processes

In this article the author discusses some issues related to the study of the role of social media in political processes. The author identifies the main possibilities of using social networks as an effective tool for political communication.

***Keywords:** social media, political processes, influence of social media.*

В условиях медиатизации всех сфер жизнедеятельности нашего общества в качестве основного транслятора информации используются различные средства массовой информации, которые оказывают влияние на политические процессы. Социальные медиа имеют большое значение в формировании института политической жизни общества, усвоении поли-

* Ключников Денис Дмитриевич, e-mail: Klyuchnikov.denis@inbox.ru

тических норм и ценностей, а также инициации модели общественно-политической активности населения страны.

На сегодняшний день не существует единого подхода к пониманию термина «социальные медиа». Вслед за Д. Мёрти предлагаем под «социальными медиа» понимать множество относительно недорогих и широко доступных электронных инструментов, позволяющих любому человеку публиковать и получать информацию, сотрудничать и выстраивать отношения с другими людьми»¹.

Среди наиболее востребованных ресурсов социальных медиа можно выделить социальные сети (Facebook.com, VKontakte.ru), деловые онлайн-коммуникации (LinkedIn.com), блоги (Livejournal.com), социальные закладки (Delicious.com), видеохостинги (YouTube.com), виртуальную реальность (Secondlife.com), фотохостинги (Flickr.com) и др. Современные социальные медиа обладают уникальным интерфейсом на основе определенного набора технологий, дающего возможность интерактивного обмена информацией между пользователями. Опубликованный почти во всех социальных медиа материал можно в любой момент изменить, отрецензировать или дополнить какой-либо информацией.

Политический контент социальных медиа развивается быстрыми темпами. Политики могут пользоваться интернет-площадки с целью организации коммуникации с общественностью. Многие политические деятели ведут постоянные блоги, в которых публикуют различные материалы, высказывают свое мнение, делятся размышлениями, которые по тем или иным причинам не могут быть опубликованы в печатных СМИ (лексика, тематика, актуальность и т. д.). Комментарии, которые оставляют пользователи под фотографиями или видео, размещенными политиками, создают ощущение реального общения. К примеру, главы регионов могут проинформировать читателей об актуальных политических и экономических событиях города, получить обратную связь, узнать мнение общественности о том или ином событии.

Социальные сети также дают возможность эффективно организовывать опросы с целью выяснения мнения аудитории. Например, губернатор Тюменской области А.В. Моор активно использует различные социальные медиа в своей работе с

¹ Murthy D. Twitter: Social Communication in the Twitter Age. Cambridge, 2018, p. 7-8.

целью налаживания диалога, в первую очередь, с молодежью как наиболее продвинутой частью населения. Губернатор систематически ведет диалог на «Live Journal», где приглашает аудиторию обсудить любую интересующую ее тему или вопрос. Также губернатор отмечает, что положительно относится к конструктивной критике, конкретике и открытому разговору. Таким образом, блог дает возможность А.В. Моору отвечать на актуальные вопросы, которые интересуют жителей Тюменской области, давая понять им, что их проблемы услышаны. Губернатор периодически организывает опросы с подробным анализом полученных результатов, что позволяет ему узнавать мнение населения по какому-либо злободневному вопросу и принимать верные решения.

Социальные медиа являются инструментом по реализации масштабной работы различных политических партий в сети Интернет. Для этого существует большое количество возможностей: интернет-голосование, фандрайзинг, интернет-реклама, краудсорсинг и т. д. Систематическое использование политиками социальных медиа поможет сформировать наиболее полный образ кандидата, параллельно появляется возможность осуществлять непрерывный процесс интерактивного взаимодействия с электоратом, а также обеспечить быстрый доступ избирателей к актуальной агитационной информации. Также с помощью социальных медиа расширяются границы проведения социологических исследований в процессе реализации избирательной кампании. С целью создания положительного имиджа лидеры партийных организаций используют мобильные приложения для желающих осуществлять коммуникацию с партией, получать оперативную информацию о ее деятельности.

Очень часто социальные медиа выступают в качестве удобной платформы для ведения информационных войн с помощью размещения компрометирующего материала о том или ином политике или партии. Например, Алексей Навальный в публикациях в различных социальных сетях аккумулирует реальные и мнимые свидетельства нарушений российского законодательства, которые совершают чиновники.

Стоит отметить, что иногда социальные медиа используются для достижения не только конструктивных общенационально-политических целей, что проявляется в публикациях, направленных на углубление в кризисные процессы, а также для стратегий, цель которых – дестабилизация и дискредита-

ция власти и государства. Например, в социальной сети «ВКонтакте» существует группа «Против Путина и Единой России», в которой публикуются разные материалы неясной степени достоверности, которые, тем не менее, способны оказать огромное информационно-пропагандистское влияние на мировоззрение интернет-аудитории с целью дискредитации правящей партии и Президента В.В. Путина.

Таким образом, социальные медиа для политиков являются виртуальным пространством, в котором у них имеется возможность манипулировать потоком информации в нужных им направлениях. Социальные медиа являются современным ресурсом и технологией влияния, завоевания доверия и общественной поддержки, политического участия и политической борьбы. Можно сделать вывод о том, что современные ресурсы социальных медиа применяются с целью реализации скрытых, неявных коммуникативных стратегий. В ходе использования социальных сетей в политических целях они становятся информационно-коммуникационными ресурсами, которые, как завуалированные механизмы, влияют на политические настроения и взгляды аудитории, способствуют формированию системы ценностей и политической повестки, мобилизуют и координируют общественную деятельность.

Глобальные сетевые сообщества создают собственные медиаресурсы (информагентства, цифровые ресурсы, корпоративные аккаунты в социальных медиа, корпоративную прессу, даже кинокомпании), чтобы реагировать на значимые социально-политические события и вызовы, а также транслировать собственный образ в виртуальное пространство.

С целью оперативного реагирования на важные события, социальные и политические проблемы политические партии на базе социальных медиа формируют собственный медиаресурс, например, новостное агентство, цифровой ресурс, корпоративный аккаунт в социальной сети, корпоративную прессу и т. д.

Достаточно эффективным средством политической коммуникации является Твиттер, представляющий собой один из видов социальных сетей, онлайн сервис для ведения микроблогов. Твиттер дает возможность публиковать короткий текст на злободневную тему. Основной мотив общения на данном ресурсе заключается в обмене мнениями, идеями, новостями. Данный социальный сервис представляет собой инструмент, позволяющий легко и быстро поделиться информацией с

группой людей, нужной автору текста. Очень часто Твиттер используется политиками в качестве средства информирования аудитории о своей предвыборной программе, личных планах, о событиях, грядущих в сфере политики, что, в конечном итоге, призвано сыграть одну из ключевых ролей в процессе формирования имиджа политика, а также нужного впечатления у потенциальных избирателей.

На данный момент множество губернаторов России имеют аккаунты в Instagram. По данным Mediascope, социальная сеть Instagram занимает второе место в рейтинге популярности среди российских социальных сетей (26 млн. человек)¹. Согласно исследованиям Brand Analytics, в Instagram преобладает женская аудитория (75% аккаунтов принадлежит женщинам). Стоит отметить, что, по мнению ЦИК, женщины ходят на выборы чаще, чем мужчины². В выборах Президента Российской Федерации 2018 г. приняло участие 55,1% женщин и 44,9% мужчин³. Данный факт может быть учтен в процессе использования сети Instagram политиками. В качестве несомненного плюса данного ресурса можно выделить возможность вести прямые эфиры, трансляции, делать фото и видео непосредственно с освещаемого места события, что помогает мобилизовать потенциальный электорат. Еще одним преимуществом социальной сети Instagram является молодой возраст пользовательской аудитории по сравнению с другими социальными сетями (например, «Одноклассниками»)⁴. Таким образом, данный ресурс может служить эффективным рекламным инструментом в процессе агитации в предвыборный период. В процессе использования сетевого ресурса Instagram политические деятели получают уникальную возможность приблизиться к своей аудитории. Современному поколению свойственно «клиповое» мышление, заключающееся в способности получать знания о происходящем вокруг посредством компактных сообщений, содержащих текстовые материалы небольшого объема, ленты новостей, короткие видеоро-

¹ Официальный сайт Mediascope [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mediascope.net/> (дата обращения: 16.09.2020).

² Официальный сайт Brand Analytics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br-analytics.ru> (дата обращения: 16.09.2020).

³ Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.net/> (дата обращения: 16.09.2020).

⁴ Пипченко Н.А. Социальные медиа в современных политических процессах // Сравнительная политика, 2019, № 4(16-17), с. 60-62.

лики и т. д. Таким образом, в распоряжении политиков находится канал коммуникации с молодежью, с помощью которого можно также вносить вклад в ее гражданское воспитание, способствуя повышению уровня развития политического мышления и культуры.

Контенты, публикуемые в социальных сетях, в группах интересов дают возможность делиться информацией об основных направлениях деятельности власти страны. Пользователи могут поддерживать или оспаривать реализуемую политику, высказывать свое мнение и видение ситуации, складывающейся в современном российском обществе. Инструменты социальных медиа доступны для каждого интернет-пользователя бесплатно или за умеренную оплату. Для доступа к средствам производства контента не требуется специальных навыков и знаний, что значительно облегчает процесс пользования сетевым ресурсом. Социальные медиа обладают более независимым статусом от рекламодателей, владельцев, редакции.

Важным аспектом является тот факт, что социальные медиа могут выступать инструментом объединения группы людей для обсуждения и решения каких-либо политических вопросов. Социальные медиа дают возможность людям открыто выражать свою точку зрения по тем или иным вопросам, полемизировать, предоставлять информацию, которая не публикуется в традиционных СМИ. В качестве примера можно привести отражение событий, происходивших в г. Хабаровске в июле 2020 г., связанных с арестом губернатора Хабаровского края Сергея Фургала. Огромное количество людей создали в социальных медиа контенты с призывом к проведению митингов в поддержку политика. Видео, фотографии, сообщения о демонстрациях активно распространялись в сети с призывом выйти на улицы более многочисленной и сплоченной группой. Таким образом, объединившись через сообщения в социальных сетях, люди организовали многотысячные и многодневные политические манифестации. Участники демонстраций, а также пользователи интернет-сетей публиковали видео с песнями, стихотворениями, сочиненными в поддержку губернатора.

По результатам исследований Mediascope, наибольшее количество упоминаний о задержании С. Фургала и акций протеста в его поддержку были выявлены в социальной сети

«Одноклассники»¹. Также стоит отметить, что «вирусные» видео в поддержку С. Фургала собрали многомиллионные просмотры в молодежной развлекательной социальной сети TikTok. Большое распространение в социальных сетях получили видео с фрагментами выступлений бывшего губернатора на совещаниях с чиновниками различного уровня, на которых С. Фургал выражал недовольство их деятельностью.

В целом можно отметить тот факт, что непосредственно в Интернет-сети Хабаровского края отсутствовало противостояние интересов сторонников и противников С. Фургала. Наблюдалась четкая консолидация аудитории с положительным отношением к экс-губернатору, которая стала олицетворять протест против неуважения к выбору людей и общее недовольство властными структурами. В качестве объекта агрессии пользователей выступили чиновники-коррупционеры. Данное положение дел свидетельствует о достаточно серьезном и прочном изменении массового сознания жителей г. Хабаровска.

В заключение отметим, что современные социальные медиа становятся популярным и эффективным инструментом в решении различных политических вопросов не только потому, что представляют собой удобное программное средство для коммуникации, но по причине того, что дают возможность для социального объединения пользователей, благодаря чему социальные медиа являются одним из важных социальных институтов, оказывающим влияние на политические процессы, которые впоследствии могут привести к серьезным общественным изменениям.

¹ Официальный сайт Mediascope [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mediascope.net/> (дата обращения: 16.09.2020).

А.А. СПАСОВ
*аспирант кафедры российской
политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Политические последствия подписания Охридского соглашения для Республики Северная Македония

В статье рассматриваются отдельные пункты Охридского соглашения и то, как они повлияли на современную политическую обстановку в Республике Северная Македония. Некоторые положения Охридского соглашения, как показало время, привели к дестабилизации государства, а не к урегулированию конфликта.

***Ключевые слова:** Охридское соглашение, этнополитический конфликт, Северная Македония, албанские группировки, переговоры.*

A. A. SPASOV
*Postgraduate student of the Department
of Russian politics, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University*

Political implications of the signing of the Ohrid agreement for the Republic of North Macedonia

The article examines individual points of the Ohrid agreement and how they affected to the current political situation in the Republic of North Macedonia. Some of the provisions of the Ohrid agreement, as time has shown, led to the destabilization of the state, but not to the settlement of the conflict.

***Keywords:** the Ohrid agreement, ethnic and political conflict, Northern Macedonia, Albanian groupings, negotiations.*

* Спасов Александр Андреевич, e-mail: s4267@yandex.ru

Одним из ключевых шагов, направленных на разрешение этнополитического конфликта, является переговорный процесс между противоборствующими сторонами. Переговоры предполагают изложение интересов каждой из сторон конфликта, нахождение компромисса и фиксирование общих целей и задач для заключения мира. В результате достигнутых договоренностей между сторонами конфликта принимается взаимоприемлемое решение, которое, в свою очередь, фиксируется в виде юридических документов¹. Однако достигнутые договоренности впоследствии не всегда приводят к тому, на что рассчитывали стороны либо одна из сторон конфликта. Поэтому только спустя несколько лет с момента подписания мирного соглашения можно оценить его значимость, учитывая положение конфликтующих сторон в настоящее время.

Так, юридический документ (Охридское соглашение), заключенный между албанцами и македонцами в Северной Македонии в 2001 г. сегодня выглядит неоднозначным решением в урегулировании конфликта. Прошло достаточно времени с момента подписания Охридского соглашения в Республике Северная Македония, поэтому спустя годы можно оценить эффективность достигнутых договоренностей между албанцами и македонцами.

Итак, Охридское соглашение было подписано 13 августа 2001 г. Процесс согласования документа, равно как и процесс ведения переговоров проходили с участием консультантов из США. В ходе переговоров албанцы навязывали свои требования, в условиях значительного перевеса и подготовленности военизированных группировок, которые вели боевые действия на северных территориях страны под руководством Али Ахмети. Джафери А. (лидер Демократической партии албанцев) говорил о процессе переговоров так: «У нас был общий план. Мы знали до деталей, чего мы хотим достичь. Знали, в чём нас может поддержать международное сообщество. Знали, каковы стратегические позиции македонской стороны»².

¹ *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. М., 2011. 123 с.

² Цит. по: *Третьякова М.Ч.* Как в Македонии закончился военный конфликт в 2001 г. Охридский договор // *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 2015, № 10, с. 146-156.

На этапе переговоров консультанты из США подчеркивали албанскую сторону и давали свои рекомендации по тому, как нужно вести диалог с правительством Северной Македонии. К примеру, одним из советников США на переговорах между конфликтующими сторонами был Пол Вилкинсон, который вывел определенную стратегию переговоров в документе «Структура переговоров»¹. Согласно документу, албанская сторона не должна была идти на какие-либо уступки в переговорах с правительством страны и при этом навязывать исключительно свои требования.

Стоит отметить, что до подписания Охридского соглашения албанской стороной был подготовлен документ «Декларация албанских лидеров Македонии» (22 мая 2001 г.), в котором были сформулированы требования к македонскому правительству. Большая часть документа посвящалась изменению Конституции страны, в которой должно было быть прописано положение об албанском языке, делающее его официальным на всей территории страны.

Из-за постоянных столкновений с албанскими группировками на севере страны и давления США на правительство Северной Македонии Борис Трайковский (президент Северной Македонии до 2004 г.) согласился с выдвинутыми требованиями, изложенными в документе «Декларация албанских лидеров Македонии». К слову, Евросоюз совместно с США пообещали ввести войска НАТО и наблюдателей ОБСЕ в страну лишь после согласия правительства Северной Македонии сесть за стол переговоров с албанскими сепаратистами для согласования пунктов Охридского соглашения.

После проведения переговоров и принятия «Декларации албанских лидеров Македонии» македонской стороной 13 августа 2001 г. было подписано Охридское соглашение, которое фиксировало несколько ключевых пунктов, сформированных албанскими лидерами.

1. Статус албанцев повышался из меньшинства в «конституционную общину».
2. Албанский язык выводился в качестве служебного наряду с македонским. Подобное введение распространялось на местные уровни власти, где проживало не менее 20% албанского населения.

¹ Там же.

3. Был закреплен принцип «пропорционального представительства» албанского меньшинства на всех уровнях власти.

4. Количество полицейских формировалось исходя из этнической пропорциональности в стране.

5. Национальные символы албанцев теперь использовались в публичных учреждениях в тех территориальных единицах, где проживало преимущественно албанское население.

6. Предоставлялось право «вето» меньшинству в государственных органах власти в вопросах, затрагивающих этнические права¹.

При детальном рассмотрении Охридского соглашения видны некоторые противоречия. К примеру, в соглашении гарантируется «мирное и гармоническое развитие гражданского общества с одновременным учетом этнической идентичности и интересов всех македонских граждан». Но при этом в документе нет четких положений о совместном развитии страны. Вместо этого идет строгое разграничение на албанский и македонский этносы. Центральное место в соглашении занимает не индивид, а прежде всего «общность» и язык, что отразилось в приобретении статуса «конституционной общины» и в праве использования албанского языка, как служебного, на территориях где проживает более 20% албанцев. То есть Охридское соглашение в своей основе содержит цель разграничения двух этносов, а не идею сплоченности и примирения албанцев и македонцев.

Более того, после подписания Охридского соглашения македонцев стал заботить тот факт, что албанцы в Северной Македонии акцентируют свою культурную и этническую связь с Албанией. К примеру, албанский государственный флаг теперь можно встретить в Северной Македонии, Албании и Косово, что может предполагать открытые территориальные претензии². Соответственно, один из пунктов Охридского соглашения, который затрагивал использование национальной символики, повлиял на сепаратистские настроения албанцев, которые демонстративно подчеркивали свою связь с другим государством, вывешивая флаг Албании на муниципальных зданиях.

¹ Рамковен (Охридски) договор. Скопје, 13 август 2001, с. 11.

² *Николовска Н.* Македонската транзиција во дефект – од унитарна кон бинационална држава. Скопје, 2001, с. 33.

Стоит сказать, что положение Охридского соглашения, которое затрагивает правоохранительные органы, наиболее остро повлияло на развитие конфликта в открытой форме. По данному положению предусматривалось до 2003 г. обучение 1 тыс. правоохранительных служащих из албанской общности. Однако трудно утверждать, что данное решение было целесообразным, поскольку 1 тыс. полицейских не внушали чувство безопасности на севере страны, где албанские группировки были вооружены пистолетами, автоматами, противотанковыми гранатами, снайперскими винтовками и минами. Поэтому после подписания Охридского соглашения на северных территориях сразу же развернулись полномасштабные боевые действия, которые периодически возобновлялись вплоть до вступления Северной Македонии в НАТО в 2020 г. К примеру, в 2015 г. в Куманово в ходе боев погибло 14 боевиков и 8 полицейских¹.

Помимо положения о полиции в Охридском соглашении, реализация которого отчасти повлияла на столкновение албанских группировок с неподготовленными правительственными силами на севере страны, к дестабилизации государства привели нефункционирующие институты власти, порядок работы которых частично был прописан в Рамочном договоре. К примеру, закрепление принципа «пропорционального представительства» и право «вето» для меньшинства в государственных органах не привели к стабилизации парламентского института, где албанские и македонские партии так и не смогли прийти к диалогу о совместном развитии страны. В 2016 г. это вылилось в парламентский кризис, вызванный противоречиями между Н. Груевским (премьер-министр до 2016 г.) и лидером албанской оппозиции Зораном Заевым, который в результате досрочных выборов занял пост премьер-министра. К 2017 г. также был избран новый спикер парламента – Талата Джафери, по происхождению этнический албанец. Ответные действия со стороны македонцев последовали незамедлительно, что привело к стычке в парламенте между активис-

¹ НАТО обеспокоилась вспышкой насилия в Македонии // Lenta.ru, 10.05.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/05/10/kumanovo/> (Дата обращения: 06.06.2020).

тами движения «За единую Македонию» и представителями албанских партий¹.

В июле 2020 г. на парламентских выборах победила партия Социал-демократического союза Македонии во главе с З. Заевым, набрав 36,3% голосов². Эта партия намерена продолжать путь европейской интеграции, однако против этого могут выступить македонцы и партия ВМРО-ДПМНЕ, которые, отстаивая интересы македонского населения, не спешат встать на путь сближения со странами Запада. Стоит сказать, что подобные разногласия между парламентскими партиями и этносами могут вновь перейти в демонстрации и погромы, как это было в 2015 и 2016 г.³.

Таким образом, сложившаяся политическая обстановка в стране показывает, что Охридское соглашение оказалось абсолютно нежизнеспособным и не смогло разрешить конфликт. Более того, положение Охридского соглашения, которое предполагало обучение тысячи албанских полицейских на севере страны, скорее, способствовало возникновению открытых боевых действий, а не урегулированию конфликта. Также сильным ударом для страны стал парламентский кризис 2016 г., что привело к уличным демонстрациям и смене премьер-министра. Отсюда следует, что заложенный принцип «пропорционального представительства» и право «вето» для меньшинства в этнических вопросах никак не помогли стабилизации парламентского института. Албанцы и македонцы так и не пришли к общему видению развития страны.

Сегодня Северная Македония представляет собой унитарное государство, но при этом албанцы и македонцы живут совершенно разобщенно, что привело к протестам и погромам в Скопье в 2015 г., к открытым боевым столкновениям на севере страны и к потасовкам в парламенте. Ведя речь об Охридском соглашении и будущем страны, Светозар Шкарич

¹ Погром в парламенте Македонии: пострадали около 100 человек // Вести, 28.04.2017. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/714884/> (Дата обращения: 13.07.2020).

² Выступающая за евроинтеграцию правящая партия Северной Македонии взяла большинство на выборах в парламент // Новая Газета, 16.07.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/07/16/163058-vystupayuschaya-za-evrointegratsiyu-pravyaschaya-partiya-severnoy-makedonii-vzyala-bolshinstvo-nayuborah-v-parlament> (Дата обращения: 02.08.2020).

³ Ситуация в Македонии чревата хаосом и гражданской войной // РИА Новости, 18.04.2016. URL: <https://ria.ru/20160418/1414208735.html> (Дата обращения: 18.08.2020).

македонский правовед, удачно отметил: «Практически невозможно построить мультиэтническое государство в унитарной форме без опасности ее федерализации или «раздробления» на этнической основе»¹. Поэтому заложенные принципы Охридского соглашения, которое было подписано сторонами конфликта под давлением США, привели к постепенной дестабилизации государства, которое неспособно сегодня разрешить самостоятельно внутренние проблемы.

¹ *Поповски В.* Охридскиот договор // Република Македонија 60 години по АСНОМ. Скопје, 2001. 159 с.

Н.А. АНАНЬЕВ
*аспирант кафедры социально-политических
учений факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Идейно-политическая концепция Н.И. Черняева

В статье рассматриваются основные принципы идейно-политической концепции отечественного общественного и политического деятеля Н.И. Черняева. Автор характеризует его мировоззрение, обращая особое внимание на разнообразие аргументов, приводимых Н.И. Черняевым в защиту самодержавной монархии.

***Ключевые слова:** Н.И.Черняев, православие, русский консерватизм, самодержавие.*

N.A. ANANYEV
*Postgraduate student of the Department of Social and
Political Studies of the Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University*

The idea-political conception of N.I. Chernyaev

The article discusses the basic principles of the political concept of conservative philosopher and publisher N.I.Chernyaev. The author describes his worldview, paying special attention to the variety of arguments, put forward in favor of autocratic monarchy.

***Keywords:** N.I. Chernyaev, Orthodoxy, Russian conservatism, autocracy.*

Николай Иванович Черняев (1853-1910) на протяжении своей жизни являлся видным общественным деятелем Российской империи. Выходец из старинного дворянского рода, он получил юридическое образование в Харьковском императорском университете, став впоследствии профессором

* Никита Александрович Ананьев, e-mail: nikita_a_ananiev@mail.ru

отечественного права¹. Однако не юридическое поприще определило его дальнейшую карьеру и, как следствие, судьбу. С начала 1880-х гг. основным полем его деятельности становится публицистика, причём публикуется Н.И. Черняев как по культурной, так и по политической тематике. В 1900-е гг. он также включился в политическую деятельность, став видным деятелем харьковского отдела черносотенной организации «Русское собрание»².

С 1881 по 1905 г. Н.И. Черняев являлся штатным сотрудником харьковской газеты «Южный край», пользовавшейся большой популярностью в малороссийских губерниях России. Именно на этот период жизни Н.И. Черняева приходится становление его как публициста консервативного политического направления. После ухода из газеты в 1905 г. он продолжает публиковаться – на этот раз в харьковском консервативном журнале «Мирный труд». Свою активную и плодотворную публицистическую деятельность он продолжал до самой смерти, издав книги «О русском самодержавии» (1895), «Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал» (1901), «Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия» (1904) и «Записная книжка русского монархиста» (1904)³.

В данной статье мы проследим и охарактеризуем основные аспекты идейно-политических воззрений Н.И. Черняева.

Главной темой всех произведений Н.И. Черняева на политическую тематику являлось обоснование необходимости сохранения самодержавной монархии в России. Взгляды Н.И. Черняева по отношению к самодержавной монархии можно выразить следующей фразой: «Русское самодержавие есть наилучший для нашей родины способ приведения к единому знаменателю 140 000 000 умов и воля, из которых слагается воля и разум нации тех народов и общественных слоёв, из которых она состоит»⁴. По его мнению, «незыблемость само-

¹ Каплин А.Д. «Русским... стыдно не быть убеждёнными монархистами». Памяти Николая Ивановича Черняева (1853-1910) // Русская народная линия, 25.05.2013, с. 3.

² Там же, с. 10.

³ Черняев Н.И. Заметки о монархических началах // Черняев Н.И. Русское самодержавие. М.: Институт русской цивилизации, 2011, с. 20.

⁴ Там же, с. 273.

державия – основной догмат нашего государственного права и государственной мудрости»¹.

В пользу самодержавной монархии Н.И. Черняев выдвигал ряд аргументов. Первый аргумент можно условно назвать «историческим». Н.И. Черняев задавал риторический вопрос и сам же на него отвечал: «Чем же объясняется, что царская власть в России с каждым годом усиливалась и крепла, не смотря на то, что ей приходилось иметь дело и с такими эпохами, как Смутное время и с тысячами самых тяжких испытаний? Тем, что русское самодержавие органически развилось в России, тем, что оно пустило глубокие корни в русскую почву и вполне отвечает потребностям русского народа и государства, как определились они под взаимодействием географических, этнографических, исторических и культурных условий»². Также он отмечал, что «называя себя крестьянином, то есть христианином, русский мужик смотрит на власть с христианской, православной точки зрения. Он видит в царе – властелина, поставленного самим Богом»³.

Н.И. Черняев аргументировал необходимость самодержавной монархии «географическим» фактором. Он утверждал: «Россия занимает громадную территорию, раскинутую в двух частях света и равную одной шестой части суши. На этой территории живёт редкое население, стоящее, по меньшей мере, не на особенно высокой ступени культурного развития. Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм. Если бы эта власть была ограничена парламентом или чисто республиканскими учреждениями, она не могла бы служить цементом для такой колоссальной державы, как Россия»⁴. По его мнению, необходимость контроля над протяжёнными территориями обусловила появление на Руси самодержавной монархии как наилучшего инструмента для обеспечения территориальной целостности государства.

Обращаясь к историческому опыту и приводя в качестве примера античный Рим и Грецию, Н.И. Черняев отмечал: «Опыт всех времён и народов доказывает, что громадные политические организмы не могут обойтись без твёрдой

¹ Черняев Н.И. Заметки о монархических началах // Черняев Н.И. Русское самодержавие. М.: Институт русской цивилизации, 2011, с. 20.

² Там же, с. 22.

³ Там же, с. 162.

⁴ Там же, с. 22, 23.

монархической власти»¹. В качестве дополнительного обоснования служила постоянная угроза со стороны внешних врагов (ввиду протяжённости государственных границ): «Постоянная опасность извне была одной из главных причин колоссального развития русского самодержавия»².

Особый интерес представляет аргумент «источника свободы», выдвинутый Н.И. Черняевым в поддержку самодержавной монархической формы правления. С его точки зрения, «самодержавие не только не мертвит свободы, а всецело держится на ней. < ... > Неограниченные монархии держатся лишь на свободном подчинении народа властелину. < ... > Неограниченные монархии, опирающиеся на любовь и преданность всего народа, без различия богатых и бедных, знатных и незнатных, образованных и простецов, покоятся на незабываемых основах. Неограниченные монархии, не имеющие опоры в сердцах и умах подданных, построены на песке и могут рухнуть от первого, самого ничтожного толчка»³. В странах, «где царят представительные учреждения, царит власть большинства, игу которого меньшинство не может не подчиняться, ибо на стороне большинства сила»⁴.

Политические убеждения Н.И. Черняева органично укладывались в триаду «Православие, самодержавие, народность», убеждённым приверженцем которой он являлся на протяжении всей своей жизни. Н.И. Черняев был последовательным русским консерватором, и его обширное публицистическое наследие ещё ждёт своего исследователя.

В пользу тезиса о необходимости и эффективности самодержавия для Российского государства Н.И. Черняев в различных своих произведениях выдвигал следующие аргументы: «исторический» (оправданность историческим опытом), «географический» (необходимость эффективно контролировать огромные территории), «религиозный» (важность самодержавца как символа Православия), «иерархический» (эффективность твёрдой государственной власти, основанной на принципах иерархии и естественного неравенства), «социокультурный» (соответствие русских культурных традиций и монархического строя).

¹ Черняев Н.И. Заметки о монархических началах // Черняев Н.И. Русское самодержавие. М.: Институт русской цивилизации, 2011, с. 23.

² Там же.

³ Там же, с. 194, 195.

⁴ Там же, с. 194.

А.А. ВЛАДИМИРОВ
*аспирант кафедры геополитики факультета
глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова**

К вопросу о соотношении феноменов политкорректности и толерантности с постлиберализмом

В статье проводится анализ таких феноменов современной западной политической жизни, как политкорректность и толерантность. Автор рассматривает соотношение указанных феноменов с современной формой либеральной идеологии, которая в авторской методологии получила название постлиберализма.

***Ключевые слова:** идеология, политкорректность, толерантность, либерализм, постлиберализм.*

A.A. VLADIMIROV
*Postgraduate student of the Department
of Geopolitics, Faculty of Global Processes,
Lomonosov Moscow State University*

On the question of the correlation of the phenomena of political correctness and tolerance with postliberalism

The article analyzes such phenomena of modern Western political life as political correctness and tolerance. The author considers the correlation of these phenomena with the modern form of liberal ideology, which in the author's methodology is called postliberalism.

***Keywords:** ideology, political correctness, tolerance, liberalism, postliberalism.*

*Владимиров Андрей Александрович, e-mail: BackToBN@mail.ru

Вопросам развития современного либерализма в науке уделяется все больше внимания. Более того, в настоящее время также актуализируется вопрос о статусе современной разновидности западного либерализма, которая в более ранних работах автора получила название постлиберализма¹. Фундаментальной ценностью постлиберализма является индивидуальная свобода. На ее основе претерпевают изменения вторичные ценности либерализма – права человека, прогрессизм и демократизм.

В качестве объектов анализа данной статьи выступают такие феномены, как политкорректность и толерантность, при этом если политкорректность понимается как политика регулирования человеческой деятельности в сфере языка, то толерантность понимается как регулятор общественного поведения с целью ограничения допустимых с точки зрения определенной идеологии паттернов поведения.

Для начала следует сказать, что мы исходим из того, что указанные механизмы выступают инструментальным дополнением политики определенных социальных групп и могут быть использованы для утверждения разных идеологических ценностных систем. В то же время нельзя не отметить, что данные феномены зачастую ассоциируются именно с левыми движениями современных западных государств, поэтому важно в этой связи дать краткое пояснение особенностям западной традиции употребления понятия «левые».

В рамках западной политологической традиции левыми считаются те политические силы, которые, как правило, ориентируются на активное государственное вмешательство в дела общества с целью регулирования его процессов и решения социально-политических задач и проблем. Такой подход еще больше сближает феномены политкорректности и толерантности с левым политическим лагерем, так как зачастую внедрение их положений в систему организации общественной жизни происходит при более активном вмешательстве государства, особенно в вопросах экономической деятельности.

При этом традиционно к левым, особенно в США, относят не только собственно социалистов и близкие к ним течения, но и либералов, которых в нынешнем виде и с учетом американского политического лексикона принято считать левой

¹ См.: *Владимиров А.А.* Концептуальные основы современного либерализма // Социально-гуманитарные знания, 2018, № 3, с. 342-347.

политической силой. Левые в США включают в себя группу политических движений, начиная с непосредственно социалистических и заканчивая либеральными и леволиберальными. При этом мы исходим из понимания того, что несмотря на смешение терминологического аппарата либералы, даже те, которые активно выступают за вмешательство государства в общественные дела, в качестве своей главной ценности воспринимают индивидуальную свободу, в отличие от сторонников непосредственно идеологии социализма.

Важно, что современное либеральное понимание свободы все чаще коррелирует с постлиберальным ее пониманием как свободы в первую очередь индивидуальной. Политкорректность и толерантность, даже будучи частью арсенала левых политических сил, представляют собой универсальные механизмы общественной регуляции и активно используются для реализации ценностей постлиберализма.

Рассуждая о соотношении понятий толерантности и политкорректности с постлиберализмом, важно обратиться к идеям американского идеолога палеоконсерватизма П. Дж. Бьюкенена, который в своей главной работе «Смерть Запада», хорошо известной отечественным исследователям, не только критикует многие западные социальные и политические явления и тенденции, но также весьма подробно рассказывает о влиянии феноменов политкорректности и толерантности¹. Особое внимание Бьюкенен уделяет критике идей видных представителей неомарксизма, таких как Г. Маркузе и А. Грамши, идеи которых во многом повлияли на становление современного западного леволиберального дискурса. Неомарксисты настаивали на неспособности западного пролетариата совершить революционные преобразования в связи с принятием им экономических уступок со стороны правящих капиталистических кругов, а также в связи с принятием ранее революционным пролетариатом буржуазной этики². По мнению неомарксистов, несмотря на потерю пролетариатом своего революционного потенциала, капитализм продолжает воспроизводить систему эксплуатации человека человеком, оставаясь тем самым несправедливой системой. При этом ведущую роль в сохранении такой системы неомарксисты от-

¹ Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2007, с. 107-138.

² Мармазова О., Мармазова Т. Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал, 2018, № 1(7), с. 74-79.

водят культурной гегемонии буржуазии, суть которой Грамши описал в работе «Тюремные тетради»¹.

Сломать установившуюся гегемонию, по мнению неомарксистов, должен не ставший реакционной силой пролетариат, сломать ее должны маргинальные элементы, лишенные возможности полноценного участия в общественной жизни. К числу маргиналов неомарксисты относили в первую очередь чернокожее население и представителей различных меньшинств. Особое значение для слома гегемонии усматривалось в преодолении христианской этики, которая воспринималась неомарксистами в качестве основы культурной гегемонии. Несмотря на то, что во второй половине XX в. движение неомарксистов сравнительно быстро утратило свое политическое влияние и перспективы, развитие их идей продолжилось в лице западных интеллектуалов, которые особенно сильно закрепились в сфере высшего образования, в частности в США, в учебных заведениях которых преподаватели зачастую являются сторонниками левых взглядов².

Политкорректность, толерантность и политика расширения прав социальных меньшинств являются неотъемлемой составляющей левой политической повестки на Западе, однако важно обратить внимание не на генезис и изначальную связь этих идей с неомарксистскими концепциями, а на результат их проявления в обществе, а также на особенности их функционирования в современных реалиях. К примеру, несмотря на то, что исторически требование о предоставлении избирательного права рабочим было прерогативой левых политических сил, в Великобритании такое право было предоставлено рабочим в результате деятельности консерваторов³. Известно, что одни и те же идеи могут присутствовать в нескольких идеологиях, о чем в частности говорил британский политический теоретик М. Фриден⁴, что не дает права утверждать, что конкретные идеи имеют нерушимую связь со строго определенной идеологией.

¹ Грамши А. Тюремные тетради: В 4 ч. М., 1991.

² *National Review* [Электронный ресурс] // Сайт: www.nationalreview.com URL: <https://www.nationalreview.com/corner/just-how-liberal-are-college-professors/> (дата обращения: 31.05.2020).

³ Руткевич А. М. Что такое консерватизм? Университетская книга, 1999, с. 20.

⁴ *Freeden M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach.* Oxford: Oxford University Press, 2006, p. 48.

Динамизм различных социально-политических идей и концептов позволяет лучше понять развитие феноменов политкорректности и толерантности в рамках постлиберализма. В соответствии с мнением П. Дж. Бьюкенена, влияние неомарксистов в США имеет огромный потенциал, а механизмы политкорректности и толерантности разрушают основы американского общества, однако реальное положение дел не может служить подтверждением данного тезиса. Известно, что неомарксисты исходят из необходимости кардинального слома существующей культурной гегемонии с целью разрушения капиталистической системы, однако вряд ли сегодня можно говорить о закате капитализма как экономической модели западных государств даже несмотря на регулярные кризисы, с которыми то и дело сталкивается капитализм. Вопреки мыслям о чрезмерном усилении неомарксистских идей в западных обществах современный капитализм демонстрирует тенденцию к своему дальнейшему расширению за счет распространения логики развития рыночных отношений на все большие области человеческой жизнедеятельности¹. Капитализм неоднократно демонстрировал свой адаптивный потенциал и способность подстраиваться под изменяющуюся социально-экономическую конъюнктуру, при этом усиливая тенденцию своего внедрения во внеэкономические стороны общественной жизни², что не может свидетельствовать в пользу разрушения капитализма под влиянием подрывной деятельности неомарксистской идеологии и аффилированного с ней истеблишмента.

Мы полагаем, что правильнее скорее говорить о влиянии постлиберальной интерпретации политкорректности и толерантности на Западе. Отказ от традиционных ценностей западной культуры, таких как христианская этика и нормативные семейные отношения, рассматриваемые неомарксизмом как препятствия на пути к установлению новой культурной гегемонии, больше соотносится с процессом расширения индивидуальных прав и свобод социальных меньшинств. Именно это выступает одним из ключевых направлений развития постлиберализма, что проявляется, в частности, в увеличении привилегий сексуальных, религиозных и этнических мень-

¹ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос, 2011, № 1(80), с. 104-112.

² См.: Прохоров М.М. Философские основания экономики и экономизма // Философия и общество, 2014, № 2.

шинств в западных странах. Политкорректность и толерантность играют ключевую роль в этом процессе, выступая механизмами ограничения и регулирования поведения социального большинства.

Важно также отметить, что борьба социальных меньшинств за свои права не приводит к подрыву норм капиталистической системы, однако напрямую способствует реализации основных положений постлиберальной идеологии, будь то освобождение индивида из-под влияния норм и правил традиционных социальных институтов или приоритет в защите прав социального меньшинства перед социальным большинством.

Адаптируя изначально неомарксистские идеологические элементы, постлиберализм перенаправляет их на реализацию собственной программы развития. Революционные преобразования культуры, о которых говорили неомарксистские мыслители, приобретают постлиберальный характер. Описывая происходящие в обществе изменения, Ч. Райх писал: «Грядет революция! Она будет отличаться от всех революций прошлого. Она обратится к человеку, а не к классам, и затронет культуру, а изменение политической структуры произойдет лишь на последней стадии. Она не нуждается в насилии для своего успеха, и подавить ее насилием также не удастся. Она распространяется с удивительной скоростью, и уже наши законы, наши институты и социальная структура меняются под ее влиянием... Такова революция нового поколения»¹. И в самом деле при анализе происходящих на Западе процессов, становится очевидным, что изменения в социально-политической сфере в интересах постлиберализма не декларируются в качестве таковых, а сторонники постлиберализма не имеют официального или, к примеру, партийного выражения. Отсутствуют также и формально признанные идеологи, которые открыто заявляли бы о своих ценностях как о ценностях постлиберализма, однако это не мешает его реализации в качестве реальной идеологии, целью которой выступает изменение массового сознания и оказание влияния на целеполагание западных обществ.

Внедрение постлиберальных ценностей происходит зачастую в неявной форме, и в комплексе происходящих на Западе социально-политических процессов сложно разгля-

¹ Reich C.A. The Greening of America. N.Y.: Bantam Books, 1971, p. 2.

деть развитие положений определенной идеологии, в особенности постлиберализма, функционирование которого только сейчас получает должное научное и социально-философское осмысление.

Таким образом, можно сделать вывод, что постлиберализм адаптировал методы неомарксизма, переработав их с целью реализации собственной социальной программы преобразования. Это в том числе говорит о важности более тщательного анализа разворачивающихся на Западе политических процессов с точки зрения влияния на них постлиберализма, так как реализация изначально неомарксистских идей на деле может способствовать осуществлению программы социальных преобразований постлиберализма. Это уже происходит на примере функционирования механизмов политкорректности и толерантности применительно к реализации ценностной системы постлиберализма.

В.А. ПАЛЧЕНКОВ
*аспирант кафедры международных отношений и
интеграционных процессов факультета
политологии МГУ имени М.В. Ломоносова**

Состояние военного присутствия США в Южной Корее в период президентства Д. Трампа

Данная статья посвящена рассмотрению динамики количественного и качественного состояния военного присутствия США в Южной Корее в период президентства Д. Трампа путем сравнительного анализа статистических данных по группировке американских войск в 2016 и 2019 гг. Автор приходит к выводу, что военное присутствие США в Южной Корее не изменилось количественно, но выросло качественно и еще не достигло целевых показателей, а сами планы могут быть изменены из-за пандемии COVID-19.

***Ключевые слова:** военное присутствие США, Южная Корея, Северная Корея, Индо-Тихоокеанский регион, Д. Трамп, военная стратегия, система противоракетной обороны, Сухопутные силы США, Военно-Воздушные силы США.*

V.A. PALCHENKOV
*Postgraduate Student, Department of International
Relations and Integration Processes, Faculty of Political
Science, Lomonosov Moscow State University*

The state of the US military presence in South Korea during the presidency of D. Trump

* Палченков Владимир Алексеевич, e-mail: vladimir.palchenkov@mail.ru

This article is devoted to the dynamics of the quantitative and qualitative state of the US military presence in South Korea during the presidency of D. Trump by a comparative analysis of statistical data on the grouping of US troops in 2016 and 2019. The author concludes that the US military presence in South Korea has not changed quantitatively, but has grown qualitatively and has not yet reached its targets, and the plans themselves can be changed due to the global COVID-19 pandemic.

Keywords: *US military presence, South Korea, North Korea, Indo-Pacific region, D. Trump, military strategy, missile defense system, US Ground Forces, US Air Force.*

На сегодняшний день система военного базирования США в Южной Корее является второй по размеру из всего американского военного присутствия в АТР. Ее значение, по сравнению с концом XX и первой декадой XXI вв. продолжает возрастать, что обусловлено рядом причин.

1. В течение двух первых десятилетий XXI в. мировой политической и экономической центр, в свете процесса глобализации, смещался в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР, а в американском подходе Индо-Тихоокеанский), что способствовало стремительному развитию ряда региональных стран, прежде всего Китая, который стал рассматриваться как потенциально вторая сверхдержава мира, способная подорвать господство США.

Данное обстоятельство детерминировало американское руководство на рубеже 2000-2010-х гг. переориентировать свою внешнеполитическую и военную стратегию на сдерживание Китая и начать рассматривать Индо-Тихоокеанский регион как главное стратегическое направление для своих вооруженных сил. Так, Национальная военная стратегия США 2015 г., которая была принята в период президентства Б. Обамы, подчеркивала, что именно Азиатско-Тихоокеанский регион является приоритетным для ВС США¹.

2. В 2017 г. Северная Корея испытала два типа межконтинентальных баллистических ракет «Хвасон-14» и «Хвасон-15», которые способны поражать цели на континентальной

¹ The National Military Strategy of the United States of America. 2015. – 24 p. //Washington D.C.: The Joint Chiefs of Staff [Official site]. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/2015_National_Military_Strategy.pdf (дата обращения : 22. 01. 2020).

территории США¹. Это событие еще больше актуализировало для американского руководства потребность в создании системы противоракетной обороны в Индо-Тихоокеанском регионе, а географическая близость американского военного присутствия в Южной Корее к КНДР позволяет на его основе разместить важные элементы данной противоракетной обороны.

3. С приходом к власти Д. Трампа был принят целый ряд новых доктринальных документов – Стратегия национальной безопасности США 2017 года², Обзор ядерной политики 2018 года³, Стратегия национальной обороны США 2018 года⁴ и Индо-Тихоокеанская стратегия Министерства обороны США 2019 года⁵, которые определяли Индо-Тихоокеанский регион как ключевой для Армии США, а американскому присутствию отводилась важная роль в обеспечении военного сдерживания Китая, КНДР и реализации концепции «Быстрого глобального удара». Одновременно с этим в период президентства Д. Трампа американо-китайские отношения вступили в острую фазу, которая в наибольшей степени выражается в торговой войне, начатой американским руководством в 2018 г. А после северокорейских испытаний 2017 г. отношения между США и КНДР вступили в новую турбулентную фазу.

В связи с этим представляется актуальным рассмотреть изменение количественного и качественного состава группировки американских войск, размещенной в Южной Корее, путем сравнительного анализа статистических данных по обозначенной группе на 2016 год и 2019 год. Это позволит выя-

¹ Ланьков А. Ядерная программа Северной Кореи. Как ограничить угрозу// Московский Центр Карнеги, 23.11.2018. [Официальный сайт] URL: <https://camegie.ru/commentary/77662> (дата обращения: 09.06.2020).

² National Security Strategy of the United States, December 2017 – 68 p.// U.S. White House [Official Site] URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

³ Nuclear Posture Review – 98 p.// U. S. Department of Defense [Official Site]. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 25.03.2020).

⁴ National Defense Strategy of the United States of America 2018 (Summery) – 14 p.// Department of Defense – United States of America [Official site] URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> дата обращения 29.01.2020).

⁵ Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region – 56 p. // Department of Defense – United States of America [Official site] URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения 29.01.2020).

вить, как менялось состояние военного присутствия США в Южной Корее с момента дальнейшего расширения доктринального значения данной системы базирования с приходом к власти Д. Трампа в январе 2017 г. и до конца 2019 г., что и является целью данной статьи. Источником статистических данных выступают два бюллетеня Международного института стратегических исследований – The military balance 2017 и The military balance 2020, которые дают наиболее полные статистические данные по американской группе в Южной Корее на 2016 и 2019 гг. соответственно. Также для понимания политических аспектов будут задействованы военные доктринальные документы США.

По итогам рассмотрения статистических данных в обозначенных выше бюллетенях составлена следующая таблица:

Таблица

Статистические данные по численности подразделений, частей, соединений и единиц военной техники Армии США, размещенной на территории Южной Кореи

Подразделения, части, соединения и единицы военной техники	2016 год ¹	2019 год ²
Совокупная численность личного состава Тихоокеанского (с 2018 Индо-Тихоокеанского) командования на территории Южной Кореи	28 500	28 500
Численность личного состава Сухопутных войск США	19 200	19 200
Штаб 8-й армии	+	+
2-я пехотная дивизия	+	+
Артиллерийская бригада	1	-
Бригада ракетных установок залпового огня	-	1
Танковая бригада	1	1
Бригада противовоздушной обороны	1	1
Батальон армейской авиации	1	1
Батарея системы противоракетной обороны THAAD	-	1
Численность личного состава	250	250

¹ The military balance. 2017. // The International Institute for Strategic Studies, vol. 117. issue 1, P. 59.

² The military balance. 2020. // The International Institute for Strategic Studies, vol. 120. issue 1, P. 59.

Военно-морских сил США (7-й флот)		
Численность личного состава Военно-воздушных сил США (7-я армия)	8 800	8 800
Штаб армии	+	+
Авиабаза Осана	+	+
Эскадрилья истребителей, истребителей-бомбардировщиков F- 16C/D	3	3
Эскадрилья штурмовиков A-10 Thunderbolt II	1	1
Эскадрилья разведывательных самолетов U-2S	1	1
Численность личного состава Корпуса морской пехоты США	250	250

На основе данной таблицы можно сделать выводы об по изменении количественного и качественного состава американских войск в Южной Корее:

1. Совокупная численность личного состава всей группировки не изменилась.

2. Произошли качественные изменения в обеспечении сухопутных войск. Артиллерийская бригада была заменена аналогичным подразделением ракетных установок залпового огня. При этом нельзя однозначно оценить степень качественного изменения, так как эффективность артиллерийских и ракетных систем варьируется в зависимости от характера ведения боевых действий. Наиболее качественные улучшения американского военного присутствия в Южной Корее связаны с размещением батареи противоракетной системы THAAD. Это позволяет говорить о расширении системы противоракетной обороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

3. Количественный и качественный состав ВМС, ВВС и Корпуса морской пехоты США не изменились.

При этом Индо-Тихоокеанская стратегия Министерства обороны США 2019 г. предполагает дальнейшее расширение военного альянса между Южной Кореей и США. В первую очередь речь идет о модернизации совместных систем управления и контроля, повышении разведывательного и кибернетического потенциалов, улучшении инфраструктур-

ных возможностей и создании многоуровневой противоракетной обороны¹.

Также отмечается, что США и Южная Корея продолжают сотрудничество в военно-технической сфере для модернизации существующих систем вооружений и их интеграции с целью ведения совместных боевых действий, а наибольшее внимание будет отдано созданию совместной многоуровневой системы противоракетной обороны². Заявляется и о дальнейшей реорганизации военного присутствия США с целью возвращения южнокорейскому государству части земель³, но при этом о сокращении численности группировки речи не идет.

Однако в настоящий момент важно подчеркнуть, что военные доктрины и стратегии в период президентства Д. Трампа разрабатывались и начали применяться до глобальной пандемии COVID-19, которая может оказать существенное влияние на их пересмотр как в сторону их сокращения (из-за экономического кризиса), так и в сторону их увеличения (в свете еще большего обострения отношений с Китаем и Северной Кореей).

Таким образом, на основе вышеизложенного материала, можно сделать следующие выводы.

1. В период с 2016 по 2019 гг. группировка Армии США в Южной Корее не изменилась количественно, но улучшилась качественно (размещение батареи противоракетной системы THAAD), что было обусловлено военно-политической обстановкой в регионе и реализацией военной стратегии.

2. Количественный и качественный состав группировки, обозначенные на основе доктринальных документов, будут улучшаться в рамках создания элементов системы многоуровневой противоракетной обороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Также будет происходить инфраструктурная реорганизация без сокращения численности группировки.

3. Планирование и реализация развития военного присутствия США в Южной Корее могут быть пересмотрены как, в сторону сокращения, так и в сторону расширения.

¹ Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region , p. 24. // Department of Defense – United States of America [Official site] URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения 29.01.2020).

² Ibid., p. 25-26.

³ Ibid., p. 26.

ЧЖАН ЦЗЮНЫИ
*аспирант кафедры политологии Востока ИСАА
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Определение ключевых противоречий в процессе Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции

При одновременном применении индекса сплоченности и индикатора уровня удовлетворенности, мы определили три различных типа участников и три различных типа противоречий в процессе региональной интеграции АТР.

Ключевые слова: интеграция, Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточная Азия, индекс сплоченности, индикатор уровня удовлетворенности.

ZHANG JUNYI
*Postgraduate student of the Department of Political
Science of the East. the Institute of Afro-Asian Studies?
Lomonosov Moscow State University*

Determination of key contradictions in the process of Asia-Pacific regional integration

Using the cohesion index and the satisfaction level indicator simultaneously, we identified three different types of participants and three different types of key contradictions in the process of regional integration of the APR.

Keywords: integration, Asia-Pacific region, East Asia, cohesion index, indicator of satisfaction level.

АТР представляет собой зону сложнейшего переплетения острых геополитических противоречий и конфронтации между великими державами. Поэтому определение ключевых проти-

* Чжан Цзюньи, e-mail: tzar1994@outlook.com

воречий в процессе региональной интеграции является важной задачей.

Многие ученые, например Кейсуке Ида, Петр Фердинанд, Чжу Лицунь, Мао Жуйпэн, Лю Циянь, используют количественные исследования на основе результатов голосования ГА ООН для определения политических отношений между выбранными странами.

Данные голосования ГА ООН имеют несколько преимуществ: во-первых, репрезентативность. ГА ООН является символом принципов демократии и равенства в международных отношениях благодаря правилу ГА, когда каждое государство-член имеет один голос в ГА ООН без права вето и может бескомпромиссно выразить свои взгляды. Во-вторых, открытость. Благодаря созданию единой базы данных по результатам голосований ГА ООН, результаты голосований ГА ООН сейчас доступны для любого исследователя. В-третьих, авторитетность. Все государства-члены ООН являются суверенными государствами, и результаты голосований подсчитываются должностными лицами ООН.

Предметом изучения в данной статье является конфликт интересов между государствами-членами АТЭС (за исключением Перу и Папуа - Новой Гвинеи).

Цель данной статьи – определить ключевые противоречия между участниками процесса Азиатско-Тихоокеанской региональной интеграции.

Индекс сплоченности (ИС) является индикатором, который формируется на основе результатов голосования определенными государствами-членами ООН в Генеральной Ассамблее. В данной статье функция этого индекса – по итогам голосований по различным международным вопросам определить блоки среди выбранных государств-членов ООН. Расчетная формула «индекса сплоченности» следующая: $Z = (X/Y) * 100\%$. Переменная X означает количество совпадающих результатов голосования, а переменная Y – сумму голосов.

Индикатор уровня удовлетворенности (УУ) является показателем, который формируется на основе результатов голосования государств-членов ООН в ГА. Функция индикатора УУ – определить позиции выбранных стран по доле положительных голосов «за» в общем количестве. Чем выше уровень удовлетворенности у страны, тем больше ее согласие с текущей повесткой дня ГА ООН. Если большее количество стран с высоким уровнем удовлетворенности принад-

лежат к развивающимся странам, то чем выше индекс УУ у страны, тем с большей вероятностью ее позиция будет близка к развивающимся странам. Расчетная формула индикатора «уровня удовлетворенности» имеет такой же вид: $Z = (X/Y) * 100\%$. Здесь переменная X означает количество положительных голосов «за», а переменная Y – сумму голосов.

База данных¹ голосования в ГА ООН была создана профессором Эриком Воуеном в Джорджтаунском университете. Чтобы приблизить данные к реальности международных отношений в XXI веке, мы используем данные голосования ГА ООН с 1992 г. по 2018 г.

Результаты вычислений ИС доказали, что США, Россия и Китай являются ядром региональной системы этого региона. В трех странах разные модели голосования. Кроме того, исследование определяет границы сферы влияния: существуют некоторые страны, находящиеся вокруг США, России и Китая, которые поддерживают высокий уровень индекса ИС с этими великими державами одновременно. Определение границ сферы влияния означает, что США, Россия и Китай играют роль центра силы. Но результаты вычислений индекса сплоченности не являются решительными и исключительными доказательствами для определения типов участников, потому что они обладают государственным национальным потенциалом высшего уровня и могут проводить внешнюю политику самостоятельно. Кроме того, они обычно признаются странами этого региона как великие державы.

Если обратим внимание на результаты вычислений индикатора уровня удовлетворенности, то обнаружим, что США являются членом блока развитых стран. Результаты вычислений индикатора уровня удовлетворенности также доказывают, что хотя Китай и Россия принадлежат к развивающимся странам, но по ключевым вопросам, связанным с национальными интересами, интересы Китая и России отличаются от других развивающихся стран. Используя результаты вычислений индикатора уровня удовлетворенности и индекса сплоченности одновременно, мы можем окончательно определить роль США как гегемона, а РФ и КНР как потенциальных лидеров.

¹ United Nations General Assembly Voting Data [Электронный ресурс] // Официальный сайт Harvard Dataverse. -URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7927/H729-8398> (дата обращения: 21.03.2020)

Следовательно, мы можем определить остальные страны этого региона как рядовых участников. Таким образом, мы обнаружили, что существует три типа участников этого региона: гегемон, потенциальные лидеры и рядовые участники.

Благодаря определению трех типов участников в процессе региональной интеграции мы можем опосредованно определить границы геополитических блоков при пользовании УУ и ИС.

В связи с неравномерностью развития Азиатско-Тихоокеанского региона характер участников процесса региональной интеграции неоднороден. Согласно результатам вычислений индикатора УУ, ИС и показателя государственного потенциала, приводимого китайскими учеными¹, участников этого региона можно разделить на две группы по геополитическому фактору: блок развивающихся стран и блок развитых стран.

На основании результатов вычислений ИС и УУ, блок развитых стран состоит из трех групп: Восточноазиатской, Океанической и Североамериканской. А блок развивающихся стран состоит из РФ, КНР и стран АСЕАН.

По результатам расчета УУ мы обнаружили, что первое серьезное противоречие в этом регионе существует между развитыми и развивающимися странами. Развитые страны не удовлетворены повесткой дня Генеральной Ассамблеи ООН, в то время как развивающиеся страны ею очень довольны.

Поэтому противоречие между блоком развивающихся стран и блоком развитых стран является первым противоречием.

Согласно результатам вычислений ИС и УУ, США, РФ, КНР голосуют по-разному, и уровень ИС между РФ и КНР очень высок. Так, Китай и Россия наладили тесные отношения сотрудничества. Уровень ИС между США и РФ, США и КНР очень низок. Поэтому РФ и КНР фактически образуют группу потенциальных лидеров, предложенную Дж. Модельски².

Отсюда противоречие между гегемоном и потенциальными лидерами является вторым противоречием в этом регионе.

Гегемон и потенциальные лидеры обладают желанием и способностью устанавливать региональный порядок, они являются его создателями.

¹ Ян Юань. Управление великими державами в рамках биполярной системы. // *Мировая политика и экономика*, 2015, № 8, p. 29-65.

² *Modelski G. The Long cycle of global politics and the nation-state // Comparative studies in society and history*, 1978, № 20, p. 214-238.

В процессе создания регионального порядка конфликты интересов между создателями регионального порядка и рядовыми участниками неизбежны.

Первой причиной, вызывающей этот вид конфликта интересов, является схема порядка.

В процессе создания регионального порядка создатели предпочитают централизованную схему, а рядовые участники предпочитают децентрализованную схему. Для создателей регионального порядка централизованная схема является целесообразным выбором. А для рядовых участников разумным выбором будет децентрализованный порядок.

Второй причиной, вызывающей этот вид конфликта интересов, является борьба за сферы влияния между гегемоном и потенциальными лидерами.

Обычный способ борьбы за сферы влияния – ценою собственных интересов создателей регионального порядка привлекать на свою сторону рядовых участников. Поэтому в процессе борьбы за сферы влияния рядовые участники будут искать баланс между различными сверхдержавами, чтобы защитить свои интересы. Они начали развивать «дипломатию многосторонности» и «сбалансированную дипломатию»¹. Факты подтверждают, что такая дипломатическая стратегия очень разумна в однополярном мире². Но как только мировая система переходит от однополярности к многополярности, эти стратегии усиливают противоречия между великими державами в этом регионе³. Такие дипломатии рядовых участников будут рассматриваться как нелояльность и приведут к наказанию со стороны создателей регионального порядка.

Третьей причиной, вызывающей этот вид конфликта интересов, является несоответствие прав и обязанностей.

Дэвид Лейк считает, что в международных отношениях существует иерархия⁴. Дж. Икенберри говорил, что иерархические отношения лучше всего рассматривать как договорные отношения, в которых доминирующее государство предостав-

¹ Atkinson J. *Australia and Taiwan: Bilateral Relations, China, the United States, and the South Pacific*. Leiden: Brill, 2013. p.108.

² Balanced diplomacy: Australia's best choice. URL: <http://big5.ftchinese.com/story/001081961?archive> (Дата обращения: 20.05.2020)

³ Ван Цзюньфэн. Исследование взаимоотношений Тайваня и стран АСЕАН после холодной войны. Пекин: Издательство Цзючжоу, 2014, с. 117.

⁴ Lake D. *Hierarchy in International Relations*. Cornell University Press: Ithaca and London, 2009. p. 46.

ляет «услуги» – такие как порядок, безопасность и управление – подчиненным государствам в обмен на согласие¹. Поэтому распределение интереса в иерархических отношениях является неравномерным.

Роберт Кеохейн считает, что для поддержания гегемонистской системы гегемон должен позволить рядовым участникам платить меньше за международную безопасность и глобальное управление, чем гегемон². Несоответствие прав и обязанностей между рядовыми участниками и создателями регионального порядка будет постепенно влиять на здоровое развитие гегемонистской системы и подталкивать ее к краху³. По этой причине противоречие между создателями регионального порядка и рядовыми участниками будет существовать вечно.

Отсюда противоречие между создателями регионального порядка и рядовыми участниками является третьим противоречием в этом регионе.

При применении ИС и УУ мы обнаружили, что статус политических отношений между странами АТР является сложным объектом исследования. Поэтому при оценке политических отношений, чтобы усовершенствовать научность количественного исследования по региональной интеграции должны совместно применяться множественные показатели.

С помощью применения индекса сплоченности и индикатора уровня удовлетворенности мы определили три различных типа участников и три различных типа противоречий в процессе региональной интеграции АТР. Сравнивая результаты вычислений двух индикаторов и ситуацию в мире, мы пришли к выводу: количественный метод в области регионального исследования на основе результатов голосования ГА ООН является перспективным методом.

¹ Hierarchy in International Relations. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/2009-12-19/hierarchy-international-relations> (Дата обращения: 19.11.2020)

² Мир, США и Китай: международные отношения нового века и исследование международной стратегической теории. Пекин: Издательство Цинхуаского Университета, 2003. С. 326.

³ *Keohane R.* After hegemony: cooperation and discord in world political economy. Princeton: Princeton University Press, 1984, p. 38-46.

Ю.С. ВАСИЛЬЕВ

*действительный член РАН, доктор технических наук,
профессор, научный руководитель
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого**

З.З. БАХТУРИДЗЕ

*доктор политических наук, профессор Высшей школы
международных отношений Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого***

Категория «безопасность» в глобальном измерении

**(Рецензия на монографию доктора философских
наук профессора И.Ф. Кефели «Асфатроника: на пути
к теории глобальной безопасности»)**

В рецензии рассматривается монография философа И.Ф. Кефели, посвященная анализу глобальных рисков современного мира, а также авторскому видению и обоснованию нового научного направления, предметом которого является глобальная безопасность. Предложенная автором позиция о том, что императивы глобальной безопасности выходят за пределы международных отношений и претендуют на управление глобальными рисками в условиях становления шестого технологического уклада и промышленной революции 4.0, заслуживает серьезного внимания и представляет большой интерес для широкого круга исследователей.

***Ключевые слова:** глобалистика; безопасность; эволюция; искусственный интеллект; биосфера; киберпространство; промышленная революция.*

Yu.S. VASIL'EV

***Full Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of
Sciences (Engineering), Professor Scientific Director of
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University***

* Васильев Юрий Сергеевич, e-mail: interserv@spbstu.ru

** Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, e-mail: bahtur_zz@spbstu.ru

Z.Z. BAHTURIDZE

**Professor of the Higher school of international relations,
doctor of political science, Peter the Great Saint-
Petersburg Polytechnic University**

Category "security" in the global dimension

**(Review of the monograph by Professor Igor Fedorovich
Kefeli, Doctor of Philosophy "Asphatronics: on the way to
the global security theory")**

The review considers the monograph of the philosopher I.F. Kefeli, devoted to the analysis of global risks of the modern world, as well as the author's vision and substantiation of a new scientific direction, the subject of which is global security. The position proposed by the author that the imperatives of global security go beyond international relations and claim to manage global risks in the context of the emergence of the sixth technological order and Industrial Revolution 4.0 deserves serious attention and is of great interest to a wide range of researchers.

Keywords: *global studies; safety; evolution; Artificial Intelligence; biosphere; Cyberspace; industrial Revolution.*

Среди трудов, посвященных проблеме безопасности, вышедшая в свет монография известного российского ученого Игоря Федоровича Кефели «Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности»¹ выгодно отличается комплексным подходом и концептуальным характером исследования. Глобальная неопределенность, ставшая по сути определяющим элементом системы современных международных отношений, провоцирует не только поиск новых ответов на значимые для человечества вопросы, она ведет к появлению новых концептуальных подходов и формированию новых парадигм.

Поэтому появление такой работы, с одной стороны, событие должное и закономерное, с другой – неожиданное и в определенной мере провокационное. Памятуя слова Оноре де Бальзака о том, что ключом ко всякой науке является вопросительный знак, следует задаться вопросом: а возможна ли глобальная безопасность как таковая? Каковы

¹ Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: Монография. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. — 228 с.

условия ее формирования? Внимательное и осмысленное прочтение данной монографии предложит не только ответы на эти вопросы, но и расширит представления о пространстве научных изысканий в этом направлении.

С первых страниц становится очевидной приверженность автора к пониманию «общих принципов организации эволюционного целого», которое «имеет большое значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей»¹.

Действительно, сложно не согласиться с выводом П.А. Цыганкова о том, что «сфера международных отношений представляет собой своего рода стохастическую вселенную, картину причудливого переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер, поэтому их описания и объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативности, исключения случайности неплодотворны»².

Как известно, нелинейность, открытость, саморегуляция, саморазвитие, диссипативность – это основные критерии синергетического измерения. Синергетика, выступающая в качестве парадигмы эволюции и самоорганизации сложных систем, безапелляционно заявляет, что на практике многие усилия оказываются тщетными, а иные даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем, так как этим системам нельзя просто навязывать пути их развития, скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям развития, а «общество и разум должны «вписаться» в объективные закономерности биологического круговорота биосферы»³.

Синергетика свидетельствует о том, что для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития. Синергетика утверждает: природа политических кризисов многогранна, а политическая сфера, сфера меж-

¹ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени // Вопросы философии, 1989, № 8, с. 18.

² Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений // URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Polit/cugan/tsygankov_p_politicheskaya_sotsiologiya_mejdunarodnyh_otnoshenii_politologii.php

³ Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020, с. 103.

дународных отношений, будучи многоуровневыми системами, весьма восприимчивы к резонансным явлениям.

Отмечая необходимость формирования новой научной картины мира, И.Ф. Кефели подчеркивает, что она должна включать «представления об атрибутивной принадлежности феномена безопасности сложноорганизованным системам»¹. В контексте формирования теории глобальной безопасности совершенно логичным и последовательным является обращение исследователя к феноменам «нелинейности развития, нестабильности, стохастичности, диссипативных структур, бифуркации, синергии и т. п.»², так как они интегрируют проблемное поле не только технических и природных, но и социальных систем.

Существуют явления настолько многозначные и многоуровневые, что общее определение становится практически невыполнимой задачей. Феномен безопасности – один из примеров подобных сложностей. Представляется вполне уместным и своевременным введение И.Ф. Кефели в теорию глобалистики нового термина – «асфатроника», ведь как совершенно верно отмечается, «активность природопреобразующей деятельности человека стала сопоставимой с биогеохимическим потенциалом Земли» и необходима фундаментальная трансформация мышления, «результатом которой должно стать «целостное мировоззрение» – гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, способное к развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем»³.

Другими словами, новая эпоха требует новых подходов, а результаты комплексного анализа демонстрируют, что масштабные изменения в окружающей среде, в экономической сфере, в социально-политической области могут привести к опустошению биосферы. Между тем «если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, жизнь (биосфера) сама все поставит на свои места»⁴.

Сложно не согласиться со словами автора и о том, что одним из ключевых направлений обеспечения глобальной безопасности, «которое должно основываться на критическом

¹ Кефели И.Ф. Указ. соч., с. 10.

² Там же.

³ Там же, с. 20.

⁴ Чумаков А.Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации, 2008, № 2, с. 94.

управлении эволюционными процессами в биосфере», должен стать «поиск путей обеспечения экологической безопасности», но вместе с тем «глобальную безопасность следует рассматривать, не ограничиваясь только экологической проблематикой и международными отношениями. Она охватывает все многообразие функций и структур обеспечения саморазвития, устойчивости, надежности, безопасности существования био-, социо-, когно- и техносферы»¹.

Рассуждая о глобальных вызовах, автор ссылается на данные ООН, которые были озвучены в обращении к Генеральной Ассамблее ООН Генерального секретаря в начале 2020 г. – «эпическая геополитическая напряженность, климатический кризис, глобальное недоверие и технологические недостатки – могут поставить под угрозу наше общее будущее», и аналитические расчеты глобальных рисков Давосского клуба «The Global Risks Report 2020», указывающие на то, что впервые за 15 лет «наиболее высока вероятность проявления группы экологических рисков по всем пяти показателям (экстремальные погодные условия, климатические сбои, природные катаклизмы, утрата биоразнообразия и антропогенные экологические катастрофы)»². По мнению профессора И.Ф. Кефели, «трагические события, связанные с пандемией коронавируса, настоятельно призывают к необходимости принятия решительных действий в обеспечении глобальной безопасности и совершенствовании глобального управления»³.

С учетом вышеизложенного, мысль о формировании «теоретико-методологических оснований науки о глобальной безопасности», «нового научного направления в исследовании проблем глобальной безопасности – безопасности существования, развития и функционирования биологических (биосферных), социальных и больших технических систем, которым присущи общие закономерности и, соответственно, аналогичные технологические решения»⁴, напрашивается сама собой.

Весьма интересным представляется выделение автором такого незримого источника глобальных рисков, как искусственный интеллект. Предостерегая человечество от потенциальных угроз, которые несет в себе все более активное

¹ Кефели И.Ф. Указ. соч., с. 164.

² Там же, с. 38.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 40.

развитие и применение искусственного интеллекта, исследователь отмечает, что «современная социальная диалектика рисков и безопасности глобального мира все более явственно «склоняется» к утверждению приоритета мер безопасности по отношению к существующим и ожидаемым рискам. А это – и критическое управление эволюцией биосферы, и «Интернет вещей» (хорошо бы еще создать «Интернет их ликвидации»), и социальный кредит (или контроль – кому как нравится) и т. д.»¹.

Очевидно, что вопросы обеспечения безопасности являются базовыми в системе человеческих потребностей, ценностей и приоритетов, поэтому они имманентно актуальны всегда. Но также представляется неоспоримым тот факт, что новый мир, со всеми его особенностями, формирующимися закономерностями, трендами, требует новых теорий для понимания и объяснения процессов, заполняющих его пространство. Ценность и значимость труда И.Ф. Кефели заключается в том, что он обозначил авторскую интерпретацию концепции глобальной безопасности с учетом наличия глобальных рисков, как очевидных, так и потенциально возможных, но пока незримых и не вполне осознаваемых. Памятуя, по всей видимости, о том, что «настоящее состояние системы определяется не только её прошлым, но и формируется из будущего»².

Размышления о специфике информационного пространства, в котором осуществляется геополитическое противостояние в современном мире, привели автора к пониманию того, что «с развитием информационно-коммуникационных технологий информационно-психологические операции трансформировались в кибероперации в глобальном информационном пространстве, сохраняя при этом собственно психологическую компоненту влияния на когнитивную деятельность человека»³.

Исследователь выделяет киберпространство как «пятое измерение» войны в качестве ключевого звена гибридной войны, утверждая также, что «гибридная война по своей сути носит глобальный характер». Более того, в монографии заявляется о «шестом измерении» глобальной войны и глобальной безопасности, которое «охватывает внутренний мир че-

¹ Там же, с. 52.

² Пригожин И.Р. Переоткрытие времени // Вопросы философии, 1989, № 8, с. 18.

³ Кефели И.Ф. Указ. соч., с. 63.

ловека, его чувства, эмоции, мысли, мировоззрение, индивидуальное и общественное сознание»¹. Действительно, информационно-психологическое воздействие ставит под угрозу «цивилизационный код, образцы материальной, духовной и социальной культуры». Но самое страшное – в непоправимости, ведь даже когда «по прошествии многих лет люди начинают понимать, что прежнее их восприятие текущих событий было ложным», «изменить последствия этого уже невозможно»².

Учитывая данные риски, в контексте противостояния им, автор отмечает два важных момента: «перспективность моделирования геополитической динамики на основе методов теории игр» и «своевременность включения в геополитический дискурс представлений о глобальном информационном поле (пространстве), которое выступает сферой не только военного, но и информационно-психологического противостояния»³.

С одной стороны, дискуссионной, но с другой – весьма перспективной представляется мысль о том, что информационно-психологическое противоборство в киберпространстве «на основе теоретико-игрового моделирования взаимодействия государств и их коалиций будет разрешаться благодаря математическому объяснению справедливости, индивидуальных и общих интересов»⁴. Между тем совершенно бесспорными представляются выводы о том, что «война идей и ценностей переместилась в киберпространство» и возникает «необходимость разработки теоретико-методологических оснований и стратегии глобальной безопасности в условиях <...> разворачивающейся промышленной революции 4.0»⁵.

Учитывая изменившиеся средства и инструменты ведения войны в информационном пространстве, автор подчеркивает, что на направлении главного удара находятся «мысли и чувства человека, его мировоззрение, идейные ценности, установки, ориентиры»⁶. Это понимание формирует жизненную необходимость «закладывать смысловые ориентиры партнерства, объединяющие интересы народов разнородного

¹ Там же, с. 78.

² Там же, с. 79.

³ Там же, с. 80.

⁴ Там же, с. 85.

⁵ Там же, с. 141.

⁶ Там же, с. 142.

цивилизационного социума Евразийского континента» при реализации проекта Большого Евразийского партнерства¹.

Далее в работе затрагиваются несомненно важные вопросы, связанные со способами ведения гибридной войны, среди которых, в частности: «замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества»; фальсифицирование истории страны – объекта агрессии; десаκραлизация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны – объекта агрессии². Вместе с тем особенно фатальным в условиях информационно-идеологической войны, по мнению автора, становится отсутствие официальной (государственной) идеологии³. Есть о чем всерьез задуматься и вовремя принять решительные меры, прежде всего, через систему социально-гуманитарного образования. Остается только приветствовать авторский тезис о том, что основными формами поддержки государством этой сферы противостояния информационно-идеологической агрессии должны стать «академические свободы, отсутствие или минимальная степень бюрократизации процесса развития научного знания»⁴.

В монографии уделяется достаточное внимание такой достойной для осмысления и обсуждения теме, как идеология глобального гуманизма, где, с одной стороны – «вся человеческая деятельность, культура во всех своих проявлениях все более ориентируется на выживание человека в окружающей среде», а с другой – упомянутая идеология основывается «на диалоге культур и утверждении пострадавших человечеством принципов справедливости, равенства, свободы»⁵. Это дает основу для понимания глобальной безопасности, которая «предстает как состояние защищенности системы международных отношений и экологической ситуации от угроз, способных дестабилизировать обстановку в мире и вызвать кризис общепланетарного масштаба», и приводит к утверждению о необходимости предпринимаемых усилий в целях создания «основ теории безопасности, исходя из <...> понимания безопасности как состояния защищен-

¹ Там же.

² Там же, с. 147-148.

³ Там же, с. 150.

⁴ Там же, с. 152.

⁵ Там же, с. 156.

ности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности¹.

В своих выводах И.Ф. Кефели отмечает, что «глобальная безопасность – это глобальное управление в действии и в режиме реального времени», а «исследования глобальной безопасности непосредственно связаны с признанием наступления новой геологической эпохи – антропоцена и с обоснованием теоретического статуса асфатроники как теории глобальной безопасности»². Особенно подчеркивается, что кризис, связанный с пандемией коронавируса «четко обозначил смену эпохе глобализации: на смену эпохи Глобализация 1.0, которая представляла собой 30-летнюю историю становления глобального мира, наполненного оптимистичными новостями об усилении планетарного единства, приходит эпоха Глобализация 2.0, открывающая новую страницу истории, которая наполнена глобальными рисками»³.

В этой связи, и памятуя об утверждении автора о том, что основой комплексного решения проблем глобальной безопасности являются критические технологии⁴, можно лишь предположить, что становление асфатроники повлечет за собой целый ряд прикладных исследований, в рамках которых будут зарождаться новые идеи «о явлениях, эффектах, законах и закономерностях, имеющих прикладное значение». Это значит, что у данной работы – большое будущее в контексте научного познания.

Ценность исследовательской работы И.Ф. Кефели подчеркивается ещё и осознанием того, что ни один подход не в силах объяснить всю сложность современного мира, но «при наличии целого арсенала противоречивых идей мы гораздо лучше подготовлены, чем при обладании одной общепринятой теорией», ведь «конкуренция теорий позволяет выявить их сильные и слабые стороны, посодействовать их усовершенствованию и в то же время найти ошибки в традиционных научных знаниях», и надо лишь «следить за тем, чтобы новаторский поиск преобладал над дрязгами...»⁵.

¹ Там же, с. 157.

² Там же, с. 172.

³ Там же, с. 173.

⁴ Там же, с. 162.

⁵ Уолт С.М. Международные отношения: мир один, теорий много // Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия: в 3 т. Т.1 / гл. ред. И.С. Иванов. М.: НП РСМД, 2015, с. 44.

ПАМЯТИ БУДАНОВОЙ Марии Александровны

Эта страница посвящается – доктору философских наук профессору, академику Академии политической науки; заведующей кафедрой теоретической и специальной социологии Института социального-гуманитарного образования, ушедшей от нас 12 января 2021 г.

М.А. Буданова – признанный специалист в области социологии управления, социального партнерства и самоуправления.

М.А. Буданова родилась 17 января 1946 г. в г. Москве. Вся трудовая жизнь Марии Александровны Будановой была связана с МПГУ, порог которого она переступила в 1964 г., став студенткой исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина в английской спецгруппе (1964-1969), который закончила с отличием. Затем поступила в аспирантуру по кафедре научного коммунизма (1971-1974). Одновременно принимала участие в социологических эмпирических исследованиях на кафедре в научной лаборатории ЛАЗУРС, которая входила в состав кафедры научного коммунизма, занималась вопросами сбора, обработки и анализа социологической информации. Будучи великолепным организатором, она выполняла любое дело качественно и в кратчайшие сроки. Защитила кандидатскую диссертацию «Формирование сознательной дисциплинированности личности» (1975) и докторскую диссертацию «Проблемы становления самоуправления на производстве» (1992).

М.А. Буданова была инициатором создания кафедры социологии, затем кафедры теоретической и специальной социологии. Она стала ее руководителем и хранителем. Под её руководством на кафедре сложился сплоченный коллектив единомышленников, объединивший как опытных докторов и профессоров (15 докторов наук), так и молодых преподавателей, многие из которых закончили факультет социологии, экономики и права (11 выпускников факультета).

Мария Александровна многие годы являлась членом Президиума Совета УМО по классическому университетскому образованию в области социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью; членом экспертного совета ВАКа РФ по философии, социологии и культурологии, членом редколлегии журнала «Социология образования».

Под руководством Марии Александровны были защищены 42 кандидата и 15 докторов наук. За большую научно-педагогическую работу она была награждена многими наградами, в их числе: «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2006); знаком «За развитие научно-исследовательской работы студентов» Министерства образования РФ (2003); Почетным знаком МГУ им. М.В. Ломоносова «За вклад в развитие социологического образования в России» (2009) и др.

Будановой М.А. опубликовано более 130 научных и учебно-методических работ. Она автор многочисленных статей, а также

инновационных программ, которые используют преподаватели в учебном процессе.

Мария Александровна была счастливым человеком в семейной жизни. 40 лет рядом с ней был заботливый муж, друг и единомышленник, соавтор по ряду публикаций – Юрий Сергеевич Коноплин – профессор, доктор политических наук, работающий на ее кафедре 25 лет. Её дочь и внучка также связали свою деятельность с социологией.

Светлая Вам память и безграничные слова благодарности!

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:
 - Код УДК (посмотреть точный код УДК можно по ссылке <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (учебы); должность на русском и английском языках; адрес электронной почты; контактные телефоны.
- Объем статей не должен превышать:
 - 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;
 - 17 страниц для соискателей степени доктора наук.
- Название статьи на русском и английском языках;
- Аннотации (не более 5-7 строк) и ключевые слова (5-8 слов) на русском и английском языках;
- Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003-2007), межстрочный интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);
 - ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегель 10);
 - таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.
- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы. К статьям должен прилагаться скриншот из программы Антиплагиат (оригинальность статьи по системе <http://www.antiplagiat.ru> должна быть не менее 75%.);
 - Статьи в редакцию направлять в печатном и электронном варианте.
 - Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала (питология, философия, социология).
 - Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
 - Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
 - Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.
 - Рукописи не возвращаются.

Уважаемые авторы, в целях экономии времени следуйте правилам оформления статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Работы, которые не отвечают указанным требованиям оформления, к рассмотрению не принимаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер во 1-м полугодии 2021 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the journal must be executed in accordance with the following rules:

- Necessary information about the author:
 - UDC Code (See the exact UDC code at link <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Surname, first name, middle name in full; academic degree; academic status; place of work (study); position in Russian and English; e-mail address; contact phones.
- The volume of articles should not exceed:
 - 7 pages for candidates degree;
 - 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.
- Title of the article in Russian and English;
- Annotations (no more than 5-7 lines) and keywords (5-8 words or phrases) in Russian and English;
 - Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), line spacing 1.5, kegl 14, "Arial" font on one side of the sheet, formatting by width (fields: upper and lower - 2, left - 2.5, right - 1.5);
 - references (footnotes) are given at the end of each page (size 10);
 - tables, schemes, charts have to be executed black and white and be followed by through numbering.
- Articles have to be followed by the certified review (response) of the expert and the recommendation of department of the place of work (study). The articles should be accompanied by a screenshot from the Antiplagiat program (The originality of the article on the system <http://www.antiplagiat.ru> should be not less than 75%.);
 - Send articles to the editorial office in printed and electronic version.

- The content of the article should correspond to the topic of the journal (Political science, philosophy, sociology).
- The decision to publish is made within 30 days from the date of registration of the article in the edition.
- The authors are responsible for the accuracy of the given facts, quotes and other data. The opinion of the editorial office of the magazine may not coincide with the position of the authors of publications.
- The editorial board reserves the right to scientific editing of articles.
- Manuscripts are not returned.

Dear authors, in order to save time, follow the rules for writing articles. The article may be sent to the authors for revision or rejected on both formal and scientific grounds. Selection criteria are profile compliance, novelty, relevance and validity of results. Works that do not meet the specified requirements of registration are not accepted for consideration. It is not allowed to send to the editorial office works that have been published and/or accepted for printing in other publications.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website www.ural-press.ru or by phone **8 (499) 700-05-07.**

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue "**Press of Russia**").

The subscription price for one issue in the 1-half of 2021 – 300 rubles, free of control price for sale..

Subscription to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

Подписано в печать 22.01.2021 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 23,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов